

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Арҗамак

ТАТАРСТАН

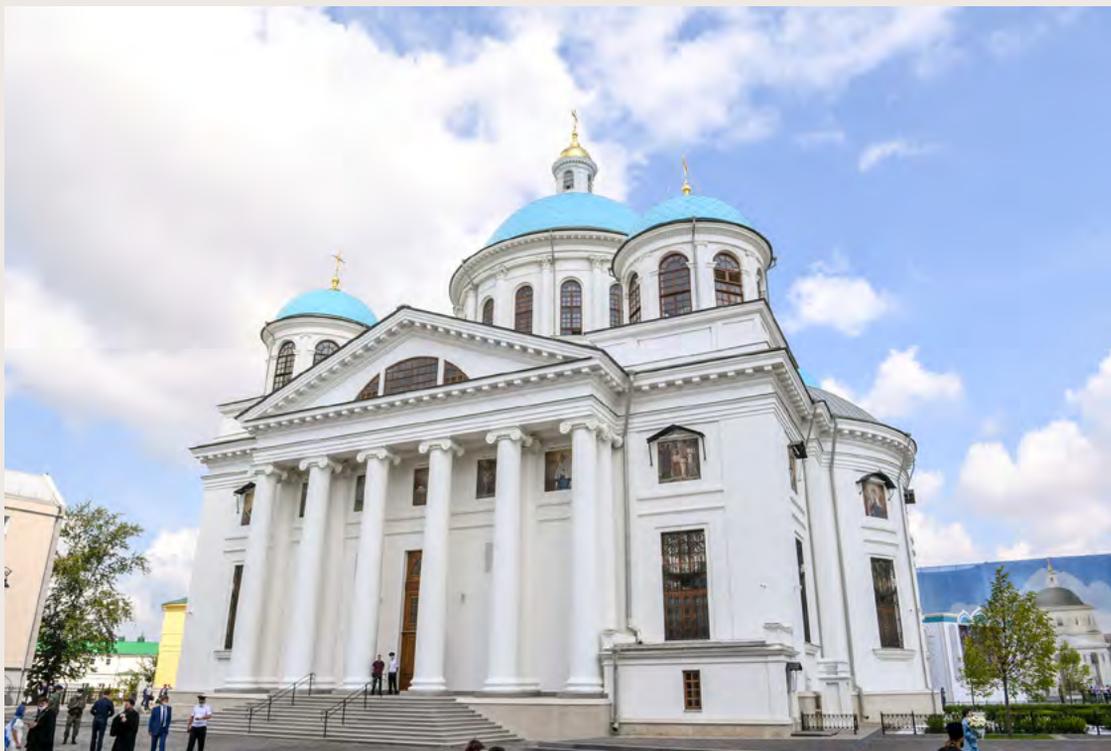
12+

№2 (34)

СЕНТЯБРЬ 2021

Освящение воссозданного собора Казанской Иконы Божией Матери
Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом
21 июля 2021 года

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Основан в августе 2009 года

*Главный редактор
Алешков Николай Петрович*

№ 2(34) • СЕНТЯБРЬ • 2021

*Жаждающие новых территорий
Для бейсбола, регби или гольфа,
Почитайте парочку историй
Про Наполеона и Адольфа.
Поумерьте пыл парадной меди!
Отвечать за глупости придётся!
Не будите русского медведя –
Может быть, тогда и обойдётся...*

*Константин Фролов,
стр. 3*

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Василенко Светлана Владимировна – первый секретарь

Правления Союза российских писателей;

Салимгараев Айдар Саятгареевич – руководитель республиканского

агентства по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа»;

Крупин Владимир Николаевич – русский писатель, академик,

член Президиума Академии Российской словесности;

Руденко Гульзада Ракиповна – генеральный директор

Елабужского Государственного музея-заповедника;

Суворов Виктор Семёнович – директор Набережночелнинского технологического

техникума, профессор, доктор педагогических наук.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Бабаев А. Н. – председатель попечительского Совета Русской православной церкви
в Набережных Челнах, член Союза российских писателей (Набережные Челны);

Гайнетдинов Р. Б. – заведующий отделом Департамента Президента
Республики Татарстан по вопросам внутренней политики (Казань);

Данильева Г. А. – старший научный сотрудник Дома-музея Марины Цветаевой, член Союза
писателей Москвы (г. Москва);

Ермаков В. А. – заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России (Орёл);

Иванов А. Н. – директор Библиотеки Серебряного века в Елабуге, лауреат Всероссийского
конкурса «Культурная мозаика малых городов и сел»;

Кан Д. Е. – член Союза писателей России (Оренбург);

Кузьмичева-Дробышевская О. В. – член Союза российских писателей (Набережные Челны);

Милованов В.Н. – кандидат физико-математических наук, доцент (Набережные Челны)

Морозов Г. С. – член Союза писателей России (Касимов, Рязанская обл.);

Муратов П. Ю. – публицист, предприниматель, кандидат наук (Новосибирск);

Переяслов Н. В. – секретарь правления Союза писателей России (Москва);

Петров А.Н. – заслуженный строитель РФ, председатель общественной организации
«Челнинское землячество» (Набережные Челны);

Рачков Н. Б. – секретарь правления Союза писателей России (Тосно, Ленинградская обл.);

Сахибзадинов А. Ф. – член Союзов писателей России и Татарстана;

Чванов М. А. – президент Международного Аксаковского фонда,
член Союза писателей России (Уфа).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС77-58009 от 08 мая 2014 г.

выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Заместитель главного редактора – Александр Воронин

Технический редактор – Сергей Алешков

Дизайнер-верстальщик – Виталий Павлов

Художник – Ольга Белова-Недовизий

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

КОНСТАНТИН ФРОЛОВ

НЕ БУДИТЕ РУССКОГО МЕДВЕДЯ

Милые заморские соседи,
Сытые, вальяжные, как боги,
Не будите русского медведя.
Пусть он мирно спит в своей берлоге.

Не мешайте царствовать и править,
Есть и пить, покуда сердце бьётся.
Вы себе не можете представить,
Чем для вас всё это обернётся!

Вы уже не раз его пинали,
Унижали, посыпали пылью,
На берёзе русской распинали,
Жгли огнём и в омуте топили.

И когда уверенность в победе
Доводила вас до сладкой дрожи,
Рык утробный русского медведя
Раздавался вдруг у вас в прихожей.

Что ж вам, братцы, дома не сидится?
Так и тянет, прилетев на запах,
Щедрую российскую землю
Взять и отобрать у косялапых!

Сколько лет мыслишкой лукавой
Ваши переполнены газеты,
Мол, «какое мы имеем право
На одну шестую часть планеты!?»

Мы сюда пришли по божьей воле,
Честь свою ничем не замарали.
И не вам судить о нашей доле!
Мы своё богатство не украли.

Наши нерушимые основы –
Паруса, полозья да подковы,
Беринги, Хабаровы, Дежнёвы,
Ермаки, Поярковы, Зайковы.

Дамы, господа, синьоры, леди,
За черту ступая ненароком,
Не дразните русского медведя:
Ваше баловство вам выйдет боком.

Вы его обманете стократно,
В кабаке обчистите до нитки,
Ведь у вас любая милость – платна,
Ваши боги – золотые слитки.

Ваше кредо – разделяй и властвуй,
Ваша правда – это правда Силы.
Вы привыкли восседать над паствой,
Неудобных одарив могилой.

А вот русский в каждом видит брата,
Не приемля скаредность и лживость.
Для него всего важнее – Правда,
А всего дороже – Справедливость.

Потому со дна любого пекла,
Где никто другой не сможет выжить,
Русский вдруг поднимется из пепла,
Из трясины и дорожной жижи.

Выветрит угар кровавой битвы,
В чистом роднике омоет очи,
Пред иконою прочтёт молитвы...
И придёт к вам в дом однажды ночью.

Весь пропахший порохом и кровью,
Поведа вокруг усталым взором,
Он замрёт у вас над изголовьем
И в глаза посмотрит вам с укором.

И пока вы свет не погасили,
Спросит он, бывшее подытожив:
— Ты зачем пришёл ко мне в Россию?
Или я тебе чего-то должен?

Вы поймёте, что пришла расплата.
Но платить, как оказалось, нечем.
Русский бы простил, наверно, брата.
Только ж вы не брат ему, а нечисть.

И душонку, сжавшуюся в плоти,
Теребя под хмурым взглядом гостя,
Вы тысячекратно проклянёте
Глупую идею «Дранг нах Остен».

Жаждающие новых территорий
Для бейсбола, регби или гольфа,
Почитайте парочку историй
Про Наполеона и Адольфа.

Поумерьте пыл парадной меди!
Отвечать за глупости — придётся!
Не будите русского медведя.
Может быть, тогда и обойдётся.

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

ГРАЖДАНСКИЕ МОТИВЫ

Я ни в бандах, ни в партиях не был,
И с закваской славянской в крови
Уповаю на Землю и Небо –
На истоки вселенской любви.
И, причастностью к слову владея,
Верю «Тихому Дону» вполне –
Кто за волю, а кто за идею
Погибал на гражданской войне.
Толерантностью я не страдаю,
Русский квас, а не колу люблю.
Я по-русски смеюсь и рыдаю,
И о милости божьей молю.

Я родился в советской России.
Кто-то скажет: квасной патриот...
Развалили, меня не спросили,
Всех республик надёжный оплот.
Про советскую власть настрочили
Много всякого (я в том числе),

Но учили меня и лечили
Не за деньги на отчей земле.
С властью спорил. И рот затыкала
Мне цензура за взгляды на мир.
Но бесплатно — ни много, ни мало –
Поменял я с десяток квартир.
Мне хватало — и спорить не надо,
Сочинитель, душой не криви! –
И отцовского строгого взгляда,
И святой материнской любви...
Помню детства счастливые годы
В нашем послевоенном селе:
Воля вольная выше свободы
На всеобщей колхозной земле.
Жив отец, и за нами — Победа!
Песни пой, ни о чём не тужи,
Но и помни — судили соседа
За три пуда украденной ржи...

Величавой походкой коровы
Шли из стада домой вечером,
И бесплатно солдатские вдовы
Нас поили парным молоком.
Не ослепла она, не оглохла,
Наша память — не рвите рубах!
До сих пор молоко не обсохло
У погодков моих на губах...

Что же ныне? Окошко в Европу
Для того ль прорубил государь,
Чтобы девки гламурная попа
Там торчала — хоть плёткой ударь?!
Чтоб на Невский проспект, на Тверскую
По обломкам берлинской стены

Повалили, по-хамски ликуя,
Гей-парады — привет Сатаны?
Кто пустил вакханалию эту
Пировать на отцовской земле?
Иль мужей государственных нету
В самом главном — Московском — Кремле?

Я росой луговой умылся,
Я крестьянскою вольницей зван!..
За Отечество здравого смысла
Поднимаю гранёный стакан!
За Россию! За нашу Победу!
За порядок в семье и в стране!
А в Америку я не поеду.
Не хрен делать в Америке мне!

ОСВЯЩЕНИЕ ВОССОЗДАННОГО СОБОРА

21 июля 2021 года, в праздник явления иконы Пресвятой Богородицы во граде Казани (1579), Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл прибыл с однодневным Первосвятительским визитом в Татарстанскую митрополию.

Из аэропорта г. Казани имени Габдуллы Тукая Предстоятель Русской Православной Церкви направился в Казанский Богородицкий мужской монастырь, на территории которого воссоздан собор Казанской иконы Божией Матери на месте обретения чудотворного образа Пресвятой Богородицы.

Перед началом освящения воссозданного собора, после молебного пения в Благовещенском соборе Казанского кремля, состоялся крёстный ход в Казанский Богородицкий монастырь с чтимым списком Казанской иконы Божией Матери, переданным в Казань из Ватикана в 2005 году. Перед иконой был прочитан акафист. В новом соборе Казанский образ помещён в иконостасе правого придела под специально изготовленной сенью. Здесь икона будет пребывать постоянно. Рядом с чтимым списком Казанской иконы будет храниться серебряная риза, в которой до 1904 года находилась чудотворная икона Пресвятой Богородицы, явленная в Казани в 1579 году.

По прибытии в собор Святейший Патриарх Кирилл прошёл в правый придел и поклонился чтимому списку Казанской иконы Божией Матери. Затем он совершил чин великого освящения двух престолов воссозданного собора — главного в честь Казанской иконы Божией Матери и левого в честь благоверного князя Александра Невского. В завершение чина великого освящения, Святейший Владыка возглавил крёстный ход с частицами мощей вокруг собора. Затем Святейший Патриарх совершил Божественную литургию в новоосвященном соборе.

Его Святейшеству сослужили: митрополит Воскресенский Дионисий, управляющий делами Московской Патриархии; митрополит Анастасий (Меткин); митрополит Йошкар-Олинский и Марийский Иоанн; митрополит Казанский и Татарстанский Кирилл; митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий; митрополит Екатеринбургский и Верхотурский Евгений, председатель Синодального отдела религиозного образования и катехизации; епископ Альметьевский и Бугульминский Мефодий; епископ Елабужский Иннокентий, викарий Казанской епархии; иеромонах Кирилл (Корытко), секретарь Татарстанской митрополии; архимандрит Алексей (Туриков), личный секретарь Святейшего Патриарха Кирилла; игумен Марк (Виленский), наместник Казанско-Богородицкого мужского монастыря; иеромонах Роман (Модин), настоятель Новоиерусалимского Архиерейского подворья г. Казани, председатель епархиального отдела по работе с медицинскими учреждениями; духовенство Казанской епархии.

Богослужение посетили: председатель Совета Федерации ФС РФ В.И. Матвиенко; полномочный представитель Президента РФ в Приволжском федеральном округе И.А. Комаров; президент Республики Татарстан Р.Н. Минниханов; государственный советник Республики Татарстан, председатель Попечительского совета Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан М.Ш. Шаймиев; председатель Государственного Совета Республики Татарстан Ф.Х. Мухаметшин; начальник Генерального штаба Вооружённых сил РФ — первый заместитель министра обороны РФ В.В. Герасимов; мэр г. Казани И.Р. Метшин; председатель Духовного управления мусульман Республики Татарстан муфтий Камиль хазрат Самигуллин; председатель Центрального духовного управления мусульман России верховный муфтий шейх-уль-ислам Талгат Таджуддин; председатель Духовного собрания мусульман России, муфтий Духовного управления мусульман г. Москвы и Центрального региона «Московский муфтият», муфтий Духовного управления мусульман Чувашской Республики Альбир хазрат Крганов; митрополит Московский и всея Руси Корнилий и епископ Казанско-Вятский Евфимий (Русская Православная Старообрядческая Церковь); представители государственных структур и общественности, члены Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан

За Литургией молились председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ, временно исполняющий обязанности руководителя Пресс-службы Патриарха Московского и всея Руси В.Р. Легойда, председатель Экспертного совета по церковному искусству, архитектуре и реставрации протоиерей Леонид Калинин, благодетели и строители воссозданного собора.

Богослужebные песнопения исполнили архиерейский смешанный хор Благовещенского собора Казанского кремля под управлением Марины Литвиненко и архиерейский мужской хор Казанского Богородицкого монастыря под управлением Дениса Рогова.

Богослужение транслировалось в прямом эфире телеканалов «Татарстан — Новый век», «Союз», «Спас», на официальном сайте Русской Православной Церкви Патриархия.ru и на портале «Православие в Татарстане». Часть верующих молитвенно участвовала в богослужении, наблюдая за трансляцией на больших экранах, установленных на территории монастыря. Трансляцию комментировал заместитель руководителя Пресс-службы Патриарха Московского и всея Руси Н.И. Державин...

Митрополит Казанский и Татарстанский Кирилл приветствовал Святейшего Патриарха Кирилла и всех участников освящения собора. Глава Татарстанской митрополии поблагодарил президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова и государственного советника Республики Татарстан, первого президента Республики Татарстан М.Ш. Шаймиева, чьими попечением и трудами стало возможно возрождение

собора. Также митрополит Кирилл сказал особые слова благодарности в адрес почившего митрополита Казанского и Татарстанского Феофана (1947–2020), погребённого за алтарём Казанского собора. В дар Его Святейшеству глава митрополии передал старинную икону, написанную сёстрами Казанского монастыря (до закрытия он был женский).

Предстоятель Русской Церкви обратился к участникам богослужения с Перво-святительским словом. В дар новоосвященному храму Святейший Патриарх Кирилл передал старинную икону Божией Матери «Знамение». Предстоятель выразил благодарность митрополиту Казанскому Кириллу и вручил ему панагию, пожелав помощи Божией в дальнейшем управлении Татарстанской митрополией. Для православного детского сада «Росток» Святейший Владыка передал икону Царственных страстотерпцев, для новых приходов — 27 напрестольных Евангелий, верующим — иконки Казанской Божией Матери с Патриаршим благословением.

Полномочный представитель Президента РФ в Приволжском федеральном округе И. А. Комаров огласил приветствие Президента России В. В. Путина участникам торжеств.

К собравшимся обратилась председатель Совета Федерации ФС РФ В. И. Матвиенко, выразившая уверенность, что этот день навсегда войдёт в историю Русской Православной Церкви и Отечества как настоящее торжество веры, а возрождённый собор Казанской иконы Божией Матери станет местом паломничества верующих со всего православного мира и «одним из символов духовного возрождения России»...

Далее выступил президент Республики Татарстан Р. Н. Минниханов. «Сердечно поздравляю вас и всех православных верующих с Днём явления Казанской иконы Божией Матери. Символично, что эта великая святыня православного мира и всей многонациональной России собрала нас сегодня под сводами своего возрождённого собора», — сказал глава региона. «Событие, в котором нам посчастливилось участвовать, имеет поистине историческое значение. Ровно 5 лет назад мы — во главе со Святейшим Патриархом Кириллом — заложили первый камень в основание воссоздаваемого храма, — напомнил Президент Татарстана. — И вот сегодня в этом величественном соборе — в присутствии Патриарха и высоких гостей — вновь совершается Божественная Литургия. Столица Татарстана и наше славное Отечество вновь обрели одну из своих главных духовных святынь...

Также собравшихся поздравил государственный советник Республики Татарстан М. Ш. Шаймиев, отметивший, что все важные решения принимаются в Татарстане с учётом интересов всех имеющих в республике конфессий. Так, решение о воссоздании Собора Казанской иконы Божией Матери и строительстве Болгарской исламской академии было принято одним Указом Президента Татарстана Рустама Минниханова в 2015 году. «Это объединяет всех нас не на словах, а в душах людей», — сказал М. Ш. Шаймиев. Государственный советник Республики Татарстан также поблагодарил Святейшего Патриарха Кирилла за прекрасную работу специалистов из Экспертного совета по церковному искусству, архитектуре и реставрации Московской Патриархии, принявших участие в реализации проекта.

Затем Святейший Патриарх вручил церковные награды.

Во внимание к усердным архипастырским трудам и в связи с 60-летием со дня рождения митрополит Казанский и Татарстанский Кирилл был удостоен ордена святого Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского, I степени.

Во внимание к помощи в строительстве Казанского собора г. Казани президент Республики Татарстан Р. Н. Минниханов был награждён орденом преподобного

Сергия Радонежского I степени, государственный советник Республики Татарстан М. Ш. Шаймиев — орденом преподобного Андрея Иконописца I степени.

Также были награждены исполнительный директор Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан, заместитель председателя Государственного совета Республики Татарстан Т. П. Ларионова — орденом преподобной Евфросинии, великой княгини Московской, III степени; генеральный директор ПАО «Татнефть» Н. У. Маганов — орденом Славы и чести III степени; председатель Совета директоров АО «ТАИФ» А. К. Шигабутдинов — орденом Славы и чести III степени; первый заместитель главы г. Казани Д. Г. Калинин — медалью ордена Славы и чести; генеральный директор ООО «ЕвроСтройХолдинг+» В. А. Казилов — Патриаршей грамотой.

В завершение Предстоятель Русской Церкви поздравил всех участников торжеств: «Ещё раз всех сердечно благодарю, наших дорогих гостей, православных и мусульман, представителей государственной власти. Радуюсь, дорогие владыки, с вами совершить сегодняшнюю Божественную службу. И на всех на вас призываю благословение Божие, чтобы благодатью Божиею, содействием укреплялся и возрастался Татарстан, и чтобы мир, покой и любовь пребывали в сердцах каждого из вас. С праздником ещё раз сердечно поздравляю!»

Затем Святейший Патриарх Кирилл, президент Республики Татарстан Р. Н. Минниханов, государственный советник Республики Татарстан М. Ш. Шаймиев и митрополит Казанский и Татарстанский Кирилл посетил Пещерный храм Казанского собора — место обретения чудотворного образа Божией Матери...

* * *

Казанский собор Богородицкого монастыря был построен в 1798–1808 годах по проекту И. С. Старова казанским архитектором Ф. Е. Емельяновым на месте древнего собора, возведённого в 1595 году. В 1932 году храм был взорван.

4 ноября 2015 года президент Республики Татарстан Р. Н. Минниханов подписал Указ о воссоздании собора в честь Казанской иконы Божией Матери. 21 июля 2016 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил чин закладки восстанавливаемого собора на месте явления чудотворного Казанского образа Пресвятой Богородицы.

Большое внимание и содействие строительству также оказывали митрополит Казанский и Татарстанский Феофан (1947–2020) и государственный советник Республики Татарстан, председатель Попечительского совета Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан М. Ш. Шаймиев.

***По материалам сайта Татарстанской митрополии
«Православие в Татарстан»***

От редакции. Уважаемые читатели! Так получилось, что наш автор из Саратова Владимир Гусев весной нынешнего года прислал в редакцию журнала «Аргамак» свою повесть «Звезда взошла с Востока», которая посвящена событию Явления Образа Божьей Матери «Казанская» на земле Татарстана. Было ли это простым совпадением, или же это не случайно — решать вам, а мы предлагаем совершить путешествие в Казань XVI века, чтобы стать очевидцем тех чудесных событий, которые и сегодня отзываются в наших сердцах! Откройте повесть на стр. 65

РИФМЫ РОДНОГО КРАЯ

2021 год в Республике Татарстан объявлен Годом родных языков и народного единства.

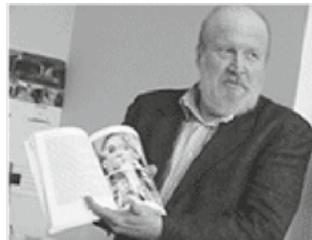
В нашей традиционной рубрике мы решили отметить некоторые мероприятия, которые прошли в рамках этого Года. Так, весенний номер журнала «Аргамак» № 1(33)2021 открывается указом Президента РТ, и мы поместили его на второй странице обложки. А сам журнал презентовали в Казанском литературном кафе «Калитка» 4 апреля.

Открывал презентацию наш постоянный автор и ведущий «Калитки», её организатор и вдохновитель, поэт Эдуард Учаров. С подробным обзором номера выступил член редколлегии журнала, кандидат исторических наук, член-корреспондент Российской военно-исторической академии, заведующий отделом Департамента Президента РТ по внутренней политике Рустэм Гайнетдинов. В частности, он рассказал о личных встречах с народным поэтом Робертом Мугаллимовичем Миннуллиным, недавно ушедшим из жизни. И номер «Аргамак» открывается подборкой стихотворений Роберта Миннуллина в переводе Сергея Малышева. Публикацию предваряет статья Галины Булатовой «А кто и как её любил — так это Родина рассудит».

Также Рустэм Бадретдинович представил авторов большой подборки материалов «Белый город», посвящённой Набережным Челнам и юбилею КАМАЗа. Сам Гайнетдинов много лет работал в Набережных Челнах и знает многих челнинских поэтов и прозаиков лично. Об этом и многом другом он поведал в недавно выпущенной при содействии Союза российских писателей книге «Мои ностальгические этюды», о ней можно прочесть в настоящем номере нашего журнала под рубрикой «Книги, которые мы выпускаем» на стр. 221

Специальным гостем презентации стал автор рассказа «Непокорённая» и повести «Грозный царь и прекрасная Сююмбике», вышедших в «Аргамак» (№ 2(32)2020 и № 1(33)2021), кандидат экономических наук, доцент Поволжского института управления имени П. А. Столыпина РАНХиГС при Президенте РФ Владимир Владимирович Гусев. Он приехал в «Калитку» из Саратова с женой Татьяной, которая стала инициатором их первой поездки в Казань — пять лет назад супруги буквально влюбились в столицу Татарстана, побывали в Булгаре и Свияжске. И вот теперь Владимир Владимирович написал уже третью повесть из казанской истории.

Художественные произведения обычно не претендуют на научно-исследовательскую точность, тем не менее, Рустэм Гайнетдинов, как историк, дал им высокую оценку. В «Калитке» даже небольшая научная дискуссия разгорелась, поскольку среди гостей была Ольга Иванова — автор исторической трилогии «Повелительницы Казани». Назначенная руководителем русской секции СП Татарстана, она впервые побывала на презентации «Аргамак», чтобы познакомиться с редакцией

журнала. Разговор получился серьёзным и конструктивным, как и должно быть на мероприятиях, посвящённых Году родных языков и народного единства.

Изюминкой нашего вечера стали дебюты — впервые в «Калитке» выступали челнинский поэт Юрий Дулесов и казанский прозаик Олег Волков, публикации которых состоялись в новом номере «Аргмака».

1 мая подвели итоги открытого поэтического конкурса «Рифмы родного края», приуроченный к Году родных языков и народного единства. Он проводился по инициативе администрации Кировского и Московского районов г. Казани совместно с редакцией газеты «Казанские ведомости» и Татарстанским региональным отделением Союза российских писателей. Жюри под председательством главы администрации Кировского и Московского районов г. Казани Сергея Миронова, куда входили также председатель Казанской городской организации ТО СРП, драматург Александр Воронин, художественный руководитель поэтического театра «Диалог», лауреат Державинской премии Ольга Левадная и главный редактор газеты «Казанские ведомости», публицист Венера Якупова, победителем конкурса объявили Тимура Кутуева со стихотворением «Родной наш край». Второе место заняло стихотворение Раузы Хузахметовой «Татарские мотивы». Третье место со стихотворением «Ветер Четыр-Тау» досталось Марии Прохоровой из посёлка Актюбинский. Поощрительными призами были отмечены Денис Детистов (Альметьевск) за стихотворение «Исповедь скважины», Сварадж Вилас (Индия, выпускник КФУ) за стихотворение «Казань» и Зульфийа Зайнуллина за стихотворение «Туган ягым-Чистаем». Администрация Кировского и Московского района вручила дипломы победителям и памятные призы, а газета «Казанские ведомости» пригласила их в редакцию — на заседание «Читательского клуба КВ». Авторы рассказали о себе, представили на страницах газеты свои сочинения — лучшего подарка, согласитесь, для поэта не придумаешь!

18 мая в «Литературном кафе» в здании «Татмедиа» прошла автограф-сессия главного редактора «Казанских ведомостей» Венеры Якуповой, новая книга которой была недавно издана в Татарском книжном издательстве. «24 рецепта успеха» включает в себя интервью, в течение десяти лет выходившие в газете под авторской рубрикой «Нескучный гость». Это известные политические деятели, такие как Минтимер Шаймиев и Ирина Хакамада, народные артисты — Армен Джигарханян и Лия Загидуллина. Это знаменитый рок-музыкант Джон Ричардсон (Великобритания) и популярный телеведущий Александр Васильев («Модный приговор»). Почти половина героев книги Венеры Якуповой — успешные врачи, например, член-корреспондент Российской академии естественных наук, психиатр Михаил Литвак, автор 30 книг по психологии общим тиражом более 3 миллионов экземпляров, а также профессор кафедры терапии, гериатрии и антивозрастной медицины Академии постдипломного образования ФГБУ ФНКЦ ФМБА России, кандидат медицинских наук Маргарита Королёва, Это целители Лариса Сувирон (Швейцария), Мирзакарим Норбеков (Узбекистан), Марина Таргакова (Казахстан). Многие из её героев побывали в Казани с мастер-классами, на волне расцвета коуч-индустрии, среди них Алан Пиз (Австралия), Лена Ленина (Франция), Марианна Полонски (США). Наконец, это общественные деятели и писатели, увы, ушедшие из жизни — прозаик Зуфар Фаткутдинов (1940–2019) и поэт Равиль Бухараев (1951–2012). Возрастной разброс гостей также впечатляет — от 33-летнего чемпиона Европы по ралли-кроссу, обладателя Кубка России по зимним трековым гонкам, мастера спорта до участника

Великой Отечественной войны, журналиста и автора книг «Юность моя опалённая», «По маршрутам опалённой молодости», «В центре событий века» Александра Малова, которому в этом году исполнится 95 лет!

Их портреты помещены на обложке, по пять в ряд, но последняя, двадцать пятая клеточка осталась пустой — и в ней стоит жирный знак вопроса. По праву эту клеточку стоило бы отдать самой Венере Якуповой — известный в Татарстане и России журналист, руководитель рабочей группы Экспертного совета при Минкомсвязи РФ, член Союза российских писателей, автор публицистических книг, таких как «100 историй о суверенитете», «Крымские татары, или Привет от Сталина!», «Путеводитель до Берлина», она до сих пор увлечена поиском смысла жизни, её предназначения, искренне хочет узнать, как быть здоровым и счастливым. Потому продолжает ходить на мастер-классы, встречается с медийными лицами. Интервью берёт не по «домашним заготовкам», заранее сформулированным вопросам, умеет вызвать собеседника на откровенный разговор.

Поздравить Венеру Якупову с выходом новой книги в литкафе пришли генеральный директор АО «Татмедиа» Шамиль Садыков, депутат Госсовета РТ Римма Ратникова, председатель Союза фотографов РТ Рамиль Гали и другие.

«Я был на той войне» — знаковая премьера Казанского поэтического театра «Диалог» (художественный руководитель Ольга Левадная, режиссёр Ирина Соколова) состоялась 20 мая в национальной художественной галерее «Хазинэ», что расположена на территории Казанского Кремля. Композиция по пьесе Диаса Валеева «День икс» и повести Рустема Кутуя «Мальчишки» посвящалась 80-летию начала Великой Отечественной войны.

Инициатором данной постановки стала заместитель директора Музея изобразительных искусств РТ Дина Хисамова — дочь Диаса Валеева и племянница Рустема Кутуя. И как призналась сама Дина Диасовна, такого успеха она не ожидала. Пьеса Диаса Валеева «День Икс» обращена к жизни и подвигу Героя Советского Союза, великого татарского поэта Мусы Джалиля, юбилей которого отмечался в этом году. Спектакль по этой пьесе шёл 35 лет назад в Большом драматическом театре имени В. И. Качалова, главную женскую роль в нём исполнила заслуженная артистка РТ Лидия Огарёва. Её воспоминания о той постановке стали «смысловым мостиком» между двумя частями представления. Лидия Анатольевна ныне преподаёт мастерство актёра в Казанском государственном институте культуры, и её ученики, студенты первого курса, исполнили композицию по ранней повести Рустема Кутуя — воспоминаниям казанского мальчишки о военных годах, завершив выступление стихами уже зрелого поэта.

Осенью Рустему Адельшевичу Кутую исполнилось бы 85 лет, и шестой по счёту «Кутуй-фест», мы надеемся, пройдёт в Казани при активном участии поэтического театра «Диалог».

XVI Международная научно-практическая конференция «Державинские чтения» прошла 26 мая в Казанском университете. На ней обсуждались вопросы сохранения родных языков и народного единства в условиях многонационального государства. Спикерами круглого стола выступили директор Института филологии и межкультурной коммуникации КФУ, член Совета по русскому языку при Президенте РФ Радиф Замалетдинов и президент Союза переводчиков России (СПР), научный руководитель Института гуманитарных технологий Российского нового университета Ольга Иванова.

Продолжить конференцию в этом году решили 14 июля, в день рождения Гавриила Романовича Державина. Известный государственный деятель и великий писатель родился 3 июля (14 июля по новому стилю) 1743 года на территории нынешнего Лаишевского района Татарстана. Лауреатом литературной премии имени Г. Р. Державина 2021 года признана писательница Ольга Иванова (тёзка и однофамилица). Награду ей за трилогию

«Повелительницы Казани» вручила министр культуры Татарстана Ирада Аюпова. Трилогия состоит из трёх романов: «Нурсотан», «Гаухаршад» и «Сююмбике». Первая часть была издана в 2002 году, вторая в 2019-м, а финальная книга вышла в 2020 году.

«Державинские чтения — 2021» прошли при участии председателя Союза писателей Татарстана Ркаила Зайдуллы, главы Лаишевского района Ильдуса Зарипова, поэтов и писателей республики, гостей Татарстана и жителей Лаишева. Почётные гости возложили цветы к памятникам Гавриила Романовича в Казани и в Лаишеве. В приветственной речи Ильдус Зарипов отметил, что народ нашей республики всегда с гордостью вспоминает великого земляка. Украшением мероприятия стал праздничный концерт. Перед собравшимися выступили лауреаты международных конкурсов, заслуженные артисты, поэты и писатели. Среди них — народные артисты РТ Михаил Меркушин и Роман Чуйнов, заслуженные артисты РТ Владимир Васильев, Дмитрий Язов, Гузель Шакирзянова, лауреат международных конкурсов Оксана Шайдуллина и поэтический театр «Диалог».

27 мая в Омске, в профессиональный праздник библиотекарей и **в день 100-летия основания центральной городской библиотеки, ей торжественно присвоили имя известного омского писателя А. Лейфера**. Александр Эрахмиэлович окончил Казанский университет и по распределению вернулся в родной город. Многие годы трудился на ниве журналистики и литературы, в 90-е годы создал Омское отделение Союза российских писателей, которое возглавлял до самого ухода. Много лет выпускал литературный журнал «Складчина», сотрудничал с нашим «Аргмаком».

С инициативой присвоения библиотечному центру «Культура Омска» имени омского писателя и журналиста Александра Лейфера (1934–2017) выступило Омское региональное отделение Союза российских писателей и вдова автора, Вера Павловна Лейфер. Это предложение было поддержано администрацией города Омска. В зале художественной литературы библиотеки открыли «Кабинет писателя» с книгами, личными вещами, литературными материалами и фотографиями автора.

16 июня Президент России Владимир Путин подписал распоряжение о присуждении грантов для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства. «Присудить гранты Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства руководителям проектов по результатам конкурса, проведённого в 2020 году», — говорится в распоряжении, опубликованном на официальном портале

правовой информации. Среди победителей – директор **Централизованной библиотечной системы г. Казани Резеда Исмагилова**, сообщает пресс-служба министерства культуры РТ. На средства гранта будет реализован проект по созданию на базе ЦБС молодёжной площадки по продвижению чтения и проведения творческих мероприятий, встреч, а также по созданию дискуссионных клубов «Литературный форпост». Напомним, в своё время на президентский грант при Центральной библиотеке было создано Казанское литературное кафе «Калитка», которое стало одной из самых востребованных в столице Татарстана литературных площадок.

Известный писатель и телеведущий, главный редактор журнала «Юность» Сергей Шаргунов заявил: **Дом Ростовых на Поварской**, знаменитый особняк и памятник архитектуры, бывшая резиденция Союза писателей СССР, вокруг которой последние тридцать лет велись ожесточенные споры, **стал официально штабом Ассоциации союзов писателей и издателей России**. Эта новость, которая точно не оставит равнодушными всех наших писателей, прозвучала 17 июня в Москве, на открытии книжного фестиваля «Красная площадь». Ассоциация союзов писателей и издателей России, которую возглавляет Сергей Шаргунов, выступила инициатором открытой дискуссии о творческой свободе автора и важности цеховой солидарности, о преодолении бессмысленной розни и возвращении наследства Союза писателей СССР, о литературной «провинции» и поддержке молодых авторов. В серьёзном разговоре о роли писателя в современном обществе приняли участие Владислав Отрошенко, Даниэль Орлов, Андрей Рубанов, Максим Замшев и другие.

1 июля подвели итоги международной литературной премии «ДИАС». Постоянный член жюри – прозаик Майя Валеева в эти дни побывала на родине и впервые пришла на Холм Диаса, где по инициативе Казанского представительства Союза российских писателей ежегодно, в день рождения Диаса Валеева, проходят памятные встречи. А через две недели, 16 июля в Центральной библиотеке г. Казани состоялась церемония награждения лауреатов и дипломантов литературной премии ДИАС-2021. Всего в конкурсе приняли участие 190 авторов из 19 стран, десять из них стали лауреатами и 25 дипломантами.

Очно свою награду (диплом и шар из природного минерального камня) полу-

чил и наш уважаемый редактор, поэт и издатель **НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ** (Набережные Челны). Этой чести он удостоился за очерк «Человек из Зурбагана», посвящённый памяти талантливого поэта и прозаика Руслана Галимова, родившегося в Чистополе. Также очно дипломы и миникопии Земного шара были вручены **ТАТЬЯНЕ ШАХЛЕВИЧ** (Республика Крым, с. Абрикосовка), **ИВАНУ ТРЕЩАЛИНУ** (Москва),

ЕВГЕНИЮ ЭРАСТОВУ (Нижний Новгород). Свои видеопослания на церемонию прислали лауреаты АННА ЗАВАДСКАЯ (Челябинская область, город Сатка, выпускница Литературных курсов Челябинского государственного института культуры), автор книг «Сказки феи Ниточки» (Волгоград), «Невыдуманные рассказы про пса по имени Марс» (Челябинск), лауреат Международного российско-канадского конкурса «Сказки XXI века» (2015), Всероссийского конкурса «Поэзия русского слова» (2018, 2020), финалист Международного фестиваля «Мгинские мосты» (2019), шорт-листер Всероссийского конкурса «Во славу Бориса и Глеба» (2019), лауреат литературной премии «ДИАС» в номинации «Дело» (2021) и ДЕНИС ГЕРБЕР (Ангарск Иркутской области, радиоведущий, продюсер и писатель, автор романов «Ангел, стоящий на солнце», «Заблудшие», печатался в журналах «Дружба народов», «Сибирские огни», «Новый берег», лауреат литературной премии «ДИАС» в номинации «Абсолют» (2021), а также финалисты Андрей Пучков из Красноярского края и Михаил Касоев (Москва).

Перед победителями выступила дочь Диаса Валеева — заместитель директора Государственного музея изобразительных искусств РТ, кандидат искусствоведения Дина Хисамова, она поблагодарила от имени старшей сестры и матери всех участников литературного конкурса «ДИАС», победителей и организаторов, прежде всего Галину Булатову, которая придумала, организовала и в третий раз провела этот конкурс.

Данное мероприятие стало достойным завершением литературного сезона. Татьяна Шахлевич приехала на церемонию награждения из Крыма и уже успела погулять по Казани и влюбиться в город. Как оказалось, прототипом её конкурсного рассказа «Сычиха» была собственная бабушка, жившая в Поволжье, в Чувашии. Рассказ вошёл в десятку симпатий куратора конкурса, как и проза нижегородского поэта Евгения Эрастова, доктора медицинских наук, лауреата международной Цветаевской премии. А дипломантом он стал за яркий очерк «Рыцарь поэзии», посвящённый талантливому нижегородскому поэту Игорю Чурдалёву.

Сергей ТИМОФЕЕВ

ТЕМ, КТО БРАЛ БЕРЛИН

Дата 22 июня является трагической для нашей страны. В этот день 80 лет назад фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз, и началась Великая Отечественная война, унёсшая 27 миллионов жизней. В нынешнем году в России повсеместно были проведены траурные митинги, возложены цветы к памятникам и монументам. А в Набережных Челнах через два дня после этой скорбной даты был организован и с огромным успехом прошёл праздник поэзии и фронтовой песни в честь Парада Победы, состоявшегося на Красной площади Москвы 24 июня 1945 года. Тогда к стенам Кремля солдатами-победителями, дошедшими до Берлина, были брошены знамёна повергнутого Рейха, названного позднее на Нюрнбергском процессе исаидием мирового зла...

Характерно, что не было никаких указаний сверху. Впервые отметить 76-летие парада победителей захотела инициативная группа: художественный руководитель ансамбля народных инструментов «Наигрыш» Николай Фёдоров (автор идеи), ровесник Победы, поэт Николай Алешков, предприниматель и музыкант Сергей Бычков, местный житель Сергей Хохлов. Их предложение поддержали администрация Комсомольского района города Набережные Челны, приход православного храма святых бессребренников Космы и Дамиана (настоятель о. Олег Богданов), ООО ПКФ

«Металл М», редакция литературного журнала «Армак. Татарстан», артисты ансамбля «Наигрыш» и поэты Набережных Челнов, входящие в творческий актив Татарстанского отделения Союза российских писателей.

И праздник получился зрелищным, искренним, запоминающимся, как было решено, до следующего его повторения ровно через год. Необходимым, ибо он был посвящён СОБЫТИЮ, о котором забывать нельзя. И не только нам, свято хранящим память о наших отцах, матерях, переживших тяготы войны и очистивших от врага родную землю, но и нынешним ненавистникам России, пытающихся то тут, то там возродить нацизм.

И открытая площадка была выбрана идеально — посередке между старой и новой частью Набережных Челнов, в бывшем селе Орловка, ставшем городской территорией, рядом с церковью Космы и Дамиана, в сквере перед памятником павшим на той войне. И народ собрался. С двух ближайших остановок, автобусной и трамвайной, подходили и подходили новые люди. Они то смеялись, то плакали в унисон звучащим стихам и песням, они аплодировали, они были заодно со всеми выступавшими. И никто не ушёл все полтора-два часа, несмотря на изнурительную жвру — она словно куда-то отступила. А как иначе, если к себе зовут звучащие на вольном воздухе «Синенький, скромный платочек», «С чего начинается родина», «Алексей, Алёшенька, сынок» и другие, с детства любимые песни и стихи поэтов, живущих рядом с тобой.

Вот имена и фамилии всех, кто принял участие в празднике с символическим названием «Тем, кто брал Берлин»: режиссёр-постановщик Николай Фёдоров, поэты Николай Алешков, Ольга Кузьмичева-Дробышевская, Олег Лоншаков, Светлана Лягтя; авторы-исполнители Сергей Бычков, Елена Емалтынова, Диана Суходольская, Сергей Некляев, музыканты и вокалисты ансамбля «Наигрыш» Олег Емалтынов, Алишер Додарбеков, Ольга Лахнова, Лейла Медведева, Фарид Муфахарова, Алина Авагян, Резеда Галина, Надежда Кондылева, Виктор Спиридонов, Сергей Чернов, Вера Зиганшина, Ильнур Казанбаев. Изумительно, проникновенно и точно вела всю программу музыкальный педагог Эльвира Фёдорова, прочитавшая в финале выдающееся стихотворение поэта Евгения Семичева «Литерный эшелон», которым уместно завершить и нашу публикацию.

Николай МАРИШИН

ЕВГЕНИЙ СЕМИЧЕВ**ЛИТЕРНЫЙ ЭШЕЛОН**

Майским салютом расцвёл небосклон,
Славя весну и Победу...
Литерный в небе идёт эшелон –
Павшие воины едут.

Через разливы бурлящей весны,
Через вселенские кущи
Павшие воины едут с войны
К нашим потомкам грядущим.

Мимо крылечка родного села,
Мимо заводов и пашен
Всех их в один эшелон собрала
Память священная наша.

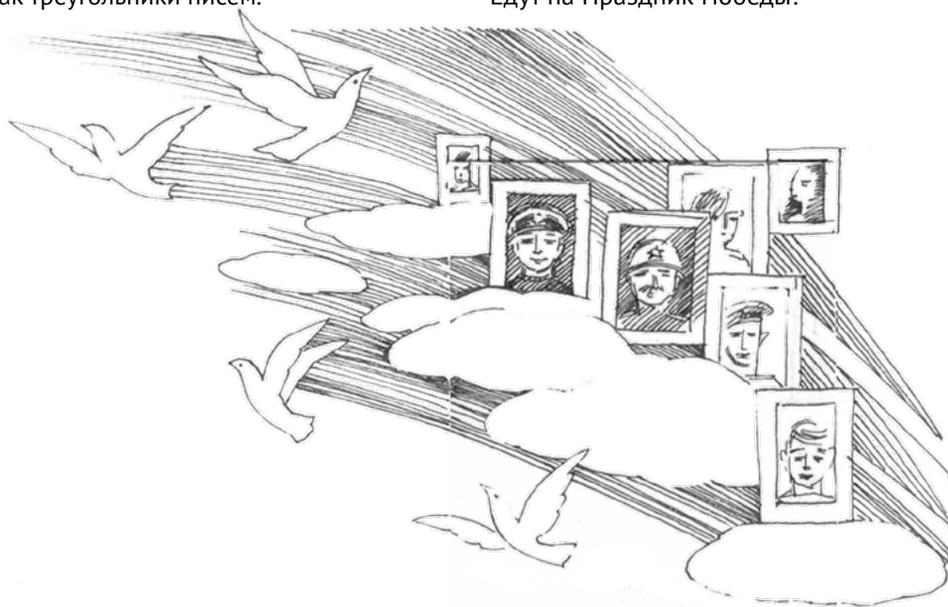
Сполохи мирной рассветной зари
К горним возносятся высям.
В небе весеннем парят сизари,
Как треугольники писем.

Гулом объята небесная даль
Отчей родимой округи.
Солнце надраено, словно медаль
«За боевые заслуги».

Головы воинов снежно белы,
Лица светлы и бесстрашны...
Вот они – русской Победы орлы,
Соколы Родины нашей!

Им колокольный звучит перезвон,
Славя весну и Победу.
Литерный в небе идёт эшелон –
Павшие воины едут.

К однополчанам своим боевым
Через сраженья и беды
Павшие воины в гости к живым
Едут на Праздник Победы!

ПУТЬ ЗЕРНА

МОЙ ХРАМ ПОЭЗИИ

1

В центре Казани купеческий дом –
добрый давнишний знакомец.
Я никогда не мечтала о том,
что окажусь в этом доме.
Юность его, как судьбу, подарила,
лестниц изгибы близки.
Сколько я высушила на перилах
белых полотен тоски!
В стены впитались стихи и мечты,
время замедлилось там.
Милый, старинный Дом Кекина, ты –
мой поэтический храм!
Там, наверху – трудовой, обычный
люди проживают жизнь.
Кормят, торгуют, гудят привычно
нижние этажи...
Целятся камеры на него
у зарубежных туристов.
Одушевлённое существо,
сердцу надёжная пристань...
...Раньше, в двадцатые, в левом крыле
жили рабфаковцы, там же
папа и мама оставили след –
здесь познакомились даже.
Зимними грустными вечерами
в дом приходили наш
поговорить, здесь бывал с друзьями
даже бунтарь Такташ...
Что бы там ни было – годы летят,
мы продолжаем жить...

Дом реставрируют, «молодят»,
нас не омолодить...

2

Знать ли могла я, что в центре Казани
вдруг обрету приют!
Что я хозяйкой на время стану
комнаты узкой тут.
Невероятное совпадение:
в памятном доме, где
мамы и папы сплелись мгновения,
выпало жить и мне.
Зимние ветры в окно стучались,
солнце струило свет.
В комнате этой родной остались
семь драгоценных лет.
Было спасение и лекарство
в шуме или тиши,
было отдельное государство
для одинокой души.
Здесь потолки с благородной лепниной –
для усладенья очей.
Славные двери залы старинной
помнят своих богачей.
Пусть небогатое наше время,
счастьем казалось оно.
Строки любимого стихотворенья
сердцу забыть не дано.
Юных порывов мотив прекрасен –
столько горенья в нём.
Но не отыщешь, как ни старайся,
молодость днём с огнём...

...В гости Ильгам заходил, бывало,
 наш золотой соловей.
 Крепкая дружба, что нас связала,
 ныне ещё сильней.
 Над пустяками смеялись вместе,
 веря, что жизнь светла.
 Или вдвоём запевали песню,
 если душа ждала.
 Чистую дружбу двух одиночеств
 шар наблюдал земной!
 Тяготы жизни бывали, впрочем,
 дом их делил со мной.
 Вот изумился бы ныне Кекин:
 «Кто это тут сейчас?»
 Он же построил фундамент крепкий,
 он же зажёл очаг.
 Ветер истории всё сокрушил,
 мир обернулся другим.
 ...Был ведь богатым купцом, хаджи
 прадед мой Ибрагим.
 Я не имела отчего дома –
 любой был жилищем моим.
 А наш, орошённый праведным потом,
 несправедно отдан чужим.

Закончится время, новое брызнет,
 будет другое жильё...
 Я в песни вплетаю узоры жизни –
 это наследство моё.

КОГДА ТЫ ПОЕШЬ

Ильгаму Шакирову, великому певцу

Едва ты запоёшь, я утихаю,
 Не в силах сделать шага одного.
 Ты – *тёмный лес*¹, в котором я блуждаю
 Среди мелодий сердца моего.

И всё вокруг поёт, одна лишь плачу,
 В твоём напеве утопаю я.
 Не объяснишь ли, что всё это значит –
 Твоя раба я, пленница твоя...

Ты запоёшь – и легче жить от песни,
 Все тяготы с душой её деля.
 Могу взлететь без крыльев в поднебесье
 И море переплыть без корабля.

¹ «Тёмный лес» – самая известная народная песня в исполнении Ильгама Шакирова

Я ВАС ЛЮБЛЮ

*Рустему Яхину, композитору,
 автору музыки к этой песне*

Я люблю Вас украдкой, издалека,
 В грёзах моих ни капельки нет печали.
 Эта любовь сияет во мне, легка,
 Солнечными исходит она лучами.

Я люблю Вас украдкой, ещё сильней,
 Песней любовь заветная обернётся.
 Каждая строчка, каждое слово в ней –
 Нежностью Вашего имени отзовется.

Я люблю Вас украдкой, смиряя стук
 Сердца – что ласку выдать невольно может.
 Если бы это чувство открылось вдруг,
 Вы от любви сгорали б, наверно, тоже...

МОЙКА, 12

А. С. Пушкину

Гостьею стольного града,
 В белых ночах растворяясь,
 Памятникам и фонтанам
 Царским дворцам удивляюсь.

В этом гигантском музее,
 Нету которого выше,
 Как чужестранка, немею,
 Кто моё слово услышит?

Город пронзительно серый
 Не отпускает поэта.
 В дом, куда просится сердце,
 Я захожу напоследок.

Мойка, двенадцать... На входе –
 Он, от меня в полушаге.
 Держит за руку и водит,
 Словно пером по бумаге...

Чёрные дни вперемешку
 С белыми льются ночами.
 Капают строчки неспешно
 В невские воды печали...

Сгорбилось время нелепо,
 Сжались от ужаса звуки:
 В солнце под питерским небом
 Выстрелил тот, косорукий...

Встретятся после разлуки
Скоро мосты над Невою...
Снова окажутся в круге
Гости-поэты с тобою.

Им переводчик не нужен
В тесной беседе застольной.
Дождь, разговором разбужен,
Капли рифмует невольно.

— Был ли судьбою он связан?
Сам ли создатель сюжета?
— Стрелы, что пущены разом,
Стерпит ли сердце поэта?

— Гибнут пророки, мессии...
Вечно у нас так бывает...
— Разве в одной лишь России
Гении так погибают?

Льётся вино, точно море,
Грезится Пётр-правитель.
Но и поэт в этом споре –
Дум человеческих властитель.

Дело поэта такое:
Он, назначенью послушен,
Сводит мосты над Невою
И в человеческих душах.

Мойка двенадцать... Последний
Адрес поэта.
Бессрочный...
Дождь, убаявавший сердце...
Белые-белые ночи...

ПОСВЯЩЕНИЕ БАКИ УРМАНЧЕ

*У Камня с Человеком – разный век,
И это свойство свыше им дано.
Вживляет сердце камню человек,
А будет биться, будет жить оно?*

Душа ведёт мелодию простую
Из давних, незапамятных времён...
Кто автор этой песни? Кто, тоскуя,
На камень Болгара записывает «мон»¹?

¹ Мон – непереводимое понятие, извечная печаль народа, выразившаяся в народных мелодиях, в особой мелизматике, схожей с тонкой, трепетной вибрацией души

Он ненадолго замер над твореньем,
Остановив минут беспечный бег...
О, что за чудо – как по мановенью,
Из камня проявился Человек!

«Мой друг, – он говорит, вполоборота
К ваятелю лицо поворотив, –
Хоть ты из человеческого рода,
Но, словно камень, крепок, терпелив...

Баки, признайся, превратиться в камень
Тебе и самому пришла пора...
Прости, однако – это между нами
Лишь слов неосторожная игра...»

Затанцевала трость в углу, желая
Вмешаться в необычный разговор.
Благодаря Баки, она – живая,
Его душа-товарищ с давних пор...

Молчит ваятель. Да и как иначе:
Попробуй с камнем ты поговорить...
Никто не видит. Мастер тихо плачет,
И в горле ком никак не проглотить...

Его «вина»: Пигмалион скульптуру
Сам изваял и сам же оживил.
Холодный камень превозмог натуру
И душу человека растопил...

Но и смолчать как будто бы негоже,
Не «каменное» ж сердце у Баки.
Пускай услышит камень, если ожил
И будет жить эпохе вопреки.

«Мой друг, – собрался он с ответной речью, –
Пусть этот мир на бренности стоит,
Но вечен человек, и дух наш вечен,
Земное лоно дух не поглотит...

Надгробный камень – это только память,
Чтоб обозначить жизни краткий век...
Но смертного нам будет мало камня,
Иной скульптуры просит человек!..

Не объяснить, наверно, словами,
А лучше песню я тебе спою...
Творю, смеюсь и плачу, и на камень
Я преклоняю голову свою...»

Колышется мелодия простая,
Старик поёт... Напев его тягуч...
Дивясь, как чуду, голосу внимает
В окошко заглянувший *зимний луч*¹.

ПИСЬМО АННЕ АХМАТОВОЙ

...Сударыня Анна!
Пишу не темня:
ты – мать поэзии,
зеркало дня!
Хранящий заветные тайны листок
с пылающим словом твоим между строк,
возможно, прочитан моею душой,
тебе не чужой?!
В сирени кладбищенской – твой соловей,
сияет звезда над сиренью моею...
Кто душу сирени способен понять?
Лишь только родня...

Сударыня Анна!
Строка запоёт –
ложится на музыку
имя твоё.
Одна у нас кровь и одно ремесло...
Иная птица... Ах, как тяжело
делить океан и крутой небосклон,
и лебедем быть, и орлом.
О сколько обличий и силы в устах
осталось в священных твоих зеркалах.
Лишь зоркий их выхватит из глубины.
Дальтонику слова – цвета не видны.
Чурбан к семицветной строке не привык –
деревянный язык...

Сударыня Анна!
Родная душа!
Мы жили, любовью
и правдой дыша...
Когда институт благородных девиц,
закрыли, учились мы пенью у птиц,
любви – у земли, красоте – у цветов,
берёз, облаков.
Сегодня смазливых девиц – через край,
посмотришь – вышагивает попугай,
напыщенный, гордый. Но где красота?
Сомкнуты уста...
Не могут сегодня, как раньше, страдать,

и плакать навзрыд, от любви умирать.
Святой Шахрезаде не сыщешь уже
местечка в душе.
На «русскую Анну» навесят ярлык...
Помеха ли родственным душам язык?
Родившая песню – извечная Мать!
Не смей на неё посягать!

Сударыня Анна!
Быть может, смешной
кажусь я, идя
за своею звездой?..
Сто лет позади, сто зеркал и сто лиц...
Осенние лица июньских столиц...
Но разные лица у строчек твоих,
и нет ни морщинки на них...
Недавно пришла незнакомка в наш дом –
на мой день рождения, с грустным лицом
делилась со мной, что который уж год
мужик сильно пьёт...
И я ей читала стихи у окна,
От них – без вина – опьянела она...

Бушуют зелёные ветры судьбы,
в открытые окна врывается пыль,
закроешь окно – и уже одинок,
и где для души уголок?
Из дома я выйду – встречайте, ветра,
пускай разгорается пламя костра!
Сударыня Анна! Кто в сердце стучится?
Сегодня наверное что-то случится:
родится ли песня,
Любовь ли родится!

ОСЕННЕЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Той чудесной поры не вернёшь,
Жду хотя бы её отголоска.
Помню: сушат пшеницу и рожь
На ковре домотканом в полоску.
Вот и мельница просит муки,
Словно корма – громадная птица...
Караваи пышны и мягки –
Белый дым над деревней струится.

Хлебный запах плывёт, как река...
Нет на свете даров задушевной,
Чем тот хлеб и вода родника
На окраине нашей деревни...

¹ Намёк на картину Баки Урманче «Зимний луч»

ЧЕМ ДОЛЬШЕ ЖИВУ

Чем дольше живу я на свете,
Тем больше влюбляюсь в него.
И день с благодарностью встретить
Стремится моё существо.

И как-то становится легче
Любовь подарить бытию.
А жизнь, хоть калечит, но лечит
Смятенную душу мою.

Не меньше секретов с годами
Мне новая дарит весна.
Хотя бы один разгадаю –
И доверху счастьем полна.

Подсолнухом небу киваю
И в сторону солнца гляжу.
Всё чаще ему удивляюсь
И светом его дорожу...

ЗАПУТАННЫЕ ДНИ

Душа то прячется в тени,
А то танцует сумасшедше,
И этот сбой необъясним.
Они совсем не без надежды –
Мои запутанные дни...

Вот образ прошлого возник,
А следом – будущность ликует.
То манят дальние огни,
То по родной земле тоскую –
Мои запутанные дни...

Читаю взмах чужих ресниц,
А дружба душу поверяет.
О сердце, боль мою храни,
Но как мне жить, изнемогая? –
Мои запутанные дни...

То грустный слышится мотив,
То радость плещется в эфире,
И эта музыка сродни
Моей душе в подлунном мире –
Мои таинственные дни!

ДВЕРЬ РОДНОГО ДОМА

Родная дверь, перед тобой
Стою, с дороженьки устала.

Вернуться в целости домой
Ты мне напустивше давала.

О, дорогая колыбель,
Меня ты примешь даже в полночь,
Когда, изведав сто земель,
Вернусь с котомкой, горя полной.

Сейчас я с радостью пришла,
Ты по шагам меня узнала.
Как эта музыка мила –
Твой скрип я слушать не устала.

Мне по душе уклад простой.
В окне – мелькнула мама тенью.
О, как сияют чистотой
Крыльца янтарные ступени...

ПЕСНЯ

Веют ветры, колышутся травы
И дубравы листвою шелестят:
Мы его повстречали недавно,
Он привет передал, говорят.

Родники подхватили те вести,
Распевая на собственный лад
Мне до боли знакомую песню:
Он привет передал, говорят.

Прокричали мне дикие гуси,
Что над нашей рекою летят:
Твой любимый придёт, не волнуйся,
Он привет передал, говорят.

ЧЕРЕЗ ЗЕРКАЛО

На переулок из окна
Я через зеркало взглянула:
Родная улица – она
Меня как будто обманула.

В чужие рядятся цвета
Дома, деревья и заборы.
Явился, может, неспроста
Там, в зазеркалье, новый город?

Машины едут не туда,
Что было слева, стало справа.
Предстала странною тогда,
О зеркало, твоя забава.

Нарушив перспективу дня,
Привычным зреньем не угадан,
Проулок смотрит на меня
Каким-то отчуждённым взглядом.

И все, кто по нему идут,
Как будто путают движенье.
Зачем я оказалась тут?
А может, стоит в дни сомненья
Хотя бы несколько минут
Прожить в зеркальном отраженьи?

ТАЙНА «ЧЁРНОГО КВАДРАТА»

*Нашу песню о лесе дремучем
Надоест ли когда-нибудь петь?
...И на «Чёрный квадрат» удивлённо
Можно целую вечность смотреть...*

Я не знаю, какие намёки
Скрыты в плоскости чёрной твоей.
Эту тайну создавший художник
Что хотел донести до людей?

Почему, невзирая на странность,
Целый мир тебе рукоплескал?
Неужели когда-нибудь прежде
Чёрной клетки никто не видал?

Замер шишкинский лес в изумленьи,
И замедлил течение ручей,
Небеса и морские пейзажи,
Золотые луга Урманче, –

Всё застыло в безмолвии долгом
Перед чёрной твоей пустотой.
Злой ли дух это, солнце поймавший
Чародейскою сетью густой?

Или это манящая бездна?
Чёрный день, распахнувший окно?
Может быть, предсказанье о том, что
Миру сгинуть во тьме суждено?

Мечь ли это набитому брюху,
Потерявшему к творчеству вкус:
«Нате, вот вам духовная пища,
Почитатели тонких искусств!..»

На себя ли помноженный сгусток
Темноты – возведённый в квадрат?

«Не ищите, – как будто бы дразнишь, –
Поиск смысла обманом чреват!»

Может быть, ты – секрет, заключивший
В чёрный ящик своё существо?
Созидающий мир или, может,
Разрушающий напрочь его?

Не доска ли ты чёрная, чтобы
Светлой жизни вписалась глава?
Чтобы мы начертали святые,
Позабытые нами слова?

«Вот вам чёрный экран вместо красных,
Полыхающих зорь и огней!» –
Говоришь ты как будто... А может,
Хочешь скрыться от наших очей?

Для чего привлекаешь вниманье
(Не Мадонна же ты, наконец!)?
Эх, и задал ты миру загадку,
Как и твой – гениальный? – творец!

БРЕДЯ ПО ПУСТЫНЕ СТРАДАНИЙ

Бредя по пустыне страданий,
В минуту унынья
Я встретила в центре Казани
Верблюда пустыни!

Верблюд в самом центре столицы?!
Какие тут шутки.
Стоял – не солгут очевидцы –
Он грустный и чуткий...

Двугорбый, с изогнутой шеей,
Точь-в-точь на картине.
Застыла, на чудо глаза я –
Красавец пустыни!

Живой, терпеливый и гордый,
С большими глазами.
Уехать на нём далеко бы,
Сев между горбами!

А он говорит без жеманства:
«Мне в городе странно.
Какой же верблюд я без странствий
И без каравана?!»

Чудесное то впечатленье
 Никак не забуду.
 Подумалось: может, терпенью
 Нас учат верблюды?

Когда неуютно на свете,
 В минуту унынья,
 Пусть вам посчастливится встретить
 Верблюда пустыни...

* * *

Сиротливо съёжился мир ночной,
 На него в оконный гляжу проём.
 А Земля без крыши над головой,
 Смотрит небо пристально на неё.

Улица пустынная, слякоть, мгла,
 Чёрных окон грустная толкотня...
 И не слышен даже собачий лай –
 Мою Землю некому охранять.

Смотрит око космоса, как зима
 Никнет, боязливая, до земли.
 Дав обет молчания, и дома
 Сжались, будто сами в себя ушли.

Ни одной души не отыщешь здесь,
 Как же без защитника тяжело,
 Будто все забыли, что в мире есть
 Жизнеутверждающее тепло.

Тишина вселенская, неуют,
 Будто мир безвыходно нищ и гол.
 Хоть бы стая псов пробежала тут
 Или бы пьянчуга куда-то брёл.

Никого. Безмолвная пустота
 Устремила в небо покорный взгляд.
 Нету крыш над крышами – вот беда,
 И в глаза Вселенной они глядят.

Охраняя нас от ветров и бурь,
 Защитят ли крыши самих себя?
 Мы в открытом космосе! И судьбу
 Он решает, милуя и губя.

О небесной крыше мечтать начнёшь,
 Чтобы этот мир обошла беда.
 Посбивает ветер – и не найдёшь
 Своего соломенного гнёзда...

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ПОЭЗИИ

Оставь занятие эстету –
 Слова из бисера плести.
 Предназначение поэта –
 Жизнь на слова перевести.

Порою слово тоже дремлет
 И жизнь в нём теплится едва.
 Но лишь поэт раскрутит землю,
 Как зажигаются слова.

Он сам – горящая лучина,
 Искатель истины впотьмах.
 Он – воздающий за кручину
 В сердцах народных и умах.

То слово, бьющее до дрожи,
 Из горьких слёз сотворено...
 Простое слово тем дороже,
 Чем справедливее оно...

ИСКУССТВО – ЖИВАЯ ВОДА

Сегодня искусство не требует жертв,
 Над жертвой во имя искусства смеются.
 Творцы себе выбрали райскую жизнь
 И благам её на земле предаются.

Давно распрощался с бедой и нуждой
 Напыщенный, самодовольный народец.
 А было искусство живою водой,
 Да жаль только – высох чистейший колодец.

Искать ли сердечности в мире банкнот,
 Где каждый печётся о собственном благе?!
 ...Мы ждали, когда на язык попадёт
 Хоть малая капля живительной влаги...

Сегодня искусство не требует жертв –
 Ни горьких лишений, ни сильного чувства.
 Ему самому и наносят ущерб
 Подобные деятели от искусства...

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Ты – последней любви еле слышимый вздох,
Не замеченный даже, не узанный нами.
Это сладкое чувство застало врасплох,
Расцветая во мне полевыми цветами.

Не страдает любовь и не рвёт на куски,
Не сжигает мучительным пламенем душу.
Так объятья её широки и легки,
Что не могут взаимной свободы нарушить.

Ни на что не надеясь, обетов не ждёт,
Не охотится, словно охотник за жертвой.
Никогда из дарованных прежде щедрот
Я такой не встречала любви милосердной,

От которой яснеют душа и глаза,
Озаряется светом моё окруженье,
От которой с улыбкой парю в небесах,
Словно юная барышня в пору цветенья.

Не хозяйка любви я, но и не раба,
Берегу его, словно творенье искусства.
Не роняю слезы и не хмурю я лба –
Уже возраст не тот обнажать свои чувства...

Да и ты не один... Колыхнётся вода...
Вы – два лебедя белых, сплетённых крылами.
Чёрной птицей не будет летать никогда
Моё чувство над вашими головами.

ПУТЬ ЗЕРНА

Путём зерна хочу идти
И в песню поля превратиться,
Быть в землю брошенной, взойти,
На ниве тучно колоситься...

Душа зерна – в самом зерне,
А путь его – простор и воля...
Так, семя трудится в земле,
И продолжается Живое...

УЗНИЦА

Сижу, как узница, в неволе,
От горьких мук уже тошнит.
Стихами стиснута до боли,
Как будто рак зажал в клешни...

Не отпускает слово, держит
И днём и ночью, в дождь и зной:
Не уходи, куда прежде
Не прозвучу тугой струной,
Пока твоей не стану раной,
Дыханьем, сердцем, языком,
Пока из пепла не восстану,
Не расцвету твоим цветком...

Живи, цепей моих не сбросив,
Покуда мы одна семья...
Моя весенняя ты осень,
Весна осенняя моя,
Мой дикий гусь над побережьем,
Крылами пишущий слова,
Моя отчаянная нежность,
Моя шальная голова...

Кричу: поэзия, ты – пытка,
Страшнее нет твоих оков,
И нет смертельнее напитка
Твоих невысказанных слов.
Пока ты рвёшься в беспределность,
Я слышу только тяжкий стон.
О мука – нечленораздельность
Твоих речей со всех сторон...

От этих мыслей загорится
Бордовым пламенем цветов...
Из клетки сердца рвутся птицы,
Сорвав мучительный замок.

ЖДУ ЛИШЬ ВЕСНУ

Жду лишь весну на своём пути,
Нечего больше ждать.
Кто-то ушёл, не успев прийти,
И обманул опять...

Я побежала бы босиком
Вслед за моей весной.
Только она, поманив платком,
Зов не услышит мой.

Как отыскать мне весенний след?
Ветры стучатся в сны...
Девушка, можно купить билет
В кассе в страну весны?

Дорого очень и дальний путь –
Мне говорит она.
Может, вернётся когда-нибудь
В город моя весна?

Счёт потеряла надежда дням,
Дразнятся вечера.
Не возвращаются вёсны к нам,
С нами одни ветра...

Переводы Галины БУЛАТОВОЙ

* * *

Лена Шагирзян родилась в деревне Поисево Актанышского района Татарской АССР в семье сельских учителей. Её детские и школьные годы прошли в деревне Кулле-Кими Атнинского района. «Я рано начала сочинять стихи, и уже в 9–10 лет они стали появляться в республиканских газетах и журналах, — рассказывала Лена в интервью Марату Шакирзянову в 1997 году. — Родители поощряли меня и, я думаю, направили на верный путь. Деревенская жизнь оставила в памяти и сердце глубокий след... До сих пор во мне ностальгия по деревенской весне с её скворцами, первыми проталинами, молодой зеленью и запахом черёмухи. Это — Поэзия...»

Здесь, в Кулле-Кими, в 1962 году она окончила школу и поступила в Казанский государственный педагогический институт на историко-филологический факультет (отделение татарского языка и литературы). Окончив институт, год проработала учителем в казанской школе № 80, после чего неожиданно оказалась в Государственном ансамбле песни и танца, где в течение пяти лет выступала певицей. По словам близких, она обладала чистым, красивым тембром голоса. Да и сама была красивой, яркой, женственной.

В 70–80-е Лена работала журналистом-переводчиком в Татарском государственном радиокомитете. Многие годы являлась заместителем председателя Ассоциации женщин «Ак калфак». Современники отмечали её необычайное трудолюбие, высокое чувство общественного долга, добросердечное отношение к людям. «Конечно, на первом месте стоит сам человек и счастье человека в обществе», — говорила Лена.

Её считали сильной духом, и это так и было, хотя сама она не стеснялась признаваться в своих слабостях или ошибках: «За полвека своей жизни мне приходилось и волком выть от всех моих страданий и обид. Плохо то, что в казарменных условиях человек сам может превратиться в любого хищника! И я очень жалею о том, что все мои нежные чувства, в том числе и чувство любви в широком понятии этого слова, стали какими-то уродливыми, смешались с нелюбовью, как у Марины Цветаевой. Потому что я на каждом шагу чувствовала, что меня не очень-то любили; не за то, что я нечеловечна или глупа, нахальна или коварна, а за то, что, наоборот, я хотела быть чистой, умной, справедливой, красивой, искренней и любимой. Зависть, недоброжелательность, обман, коварство, сопровождавшие меня долгие годы, привели к тому, что я тоже стала утрачивать свои самые лучшие качества и желания...»

В понятие «счастье» Лена вкладывала не только семейные ценности, но и свободу творчества, желание писать и возможность печататься, добавляя при этом: «Счастье — это когда не стыдишься своего родного языка и своей нации...»

В том, что она научилась читать по стихам Тукая, Лена не видела ничего удивительного, считая, что так и должно быть. И, конечно, как и все татарские поэты, жившие после Тукая, считала себя продолжателем его традиций: «В творчестве поэта замечательное место занимает судьба татарской женщины. Теперь же я сама пишу об этой своей судьбе...»

При жизни Лены вышло 10 её книг на татарском языке: «Душа переполненная» (1982), «Верю в сердце» (1986), «Азбука совести» (1993), «Стихи и поэма» (1996), «Крылатый конь» (1999, стихи для детей), «Круговорот» (2002), «Дарю на память» (2005, критические заметки, воспоминания о современниках), «Аромат цветов мира» (2011, сборник переводов русских и зарубежных писателей, среди которых Пушкин, Державин, Ахматова, Цветаева, Рильке), «Волшебный дар пчелиных сот» (2014), «Да поможет вам Бог, люди!» (2017)

В 2020 году в Татарском книжном издательстве к 75-летию юбилею Лены вышел сборник стихов «Ни даулуйсын, йөрәк?» («О чём тревожишься, сердце?»). В этом же году стараниями Марата Шакирзянова, племянника поэтессы, журналиста, на его собственные средства издана книга на русском языке «Я в мир пришла с распахнутой душой, сиянием желая озарить», куда вошли воспоминания о Лене и её стихи в переводах на русский язык.

Псевдоним Шагирзян, так созвучный с её настоящей фамилией, был выбран Леной не случайно: слово «шагыйрь» переводится как поэт. Пожалуй, тема творчества — одна из ключевых у Лены: немало стихов посвящено роли поэта, его чувствам и переживаниям, его разладу с миром и подчас с самим собой, беседам с великими — Пушкиным, Ахматовой: «Не отпускает слово, держит / И днём и ночью, в дождь и зной: / Не уходи, покуда прежде / Не прозвучу тугой струной, / Пока твоей не стану раной, / Дыханьем, сердцем, языком, / Пока из пепла не восстану, / Не расцвету твоим цветком...».

С помощью поэзии Лена признаётся в любви современникам и Дому Кекина в Казани, где познакомились её родители и где она сама прожила несколько лет; пытается разгадать тайну «Чёрного квадрата» Малевича; защитить Землю, которая сама «без крыши над головой», болеет душой за справедливость: «Простое слово тем дороже, / Чем справедливее оно...».

Случайные события преломляются в сердце поэта, как лучи в линзе, позволяя взглянуть на них под другим углом зрения. Оттого зеркальное отражение улицы, поменявшее всё местами, приводит к нечаянному озарению: «А может, стоит в дни сомненья / Хотя бы несколько минут / Прожить в зеркальном отраженьи?». И встреченный в центре города грустный верблюд, красавец пустыни, рождает мысль: «Подумалось: может, терпению / Нас учат верблюды?»

Жизнь поэта — это путь страданий, но в то же время и воспевание жизни, преодоление её трудностей. Это путь зерна, брошенного в родную землю, проросшего сквозь него, впитавшего пот хлебороба, запах свежеспечённого хлеба и вкус родниковой воды на окраине родной деревни. Это бесконечно рвущиеся на свободу птицы из клетки сердца...

Галина БУЛАТОВА

РЕНАТ ХАРИС

ТУРЕЦКИЙ ВАЛ

Поэма

Из наградного листа:

«...Тов. Фаизов, как верный сын Родины, презирая смерть, выполнил боевое задание командиров дивизии и корпуса по обеспечению прорыва Турецкого вала¹ и выходу на северную окраину г. Армянска, дающее право на основании телеграммы № 3057/ш на получение звания ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

Представляю гвардии лейтенанта ФАИЗОВА Я.К. к награде – присвоению звания ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА».

Командир полка
Гвардии подполковник *(Головащенко)*

Начальник штаба
Гвардии майор *(Примин)*

«...ХОДАТАЙСТВУЮ О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ
ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА».

Командир 10-й Гвардейской Краснознамённой
Кубанской казачьей кавалерийской дивизии
Гвардии генерал-майор *(Миллеров)*

7 ноября 1943 года.

¹ **Турецкий вал** – фортификационное сооружение, представляющее собой ров с валом на Перекопе, отделяющее Крымский полуостров от материка и укреплённое фортами и крепостью Ор-Капу́ *(по крымско-татарски: Вал с воротами)*. Построено в конце XV – начале XVI веков во времена Османской империи и Крымского ханства, позднее реконструировалось и укреплялось. В XVII-XVIII веках здесь произошли крупные сражения русско-турецких войн, в ходе которых вал и крепость были несколько раз взяты русскими войсками. В ходе Гражданской войны Турецкий вал пережил штурм в 1920 году, а в Великую Отечественную войну – в 1941 и 1944 годах.

* * *

Лист наградной, вселяя в душу грусть,
лѐг предо мной приказом по войскам,
чтоб заучил его я наизусть,
словно ответ всем злым клеветникам.

А из-за туч, что скрыли небосклон,
льют на Отчизну мне то ложь, то грязь
враги со злобой с четырёх сторон,
греха не зная, Бога не стыдятся...

* * *

Как-то раз в просторах Интернета
разбирая справки про войну,
я глазами, как лучами света,
вдруг нашѐл фамилию одну.

Так тепло к ней прислонилось имя,
став с другими строчками в строю
среди имѐн, что сделавшись родными,
пробудили память вдруг мою.

Всѐ сходилось! Всѐ – точь-в-точь сходилось:
год рожденья, адрес, даты в ряд...
То ль судьба, то ль Бог нам эту милость
вдруг послал – ведь это мамин брат!

Я узнал его – Яхья Фаизов¹!
Сколько раз он приезжал к нам в дом,
мы вели с ним разговор о жизни...
Что ж его я не спросил о том –

кем он был в войну, через какие
проходил горячие бои,
как он выжил в те года лихие
вдалеке от дома, от семьи?

Выжив в страшных беспощадных смерчах
и большую должность обретя,
лишь про нас он говорил при встречах,
о себе вопросы отводя.

У него в квартире было много
лошадиных маленьких фигур –
тонкошеих, быстрых, длинноногих,
с чѐткой резьбой мускулатур.

¹ **Яхья Камалетдинович Фаизов** – гвардии лейтенант, кавалер Ордена Красного Знамени.

Дядя видел в жизни много бедствий,
но с улыбкой часто вспоминал,
как в Свяге² он в далѐком детстве
в жаркий полдень лошадей купал.

Помню, как он к нашей шѐл калитке
в дни, когда к нам в отпуск приезжал.
А не мог приехать – то открытки
и подарки из Москвы всем слал.

Я не трогал его жизни тему,
знал лишь то, что он душою чист,
потому сейчас я, как поэму,
наградной его читаю лист...

* * *

Шѐл сорок третий год, и в эту осень
пришѐл приказ Верховного в окоп –
фашистов срочно надо в море сбросить,
освободить от немцев Перекоп!

Но как в болотах, здесь за ротой рота
увязли на пути, ведущем в Крым –
там, где ещѐ с эпохи Геродота,
был создан вал высоким и крутым.

Здѐсь лѐг и скиф, и римлянин, и русский,
татарин тоже испустил здѐсь вздох,
когда за этот перешеек узкий
они друг с другом бились, кто как мог.

По лесу когда волки жертву ищут,
чтоб разорвать ей горло поскорей,
то убежать, чтобы не стать им пищей,
дано не всем живущим из зверей.

Так Перекоп был узким горлом Крыма
для тех, кого манил наживы жар.
Сквозь тучи дыма здѐсь катились мимо
войска фашистов, римлян и татар.

Турецкий вал зияет и поныне
рубцом кровавым посреди песков,
как след войны, прошедшей по равнине
на протяженьи двадцати веков.

² **Свяга** – река в Европейской части России, в Республике Татарстан и Ульяновской области; правый приток реки Волги.

И вот мой дядя – в списке самых храбрых,
что сохранил навек лист наградной.
Но словно в старом фильме кинокадры
приказа строки скачут предо мной...

* * *

На фронте дядя был кавалерист,
он на коне летел от боя к бою.
Он видел взрывы, слышал пули свист,
был ранен, но помилован судьбою.

Он видел бомбы, что с небес летят,
стремясь к нему... Но защищён богами,
двадцатилетний выжил лейтенант,
чтобы и дальше воевать с врагами.

И он пришёл однажды в Ор-Капу,
на Перекоп, где ветры с моря дышат.
И произнёс:

– Победную трубу
над этим валом нам дано услышать!

Тут «Студебеккер»¹ прочно в луже сел,
и танк едва ползёт по глыбам мшистым.
Но над Турецким валом вдруг взлетел
победный дух наперекор фашистам!

И не пришлось бойцам коней седлать,
Взвод посмотрел под сизой мутью дыма,
как ему ночью можно разметать
фашистский пепел по просторам Крыма!

Когда же звёзды скрылись в темноте,
взвод, погрузив на спины пулемёты,
пополз во тьме к молчавшей высоте
по ледяным простуженным болотам.

Над Перекопом ночь была темна,
ноябрьский холод мрачен и бездушен.
Но под бойцами ветка ни одна
не смела треском тишину нарушить.

Приказ для них короткий был – терпеть,
чтоб и чихнуть никто не смел во мраке
или зубами громко заскрипеть,
разбив колено о торчащий камень.

Ну, а табун, оставленный вдали,
во мраке ржал, словно крича им что-то.
Когда ж бойцы к окопам подползли –
тогда вступили в бой их пулемёты.

То лейтенант, мой дядя молодой
велел открыть огонь из всех «максимов»,
гоня врагов свинцовою волной
прочь беспощадно и неотразимо.

Не ожидали немцы той пурги,
они от смерти близкой задрожали,
и кто-то крикнул в их рядах: «Беги!» –
и немцы в страхе с вала побежали.

Оставив пару пушек на валу
и сто своих погибших сослуживцев,
фашисты скопом ринулись во мглу,
чтоб оказаться посреди счастливыхцев.

И всё ж никто сдаваться не хотел!
Мешая грязь и кровь под сапогами,
три дня, три ночи на валу кипел
бой между нашим взводом – и врагами.

Здесь через Крым везли для танков нефть,
а без неё им никуда не деться.
И в час, когда закат пошёл темнеть,
нам приказали обескровить немцев.

Приказ же немцам был – любой ценой
отнять у русских важную дорогу.
Хоть трупы пусть лежат вокруг стеной!
Хоть стон стоит до туч или до Бога!

И целый батальон направил враг
на взвод, не сдавший им ни метра тверди,
не отступивший в битве ни на шаг,
чтоб эскадрон свой не подставить смерти.

Когда ж огня стихал смертельный шквал
и свисты пуль немного затихали,
тогда бойцы свой укрепляли вал
и все друг другу раны бинтовали.

И длился бой. Ревел гвардейский взвод.
Вот два бойца осталось лишь от взвода.
Когда ж умолк последний пулемёт –
тогда мой дядя лёг у пулемёта.

¹ Грузовой автомобиль американского производства.

Так, не смолкая, он стрелял, стрелял —
 один за целый взвод и даже роту!
 Когда ж запас патронов иссякал —
 он быстро полз к другому пулемёту.

И вновь стрелял, забыв про всех богов,
 не ощущая ран в усталом теле,
 к себе надолго приковав врагов,
 что Ор-Капу вернуть назад хотели.

Но вдруг последним стал в стволе патрон
 и смолкли пуль неистовые свисты,
 и в это время с четырёх сторон
 к нему свирепо ринулись фашисты...

Я бросил ручку и глаза закрыл,
 не дописав строку в своей тетради,
 и мир вокруг — на время отстранил,
 и оказался сам на месте дяди...

* * *

И вот в окопе с дядей я стою.
 Враг впереди. В душе — всё онемело...
 Как защитить мне Родину мою?
 Мне кажется, я знаю, что мне делать.

Смерть для меня — не больше, чем урок,
 я сам готов стрелять, когда придётся.
 (Хотя, какой я в сущности стрелок?
 В тир захожу — и то народ смеётся!)

Вся грудь открыта пулям напоказ,
 как будто в ней нет от рожденья сердца!
 Куда пропал по армии приказ?
 Куда вдруг делись обороны средства?

Мы с гордостью твердим, что нас не жжёт
 огонь боёв, когда нас помнят жёны.
 Но не забудьте — Бог ведь бережёт
 не всех подряд, а только бережёных!

Возьми включи любой телеканал —
 и тут же в дом ручьи дерьма польются,
 куда солдат, герой и генерал
 в один момент по шею окупутся.

И ты узнаешь, что в твоей стране
 всем правит водка, а не Бог с Аллахом,

и потому в быту и на войне
 вместо победы катится всё прахом.

И всем, кто знал науку побеждать
 и был в войну радистом или сапёром,
 сегодня стало вдруг важнее знать,
 кто спит с каким певцом или актёром.

И многократней Золотой Звезды
 для всех здесь стала поп-звезда любая,
 а ты — чужим вдруг стал среди страны
 той, что вчера тебе была — *родная*.

Теперь в коттеджах здесь живут одни
 политики, элита, бизнесмены,
 а ветераны — коротают дни
 в «хрущёвках», тихо дожидаясь смерти...

* * *

Боязнь и трусость — не одно и то ж,
 хоть друг за другом они ходят тенью.
 Кто, видя смерть, не ощущает дрожь —
 тот быстро станет для неё мишенью.

Но сжаться в страхе, в бой идя, не смей
 и не дрожи, доверяясь злобным слухам,
 ведь можешь сам ты уничтожить смерть,
 её сразив своим победным духом!

Сознательно бояться — это труд,
 которому мы все должны учиться.
 Кто не боится страха — те умрут,
 а чтобы выжить, надо изловчиться.

Те страны, что научат свой народ
 смерть побеждать, становятся сильнее.
 Оружие у нас из года в год —
 становится мощней... (А дух — слабее.)

Враги снижают наш высокий дух,
 смущая души наши понемногу.
 Им сладко видеть нас среди прорух,
 и потому — вредят, где только могут...

* * *

И вот в окопе с дядей я стою.
 Кругом — враги, глаза — словно колючки...
 Ну что же делать мне в таком бою?..
 Я вновь тянусь рукой к лежащей ручке.

А дядя вспомнил про один манёвр
и повалился, как сражённый пулей.
Враги решили — этот русский мёртв,
не догадались, что их всех надули.

Но он внезапно — дерзок и упруг —
метнул гранаты в немцев при сближенье,
и тех — двенадцать полегло вокруг...
Вот так прорвал мой дядя окруженье.

То ль позабыв, что рядом ходит смерть,
а то ль его вдруг потянуло в драку —
он взвился, словно разозлённый зверь,
и сам рванулся на врагов в атаку!

И тут ему на помощь устремясь,
как вихрь, примчались парни эскадрона,
и в блеске сабель ворвались в Армянск¹,
ломаю сходу немцев оборону.

Но город взять не вышло на ходу,
который долго был окутан дымом...
Вот так бойцы — в пылающем Аду
дрались за Рай, что назывался Крымом.

* * *

Кто презирал при жизни свою смерть,
тот взглядом с нею встретится однажды,
и память о себе не даст стереть,
известным став среди своих сограждан.

Когда-нибудь о всех, кто был убит,
расскажут правду юным всем и старым
и гибельный Рейхстаг, и Маобит,
и вал Турецкий вместе с Бабьим-Яром².

Лист наградной дрожит в мих руках,
подаренный мне щедро Интернетом.
Как мину, уцелевшую в боях,
держу я перед всем застывшим светом.

Я отпустить боюсь его из рук —
ведь в нём моя хранится сила духа.
Читаю вновь и думаю: а вдруг
взорвутся строчки, решетья друг друга?

Ну почему же Золотой Звезды
ему тогда не дали перед строем?
Ведь комполка, оформив все листы,
уверен был, что станет он Героем.

Но в штабе, видно, Звёзд запас иссяк,
и получить мог только орден воин.
Конечно, орден тоже не пустяк,
но почему ж Героя не достоин?

Спрошу того, кто правду всем сулит:
«Из-за чего — Звезду ему не дали?»
А мне в ответ: «Исчерпан, мол, лимит...
Лишь ордена остались и медали...»

А тут сказал со всею прямою
солдат, пройдя войны четыре года:
«Геройство — не является чертой
какого-то отдельного народа!»

«Но знайте — не вручается наград
тому, кто находился в отступленье, —
добавил вслед ещё один солдат, —
поскольку отступленье — преступленье».

Но дядин взвод вовек не отступал
и, видя смерть не раз бегущей мимо,
он догонял её, атаковал
и открывал Победе двери Крыма.

Народ в лице дивизии признал
геройством то сраженье из сражений.
Освобождённый им Турецкий вал —
в сто раз важнее всех штабных решений!

¹ **Армянск** — город на севере Крыма. Расположен на Перекопском перешейке, соединяющем Крымский полуостров с континентом.

² **Бабий Яр** — урочище в северо-западной части города Киева. Получил всемирную известность как место массовых казней гражданского населения, главным образом евреев, цыган, а также советских военнопленных, осуществлённых немецкими оккупационными войсками во время Второй Мировой войны. Всего здесь было расстреляно свыше ста пятидесяти тысяч человек.

Солдаты, как сквозь чёрный страшный лес,
шли сквозь войны грохочущее пламя.
И все в тех битвах — с орденами, без —
сражались за одно Победы Знамя!

Звезда Героя — золотая та —
прошла мимо него без укоризны.
Обиды нет, поскольку та Звезда —
легла на грудь его родной Отчизны!

И светится доньше та Звезда,
и людям видно, как на целом свете —
зажглась Победа наша навсегда,
а мы — Звезды сияющей той дети!

Лист наградной, свидетель о войне,
никем не обнародован, не издан,
но дух Победы будет жив во мне,
пока я буду Родиною призван!

Перевод Николая ПЕРЕЯСЛОВА

Орден вручён 30.11.1943.

ЭЛЬМИРА ШАРИФУЛЛИНА

КОЛОДЕЦ КАЮМА

I

*Последующие поколения будут
пользоваться плодами моих трудов.
К. Насыри*

1

Не высох он, пройдя через века,
Колодец, что отрыл для нас Каюм,
Ручьи теряли руслу, берега,
Наш полноводность сохранил свою.
На родословном древе Насыри
Колодец – чудо,
Памятник семье,
Делам священным символ он святой,
Достоинства хранитель он живой.
Он жив и ныне только потому,
Что бьётся в недрах мощная струя,
А сколько чёрных душ,
Придя к нему,
Сломать,
Спилить пытались журавля...

Но силой чудодейственной вновь
Из пепла, будто феникс, воскресал.
То чудо – уважение, любовь,
Народ – его, а он – людей спасал.
Исправны журавель и барабан,
За знаниями,
За живой водой
Стекается народ в аул Ширдан
Поодиночке
И большой толпой!

2

Учиться –
То же, что колодец рыть,
Иглой¹ дробя и глину, и гранит...
Ученью не подходят спешка, прыть,
Лишь преданных оно в веках хранит!
Науке ни на миг не изменив,
Отрыл Каюм колодец на века:
Ширданцы пусть, живой воды испив,
Добром попомнят предка-земляка!
В рытье, не зная места, смысла нет,
И важен подходящий инструмент,
Лопата – для колодцев водяных,
Игла – научным – глубже остальных.

Когда подыщешь место, начинай
Колодец рыть с намереньем благим,
А слово, как ребёнка, пеленай,
Люби его, понятен будь другим.
Не доводи до гнева земляков,
Не вынуждай отплёвываться их
И от воды,
И от идей твоих:
Мол, жил средь нас беспечен-бестолков.

Колодец духа!
И колодец дела!
И кладезь знаний,
Коим нет предела!

¹ Рыть иглой колодец – метафора кропотливого труда

И средоточие небесных сил

Каюм в своём колодце воплотил!

*Едва я приступил к обучению детей,
прикрепив к воротам табличку, как об
этом сразу доложили в часть... Некоторые
даже собирались прогнать меня из Казани.*

К. Насыри

1

Невероятных замыслов-идей
Немало было в сердце Насыри,
На воплощении мечты своей
Остановился он: колодец рыть.

Чтоб нанизать на временную нить
Прошедшие и будущие дни,
Писал Каюм, добро чтоб возносить
Над злом...
Его противники, они,
Хромые недалёкие слепцы,
Держали твёрдой хваткой под уздцы,
Горячего коня его страстей,
Не позволяя обучать детей.
Благих починов горьким был финал,
Глава, чтоб смерд науку не постиг,
У Насыри учительство отнял,
Татарам русский ни к чему язык...
Избегал пол-Казани, исходил,
Подыскивая место, где бы смог
Преподавать... Жаль сбитых в кровь сапог...
А чёрный люд его охолонул,
Крича: «Прочь из столицы, Насыри!»

*...Мы – татары.
И язык наш – татарский!..
К. Насыри*

1

«...Татары мы,
Язык татарский наш
Ничем не уступает остальным!» –
Отважным был Каюма карандаш
Со стержнем не графитным,
Но стальным.

«Не любят ни меня,
Ни всех – толпой –

II

Как мыльные, взрывались пузыри,
Претензии неграмотной толпы,
Наука и писательство – столпы
Каюма.
Просветить мечтал татар,
Чтоб грамотными были млад и стар.

Он ратовал за знание языков,
Невежество считал страшней оков,
Здесь мнений быть никак не может двух –
Духовность надо развивать и дух!!!

2

Не плюйте в колодец!
Наевшись досыта,
Не будь выше хлеба.

Не будь выше хлеба.
В просящих шербета
Камней не швыряйте.

Камней не швыряйте.
Обидевшись в шутку,
Беды не накликайте.

Беды не накликайте.
Наш корень единый –
Язык не убейте!

Язык не убейте!

III

Татар, лишь только стоит намекнуть...»
(Он выступал, а брань над головой
Кружила и свистела, словно кнут.)

«Для дворников язык
И ломовых –
Для сфер высоких бесполезен он...» –
За то, что выступал против таких,
Ярлык на Насыри –
«Гру-би-ян».

Порядочность хранили долго мы,
Родной язык едва не потеряв.
Но не искали в чужаках вины,

Всех больше доставалось матерям.

Боялись, что ли, мы забвения
И льстили всем, кто что-нибудь решал?
Но почему же каждый пункт решения
Татарам лишь проблемы добавлял?..

Ну что ж, случилось то, что и должно
Произойти –
Шла грязная война
С татарским языком,
И лишь одно
Спасло его: в последний миг сполна
Учёные, опасность осознав,
Восстали на защиту языка!..
«Забава» есть дурацкая у нас:
Сук под собой пилящая рука
Не устаёт – и день, и ночь крепка...

2

Родной язык – один,
Татарский мой язык.
От мамы он ко мне
И от отца пришёл!

Родной язык – один,
Как родничок в лесу,

*Тридцать пять лет посвятил
я татарскому языку..
Чем больше старался,
тем больше страданий выпадало
на мою долю...*

К. Насыри

1

А род уходит в глубь седых веков...
Достойный сын: умён и не простак,
«Габделькаюм аль-Булгари» – вот так
Звучало имя полное его.
Семь поколений знал он от и до,
Всех предков судьбы,
Вплоть до их имён,
В Свяжске дуб, раскидист, родовой
«Пророс» из им посаженных семян.

«Рождение»,
«Свадьба»,

Как солнце в небесах –
Даёт тепло и свет.

Родной язык – один,
Он – сладость жизни всей,
Он – наслаждение,
Он – нежность, радость, грусть.

Родной язык – один,
Он – Родина моя.
Как дети, дорог он,
Как вера, чист и свят.

Родной язык – один,
Я им всегда горжусь.
Струна моей души,
И трепетный мой саз.

Родной язык – один,
Великий мой язык!
Невянущий цветок,
Красивейший из всех.

Сберёт его Каюм
Для всех и для меня,
Чтоб не завял цветок,
Колодец вырыл он!..

IV

«Сбор в последний путь...» –
Подробно, по крупичам собирал
Рассказы, сказки,
Из народных уст
Услышанные, книгами издал.

Обычаев нерукописных фонд,
Похожесть их и разницу раскрыв,
Доходчиво донёс потомкам он,
Сберёт надёжно на страницах книг.

С арабского он много перевёл
И пояснения там, где нужно, дал.
Учёный мир с почтением его –
Татарский Ломоносов, величал!
Многосторонне он талантлив был:
Учёный,
Воспитатель,
Каллиграф,
Бриллиант не скроет вековая пыль,

И каждой гранью будет он играть!

В загоне пресса, царствует фискал,
И писем не отправить никому,
Но кто же четверть века выпускал
Настольный календарь — всё он, Каюм!

Словарь толковый первым кто издал,
Татарского родного языка?
Огромен труд Каюма, круче скал,
Десятки тысяч слов он изыскал.

Бесчисленны у Насыри труды.
А что известно нам про земляка? —
Лишь капля в море, капелька воды,
Но в каждой тайна скрыта, велика!

2

Сердца боль — народ любимый,
Отчий край — души печаль...

*Дурных вестей нет.
Однако народ сильно истощён,
нет такого человека, который
не посетовал бы на судьбу.
К. Насыри*

1

Забавы с ребяtnей, их звонкий смех
Усладой были, отдыхом ему,
Не чаял Насыри души во всех
Детишках, кто бежал играть к нему.

Устраивал Каюм в родном селе
Для местной детворы свой сабантуй,
Хотел, чтобы жилось им веселей,
Устраивал забеги на версту.

Краснея от натуги, мелкотня,
Вцепившись крепко-накрепко в канат,
Мутузила друг друга по полдня:
Назад-вперёд, назад-вперёд, назад...

Был каждый победитель награждён,
И проигравший не был обойдён.
Печатный пряник с красною тесьмой —
Его не евший сыщется ль такой?..

Жил, мечтой ведом единой,
Каждый день ей посвящал.

Воспевал тебя повсюду,
Край татарский, дорогой,
Жил я каждую минуту
Лишь тобою, лишь тобой.

Гений нации татарской
Показал я всей стране,
Он в пословицах и сказках,
Он в байтах и загадках...
А за всё наградой мне —
Белый камень на земле.

Эй, моё родное племя,
Верхний мой Ширдан аул,
Чтоб дела не стёрло время,
Вам колодец отдаю!

V

Сельчан он в изумление вводил
Поступками, что многим не понять,
Тепло души детишкам он дарил,
Спешил Каюм последнее отдать.

Кубыз, курай —
Самозабвенно он
Татарские мелодии играл.
Виток к витку, не в лучшем из времён,
Клубок познаний для детей мотал.

Аул Каюма Насыри впитал
С избытком благодарность от детей.
«Әт-тәрбия¹» — начало всех начал,
Не счесть подростков, скольких воспитал
Учитель мудрой книгою своей.

2

Найди себе занятие по душе,
С профессией — ты счастлив, — наставлял.
Умерен будь в желаньях, а ещё
Умей быть благодарным, — добавлял.

Пытливый ум всё время развивай,
Пустых, _____

¹ «Әт-тәрбия» — трактат Каюма Насыри об основах воспитания

Никчёмных,
С брешью в голове
Ни к телу,
Ни к душе не подпускай,
Не люди это — грязь, — давал совет...

Со взрослыми не спорь,
В грудь не стучи,
А лучше уважай седины их.
Гостей созвав,
Еду на стол мечи,
Не потчуй сухомяткой слов пустых.

Умей свои ошибки признавать,
С мерзавцами дел общих не имей,
Не беспокой по пустыкам друзей,
Встречайтесь чаще, чтоб не забывать.

Я много наставлений дал, сынок,
Ты к сведенью прими их и внемли,
Мечтаю, чтобы ты достойно смог
Проществовать в любой конец земли!

3

Он «заразился» детской чистотой,
Наивностью,

Играя с детворой.
До старости ребёнком был Каюм,
Но ясный сохранил и мудрый ум.

Нет памяти надёжней, чем молва.
Сквозь пыль веков дошедшие слова
Позволят оценить твои дела:
Народу польза хоть чуть-чуть была?

Благословенья, наставленья слов
Не втопчут в землю сапоги веков.
С оценкой мы оглянемся назад
И заберём, что нам полезно взять.

С годами всё дороже, всё ценней
Становится наследство Насыри,
Всей жизнью доказав, судьбой своей,
Глаза раскрыл
И преподал урок:
В любом из нас, людей, живёт пророк.

К колодцу просветителя приду
И зачерпну живительной воды.
Благодарю тебя бесщётно я
За обретенный клад — «Әт-тәрбия»!

VI

*Хочу познакомить русского читателя
с поверьями татарского народа,
...со связанными с ними заговорах
и предрассудках, ...с традициями
и обычаями...*

К. Насыри

1

Колодец,
Таинством наполненный колодец,
Над срубом древним наклонившись,
загляните:
Со дна волнующе восходят к солнцу воды,
Игриво нежатся, когда оно в зените.

Способный слышать — да услышит глас
Каюма:

«На дне колодца всё богатство
сохранилось,
Ведро забросив, поднимите — отдаю вам

Труды и книги, дай Аллах,
чтоб пригодились...»

Однако людям много выгодней глухими
К его призывам оставаться,
с корнем выдрав
Канат колодезный: «Не лезь ты со своими
Догматами...» — и не стыдились,
ересь выдав.

Как ни глумились бы над ним,
не обрывали
Канаты-цепи и в колодец не плевали,
Не отступал, радел за свой язык учёный,
Мечтал в деяниях своих быть
возрождённым!

2

Жизнь разноцветна...
В общем, как и люди,
Кто сер, как мышь, кому-то богом дан

Талант, сметливый ум и трудолюбие,
Но гениев исход един — зиндан...

Душой ранимы и чудаковаты,
Родятся настоящие таланты.
Для сплетен поводы всегда найдутся,
Талант страдает, злые рты — смеются.

Извилисто течение жизни нашей —
Внезапно в гневе кулаком помашет,
А на изгибе новом — приглубит.
Как дар Небес — талантливые люди.

Такие за народ родной радели,
Престиж его всё выше поднимали,
Вещали, что достойно образован
Народ татарский и трудолюбив он.

Однако, как у нации у каждой,
Свои болячки есть, свои изъяны,
Недостаёт единства нам и дружбы,
Себя же сами сталкиваем в ямы...

Смолой эпоха мутная залила,
Сохой вкривь-вкось все борозды сровняла,
Чтоб к пращурам,
К их дорогим могилам
Ведущие тропинки мы забыли.

Мы и забыли,
Видимо, кому-то
Удобно рыб выуживать из мути.

*Почему мы обращаемся
за помощью к иноземцам?
Почему мы нуждаемся в их лекарствах?
Доколе, ведь на наших землях растут
все необходимые травы
для создания своих лекарств.*

К. Насыри

1

Россия, что ли, как-то меньше стала,
А может, выше горы Ширдан-тау?
Как древнего дастана отголосок,
Звенит родник, хрустальный нерв
колодца.

Яд притеснений нашего народа
Стекается в колодезную воду...

3

Унизить чтоб, найдётся сто причин:
«Слепец» Каюм — какой он господин
Умам и душам, что он может дать,
Такой же, как и мы, простолюдин?..

В малюсеньком ауле Ширданы
Как мог родиться гений мировой?
Цыплята,
Что с соседской стороны,
Гусынями нам кажутся порой.

...«Татарин опосля обеда мудр» —
Пророк ты, гений, дела нет ему,
Родился и родился,
Пусть живёт.
Любой пророк,
Наступит час — умрёт.
На свято место вскочит пустобрех,
С мозгами, словно высохший орех,
Начнётся пир-раздолье для таких,
А гении забудутся в уголки...

Так было раньше,
Так же и сейчас.
Какие испытания ждут нас?..
Татары, умоляю об одном:
Не пачкайте колодезное дно!

VII

Вода до тёмных до глубин — сплошь тайна
На первый взгляд, чиста она, спокойна,
Не там ли тропки к Истине таятся —
В венцах Каюма мудрого колодца?

Со дна поднявшись, завещал потомкам
Каюм-учёный: к знаниям путь отомкнут —
Стремглав бегите к плодородной ниве,
Возделывайте, будете счастливы.

Семи дорог пересечение — что там?
Судьба мотив играет не по нотам,
Мелодий множество, но наставленья
Учёного Каюма — просвещение:
Ученье — это свет неугасимый,

Ученье окрылит, прибавит силы,
Достигнуть абсолютной правды чтобы,
Прилежными старайтесь быть в учёбе.

Одна тропа пройдёт сквозь
бор сосновый:
Будь с топором, — велит Каюм, — тогда я,
Тебя дождавшись, преподам основы
Изготовления кубыз-курая.

Другая, чуть заметная тропинка,
Сквозь луг пройдёт, где каждая травинка,
Когда с ней познакомишься — лечебна,
Для нас Каюм составил свой учебник.

Ремёсел и профессий очень много,
Не стоит обивать чужих порогов,
Прискорбно это — клянчить подаянье,
К нулю сводя всей жизни обаянье...

2

Природу невозможно обмануть,
Как рельсы, твёрд и несгибаем путь.
Лишь мы себя украсили обманом,
Он — вдохновенье наше, наша манна.
Природа справедлива!
Но она,

Как всякий, правду ищущий, одна:
Ни мамы, ни свекрови, ни сестры,
Однако мысли быстры и остры,
Не ускользнёт никто от зорких глаз,
Оценит-взвесит каждого из нас,
Найдя пророка, должное воздаст:
«Людей на свет ученья за собой
Ведите через мрак, поводыри,
Поя в пути живительной водой
Из древнего колодца Насыри...»

Природа двести лет его хранит,
Чтоб жили наши песни, чтоб земля-
Роженица не скрылась под гранит,
Народы чтобы жили, как семья!

Причудлива и непонятна жизнь,
Порою дольше века длится год,
Кто рыл иглой колодец, расскажи,
Как приближенье к Насыри идёт.

...Воды мне!
Из колодца Насыри
Достаточно короткого глотка...
Порою капля глубже всех морей
И полноводней, чем Итиль-река!

Перевод Наиля ИШМУХАМЕТОВА

ЛОРЕНС БЛИНОВ

ФОРТЕПИАННАЯ МУЗЫКА

сонеты к сонатам

1. ПРЕЛЮДИЯ

Уметь коснуться края красоты
и отступить в огонь преображенья;
укрыться в зеркале уединенья;
в себе заметив новые черты,

застыть, чуть отшатнувшись в удивленье,
и вдруг услышать с этой высоты
всё, чем дышал и прежде ты,
но что таилось где-то в отдаленьи...

Гигантская затрепетала сеть!
И кажется, что легче умереть,
чем ускользнуть от буйства этих звуков...

И в пламени сонатного огня
вздыхается и снова для меня
суровый мир в святых творится муках.

2.

Владимиру Киносьяну

Рояль больным, рояль безумным станет.
Огнём исполнится его душа!
Он в нас ворвётся, сокрушая ставни,
Не устая пальцами дышать...

Теперь – ничто не проскользает мимо.
Его не опрокинуть – раскалён!
Как листья распускает клён,
так песнь его – неумолима.

В нём – всё распахнуто: и почки, и лучи;
распахнуты – ворота, строки, лица...
ручьи и сучья, сосны и грачи –

всё наяву! Здесь и не пахнет снами.
И жизнь спешит в сонатах раствориться,
чтоб всем дыханием остаться с нами.

3.

Моим дочерям Виолине и Юлии

Бездонные сгустились тени.
И – отодвинулись огни.
Лишь пальцы – в клавишах – одни
души нащупывают уравниенье.

Да! – математике сродни
такая степень приближенья
к тому, что не дано постичь!

Чью тайну Фауст знал когда-то,
и Лист, вздымающий сонату...
И тот взыскующий вопрос
(среди гибельных утех и грёз):

«Как жить, чтоб ЗВУК был не запятнан?»
(пусть – хаос и безумье рядом) –
никто не в силах исключить!

4.

Едва сонатная руда
истает среди ночных берёз,
и обнажится смутный торс
почти остывшего труда,

как явно слышится тогда
седого Брамса отдалённый голос!
Казалось, ночь вдруг раскололась,
как льдина посреди пруда...

Он говорил:
 — Тот ясный тон,
 каким всегда искрился Моцарт,
 найти никто из нас не сможет...

Что ж! Так писать мы не умеем,
 так будем же, по крайней мере,
 такими ж чистыми, как он!

5.

Как чайки северной протяжный
 терпкий крик
 порой пронзает ледяное крошево,
 так в души наши песней Сольвейг
 брошено
 пронзительное слово: Григ.

Седой мечты касаясь осторожно,
 над прахом долгих лет поник старик...
 И тысячи сердец внезапно перемножены
 на море сосен и гвоздик!

В глубоких фьордах нет томления прибоя,
 во взгляде их стальном —
 нет южной теплоты:
 холодных
 волн
 размерен бег...

Но мрачный пурпур скал
 над синью пустоты,
 но Халлинга огонь,
 морской простор и воля —
 в аккордах григовских слились навек.

6.

Мы привязаны к чуду.
 Верим юной траве.
 Голубому верблюду
 на ребячьем столе.

Голубому экрану.
 И экрану морей...
 Нас терзает упрямо
 белый клин журавлей.

В лязге лестничной клетки,
второпях, как и всюду,
вдруг откроется дверь –

словно утренний ветер,
донесётся Равель...

Верим этому чуду.

7.

Упала тихая луна.
Над миром вырос век двадцатый.
Взошли иные имена,
иные обнажились даты.

Рояля гордая волна
вдруг запрокинулась куда-то,
и снова вспыхнули сонаты –
бушует в клавишах война!

Стравинский. Барток. Хиндемит.
Равель. Прокофьев. Вила-Лобос.
(И всяк – своих кумиров читит!)

Стальной в груди зажётся свет.
Взметнулся музыкальный глобус...
Но миг – и вдребезги разбит!

8. АЛЬБАН БЕРГ

*Композитор умер от отравленья,
вызванного укусом обыкновенной мухи.*

Какая муха укусила
того, кто звуком загрузил?
Кто, смутные напрягши силы
в себе Сонату пробудил?

Какая муха укусила,
чтоб, не пройдя и полпути
и в траур обратив чернила,
в Сонату **вечную** сойти?

Унять не в силах свой порыв,
«Какая укусила муха?!» –
терзаем мы порой друг друга...

Когда лишь музыка – в ответ,
мы, вдруг прозрев и поостыв,
поймём: последний вспыхнул свет.

9. ПОСТЛЮДИЯ

Аккорды Шуберта блистали
печалью неземных дождей...
Казалось: чуть раздвинешь день –
иные распахнутся дали.

В ручьи и в шум лесов одень
упругость фортепьянной стали! –
Надежды вновь затрепетали;
в душе обрушился плетень.

И – в путь! в глубины свежих истин!
Вся музыка теперь – им отдана.
И замыслы горят. И с каждым
днём – ветвистей!

Но сколько б я ни пел –
мне не достигнуть дна.
Здесь не хватило бы и сотни жизней,
но нам дарована – одна.

10.

Уходит Микеланджело Буонарротти.
Суровый молот. Лик... Или стезя.
(Единым звуком охватить нельзя
ту поступь, что всегда – в полёте...)

Уходит Мастер, вечность обретя.
Что высится в безумствующей ноте?
Кто нам дарует сокрушенья плоти,
во имя Духа – душу бередея?

Мы утром тяжко ступим на крыльцо;
нежнейший мотылёк ожжёт лицо
(и, словно Хлебников, прошепчет:
«Я такович») –

и посреди душевных смут
в нас вдруг проглянет Шостакович
трагически высок и мудр.

САД В ЕССЕНТУКАХ

пять сонетов

КЛАССИЧЕСКИЙ ФОНТАН

Кипящий луч, упругой высоты
коснувшись, в бесконечном удивленьи,
крутыми гроздьями взметнувшейся воды
завис над бездною
прозрачного мгновенья.

В спокойном ужасе обратного движенья
Застыли обнажённые сады
журчанья тихого
и, словно в сновиденьи,
замедленно
вкусили
пустоты.

Что ищет взор твой, устремлённый внутрь,
среди журчаще-трепетной агавы?
Смешливый мальчик, мокрый и нагой –
что слышишь ты, задумчиво-лукавый,
В размеренном скольженьи этих струй?

...Что нас влечёт? Движенье – иль покой?

ЛУЧНИК

Стрела дрожащая нацелена в зенит,
и тетива уже огнём горит;
В себе незримый преступив порог,
весь – в небо устремлён, застыл стрелок.

В суровой жажде опрокинуть рок,
он дерзостно-надменный принял вид.
Безумец! Оглянись на свой исток –
стрела ещё в руке, а уж назад летит!

Один лишь миг – и будешь пригвождён
булавкой огненной на этом самом месте.
Пронзая небо, метишь не в себя ль?!

Искрится в нетерпеньи вертикаль
натянутой стрелы: слепец, ты обречён!
И чем верней рука, тем гибельней
возмездье.

КЛАССИЧЕСКАЯ АРКА

В эгейском сне угасла даль моста.
В пучине синей – Буйвол Золотистый...
И вдруг открылась, мраморно чиста,
нагая простота эллинской мысли.

Прозрачна мысль. Прозрачна чистота.
Прозрачен свет.
Прозрачен воздух листьев.
И корни скал. И таинство Креста.
И звуки звёзд... И ответ вечных истин.

Но ЭТОТ миг! Бездонен и един –
чем дышит он? Какими небесами
откликнется его двоичный луч?

В какую тьму душевных толщ и круч,
(и мук!) упрётся – неисповедим?
Что там внутри? И что – над нами?

КЛАССИЧЕСКАЯ РОТОНДА

Двенадцать беломраморных лучей
взметнули в небо изумлённый купол.
И хаос – в беспредельность убыл,
и ясность осветила суть вещей.

Студёной свежести забил ручей.
Душа воспрянула. Затрепетали губы.
И – заново рождён тот, кто душою грубой
угас давно, – заброшенный, ничей.

Холодный полый каменный цветок.
Сплетение тяжёлых, влажных теней.
Здесь воздух движется,
как бесконечный вздох,
Рождённый тихим ионийским садом...

В листве математических растений
заката свет и обновленье – рядом.

ПЕРЕД КОНЦЕРТОМ В КУРЗАЛЕ

Вечерний дрозд кромсает червяка.
Червяк упорный роет лабиринты.
Старик-скрипач налаживает квинты.
Жизнь движется, привычна и легка.

Все атомы пространства — квиты.
...Но отчего же: скрипка — и рука —
и окна — и мельканье тальника

как бы с чертой последней слиты?

Объят закатом Сад в Эссентуках.
Всё — только миг. Но миг иной никак
В своём закате нам не уместить.

Не удержать его в оправе плоти!
Огнём истерзанный, он трепетен, полётен.
И беззащитен...
Как желанье жить.

«УХОДИТ МАСТЕР, ВЕЧНОСТЬ ОБРЕТЯ...»

4 сентября Лоренсу Ивановичу Блинову исполнилось бы 85 лет. Талантливого поэта и композитора не стало 24 декабря прошлого года. Родным, близким и поклонникам творчества Лоренса Блинова в это сложно поверить — в свои восемьдесят с хвостиком он был бодр, активен, полон сил и планов. Его творческие вечера в казанском литературном кафе «Калитка» Центральной библиотеки собирали аншлаги, а бьющей ключом энергии завидовали молодые. «Бесподобный Лоренс Иванович Блинов в „Калитке“! Живая легенда, лидер казанского поэтического андеграунда 70–80-х годов, футурист, истинный интеллигент, композитор, философ, тонкий поэт и добрейший человек, — делился о вечере Блинова в 2016-м казанский поэт Филипп Пираев. — Вот они — мгновения прикосновения к прекрасному!». Или вот ещё один отклик с того же вечера, принадлежащий автору этих строк: «В „Калитке“ Лоренс Иванович Блинов. 80-летний, в отличной форме, с ясными глазами и мыслью, читающий наизусть стихи свои, брата Владимира и любимого Велимира Хлебникова. Легендарный поэт, композитор, философ, педагог, основатель казанского андеграундного поэтического сообщества имени Хлебникова „ПоСоХ“, просуществовавшего с 1973 по 1985 год. Собирались на квартире у Блиновых, на Свердлова, 100 (потом я прочла, что квартиру эту Блиновым, где к концу войны подрастало шестеро детей, выделили в течение 24 часов по распоряжению Сталина, которому мама Лоренса написала личное письмо). Философия творчества Лоренса Ивановича чем-то близка философии буддизма. Смысл поэзии — запечатлеть миг и переживания этого мига, из которых и складываются века...»

В марте этого года в казанском литературном кафе прошёл вечер памяти Лоренса Блинова. И опять — отклик автора по горячим следам того дня:

«Сегодня в „Калитке“ звучали стихи, музыка и воспоминания о Лоренсе Ивановиче Блинове — необыкновенном человеке, поэте космоса, музыканте-экспериментаторе, философе, педагоге и учёном. Да-да, учёном: как оказалось, у Лоренса Ивановича даже имеется медаль за вклад в освоение космоса! О семье, музыкальных пристрастиях и выступлениях, стихах, встречах и многом другом рассказывали дочери поэта Лина и Юлия Блиновы, супруга Людмила Фёдоровна, с которой Лоренс Иванович прожил более полувека,

Геннадий Васильевич Пронин, основатель и директор музея Константина Васильева, казанские литераторы Эдуард Учаров, Алексей Остудин, Александр Воронин, Айрат Галимзянов, Рустем Сабиров, Айрат Бик-Булатов, Самуил Шер и другие. В исполнении Лины и Юлии Блиновых (фортепиано плюс чтение стихов) прозвучала созданная их отцом музыкальная композиция на 12 стихотворений Велимира Хлебникова. Издатель Илья Чирков на собственные средства напечатал несколько экземпляров книги „Зеркала музыки», которую поэт не успел издать при жизни... По признанию выступающих, это был вечер, на котором продолжает жить поэзия, музыка Лоренса Ивановича Блинова.

На обложке книги «Зеркала музыки» читаем: «Новый поэтический сборник Лоренса Блинова достаточно своеобразен — он весь посвящён музыке. В нём автор с помощью образно-поэтических средств демонстрирует возможность художественного сопряжения двух ипостасей: Музыки и Поэзии. Направляя эти два зеркально родственных феномена в общий поток музыкально-поэтического движения, автор словно бы пробуждает некий „Орган Вселенной“, сливая внезапно „в одно дыхание и Звук и Слово“».

Галина БУЛАТОВА

ПОЭТЫ УХОДЯТ — СТИХИ ОСТАЮТСЯ

КАМИЛЬ ХАЙРУЛЛИН

«ПРЕКРАСНА ЖИЗНЬ! — ПОКА ОНА В ЗАПАСЕ...»

(Небо, жизнь и смерть в поэзии Николая Беляева)

*Камень тоже рождается, живёт, умирает,
растворяется и превращается в пыль.
Человек — на бессмертье души напирает,
верит в чудо, в свою запредельную быль.*

Николай Николаевич Беляев (1937–2016), известный казанский поэт, оставил большое литературное наследство: две тысячи стихотворений, опубликованных в 15 книгах.

Выпускник Казанского университета, окончивший геологический факультет, он стал геологом-геофизиком и провёл много лет в полевых экспедициях — на Кузнецком Алатау, в Казахстане, Сибири, на Урале, в Туркмении. Поработал также инженером-конструктором по нефтяной автоматике, потом сотрудником телевидения и редакции молодёжной газеты. Не переставая, писал стихи, и, в конечном счёте, главным делом жизни и постоянной творческой потребностью стала для Беляева поэзия. С любовью и благодарностью относился Беляев к Казани, как к родному городу, определившему его судьбу и вдохновлявшему его на творчество. Это получило яркое выражение в стихах. Беляева даже называли «самым казанским поэтом».

Мой опыт живого общения с поэтом невелик. Я пару раз слушал его публичные выступления, сделанные им в последние годы жизни. Ранее прочитал два сборника его стихов. Стихи мне понравились. А в ходе выступления в Казанском университете Николай Николаевич прочитал ряд стихотворений, которые меня особо заинтересовали, поскольку область моих научных исследований — космизм и, в частности, космизм в русской поэзии. После выступления Беляева я подошёл к нему, мы познакомились. Поэт поделился со мной своим электронным адресом и подарил мне свою книгу «Казанская тетрадь». В автографе заглавными буквами вывел «БУДЕМ!!!». Я понял, что это — девиз его жизнеутверждающей поэзии. Тогда и захотелось написать о поэзии Беляева статью. Мой замысел реализовался только теперь, через 7–8 лет, и, увы, Николая Николаевича уже нет в живых. Мне он запомнился как мудрый, доброжелательный и открытый человек.

Я не собираюсь анализировать всю поэзию Беляева. Меня интересуют в первую очередь его стихи метафизического и космического характера, стихи, обращённые к вечным вопросам человеческого бытия. В ходе вчитывания в стихотворения

Беляева в моём сознании сформировалась триада «небо – жизнь – смерть», в рамках которой я и постараюсь представить мировоззрение поэта и рассмотреть его размышления религиозного характера.

Прежде всего, я обратил внимание на то, что Беляев много писал о тайнах космоса, Бога, жизни, смерти, разума, души, сновидений, мозга, искусства, музыки, поэзии, о загадках гения, «духа русского», об улыбке женщины, «... божественной, и Тайне сопричастной» (1, с. 60), о «необъяснимой страсти» материи к развитию (2, с. 23). Поэт даже утверждает, что есть Тайна с большой буквы, которая неустранима: «Не эфир, не субстанция – Тайна / чьё присутствие неизгладимо» (1, с. 156).

По мнению Беляева, атмосфера таинственности стимулирует творчество. Тайны могут пугать, страшить, но в то же время они притягивают к себе внимание, вызывают интерес, будят и будоражат воображение и в конечном счёте заставляют напряжённо думать.

Наука многое делает для познания природы и открытия её законов, но сфера познанного слишком мала по сравнению с бездной неизведанного. Слишком много вопросов, на которые у человечества нет ответов.

*Не все ещё Тайны природы
раскрыты, подвластны уму.
И вспышка фонтана Свободы
не высветит Космоса тьму* (3, с. 118).

Наука не обладает монополией на истину. Тем более рациональное познание не схватывает присутствия иррационального в мире, что способно делать искусство. Оно имеет право на поиск истины, и надо ценить его открытия, догадки и прозрения. Поэзия также имеет свои цели и задачи. Среди них есть задача создания поэтической картины мира. В этом отношении Беляев поэзию характеризует следующим образом:

*Она – обязанность: услышать, воссоздать
картину мира – запахи и звуки,
всё, что запомнила душа, глаза и руки* (1, с. 178).

Он склонен даже сакрализировать поэзию, рассматривая её в качестве особой религии, в которой места богов занимают великие поэты.

*Поэзия – лучшая из религий!
В моей мечети Шекспир с Хайямом
сидя слушают старца Овидия,
историю горестную его.
В моей мечети Тукай с Дэрдемном
почти столетие спорят тихо.
И Пушкин с Евгением Боратынским
о Чаадаеве говорят* (4, с. 68).

Такая поэзия – настраивает душу на возвышенный лад и устремляет её к небу. Беляев восклицает: «Главное – сквозь тернии! / Сквозь время, ветер, в небеса, в зенит!» (2, с. 109).

Небо играет очень важную роль в поэзии Беляева. Оно есть символ всего возвышенного, беспредельного, божественного, вечного и бессмертного. Небо – это пространство

ветра, свободы и неограниченного полёта. Наконец, небо — это Космос со своими светилами, иные миры. Поэт в своих стихах говорит о значении Солнца, Луны и звёзд в жизни и выделяет те чувства человека, которые возникают у него под ночным звёздным небом. Он предлагает каждому поискать и найти свою звезду в небе:

*Поднимись и выйди в темноту,
мириады звёзд над головою
обнаружишь и отыщешь ту,
что твоей, земною правит жизнью,
наполняет музыкой любви,
спазмами, слезами об Отчизне,
робкой верой,
вспыхнувшей в крови... (3, с. 33).*

Важное ощущение, возникающее под звёздным небом — это ощущение единства земного с небесным. Этому у Беляева посвящены прекрасные строки раннего стихотворения:

*И струится тропа соловьиная,
и сквозит, словно тайный свет,
ускользающе — необъяснимое,
то, чему и названия нет.
Подступает, как сумерки поздние,
то глубинное, что роднит
тишину с полуночными соснами,
незабудку, звезду, родник... (5, с. 100).*

Но, чувствуя себя частью великого целого, ты не утрачиваешь свою индивидуальность перед лицом Вселенной. Наоборот, это настраивает тебя на творческое восприятие чего-то уникального, что есть в мироздании. По мнению Беляева, можно услышать музыку космоса, обращённую именно к тебе:

*Но — чу! — из глубин мирозданья
струна золотая поёт...
Ты, может, единственный внемлешь
далёкому пенью её.
И веришь в признание, и меришь
тем пеньем своё бытие (4, с. 70).*

И космической музыке словно эхом отвечает земная природа:

*Какая ночь! — цветущая звездами,
и безднами... И встречный, от земли
ответ — земными травами, цветами,
глазами ясными...
Прислушайся, внемли,
услышав звуки музыки вселенской... (1, с. 157).*

Представленные стихи выстраивают поэзию неба, которую Беляев дополняет в других стихах современными астрономическими представлениями. Речь ведётся о квазарах, чёрных дырах, тёмной материи. Космос опасен для жизни. В нём бушуют колоссальные энергии, происходят чудовищные взрывы и столкновения, уничтожающие звёзды и даже целые галактики. *«Космос дышит ядерной накачкой»* (1, с. 207).

Чёрные дыры безвозвратно засасывают в себя всё, что попадает в поле их притяжения. Об этом Беляев пишет так:

*Нам показали кадры страшные вчера,
как чьё-то Солнце съела Чёрная Дыра...
Пусть я не спец по этому предмету,
как не тревожиться за всю мою планету?* (2, с. 110).

В 1956 году Беляев в составе студенческого отряда ездил в Казахстан для работы на целинных землях. Там он стал свидетелем испытания водородной бомбы, наблюдателем гигантского смертоносного гриба, поднявшегося над степью, что описано в его стихотворении *«Всем миром по грибы»*. Эту бомбу поэт охарактеризовал так: *«Дикого ума устройство... / Детище прогресса мирового, / предел, итог... Спресованная тьма, / свет, смертоносный для всего живого...»* (2, с. 87). Слава Богу, испытания ядерного оружия прекратились. Но опасность ядерной войны сохранилась. Наверно, не случайно апокалиптические послания и видения посетили поэта во сне:

*В пустыне сна нездешний мощный голос
меня потряс. Он Тайну мне открыл.
Он из глубин Вселенной исходил,
и явно не был человеческим тот голос:
Смотри: зажглась во мраке новая звезда.
Вчера была она цветущей планетой.
Созрела... Ведь у жизни цель одна –
пространству подарить источник света...
И в ужасе, вскочив, проснулся я* (2, с. 51).

Ясно, что гибель населённой планеты – это великая утрата. Но если говорить о свете, исходящем от живой и разумной планеты, то таковой должен быть светом не разрушения и гибели, а творчества и созидания.

Природа неживая и живая играет огромную роль в жизни человека. Но что такое жизнь сама по себе? В чём её суть? В чём её смысл? Этим вопросам в своей поэзии Беляев уделял большое внимание. Прежде всего, поэт подчёркивал, что жизнь есть великий Божий и природный Дар. Она самоценна. Надо всегда помнить – если ты её утратишь, то *«... никто / ничего / никогда / не предложит нам с вами взамен...»* (4, с. 62). Жизнь есть ощущаемое бытие, а для человека она является и осознающим себя бытием, выступающим как динамическое единство его души и тела.

Жизнь есть всегда процесс, изменение, развитие. Всё живое существует в пространстве, но живёт во времени. Даже пребывая в покое, оно течёт во времени, выражая его. В сущности, жизнь и есть время. Беляев даёт такую формулу: *«То самое время, / которое, в сущности – мы»* (5, с. 42). Для каждого человека жизнь есть конечное время – определённый срок, начинающийся с рождения и заканчивающийся смертью. Но жизнь связана не только с отдельным человеком, но и с его родом. Тогда она есть прордевающееся время, выступающее как бытие, смена и эстафета поколений.

Поэт связь человека с земной природой, со своим родом, с предками и потомками выразил в следующих строках:

*Я связан — прочной цепью ДНК,
корнями трав, деревьев, облаками —
с моими предками и с теми, кто родится
через столетия...*

*Без этой связи — был бы я неполон,
непредставим, она важнее прочих (3, с. 67).*

Человеческая жизнь — это очень сложный, многосторонний и противоречивый феномен. Поэтическое освоение его жизни, прежде всего, обращено к раскрытию богатства человеческой души, постоянной смены её состояний. Беляев писал: «... тайна, девочка, полночь, Психея и бездна — душа!» (2, с. 65). В другом стихотворении он назвал душу страной, имея в виду её огромное содержание. Обращаясь к любимой, он пишет:

*Страна души твоей
немеренной равниной
лежит в мерцанье звёзд, озёр и тополей.
В твоих просторных, словно мир, глазах
мне — странствовать
и петь — легко, открыто... (5, с. 78).*

Живое богатство души — это колоссальное многообразие положительных и отрицательных ощущений и чувств, смутных предчувствий и догадок, мыслей и воспоминаний, интуитивных прозрений и неуловимых сновидений. Душа включает не только разумное рациональное начало, но и иррациональное нечто, то, что составляет её главную тайну. Поэзия нащупывает такую тайну и в определённой мере её выражает. Данное утверждение правомерно и для музыки и живописи. Поэзия, используя то или иное слово, как бы поворачивает его, открывает в нём музыкальное начало вместе с «...издревле в нём бытующую Тайной» (1, с. 10). По мнению Беляева, «Есть в поэзии закономерности, / выше нашего разумения» (1, с. 102). Искусство затрагивает и раскрывает самые глубокие стороны человеческой души.

А что проявляется на поверхности? Душа любит или ненавидит, радуется или плачет, хочет чего-то или не хочет, очарована или разочарована, волнуется или успокаивается, испытывает подъём или упадок... Однако переживания бывают не только простыми и бинарными, но и гораздо более сложными, имеющими тонкие нюансы. Такое многостороннее состояние души Беляев описал в следующем стихотворении:

*Соловьиный нежности стон,
В дальний угол души упрятанный.
Еле-еле угаданный сон,
Тихо выпавший снег незапятнанный.
Лепет сердца: — Замкнутый круг...
А из глаз — прорвавшимся светом —
Невозможность, счастье, испуг,
Ересь, жажда, родство с кометой... (5, с. 86).*

Жизнь человеческая невозможна без общения, в котором душа одного человека открывается душе другого.

*Слово за слово – раскрывается
перед тобой человек, душа...
Постиженья, общения таинство,
не тобой ли жизнь хороша! (4, с. 45).*

Важно сделать свою жизнь содержательной и полновесной. Беляев использует известный образ наполняемого сосуда: «Жизнь – сосуд, и важно – чем? – ты успел его объём наполнить...» (3, с. 144).

Жизнь имеет светлые и тёмные, высокие и низкие стороны и проявления. Поэзия всегда воспевала любовь как высшее человеческое чувство и склонна была его обожествлять. Вот и Беляев говорит: «А я всю жизнь пытался петь Любовь, / то, без чего – ни жизни, ни Свободы...» (2, с. 83). Любовь является одухотворяющей творческой силой, способной превращать и окрылять душу.

*Светлой властью любви,
властью нежности неодолимой
Ты меня воскресила.
И окно распахнула в апрель... (5, с. 76).*

Обращаясь к любимой жене Лоре, «лучшей из лучших дочерей татарского народа», Беляев с благодарностью пишет: «Ты – зренья мне дала, / все краски мира видеть научила» (2, с. 32). Он убеждён, что искусство коренится в конечном счёте в любви.

Взаимная любовь – важное условие человеческого счастья, по определению Беляева, «странного времени года», условие постиженья такого блаженства, когда «Мы не ходим – летаем, плаваем!» (5, с. 81). Но такое состояние не может быть долгим. Но долгой может стать любовь, остающаяся опорой жизни. Какой же любви, помимо её взаимности, люди ищут?

*Настоящей, честной, понимающей,
видящей и мудрой, как змея,
за собою все мосты сжигающей
ради вечной ценности – семья!
Чтобы улыбались – год за годом,
и в достатке жили, и в труде,
чтоб народ – великим был народом,
а не кое-как и кое-где... (3, с. 60).*

Однако жизнь – это не только любовь, радость, счастье, благополучие, удачи и успех, но и страдания, боль, лишения, неожиданные удары судьбы, неудачи, депрессии и т.п. Каждого живущего впереди ожидает неизбежная смерть.

Да, «Жизнь – как жизнь – трудна» (3, с. 63). Она бывает жестокой и тяжёлой. Но нельзя пасовать и сдаваться перед её трудностями. Воля и стойкость человека не менее важны, чем его интеллектуальные и творческие способности. Жизнь дана для испытаний, борений, преодолений и обретений. Приходится и радоваться, и страдать, принимая жизнь такой, какая она есть.

*Да, только так — ликуя и скорбя,
все породнив в себе, и стоит жить на свете,
где есть деревья, краски, ветры, дети.
И есть любовь,
которая с тобой
пройдёт весь путь земной
до крышки гробовой (4, с. 11).*

Беляев подчёркивал значение творчества как рождения чего-то нового, как созидания, наполняющего жизнь смыслом и делающего её интересной и насыщенной. В то же время его очень волновал вопрос о судьбе таланта в мире, вопрос: почему так часто эта судьба оказывается несчастливой и даже трагической? Ведь именно талантливые люди двигают культуру и науку вперёд, делают открытия, творят шедевры искусства, намечают новые пути развития. А их часто не признают при жизни, гнобят оппоненты-консерваторы, к ним холодно, а иногда и враждебно относятся власти и обывательская среда, они материально бедствуют. Им очень часто приходится жить и творить не благодаря, а вопреки окружающим социальным условиям и обстоятельствам. Именно такую трудную судьбу одарённого художника Алексея Авдеевича Аникеенка Беляев представил в своеобразной книге «Поэма Солнца», имеющей документально-прозаическую и поэтическую части. Аникеенок, участник Отечественной войны, вернувшийся с неё инвалидом, обладал весьма своеобразным характером. Писал свои картины, не следуя каким-то определённым канонам, а только исходя из собственного, достаточно оригинального видения мира. Поэт, давая другу-художнику очень выпуклую образную характеристику, писал:

*И что ему ваши каноны,
творцы современных пустот,
когда он пейзаж законный
за принцип вселенной берёт,
и весь его переиначит,
безжалостно перекроит...*

*Там, в мире, который он создал,
от нас удаляясь навек,
обросший избёнками
к звёздам
в телеге плывёт человек! (6, с. 248).*

В последних словах Беляев повторил свою излюбленную мысль о необходимости человеческого устремления к небу. Именно туда поднимает талант творца! Но, увы, неординарное, новаторское утверждается, пробивает дорогу в жизни с большим трудом и не сразу.

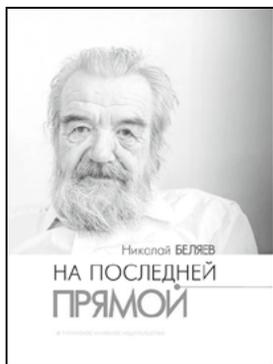
Жизнь и судьба любого человека включены в контекст исторического времени, которое накладывает на них свой существенный отпечаток. Беляев относил себя к поколению шестидесятников, пережившему периоды надежд и разочарований. Им написано немало стихов исторического и политического характера, на анализе которых я подробно останавливаться не буду. Это — отдельная самостоятельная тема. Хочу отметить только следующее.

В своих стихах об отечественной истории и современности Беляев предстаёт как патриот, всячески желающий блага Родине, призывающий служить её интересам

и в то же время горько сожалеющий о тех бедах и трудностях, которые пришлось пережить народу нашей страны и с которыми он сталкивается сейчас. Поэт весьма критически оценивал постсоветское время, считая его временем обманутых надежд, беспощадной власти денег, резкого обогащения одних и обнищания других и роста националистических настроений.

Беляев совсем не придерживался распространённой идеи линейного прогресса, согласно которой завтра жить будет лучше и легче, чем сегодня, а люди будут становиться умнее, сильнее и нравственнее. По его мнению, пора отказаться от прекраснотушных мечтаний, всяких утопий, которые никогда не сбываются, а попытка их осуществить ведёт только к насилию, большим бедам и жертвам. *«Большевики почудили, и будет»* (1, с. 201) – так сказал поэт, имея в виду строительство коммунизма.

Беляев был убеждён: поэт не должен идти в прислужники власти, а всегда быть на стороне народа, гражданского общества, выступать в роли их рупора и критика власти. *«Поэты – олухи небесного царя, / и не в ладах с царящими – земными»* (2, с. 105).

В поздний период творчества поэта усилились его религиозные умонастроения, заметно проявились думы о старости, смерти, возможности бессмертия. Предстали многочисленные воспоминания о прошедших годах и молодости, об уже ушедших людях. Беляев отмечал, что *«Наше поколение от безверья / трудно поворачивает к вере»* (3, с. 82), но он сам решительно повернул к христианской вере, создав ряд стихотворений религиозного содержания. Ему понравилась мысль Бердяева о том, что *«атеизм – и тот – всего лишь дверь, / тайный, чёрный ход в чертоги Бога»* (2, с. 132).

Да, небо, звёзды молчат, если к ним обратиться с вопросом *«Где же ты, Бог?»* (3, с. 99). Но, с другой стороны, небо – это бездна неизведанного... К этому можно добавить: присутствие в мире красоты, гармонии, совершенства, а также человека как разумного и нравственного существа, говорит в пользу их высшего Творца.

*Есть Нечто, выше и разумней нас,
Есть Ты, Господь, спасённый веком Спас* (3, с. 146).

Нельзя доказать научными методами как существование Бога, так и его отсутствие. Но человеческое сердце, настроенное на любовь, доброту и бескорыстие, чувствует, что Он должен быть, и Он есть! Поэтому в Бога надо верить, вера носит обнадеживающий и спасительный характер.

Тайна Бога бесконечна, и её не охватить разумом. Можно выработать философское понятие Бога как мирового разума и вкладывать универсальный смысл в слово «Бог». Но это мало что даёт верующему человеку. *«Нет бога, если Бог – всего лишь слово, / молчи, душа! Молитва – бесполезна»* (1, с. 59). К Богу надо относиться как к личности или сверхличности, т.е. как к живому доброму и любящему существу, способному чудесным образом ниспослать благодать конкретному верящему в него человеку, прийти к нему на помощь тогда, когда тот об этом просит в своих молитвах. Надо всем сердцем возлюбить Бога, и тогда с Ним установится сокровенная духовная связь, которую никакой посторонний не сможет разрушить. Беляев написал ряд стихов, посвящённых Христу, празднику Пасхи и Библии.

*Христос воскрес!
Он смертью — смерть поправ.
И эта формула сияет, как кристалл! (3, с. 217).*

Значит — победа над смертью возможна! Возможна после смерти иная вневременная, скорее всего, внефизическая жизнь! Возможно воскресение! Христос, воскреснув, вознёсся на небо. Значит — посмертная судьба связана с небом. Всё это можно воспринять с большим воодушевлением. Но Христос — Богочеловек, и то, что Он сделал, насколько доступно для обычного человека? И здесь остаётся большая неопределённость, и тайна смерти сохраняется. Как считал Беляев, надо стараться её разгадать.

*Ночь глуха, необъяснима Смерть.
Но, пока мы живы — над разгадкой
думаем, за мёртвых и живых (2, с. 151).*

Теме смерти и бессмертия Беляев уделил большое внимание, и он подходил к тайне смерти с разных сторон:

*Но как это можно:
ты дышишь, и вдруг — ничего...
Квадратный абсурд... И беспомощность мысли.
И стыдно (1, с. 28).*

Здесь выражен протест против самого события смерти, его абсурдности для мыслящего существа. Если смерть — просто обрыв, конец жизни, и больше ничего, то это означает победу разрушения над порядком, низшего над высшим, неживого над живым, неразумного над разумным. Это — плохо, стыдно, тем более умерший не просто исчезает, а оставляет труп, который надо в силу его быстро начинающегося разложения скорее похоронить или сжечь. «Смерть на земных свершениях так грубо ставит точку...» (2, с. 129).

Смерть есть беда, трагедия, разлука, утрата, пустота, траур. Сверлят безнадежность и отчаяние: дорогой и близкий человек ушёл НАВСЕГДА! Его не будет НИКОГДА!

Можно объявить смерть абсолютным злом, однако следует не забывать, что смерть — это облегчение для смертельно больного, освобождение от невыносимых болей и страданий, сбрасывание брэнной оболочки земного бытия и упокоение. Упокоения ждут старики, очень уставшие от жизни и её тягот. К тому же смерть встроена в процесс циклического развития жизни, служит её обновлению в качестве способа смены поколений, т.е. она выступает как момент самой жизни. Некоторые мыслители вообще утверждали, что жить — это значит умирать. Смертность, т.е. конечность жизни заставляет её ценить, а страх смерти оберегает жизнь, заставляет отказаться от рискованных поступков, грозящих гибелью. Таким образом, феномен смерти многосторонен, и к нему можно относиться по-разному.

Представленные соображения о смерти — это переживания и мысли людей, встретивших смерть близких и родных и продолжающих жить уже без них. Касаясь таких соображений, Беляев в то же время пытался ответить на другой вопрос: что испытывают умирающие в последние моменты своей земной жизни? У него был достаточно традиционный ответ: умирающий ощущает то, как душа отделяется от тела и улетает в небо. Смерть наступает в минуту, «...когда душа отринув пути, как птица — ветер обретёт...» (1, с. 126). А тело остаётся на земле и должно быть предано ей. Короче

говоря, прижизненное единство тела и души разрывается, и душа начинает вести самостоятельное существование.

Предсмертная агония может быть ужасной, но, как считает поэт, надо напрячь свою волю и достойно встретить смерть. «Принять достойно жребий в миг последний, / суждённый каждому – без жалоб и стонов» (3, с. 219).

Как известно, согласно библейской истории, Бог внёс смерть в земной мир как наказание за первородный грех первых людей, что однако не означает Его отрицания жизни после смерти. Наоборот, именно с Богом связывается перспектива такой жизни. Перспектива, в которой душа умершего, вознёсшаяся на небеса, может даже встретиться с самим Богом.

*Когда настанет час – туда
взлететь, в небытие,
душа без страха и стыда
во царствие Твоё,
войдя, узрит и ощутит – воистину велик,
непостижимый звёздный лик,
всемирный Божий лик... (3, с. 227).*

Итак, жизнь после смерти имеет продолжение. Смерть – это не абсолютный, а относительный конец земной жизни, а не жизни вообще. Человеческое Я, утрачивая физическое тело, не способное жить, может попадать в другую реальность, в иной мир, в предельной перспективе – в вечность. Тогда сутью смерти оказывается переход от земного мира в потусторонний.

Беляев не прибегает к религиозным представлениям об аде, рае, чистилище, когда пытается охарактеризовать загробную реальность. Её очень трудно описать в земных понятиях, но в любом случае – это край «неведомого, безмолвия, молчания», край «праотцов неземных» (3, с. 74, 87). Там, как считает поэт, возможны встречи с умершими, всякие чудесные путешествия и трансформации.

Бессмертие может пониматься по-разному. Буквально бессмертие – это отрицание смерти вообще, т.е. вечное существование, не имеющее конца. Человек, родившись, в статусе одной и той же личности в данном теле, не умирая, продолжает жить вечно. Такая возможность выглядит явно фантастической. Заботы смертных людей о таком бессмертии Беляев справедливо называет наивными и даже забавными. В то же время он считает вполне естественной и важной заботу людей оставить на Земле хорошую память о себе, добрые свершения и результаты своего творчества для будущих поколений. Речь тогда ведётся о духовном бессмертии. Таким же естественным человеческим желанием является стремление увидеть земное продолжение в своих детях даже тогда, когда тебя не будет.

*Не раз тебя обступит с трёх сторон
весь мрак отчаянья. Но удержи свой сон
и оглянись – звезда твоя сияет,
ребёнок твой играет во дворе,
в нём жизнь твоя – как искра в янтаре
сквозь время мчит, дробясь – не исчезает! (4, с. 104).*

Другое понимание бессмертия строится на признании смерти как фактора его осуществления через некий сверхъестественный переход. Согласно религиозной точ-

ке зрения, этот переход контролируется Богом, определяющим выбор: когда кому умирать. Уходящих из земной жизни людей Беляев представляет в виде гигантской живой очереди.

*Живая очередь... Нас много — миллиарды.
А он — один, как фельдшер на селе.*

Ему видней — чья очередь настала... (3, с. 102).

Получается так: для того, чтобы стать бессмертным, надо умереть. Через смерть происходит переход от земной временной и несовершенной жизни к жизни вечной, приближённой к Богу. За возможностью такой жизни стоит божественное происхождение человека.

*Бог, сотворив человека,
не мог его не наградить —
вдунул в своё изделие
чуток своего бессмертия,
чуть позднее — народами
названного душой (3, с. 181).*

Не надо торопиться попасть на Тот Свет. Попасть туда никогда не поздно. «*Не спешите. Живите! / Потом полетите на Свет!*» (3, с. 110). Необходимо испить чашу жизни до дна — тогда и умирать не страшно.

*Мы смерти не боимся.
Что она —
для смертного — давным-давно известно...
Скрипим...
Но чашу жизни — пьём до дна.
Любая хитрость с нею — бесполезна (3, с. 210).*

Смерть делит людей на тех, кто остаётся жить на Земле, и тех, кто её покидает, отправляясь в полёт к небесным потусторонним краям. Уходящие обращаются к остающимся со своими заветами, желают им добра и продолжения земных дел, просят не забывать о них. Беляев выступает от лица уходящего поколения:

*Наши дни сочтены,
нам осталось немного — чуть-чуть ...*

*Мы уходим, бросая
прощальные взгляды живым,
дай им Бог — эту землю
любить больше нас, уходящих,
дай им Бог — залечить
её раны, ожоги и швы... (1, с. 165–166).*

Конкретные черты загробной жизни покрыты завесой неизвестности, но в любом случае она не может протекать в одиночестве и отчуждённости. В этом убеждён

Беляев, неоднократно обращавшийся в своих стихах к идее встречи любящих друг друга душ на том Свете. В стихотворении «*Последний полёт*» он рассказывает о такой будущей встрече, посмертной встрече своей души с душой любимой жены Лоры, их соединения и обретения вместе одного места в вечности. Выражается светлая вера в то, что смерть разлучает родных и близких людей временно, а на том Свете любовь их соединяет навеки. Невозможное в земном мире становится Там возможным.

*Там, где параллельные завязаны
Лобачевским – навсегда – узлом,
Мы с тобою встретиться обязаны ...
Встретимся, порадуем друг друга,
полетим бок о бок – обе – две
душеньки...
И вдруг – рванём из круга
с чёрной воронкой там, на дне!
И у ног Творца, а не кумира
Благодать и место обретём
в дантовской цветущей Розе Мира,
вечной для народов и времён (3, с. 208–209).*

В заключении хочу сделать некоторые выводы. По моему мнению, Николай Николаевич Беляев был не только хорошим поэтом, а и поэтом-мыслителем, способным выявлять суть рассматриваемых вещей и проблем и делать интегральные обобщения. Такой вывод позволяет сделать моё неоднократное вчитывание в его стихи, причём и в те, которые не анализировались в данной статье.

По моему мнению, постоянная обращённость к небу, стремление связать человеческую судьбу с космосом, думы о жизни, смерти, бессмертии и их соотношении дают право отнести Беляева в определённой мере к числу русских космистов. Тем более, он в своих стихах говорит и размышляет о русском Боге, русской истории, русской идее. Приведу здесь его определение последней:

*Русская идея – вечный путь –
через бунт – в раскаянье, смиренность,
осмысление и долготерпенье –
с сказкой – авось и как-нибудь... (3, с. 223).*

Мне кажется, что получилось содержательное определение русской идеи в её лапидарной поэтической форме.

В то же время надо сказать, что космизм в поэзии Беляева, как и у многих других поэтов, не стал целостным мировоззрением, системой, а остался на уровне отдельных идей и догадок. Но такой задачи Беляев и не ставил.

И ещё. Я назвал бы Беляева поэтом, очарованным Тайной. У меня сложилось впечатление: поэт относился к тайнам как к тому, что украшает жизнь, делает её более интересной, азартной, привлекательной. Тайны не исчезают никогда и не раскрываются до конца. И такая сохраняемость тайн всегда оставляет возможность проявления чуда, какого-то чудесного события. На мой взгляд, такая ситуация привлекала и волновала поэта, служила основой игры его творческого воображения. Чудо, невозможное событие, Беляев описал в стихотворении «*Сосна*», в котором указанное

дерево, растущее в тесном дворе, в одно прекрасное весеннее утро исчезло, ушло куда-то, что очень обрадовало поэта (5, с. 43–44). Да, чудеса случаются!

Закончу таким стихотворением Беляева, которое мне очень понравилось:

*В беспросветном колодце,
в чёрной бездне нужды
вдруг — лучом уколоться
вечно новой звезды.
И почувствовать радость,
встречный трепет её,
светоносную святость
и не быт — бытие (1, с. 52).*

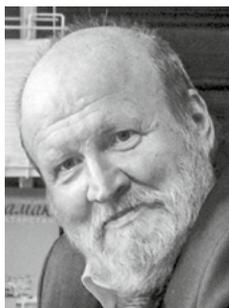
Воспринятый свет далёкой звезды, летящий к нашей планете, тысячи и, может быть, миллионы лет, приобщает тебя к пространству и времени Вселенной, и тем самым заставляет ощутить и понять свою жизнь не как скудный быт, а как значимое бытие.

Книги Н. Беляева, цитируемые в статье:

1. Помню. Слышу. Люблю... — Казань: Татар. кн. изд-во, 2007.
2. Казанская тетрадь. — М., Изд-во «Знак», 2007.
3. На последней прямой. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2017.
4. Казанская тетрадь: лирика. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1980.
5. Перекрёсток: лирика. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1972.
6. Поэма Солнца. Памяти художника Алексея Авдеевича Аникеенка. — Казань: Изд-во «Идел-Пресс», 2012.

Редакция литературного журнала «Аргамак. Татарстан» сердечно поздравляет нашего уважаемого автора Камилля Хасановича Хайруллина с 75-летием, желает ему крепкого здоровья и надеется на дальнейшее сотрудничество.

«...ОПЯТЬ ГАРМОНИЕЙ УПЬЮСЬ»

В нижегородском селе Большое Болдино 5 июня открылся 55-й ВСЕРОССИЙСКИЙ ПУШКИНСКИЙ ПРАЗДНИК ПОЭЗИИ, ПОСВЯЩЁННЫЙ 222-й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПОЭТА. Не юбилей, но своего рода магия чисел невольно завораживает...

Если же говорить о юбилеях, то в этом году 6 июня — День русского языка отмечался в десятый раз (утверждён президентским указом в 2011 году и внесён в перечень ООН).

Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник А. С. Пушкина «Болдино» свой главный праздник отмечает по традиции в первое воскресенье июня, и в этом году он пришёлся именно на 6 число — самый день рождения Александра Сергеевича. Русский гений в очередной раз собрал в Большом Болдине солидный литературный десант, в составе коего оказался и автор этих строк.

У каждого из нас свой Пушкин. Не только потому, что каждый воспринимает его творчество и переживает его произведения по-своему, но именно устанавливает с Поэтом личные, особые отношения. Всё, что связано с Пушкиным, для современного человека становится важной частью его духовного опыта. Об этом можно говорить много красивых слов, писать массу умных книг, тем не менее, факт остаётся загадкой — наследие Пушкина у всякого, кто открыл его для себя, будет уникальным, индивидуальным, неповторимым.

В этом я убедился, впервые приехав в Болдино. Но прежде чем высказывать свои личные впечатления, несколько слов скажу о самом событии. Большеболдинский район на карте огромной Нижегородской области находится почти на границе с Мордовией и Чувашией, но Пушкинский праздник поэзии входит в число наиболее значимых в ежегодном календаре областных мероприятий. Как и Державинский праздник поэзии у нас в Республике Татарстан, хотя сравнение это заведомо «не в нашу пользу».

Программа праздника, поскольку он не связан с «круглыми датами», была во многом обычная, традиционная. Тем более было интересно наблюдать, как это всё проходит. Мы с Дианой Елисеевой Кан заехали в гостиницу «Болдино» накануне, и вместе с организаторами готовились к встрече высоких гостей из Москвы, Питера, Нижнего. Ради этого был не только выставлен временный пост автоинспекторов на границе с Починковским районом, но и в лесу была «накрыта поляна», как и полагается гостеприимным хозяевам. В берёзовой роще и мы вместе

с гостями угощались чаем, поскольку приехавшие добирались на автобусе более четырёх часов. Среди них секретарь Союза писателей России Нина Дьякова (Москва), председатель Нижегородского отделения Союза писателей России Олег Захаров (Кстово), главный редактор журнала «Невечерний свет» Владимир Хохлев (Санкт-Петербург), главный редактор литературного журнала «Нижний Новгород» Олег Рябов и другие.

Открытие праздника проходило в Научно-культурном центре, который был построен и открыт в самом центре Большого Болдина в 2016 году, там расположены районное управление культуры, Большой концертный зал, Болдинская картинная галерея, бальный зал «Ротонда». Получился грандиозный выставочно-музейный комплекс, коему позавидовали бы многие российские города!

Большая программа начиналась с открытия выставки «Прикосновение» известного нижегородского художника Валерия Крылатова. В экспозиции представлены пятьдесят картин в жанре портрета и пейзажа, написанных мастером в традициях классической русской станковой живописи. Сам Валерий Михайлович более двадцати лет преподаёт в Нижегородском художественном училище, но и в свои шестьдесят, как признался во вступительном слове, продолжает учиться, радуясь красоте русской природы, уважая добро и правду простого человека. На стенах галереи мы видим ветеранов войны и труда, деревенских детей. И конечно, нельзя пройти мимо пушкинской темы — именно эта картина находилась в центре экспозиции, вокруг неё всё и строилось. Рядом расположились портреты нынешних «именинников»: директора музея-заповедника «Болдино» Нины Анатольевны Жирковой и Александра Сергеевича Чеснова — болдинского поэта, полного тёзки Пушкина, автора песни о родном селе, прошедшего путь от журналиста болдинской районной газеты до заместителя главы районной администрации, постоянного участника всех Пушкинских праздников поэзии.

Валерий Крылатов особенно настаивал, чтобы Александр Сергеевич выступил с приветственным словом непременно перед «Портретом А. С. Чеснова».

Познакомиться с Крылатовым мне захотелось ещё и потому, что он очень мне напомнил сокурсника по Литинституту и старого друга по жизни — Валерия Клячина. Постоянные читатели «Аргмака» могли познакомиться с клячинскими рассказами, повестями, стихами на страницах нашего журнала. Валерий Алексеевич был членом редколлегии «Аргмака», участвовал в круглом столе литературных журналов России, который мы проводили в 2013 году в Казани. Тогда же на обратном пути посетил Болдино. И не только для того, чтобы поклониться Пушкину. Дело в том, что в 30 км от пушкинского имения, в большом селе Салганы родился его отец, там и сегодня многие носят фамилию Клячины. Друг подробно описал мне встречу с родственниками, которые радушно его встретили и даже помогли оформить документы на старый дом. Валерий внёс в кассу сельсовета задаток, получил «купчую». Мечтал вернуться туда следующим летом, отремонтировать дом, расчистить сад... Увы, в январе 2014 года Валерий Клячин скончался скоропостижно. И вот, семь лет спустя, я проехал по его пути, остановился ненадолго в Салганах, вспомнив старого литинститутского товарища.

А на следующее утро он о себе напомнил — подал мне знак. Прошёл мимо моего балкона и даже оглянулся. Издали и сослепу я, конечно, обознался. Но когда пришёл на открытие выставки «Прикосновение», то понял, почему принял художника Крылатова за тёзку Клячина. Дело не только в длинных седых волосах, собранных сзади в плотный пучок, важнее внешнего сходства было что-то неуловимо похожее... Подумалось, что просто так в жизни совпадений не бывает.

Возвращаясь к выставке, хочу добавить, что Большеболдинская картинная галерея, как поведала гостям её заведующая Татьяна Башкирова, началась именно с полотен Валерия Крылатова. Он привёз их в Болдино десять лет назад и после вернисажа подарил музею-заповеднику. Вслед за ним свои дары стали оставлять и другие гости-живописцы.

И теперь здесь действует постоянная экспозиция и регулярно проходят выставки.

А в соседней ротонде тем временем начинался «Бал пушкинских героев». Имея отношение к давней традиции лицейских балов в Казанской Ратуше, я вроде бы не увидел ничего необычного в театрально-хореографической композиции, с другой стороны, безусловно, восхитили бережно реконструированные кивера кавалеров, бальные платья барышень, профессионально поставленные, многими уже забытые и заново воссозданные танцы пушкинской поры. А больше всего поразили лица местных барышень и парней, для которых пушкинские балы естественны и понятны, что разительно отличает их от городских сверстников. Именно это порадовало особо.

Как нам поведали (конфиденциально), к традиции пушкинских балов в Болдине самое прямое отношение имеет директор музея-заповедника. До того как его возглавить, она работала здесь. С пушкинской усадьбой по сути связана вся её жизнь. В молодости Нина Анатольевна увлекалась хореографией, мечтала реконструировать старинную культуру балов, и сегодня они стали фирменным знаком Пушкинских праздников в Болдино. Отрадно, что и молодые односельчане эту традицию сохраняют, приводят своих детей в заниматься классическими танцами. Насколько же это важнее и ценнее в семейном воспитании!

После торжественного открытия праздника в большом концертном зале НКЦ на сцене выступили гости, но эту часть я пропускаю, тут всё было мило, многословно и предсказуемо. Приветственные речи, стихи в исполнении поэтов, награждения... Болдинцы, заполнившие зал (с соблюдением санитарно-эпидемиологических норм, конечно), ждали главную «вишенку на торте». Ею стал концерт лауреата

международных конкурсов Нижегородского оркестра народных инструментов, который выступил просто блестяще! Пожалуй, этот пункт в программе праздника стал особенно зрелищным.

Впрочем, в самом Болдино, напротив пушкинской усадьбы, на площади перед кинотеатром «Ли́ра» в это же время для молодёжи играла популярная нижегородская рок-группа SHKALOV. Не слышал, поэтому замечу, что болдинцам в тот субботний вечер было из чего выбирать.

А в воскресенье, 6 июня, в День родного языка и в 222-й день рождения Александра Сергеевича, состоялась заупокойная лития в храме Успения Божией Матери, построенном ещё дедом поэта — Львом Александровичем. А затем прошло возложение цветов к памятнику поэта, который смотрит прямо на уникальную лиственницу, посаженную, по свидетельствам сельчан, самим Александром Сергеевичем перед крыльцом усадьбы.

В самом господском доме сотрудники музея провели для гостей экскурсию, на которой я узнал много для себя нового, в частности, о том, что в Болдинскую осень Александру Сергеевичу пришлось три месяца спать на диванчике. В доме тогда не было кровати (закономерно, что и сейчас среди собранной в музей мебели кроватей не предусмотрено). Выходит, что все свои гениальные произведения поэт написал... на этом ложе, ведь общеизвестно, что он любил писать полулёжа, предпочитая письменному столу диванчик.

Мне приходилось бывать и в лермонтовских Тарханах, и в чеховском Мелихове, и в толстовской Ясной Поляне. В сравнении с ними болдинская усадьба Пушкиных мне показалась проще, скромнее, роднее. Особенно запомнилась вотчинная контора — большая деревянная изба, где Пушкин провёл осень 1834 года и написал «Сказку о Золотом петушке». Тогда он входил во владение болдинским имением отца и мечтал поселиться в Болдино со всей своей большой семьёй. Жизнь в Петербурге, увы, поэту была не по средствам. А здесь ему хорошо писалось. И болдинские крестьяне отнеслись к барину хорошо, не то что кистенёвские, укравшие у Пушкина верховую лошадь! Недаром Александр Сергеевич в знаменитой повести «Дубровский» упомянул и Кистенёвку, и Дубровку, которые от Болдина совсем недалече.

Коль уж речь зашла об окрестных сёлах, то моему слуху были приятны названия селений, которые мы проезжали — Исупово, Старое Ахматово, Актуково, Уразовка, Карга... На происхождение этих названий прямо указывали дорожные постаменты, украшенные крупными мусульманскими полумесяцами. В Нижегородчине, как и в соседних Пензенской и Ульяновской областях, много мест компактного проживания татар. Местные жители на мои восторги (как же, родные слуху казанца топонимы!) особого внимания не обратили, соседство с татарами, чувашами, мордвой они воспринимают как норму, так всегда здесь было, обычный обывательский интернационализм, характерный для всего Поволжья.

А нас тем временем привезли в деревню Львовку, где на сегодня зарегистрированы всего три постоянных жителя, но куда постоянно приезжают туристы. Здесь расположен филиал Государственного литературно-мемориального и природного музея-заповедника «Болдино», здесь сохранились три уникальных памятника, связанных с родом Пушкиных.

Имение в своё время приобрела Наталья Николаевна Пушкина для детей, по её указанию здесь был построен двухэтажный дом и обустроен большой сад, позже старший сын поэта — Александр Александрович построил в деревне школу и деревянную церковь, которые сохранились до наших дней. В барском доме сегодня расположился музей литературных

героев «Повестей Белкина», каждая комната содержит экспонаты и предметы, по которым сразу можно узнать героев «Метели», «Выстрела» или «Барышни-крестьянки».

Неподдельный интерес у гостей вызвала церковно-приходская школа, в которой воссоздана обстановка начала минувшего столетия. Сын и тёзка великого русского поэта замечательно ответил местным крестьянам, которые пришли к барину с просьбой построить сначала в деревне церковь: «Храм, конечно, необходим, но прежде нужен другой храм — знаний!»

Как тут не вспомнить, что и Лев Толстой в Ясной Поляне и окрестных деревнях строил земские школы. И Чехов, владевший небольшим имением в Мелихово всего семь лет, успел построить в округе четыре школы! Великие русские писатели точно знали, что народу необходимо в первую очередь..

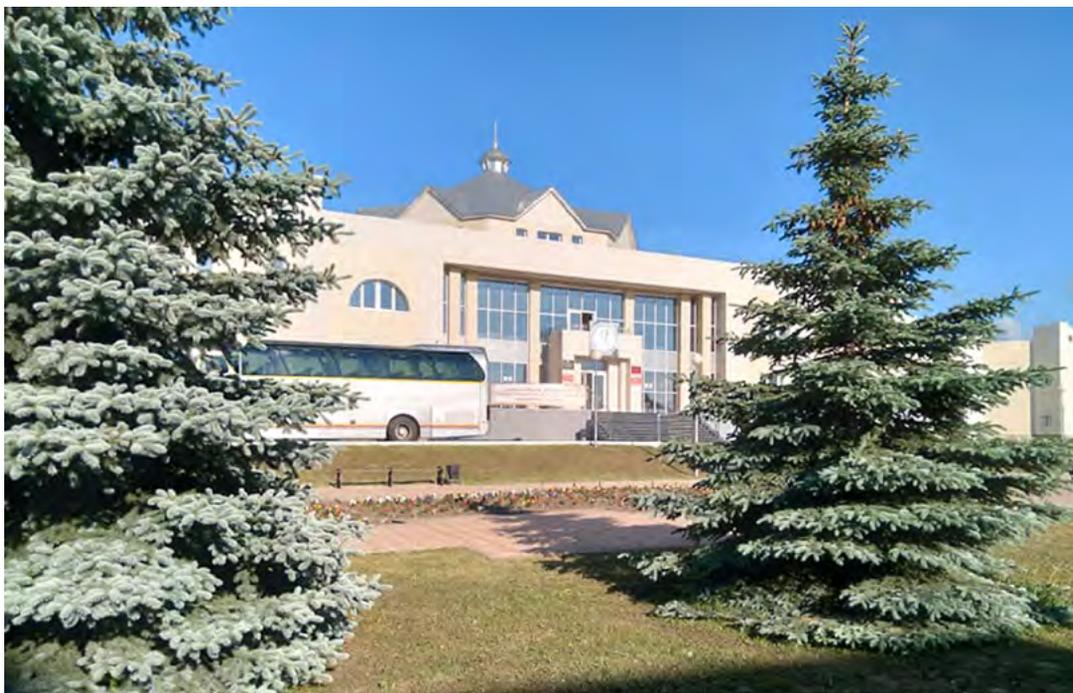
Завершались торжества в знаменитой роще Лучинник, расположенной как раз на пути из Болдина во Львовку. По преданию, здесь любил гулять Александр Пушкин. На опушке берёзовой рощи проходят традиционные народные гуляния. На большой сцене в роще прошёл IV межрайонный фестиваль фольклорных коллективов Нижегородской области «Мой край — земля Нижегородская», и это стало наглядным подтверждением, что Пушкинский праздник действительно любим народом. Со всей округи люди съехались сюда семьями, на аллее развернулась богатая ярмарка местных народных промыслов. Для детей развернули игровую площадку и провели интерактивную программу «В мире пушкинских сказок».

В полдень на сцену пригласили гостей, Александр Сергеевич Чеснов снова выступил ведущим творческой встречи с российскими писателями «Снова в Лучинниках — Слово...». Мне тоже довелось выступить, представить наш журнал «Аргамак» и рассказать о нашем Державинском празднике поэзии. Но конечно, главными на встрече были поэты. В честь Пушкина звучали стихи. И тут, на мой взгляд, первым номером прозвучала Диана Кан, уже не раз выступавшая в Болдине. Из местных поэтов я отметил выступления пародиста Олега Захарова и лирического поэта Людмилы Калининой.

С Людмилой Фёдоровной посчастливилось познакомиться лично. Выпускница Высших литературных курсов и аспирантуры Литературного института имени А. М. Горького, она многие годы тогда ещё в городе Горьком вела активную творческую деятельность, работала журналистом, редактором, выпустила пять поэтических сборников и книгу очерков (о Клюеве, Клычкове, Корнилове и др.). Заслуженный работник культуры РФ, главный редактор газеты «Нижегородский университет», она долго и подробно рассказывала о другом моём однокурснике — нижегородском поэте Александре Тюкаеве, которого уже нет в живых.

Завершился народный праздник на мажорной ноте — настоящим «Пушкинским карнавалом». Так назвала свой творческий проект Ирина Гончарова. Были представлены яркие дизайнерские костюмы по мотивам произведений Пушкина, а также детское костюмированное представление «У Лукоморья». Один из костюмов вместе с обладательницей попал на обложку этого номера нашего журнала.

ФОТОВЕРНИСАЖ

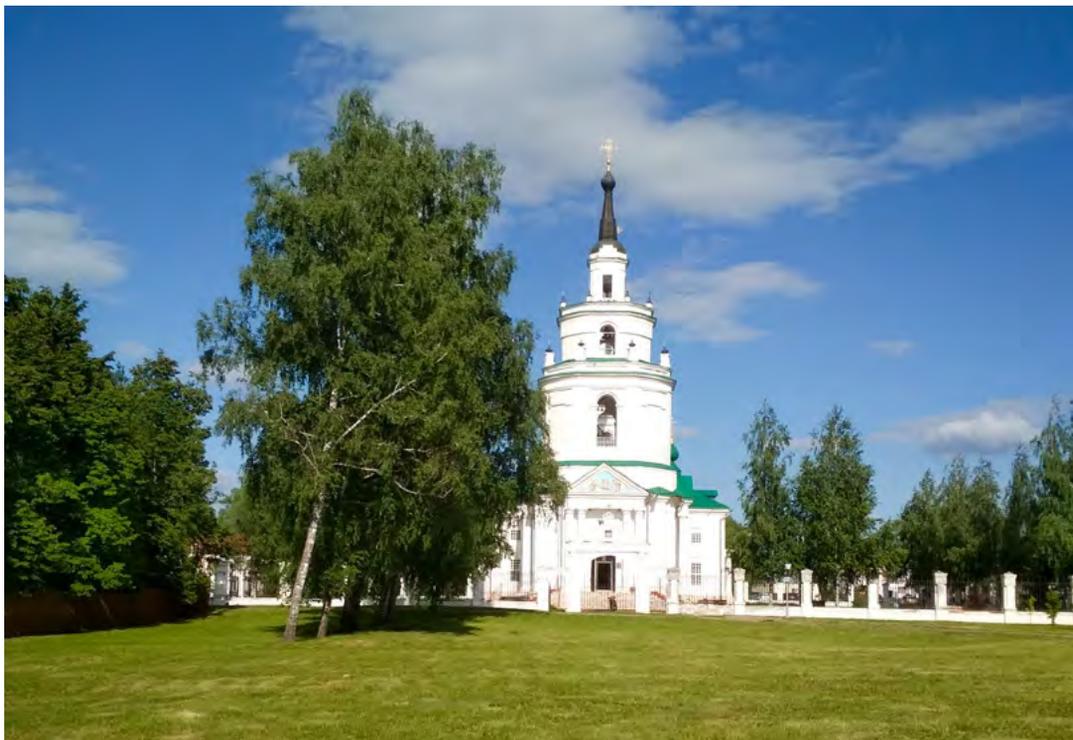
ФОТОВЕРНИСАЖ

ФОТОВЕРНИСАЖ

ФОТОВЕРНИСАЖ

ЗВЕЗДА ВЗОШЛА С ВОСТОКА

журнальный вариант

*Посвящается Митрополиту
Симбирскому и Новоспасскому
Владыке Лонгину (Корчагину)*

Прошло больше двадцати лет после того, как Казань была взята войсками царя Ивана Грозного. Жизнь входила в мирное русло, постепенно город заполнялся русскими переселенцами. Местная часть жителей Казани по приказу царя была выселена за стены Кремля, за две с лишним версты¹, на другой берег озера Нижний Кабан, дабы не провоцировать конфликты и неурядицы. Русские поначалу поселились в Кремле и стали вокруг крепости потихоньку строить дома, тем самым организовывая посад. Архиепископ Гурий², бывший наместник Иосифо-Волоколамского монастыря, присланный в Казань по приказу царя Ивана, развил бурную пастырскую деятельность: в городе появились храмы, стали проводиться величественные праздничные службы, творились трапезы для нуждающихся, среди татар, мордвы и черемисов велась агитация по переходу в Православие. Первые монастыри на земле Казанской закладывал Владыка Гурий, при нём построили Благовещенский кафедральный Собор в Кремле и более десяти церквей в городе и по окрестностям.

Тем самым Русское государство укреплялось в новых землях. Тем, кто решится на судьбоносный шаг по поводу смены веры из Ислама в Православие, были обещаны льготы по земельным наделам, по податям Русскому царю, а представителям знати, беям и огланам, был обещан карьерный рост, приближение ко двору Ивана Васильевича, начальственные и военные должности в иерархии Московского государства. Многие, но не все из казанских мурз и огланов, сделали князьями, боярами, дворянами, положили начало известным в будущем русским фамилиям. Но речь сейчас пойдёт не об этом, а о маленькой девочке, жительнице Посада Казанского, которую удостоила своей встречей сама Царица Небесная, Пречистая Мать Господа нашего Иисуса Христа, Пресвятая Богородица. Эта история случилась в лето 1579 года от Рождества Христова. Дело было так...

¹ Верста – старорусская единица измерения расстояния, 1066,9 метра

² Архиепископ Гурий (в миру Григорий Григорьевич Руготин, 1500–1563) – епископ Русской православной церкви, первый архиепископ Казанский и Свяжский

КАЗАНЬ

В стрелецкой слободе у Данилы и Прасковьи Онучиных, людей праведных и благонравных, росла смышлённая девочка Матрёна, девяти лет, белокурая, большеглазая озорница и проказница. Отец Матрёны, стрелецкий десятник, служил в войске, воевал на казанских стенах, потом по лесам черемисов да мордву гонял, да так и остался в городе, только жену перевёз с маленьким сыном Николкой из Рязани. А в Казани уж и Матрёна народилась... Чем-то зацепила стрельца Данилу земля Казанская, может, красотой своей, может, рыбалкой хорошей или щедростью угощений татарских, а может, и чем-то ещё... Родители в Рязани уже почили, на родину не тянуло, а на новом месте, глядишь, и жизнь пойдёт по-другому, горести забудутся, дети народятся, да, и опять же — дело Государево. Служивые люди живут там, где прикажут! Данила и Прасковья были уже в летах. Данила нёс службу в Кремлёвском гарнизоне, который был расквартирован в Казани, и потихоньку стрельцы оставленные властью в новых землях, стали перевозить родню, семьи и ближних людей из разных мест Руси в присоединённый город. А те русские парни, которые ещё были молоды и неженаты, стали себе подыскивать жён среди татарочек. Татарочки симпатичные, круглолицые, глазастые, только поскуластей немного, и говорят не по-нашему. Щебетуньи такие.. Шустрые, в общем... Местные жители, бабаи и абийки¹, родители, деды и бабки девушек, сердито ворчали, поначалу высказывали дочерям и внукам своё недовольство... Но ведь поубивало женихов-то в битвах да в походах, много молодых парней полегло! Кто за казанцев, кто за царя московского голову сложил, за кого замуж-то выходить? Продолжать род надо, детишек рожать, молодой век — короткий, не в девках же сидеть. Встречаться стали русские парни с казанскими девушками, а там и до сватов дошло! Мирная жизнь брала своё, и пошли-поехали браки смешанные, от которых стало прирастать население мирной Казани...

Маленькая Матрёна росла непоседой, с утра до ночи пропадала на улице, бегала во дворе, убегала то в Кремль к зодчим на стройку, которые трудились и днём, и ночью, исполняя царёвы приказания, то в Татарскую слободу, где завела себе подружку Саният. Родители Матрёны опасались, что местные девочке могут навредить, отношения между русаками и казанцами были сложными, два великих народа только притирались друг к другу, учились жить вместе. Мать ругалась: «Не бегай к татарам, не дружи с ними!», но Матрёна не слушала... Дети-то ведь дружат не потому, что они разных национальностей, разных языков, а потому, что они дети! Им не свойственна неприязнь к чужакам, вражда к незнакомому языку, к другой вере. Они дружат с теми, кто посмотрел ласково, кто доброе слово сказал и конфету дал, кто улыбнулся да по головке погладил. В Татарской слободе Матрёну не обижали. Родители Саният, Ахмет и Шамиля, угощали девочку перемячами, чак-чаком и халвой², поили чаем, который у русских был ещё в диковинку. Население Казани, окрестных городков и сёл понемногу училось говорить по-русски, надо ведь уживаться с пришлыми новыми соседями, дела вести, землю пахать, налоги платить, торговать. Родители Саният, робко объясняясь с Матрёной, просили девочку научить их русским словам. А сама Саният уже бойко говорила по-русски. Девочка была рыжей, голубоглазой, со вздёрнутым носиком и множеством косичек, которые смешно торчали из-под зелёной тюбетейки. Имя «Саният» означает «Великолепная». По заведённому обычаю это имя давали второй девочке в семье. Старшей сестре Саният, Кадрие, было шестнадцать лет, она была взрослой девушкой, невестой, на неё уже заглядывались татарские и русские

¹ Бабаи и абийки (тат.) — дедушки и бабушки

² Перемячи и чак-чак — национальные татарские блюда

парни. Маленьким проказницам ещё не было дела до девичьих переживаний, поэтому они весело проводили время, бегая по растущему, строящемуся после войны городу.

Как-то раз летним вечером Матрёна попрощалась с подружкой на берегу озера и побежала домой. Мать поругала за позднее возвращение, но девочка отшутилась: «Ничего, мама, ведь я же пришла, не потерялась, и волки меня не съели» и стала готовиться ко сну. Сон к невинной душе пришёл быстро. И приснилось Матрёне нечто чудное и яркое. Как бы идёт она по улице на базар за своими родителями, немного отстаёт от них, и вдруг её кто-то окликает. Маленькая девочка оборачивается и видит женщину средних лет, с красивым лицом, стройной фигурой, в багряных одеждах до пят. Та с улыбкой обращается к девочке:

— Матрёна, ты почему от отца с матерью отстаёшь, искать ведь тебя будут?!

Матрёна удивлённо спрашивает:

— Тётя, а откуда Вы меня знаете?

— А я, милая моя, всё знаю! Знаю, что ты большая проказница, дочь стрелецкого десятника Данилы, девяти лет отроду! И что у тебя в Татарской слободе живёт лучшая подружка, девочка с косичками Саният, которую ты ласково называешь Саней! Ведь правда?

Матрёна задумалась:

— Да, правда! А ещё что Вы знаете?

— Знаю про то, что родителей ты не слушаешься, убегаешь в Татарскую слободу к подружке, а они ищут тебя, волнуются, как бы тебя не обидел кто? Знаю, что перемячи татарские любишь, халву... Чай любишь пить... И ещё знаю, что шить ты любишь, уже маме помогаешь старые вещи чинить: швейная иголка — тоже твоя подружка, хочешь вырасти и стать мастерицей по швейному делу, вышивать одежды серебром и золотом... Это ведь тоже правда?

— Да, правда!

— А что имя твоё означает, знаешь?

Девочка наморщила лобик и смущённо задумалась:

— Неааа, не знаю... Матрёной мамка с папкой назвали!

— Были такие государства раньше: Древний Рим, Византия! Великие государства были, богатые, народу много жило в них... Города в них были большие, многолюдные, больше Москвы и Казани! Рим и Византию уважали и боялись все соседи... Войной против них редко кто шёл, да и шли когда, всё проигрывали больше... В них матрёнами, вернее, матронами называли знатных, почтенных женщин, жён властителей, господ этих государств... И тебя родители так назвали...

Девочка наморщила лобик:

— Ну, я-то не знатная... Мой папа простой стрелецкий десятник...

— Кто знает, Матрёна, кто знает... Человек может быть незнатен по происхождению, но делами своими прославится, мужеством, твёрдым словом, справедливостью, пониманием сердец и нужд человеческих... Кто знает, может, и ты такой будешь, когда вырастешь?

Немного помолчав, женщина добавила:

— А родителям скажи — не волнуйтесь, ничего со мной не случится! Ты, малышка, татар не бойся, не обидят они тебя, нет среди них зверей да разбойников, люди как люди, есть и злые, и добрые, и работающие, и ленивые, и хмурые, сердитые, и улыбочивые, приветливые... Поэтому ходи к подружке в Татарскую слободу без опаски... Да и Ангел-хранитель сильный за тобой! Для другого дела Бог тебя припас...

Девочке Матрёне стало немного не по себе... Она спросила:

— Тётя, а Вы кто? А зовут Вас как?

Женщина промолвила:

— Зовут меня Марией... А вот кто я, рано тебе ещё знать, девочка! Скоро сама догадаешься! Сейчас будь умницей, беги, догоняй родителей! Мы с тобой ещё встретимся! Не бойся и никому пока не рассказывай про знакомство со мной...

Матрёна, оглядываясь назад через плечо, посеменила за отцом и матерью. А женщина как бы исчезла... Обернувшись, Матрёна уже не увидела её — посадская улица из деревянных домов была пуста.

— Куда же тётя делась? — подумала Матрёна и проснулась... Крик соседского петуха её разбудил. Взрослые уже не спали, мать хлопотала по хозяйству, отец одевал повседневный стрелецкий кафтан и пояс, собираясь на службу в Кремль.

Два дня прошли спокойно. В хлопотах, в помощи родителям, в детских забавах быстро пролетело время. Когда же подошли выходные, сон повторился, Мария опять пришла к маленькой девочке... На этот раз она была в накидке и платье голубого цвета.

— Ну, здравствуй, Матрёна! Как тебе живется-поживается, маленькая шалунья?

— Здравствуйте, тётя Мария! Живётся и поживается мне хорошо, на этой неделе я родителей слушалась, маме помогала по хозяйству да с подружкой гуляла по Казани... А Вы как?

— Вот, опять пришла к тебе повидаться да поговорить! У меня тоже всё хорошо, живу себе потихоньку в хорошем месте. В том месте, где я живу, солнце, зелени много, деревья фруктовые, виноградники, яблоки, груши! Ароматы, благоухания! Реки текут, а в них воды сладкие...Птички щебечут, ветерок листву колыхает, хорошо! А ты любишь сладости, Матрёна? Виноград пробовала? А яблоки? Там, где я живу, знаешь, какие яблоки? С ладонь человеческую! Просто огромные!

— Сладости я люблю, чак-чак, и особенно халву...И виноград, и груши тоже люблю... Но виноград здесь не растёт. Как у папки жалование бывает, мамка на базаре виноград покупает, его с Бухары купцы привозят. Яблоки растут здесь, но немного, их тоже с юга везут. Виноград и дыни сладкие, просто объедение, так бы ела и ела!!!

— Ну, Матрёна, человек не может одними сладостями питаться. Надо и простую пищу есть, кашу, хлеб. А сладости — это праздник для человека, особенно для того, кто сам на кусок хлеба зарабатывает, как мамка и папка твои. А чем ещё занят твой отец?

— Когда не на службе, то работает по хозяйству... Мы дом строим новый, брат Николка ему помогает по плотницкому делу, не захотел в стрельцы идти. Сами пока в старой избе живём, а на новый дом лес покупаем, брёвна толстые, папка и брат топорами и рубанками их обрабатывают, друг на друга складывают, получается сруб. Заканчивают уже. Новый дом большой будет, светлый...

— Да, Матрёна, дом строить — труда много. Дом у человека — главное богатство в жизни, каждый угол свой иметь должен! Ты папке своему скажи, чтобы не убивался он на стройке, чтоб здоровье своё берёт. Напрасным будет труд его, не станете вы в этом деревянном доме жить, хоть он и большой! А ты береги себя, не бегай по улице лишний раз, поближе к маме будь, ей помощь твоя понадобится в час лихой! Чтобы, когда она будет звать тебя, ты рядом была!

Девочка вопросительно наморщила лобик:

— А почему не будем жить в новом доме, тётя Мария?

— Не будете, и всё! Не любопытничай раньше времени, потом всё узнаешь... Любопытной Варваре на базаре нос оторвали — знаешь такую поговорку? Тебя же не Варвара зовут, а Матрёна! Вот и не любопытничай... А отцу своему всё равно скажи,

что я тебе поведала! Испытания ждут семью вашу! Потерпеть придётся! Для дела большого потерпеть! А теперь мне пора! Ещё увидимся!

Раз — сон исчез, растворился под утро. Девочка открыла глаза и увидела солнечный луч, пробивающийся из-за прикрытой створки окна... Да, странный сон, странная тётя! Как предупреждает о чём-то! Мамке надо рассказать!

Днём, когда отец был на службе, Матрёна подошла к матери.

— Мама, мне сказать тебе надо кое-что...Секрет один...

Мать обернулась к дочери, с улыбкой ответила:

— Секрет, говоришь? Наверное, нахулиганили в слободе Татарской с подружкой своей. А теперь боишься из дому выйти, думаешь, татары тебя вожжами отстегают! А подружку твою Саню, уж родители выпороли, небось?

Девочка сделала серьёзное лицо:

— Нет, мама, тут другое! Ко мне тётя красивая во сне приходит! Разговаривает со мной! Тётю Марией зовут... — Взгляд Матрёны наткнулся на икону Владимирской Божьей Матери в красном углу. — Вот, мама, она на Богородицу похожа! Говорит, что в новом доме жить мы не будем. Папка с братом напрасно работают и силы свои тратят, хлопоты зря пройдут...

Здесь уже матери стало не до смеха... Она взяла дочь за плечи, внимательно взглянула ей в глаза и спросила:

— Давно тебе такие сны снятся?

— Недавно, несколько дней всего... Два раза тётя во сне приходила!

— И о чём говорила она?

— Про фрукты рассказывала, про виноград и яблоки... Про сады, в которых живёт. Там в реках воды сладкие текут, деревья там с яблоками большими. Про вас с папкой спрашивала. Но плохого ничего не говорила.

Мать обняла дочь.

— Дай-ка я поцелую тебя, красавица моя! Ничего плохого с нами не случится, будем мы жить в новом доме! Не бойся Богу молиться и верить, что всё будет хорошо... И сны плохие пройдут!

Дочь прильнула к матери.

— Мама, это хорошие сны! И тётя Мария в них хорошая и добрая!

Прасковья погладила дочь по голове и подумала: «Дочка, не повредила ли ты умом? Бедный ребёнок, причастить тебя надо в церкви в ближайшее воскресенье!»

Вдруг с улицы раздался какой-то шум, потом загудел в ближайшей церкви колокол. Люди на улице забегали:

— Пожар, православные! Посад загорелся! Посад горит! Воды, воды давайте! Вёдра берите! Несите воду!..

Два дня бушевал пожар в Посаде, огонь вспыхивал то тут, то там. Лёгкий летний ветер налетал на город и разносил языки пламени. Деревянные дома вспыхивали, как сухой камыш на болоте. Люди тушили огонь, выстраивались в цепочки, передавали вёдра друг другу, воду черпали в Волге да Казанке, лили её на пылающие дома, пытались засыпать огонь песком и землёй. Молились Богу о прекращении стихии. И только на третий день огонь начал затихать. Строящийся дом родителей Матрёны сгорел дотла, одни угли остались, да и старая изба пострадала прилично, из четырёх стен уцелело только две. Прасковья горестно рыдала на пепелище. Даниле было жалко несбывшихся надежд, жену с детьми, своего труда. Он, как мог, пытался утешить жену, нежно обнимал её, говорил: «Не убивайся, суженая моя, ещё добра наживём. Все ведь живы, никто не погиб, не сгорел в пожаре. Смерть не исправить, а всё остальное поправимо!» Но всё равно горе семьи Онучиных было огромным.

Чумазая растрёпанная Матрёна со следами сажи на лице побежала на другое утро в слободу к подружке. Увидев Саният, она расплакалась: «Саня, дорогая подружка, у нас дом сгорел! И новый, и старый, угольки одни остались!» Саният попросила родителей, они быстро собрали, сколько могли, продукты: сыр, кусок вяленой конины, кобылье молоко, муку, немного перемячей, сушёные фрукты. Мать Саният дала Матрёне одеяло и кое-что из старой одежды. Саният вызвалась проводить подружку до Посада и всё донести. Девочки пошли вдоль озёрного берега. Путь шёл через лесок и небольшой овражек. Вдруг в овражке образовался как бы туман, белёсая подвижная дымка с неявными всполохами изнутри, которой минуту назад ещё не было... Девочки с опаской вступили в белое облако и увидели там Марию в золотых сияющих одеждах. Цвет одежд то переходил в огненный, то опять становился золотым, то багрово-красным, то с отливом в ярко-синие тона. Всполохи, отблески сияющего пламени пробегали волнами по одежде!

Саният прижалась к Матрёне, испугавшись: «Кто это?» Матрёна сказала: «Не бойся, Саня, это тётя Мария, она добрая! Она с иконы. Я с ней во сне разговаривала!»:

— Тётя Мария, что Вы тут делаете?

— К тебе пришла повидаться, Матрёна! А вы, шалуньи, куда путь держите?

— Тётя Мария, у меня горе, дом сгорел, который отец с братом строили. И старую избу пожар спалил. Я в слободу к Сане за продуктами ходила, сейчас домой поесть несу.

— Расстраиваются родители, наверное?

— Мамка плачет всё время, отец утешает её как может... Брат молчит...

— Помнишь, говорила я тебе, что напрасным будет труд отца? Сказала ли ты родителям об этом?

— Отцу сказать не успела, он на службу в Кремль собрался...Мамке сказала, она испугалась. А потом пожар начался.

— Эх, Матрёна, Матрёна! А ещё самостоятельная девочка! Надо было в то же утро сказать родителям, пока папка твой в гарнизон не ушёл! Может, имущество и спасли бы от огня! Но знай — другой дом у родителей будет, а у тебя в будущем вообще появятся хоромы каменные, из белого камня, как Кремль Казанский! И имя у тебя, Матрёна, будет другое! А теперь послушай меня внимательно! Запомни хорошенько всё, что я скажу! Под вашим домом была зарыта икона старинная, которую тайно скрыли христиане сто лет назад, во время существования ханства Казанского... Опасались злых властей они, война же была постоянная между русскими и татарами. Теперь эту икону надо выкопать, она наружу, на свет Божий просится. Иди домой, родителям скажи, отройте икону и отнесите архиепископу Иеремии¹... Не простая эта икона, а чудотворная, много великих дел через неё придёт на землю Русскую.

— Хорошо, скажу...

— Только обязательно скажи, Матрёна! Найдите эту икону! А то плохо будет не только тебе, но и близким твоим, всей семье, и дела по службе не пойдут, и здоровьем повредитесь. Воля на то Господа Бога нашего, а его слушать надо, Промысел его на пользу идёт людям.

— Хорошо, тётя Мария, всё мамке с папкой расскажу! Скажите, а почему наш дом сгорел?

— По Промыслу Божьему дом ваш сгорел. Иногда бывает так, Господь горе попускает людям, чтобы тайна какая-то открылась им. Когда Господь наш Иисус исцелил слепорождённого, дал ему зрение, ученики подступили к нему и спросили: «Господи,

¹ *Архиепископ Иеремия (умер в 1581 году) — епископ Русской православной церкви, архиепископ Казанский и Свяжский*

почему сей человек родился слепым? Сам он согрешил или родители его согрешили?» Господь Иисус ответил: «Не сам он согрешил, и не родители его согрешили, а родился слепым, чтобы узнались на нём дела Божии!»¹ Вот и твой дом, Матрёна, сгорел, чтобы узнались из-за этого дела Божии! Не горюйте и не убивайтесь, ещё добра наживёте! Во сто крат больше!

¹ Евангелие от Иоанна, глава 9, стих 1–3

За время разговора Марии с девочкой её подруга Саният всё время стояла молча, чуть дыша... Мария обратилась к ней:

— А у тебя как дела, татарская красавица!?

— Хорошо, тётя, все близкие живы-здоровы! — Только и смогла вымолвить при-тихшая Саният.

— Меня зовут Мария!

— А меня Саня! Мне про Вас Матрёна рассказывала!

— В ваших священных книгах тоже обо мне написано, и о Сыне моём... Вырасти, маленькая Саният, научись грамоте. Хорошо, когда люди говорят и читают на нескольких языках. А когда подрастёшь, прочитаешь Коран, найдёшь там строки про меня! И про Сына моего Святого!¹ Дружите, девочки, в мире живите, от дружбы много пользы бывает, на дружбу вашу с годами люди равняться будут! А теперь, проказницы, расходитесь по домам! Матрёна, иди к мамке и папке, всё им поведай, и ступайте на двор Архиепископа вашего, скажите ему, что я тебе сказала, и пусть людей вам даст пепелище раскопать...

* * *

На следующее утро на подворье архиепископа Иереми, который заступил на кафедру Казанскую после почивших предшественников Гурия и Германа, народ ожидал Владыку. Много людей пришло с просьбами после пожара. Кто за благословением новый дом строить, кто неурядицы семейные решить, кто денег попросить хоть немного на пропитание, кто одеждой разжиться, всё сгорело ведь в пожаре-то. Священник Ермолай², ближний человек Архиепископа, тоже сидел на лавочке около крыльца. Сидел, прислонившись к стене, отдыхал от трудов двух-трёх минувших дней. Пришлось и ему побегать — то пожар тушил, то поручения Владыки выполнял, то молебен с акафистом с братией читали, чтобы пожар прекратился. На подворье зашла женщина средних лет, а с ней девчонка малая с большими глазами, обе в грязных подпалённых одеждах. Они прошли сквозь толпу и сразу направились к Ермолаю. Женщина сказала:

— Отче, здравствуй! Нам Владыка нужен по важному делу!

Ермолай неспешно потянулся:

— И вам не хворать... Сами ждём Владыку, не выходил он ещё... А что за дело-то у вас?

Женщина нахмурилась:

— Не знаю, как и сказать-то! Может, лучше сразу Владыке?

— Ну, не хотите говорить — не надо... Тогда очередь к Владыке на разговор займите, глядите, сколько народу пришло...И все с просьбами! К вечеру, как достоитесь, переговорите...

Матрёна, повиснув на рукаве у матери, заговорщицки сказала Ермолаю, смотря на него своими большими глазами:

— Дядя, нам срочно надо!!! Важное дело для всех! А то потом пожалеешь, что нас не пустил! Нагоняй от Владыки получишь, посохом тебя побьёт!

¹ 19 Сура Священного Корана называется «Марьям», она названа в честь Матери Пророка Исы (Иисуса Христа)

² Священник Ермолай, затем Гермоген, патриарх Московский (1530–1612) — церковный деятель эпохи Смутного времени, священномученик, умер в польском заточении в Москве в Чудовом монастыре в 1612 году. В молодые годы служил настоятелем в Казани в Гостинодворской церкви святителя Николая Чудотворца. В 1587 году после смерти жены принял монашеский постриг. Переносил новоявленную икону Казанской Божьей Матери с места явления в церковь

Ермолай засмеялся:

— Ты-то, пуговка, куда лезешь? От горшка два вершка! У тебя-то какие дела важные к Архиерею? Говори, а то вдруг я и, правда, пожалею да нагоняй получу! А посох-то у Владыки и впрямь, длинный!

В сенях раздался шум, двери открылись, вышел Владыка в повседневном облачении, тёмной рясе и простом клобуке. Архиепископ Иеремия был высок, статен, с седой окладистой бородой, умные глаза внимательно смотрели из-под головного убора. В жизни владыка был скромн, в еде аскетичен, хоть и жил в палатах, но довольствовался малым, что имел — раздавал люду православному, да и мусульманам помогал и слыл в народе бессеребренником. Чуть прищурившись и улыгнувшись в густую бороду, Владыка молвил:

— Что за шум, а драки нет? Много народу сегодня пришло, отче Ермолай? А это что за юная особа? Дитяtko, зачем вы пришли ко мне с мамкой?

— Владыка Честный, прости и благослови! — Ермолай согнулся в поклоне. Потом ответил за Матрёну:

— Вот, Владыка, говорят, дело до тебя есть срочное! Мне не говорят, что и как! Я их в очередь направил, они не идут, говорят, всё быстро решить надо...

Иеремия обратился к Прасковье:

— Надолго я вам нужен, чада мои? А то ведь дел у меня много в связи с пожаром!

— Прости и благослови, Владыка! Ненадолго, но дело срочное!

— Ладно, на крыльце несподручно говорить, пойдём в палаты!

В белокаменных палатах, удобно усевшись на архиерейский трон и усадив посетительниц на широкую лавку напротив, Владыка стал слушать рассказ Матрёны! Ермолай тоже присутствовал при разговоре, слушал молча. Молчала и Прасковья. Чем дальше шёл рассказ, тем больше Владыка изумлялся, его лицо выражало то недоумение, то удивление. То Владыка хмурился, сверлил мать и дочь умными глазами, словно не верил им. Иногда он задавал маме и дочке уточняющие вопросы. Выслушав девочку, он молвил:

— Чудны дела твои, Господи! Вот ведь случай... Ну что же вы хотите от меня, чада? Тут всё обмозговать надо! Да и не верится, если честно! Какая-то неправдивая история, на сказку похожа. Давайте вот что — вы сходите сейчас к воеводе Богдану Юрьевичу Сабурову, его покои здесь недалече, расскажите всё ему, как и мне... Чтобы принял он вас побыстрее, скажите, нас Владыка прислал, дело Государево. Пусть он вас выслушает, и что он скажет, интересно? А уж назавтра наутро приходите ко мне опять, будем что-то решать с вами!

Прасковья поклонилась:

— Хорошо, Владыка, тотчас пойдём к Воеводе! За мужем Данилой зайдём только, Воевода его знает...

Казанский воевода Богдан Сабуров¹ жил недалече. Он тоже поздно встал с постели, хлопот с пожаром было много, и одна, и другая ночь бессонные. Поэтому и позволил себе воевода вчера перед сном себе выпить хмельной медовухи с устатку и поспать вдоволь. Потягиваясь и подкручивая пышные усы, он вышел на улицу. Солнце близилось к зениту. Голова у воеводы слегка побаливала, то ли от гари и дыма, то ли от медовухи вчерашней. У ворот дома стоял стрелецкий караул из двух человек, рядом с караулом переминался с ноги на ногу старый стрелецкий десятник Данила с женщиной и малой девчонкой. Данилу Богдан Юрьевич знал лично и хорошо

¹ Сабуров Богдан Юрьевич (умер в 1598 году) — русский военный деятель, боярин и воевода в царствование Ивана Грозного и Федора Ивановича. Воевода в Чебоксарах (1575–1576), в Казани (1579–1584), Свяжске (1581–1582), Смоленске (1586–1587)

относился к нему. Данила — отменный служака, трезвый, верный, место своё знает, вперёд не лезет, среди стрельцов авторитетом пользуется, случись что — воюет храбро.

— Эй, пропустить там! — Воевода сделала караулу знак рукой. — Здоров был! Проходи, проходи, Данила. Кто это с тобой? А ты же как вроде не на службе сегодня, отпустил я тебя. Слышал, дом у тебя сгорел.

— Здравствуй и ты, Отец Воевода! Да, горе у меня большое, но, слава Богу, все живы, в пожаре никто не пострадал. Со мной жена моя Прасковья и дочь Матрёна, девяти лет от роду. Архиепископ Иеремия нас прислал до тебя! Дело у нас, рассказать тебе кое-что должны...

— Ну, пойдём в шатёр тогда, а то уж солнце припекает! — Воевода повёл гостей в летний шатёр, который стоял во дворе дома и защищал от прямых солнечных лучей...

История повторилась — чем больше рассказывала Матрёна про свои видения, тем больше воевода смотрел на неё вопросительно прищуриваясь и кивая головой. Будто думал: «Вот ведь фантазёрка, как язык только поворачивается такие басни сочинять». Когда Матрёна закончила, Данила спросил:

— Что скажешь, Отец Воевода? Веришь ли ты дочери моей?!

После паузы воевода Богдан Юрьевич промолвил:

— Ничего не скажу, Данила! Все это неожиданно... Копать? Копать можно, можно всё пожарище перелопатить! Только сам посуди, мил человек, откуда там этой иконе взяться? Сто лет назад закопали... Да тут сто лет назад даже духу христианского не было, одни басурмане¹. Какая икона? Про дочь твою ничего не скажу, дитя малое, может, головкой повредилась... А если бы ты мне сам такое поведал, да на трезвую голову, я бы сказал тебе в ответ: «Брехня!!!» Да и выгнал бы со двора!

Чуть помолчав, воевода спросил:

— А что архиепископ на счёт иконы говорит?

— Дозволь, Отец Воевода! — слово взяла Прасковья. — Владыка Иеремия нам ничего не сказал, говорит, завтра утром ко мне приходите, скажу, что делать надо. Тоже выслушал внимательно и проводил, ничего не сказав.

Воевода подкрутил правый ус:

— Ну, так и делайте. Идите завтра к нему, что он скажет. Дело-то больше Божеское. А пока ступайте восвоюси. Данила, переночевать-то у вас есть где?

— Найдём, Богдан Юрьевич!

— Ладно, ступайте, Данила, Бог вам помощь...

Когда Данила с семьёй вышел за ворота, воевода подозвал караульного стрельца и сказал ему:

— Беги за Владыкой, скажи, я на обед приглашаю его, квасу выпьем, поедим, что Бог послал, да потолкуем... Попроси через час его быть.

Через час архиепископ Иеремия пришёл к воеводе. Стол накрыли в летнем шатре, да за квасом и нехитрыми яствами² стали неспешно толковать. Воевода спросил первым:

— Владыка, слышал про чудо? Десятник Данила к тебе с дочкой приходил? Рассказывала она про видения-то?

— Да, Богдан Юрьевич, слышал. Не знаю, верить ли. А ты что скажешь? Ты Данилу знаешь лучше, чем я, у тебя он в войске. Веришь ты дочери его или нет?

¹ Басурмане (старорусское) — мусульмане

² Яства (старорусское) — еда

— В том-то и дело, Владыка, что не верю! Кому явилась-то Матушка наша Богородица? Дитю малому? Не монаху-схимнику¹, не старцу седому, умудрённому, всю жизнь в вере подвизающемуся, не инокине монастырской, даже не послушнику юному, навроде Варфоломея, будущего Сергия Радонежского, которому святители и сама Богородица наяву являлись, а девчонке малой, стрельцовой дочери! За что же это ей честь такая? Чем же она так возвеличилась? Сроду не поверю...

Иеремия возразил:

— Так, по рассказу, у неё свидетельница есть, подружка её малая, татарочка!

Богдан Юрьевич рассмеялся:

— Ещё пусть младенца в свидетели возьмёт... Дети — они и есть дети! Малые, на выдумывают себе! Что стрельцова дочка, что татарочка, обе девчонки неразумные! Им бы в куклы играть, а они, видишь, с Богородицей встречаются! На Москве такое рассказать — засмеют люди. А коли до царя Ивана Васильевича дойдёт?! Конфуз может случиться!!!

Иеремия задумчиво ответил:

— Не скажи, Богдан Юрьевич! В Святом Евангелии сказано Господом нашим Иисусом Христом: «Будьте как дети!»² Может, поэтому и явилась Матушка наша Богородица детям неразумным, что души у них ангельские, не испорчены ни завистью, ни корыстью, ни каким другим лихоимством, и никакого греха на девчонках-то нет! Как говорится, ни словом, ни делом, ни помышлением. Души чистые, невинные! А нам-то, старым, что являться, видно, недостойны мы, грехов много накопили. А что делать-то посоветуешь, Воевода? Тайно или явно людей с лопатами послать? Явно пошлём и ничего не найдём — посадские и татары нас засмеют, скажут, воевода с владыкой клад ищут на сгоревших развалинах! Сокровища Дивана Казанского³, которые при взятии Казани татары схоронили! Не хотелось бы, чтобы смеялись люди над нами, блаженными прославём... Да и тайно послать — всё равно от пересудов никуда не денешься...

Воевода сердито отмахнулся:

— Владыка, так дело здесь Божеское, а не мирское! Вот ты и решай... Что скажешь — подмогну, а не скажешь — так и будь по-твоему... Ты же сам на завтра встречу Даниле с дочкой назначил!

— Хорошо, Богдан Юрьевич! И вправду — утро вечера мудренее! Спасибо за обед вкусный, воевода, пойду потихоньку...

На следующий день Данила с Прасковьей и дети, Никола с Матрёной, опять пришли к архиепископу. Вся семья в чужих людях на новом месте ночь спала плохо, да и волновались за то, что власти перебаламутили. Вдруг всё напрасно, пустые хлопоты? С семьёй старого Данилы были соседи, такие же погорельцы-горемыки, маленькая Саният с родителями с ними же. Ахмет с Шамилей и Данила с Прасковьей доброджелательно поздоровались, дружба юных дочерей передавалась и их родителям. Всего на двор архиерея пришло человек двадцать пять — тридцать. Владыка вышел к ним и внимательно смотрел то на Данилу, то на Прасковью, то на маленьких девочек. Ермолай, как тень, молча стоял рядом.

¹ Схима — полное отречение монаха от всего мира, даже от монастырского уклада. Монах, принявший схиму, снова получает другое имя, потому что отказывается от любой прежней жизни, живёт уединённо в келье или в скиту. Схимники не участвуют в работах, общих для монастыря, их день состоит из непрестанной молитвы. Нередко схимники брали на себя обеты молчания или затвора. Подражая древним монахам-пустынникам, схимники берут на себя великий духовный подвиг

² Евангелие от Матфея, глава 18, стих 3

³ Диван Казанский — Правительство во времена существования Казанского ханства.

— Что делать-то, Владыка? Копать надо на пепелище! Вдруг и впрямь икона там чудотворная? — сказал Данила и вопросительно смотрел на архиерея. Люди тихо, вполголоса зашумели.

Архиепископ махнул рукой:

— А, ладно, народ честной, будь по-вашему! Ермолай, возьми на подворье двух-трёх людей, ломы, лопаты, крючья, чтобы пепелище расчистить, пойдёшь с ними, посмотри, что и как... У вас-то лопаты есть? — Спросил архиерей Данилу...

— Найдём! Тогда благослови, Владыка! — Все пришедшие на двор архиепископа согнулись в поклоне.

— Бог благословит! Божьей вам помощи! Ермолай, извещай меня, что и как! — Епископ Иеремия всех пришедших осенил крестным знаменем.

Делегация выдвинулась на пепелище Данилова дома... Дорога была недалёкой, от Кремля с полверсты, спуститься с холма чуть ниже... Данила, Ермолай, сын Николай, пришедшие соседские мужики взяли ломы и лопаты, пошли расчищать горелые брёвна и копать посыпанную пеплом землю. Три часа продолжались поиски, всё напрасно. Растащили бревна, перекопали пепелище, искали и под новым, строящимся домом, вернее, под его остатками, и на том месте, где стоял старый дом, и под сараем, всё бесполезно! Данила злился и с упреком поглядывал то на дочь, то на Прасковью. В его глазах читалось: «Втравили меня в поиски! Невозможное дочке привидилось, вот и копаем! Соседи засмеют! Скажут — чокнулся старый Данила! Да и дочка блаженной прослывет, замуж её не выдам!»

Маленькая Матрёна понимала, кожей чувствовала досаду отца. Поймав его очередной косою взгляд, спросила:

— Папка, дай лопату мне, я покопаю! Дай лопату, папка!

Данила кивнул:

— На, дочка, мы с мужиками передохнём пока...

Маленькая Матрёна, выхватив лопату из рук отца, пошла копать туда, где уже копали, где у их старого дома, тесного и низкого, был красный угол. Она стала углублять уже раскопанную яму, как будто кто-то подсказывал ей: «Копай здесь, Матрёна! Копай здесь!»

Удар лопаты, ещё удар! Теперь надо собрать и выгрести землю. Маленькая девчушка работала лопатой не хуже заправского строителя, копающего котлован под фундамент, Прасковья и Саняг помогали выгрести грунт. Вдруг Матрёна увидела в земле кусок тёмно-красной, багряной тряпицы:

— Папка, мамка, здесь есть что-то! Смотрите, смотрите!

Люди окружили Матрёну, все затаили дыхание. Данила и Ермолай спрыгнули в яму, теперь уже не копали лопатами, а аккуратно вычищали грунт ладонями. Постепенно кусок красной тряпки освобождался от земли, оказалось, это полуистлевший рукав кафтана, в который было что-то завернуто. Данила с Ермолаем аккуратно подняли свёрток, развернули его и... О, Чудо! На свет появилась небольшая икона, облик Богородицы с младенцем, яркая, золотистая, как будто вчера вышедшая из иконописной мастерской! Люди удивлённо и радостно зашумели:

— Свершилось, свершилось! Чудо это, настоящее чудо!

Данила обратился к священнику:

— Давай, отче Ермолай, веди нас в Кремль, к Архиепископу... Поведаем ему о том, что сама Владычица наша Богородица землю Казанскую посетила!

После находки иконы Ермолай был как во сне... Возвышенные чувства и слёзы наполнили душу священника. «Надо же, свершилось! Чудо свершилось! Чудо Великое! Из земляных недр икону достали! А я-то, дуралей, и не верил! Не поверил девчонкам

малым! Как Господь апостолам сказал в шторм на море Галилейском: „Малoverные! Где вера ваша?“¹ Верить надо, верить в Господа и Мать его Пречистую! А ведь честь для меня — свидетелем явления иконы быть! Вот ведь Бог что делает, милость свою являет рабам недостойным! Крестным ходом с иконой надо пройти до Владыки, до Кремля Казанского. Молебен перед иконой отслужить! Надо, чтобы все икону увидели, и служивые, и честной народ, и священство, и воевода с ближними своими, чтобы слух об иконе пошёл по всей Руси Великой».

Ермолай бережно взял найденную икону в руки, поцеловал её, поднял образ над головой, показал всем пришедшим, и, запев: «Богородица, Дево, радуйся! Благодатная Мария, Господь с тобою!»² — направился обратной дорогой в Кремль, на подворье Владыки. Вслед к нему пристраивались люди: и русские, и татары, и черемисы, прохожие мужики и бабы удивлённо останавливались, снимали шапки, православные крестились, начинали понемногу пристраиваться к Крестному ходу и поддерживать песнопения Ермолая. Понимали, внутренне осознавали люди, что присутствуют при Великом Действии Господнем, проявлении Его Божественной Воли и Милости!

МОСКВА

Старый царь Иван Васильевич просыпался в Московском Кремле рано, ещё до первых петухов. Под конец жизни царя мучила бессонница. Часто снились кошмары, казни, пожары, войска, погибшие в пучинах бесконечных войн. Тени пробегали по стенам царской спальни, ляг оружия, свист пушечных ядер, неясные стоны, крики, от которых у Ивана Васильевича среди ночи открывались глаза. Царь не боялся смерти, он даже устал от земной жизни, ожидая смерть как избавление, но будущее его всё же тревожило. Стало беспокоить то, что напишут и подумают о нём потомки, кем войдёт он в историю: кровавым тираном или мудрым правителем, грешником или праведником, человеком, залившим людской кровью свои владения или первым царём земли Русской, который оставил потомкам огромную державу. А что с державой будет после его смерти? Не пустят ли её в распыл наследники?

Царю вспоминалась молодость, военные походы на Казань, на Астрахань, его верные люди Алёшка Адашев и Андрейка Курбский, любава его, царица Анастасия Романовна. «Настасьюшка, Настасьюшка, на кого же ты меня покинула! Никого же не любил так больше! — так думал царь. — Эх, Ванька, Ванька, грешный царь земли Русской... Жил, жил, добра нажил, казну набил червонцами, а ума так и не добыл!»

Совесьть — цепной пёс души человеческой! Там, где ловкий человек обманет всех — совесьть напомнит ему о том, что себя обмануть нельзя! Там, где сильный человек, властитель, казнит, изничтожит всех, кого посчитает нужным — совесьть придёт к нему ночью и скажет, что неправ он был, жизни и души Божьи погубил, отнял у людей то, что принадлежит не завоевателю, не властителю, не судьбе, а Богу! Вот и царь Иван мучился от снов плохих, от мыслей тайных, от лиц, которые всплывали в памяти, во сне приходили, в мыслях являлись, словно живые. Эх, Иван, Иван, не тех ты возвышал, не тем поместья давал, не тех казнил и в тюрьмы бросал! Пепелище вокруг тебя! Покоя, мира в душе нет!

Василий Блаженный часто вспоминался. Этот мог царю всё в глаза сказать, не кривил душой юродивый! «Вася мой любимый, правдоруб!» — с тёплой улыбкой вспоминал царь...

¹ *Евангелие от Луки, глава 8, стих 25*

² *Песнь Пресвятой Богородице, одно из важнейших молитвословий русской православной традиции*

Царица вспоминалась Казанская, Сююн! Татарка ногойская, красавица! Искренняя, порывистая! Ненавидела Ивана-Царя лютой ненавистью! Таких врагов, как Царица, уважать надо, такие в спину не бьют, только спереди заходят. Ни кинжала тайного, ни яда от них ожидать не приходится, если и будут убивать, то честно, лицом к лицу, и в глаза сперва заглянут — каково тебе? Как выдали Царицу мурзы казанские, так к касимовскому хану Шигалею, союзнику своему, её отослал, а тот жить с ней захотел как с женой! А когда Сююн отказалась, пристыдила Шигалея, хан её и уморил! «А ведь ты, Иван, мог сделать так, что жила бы Царица и дальше, молодой ведь умерла она! Зачем отослал на Рязанщину Царицу Казанскую? Зачем сына малого, Утямыш-Гирея, у неё отнял? Надо было при себе, на Москве, в Кремле её оставить! Может, и добился бы потом от Сююн, если и не любви, не признания, то хотя бы уважения!»

«Ну уж нет! Не терплю дерзости, неповиновения, характер мой дурной! А, с другой стороны, надо было бы иногда и стерпеть! Многие бы живы остались!» — так говорил царю внутренний голос.

Протопоп Сильвестр вспоминался, лукавая душонка¹... Крутил -вертел как хотел молодым Иваном, нащёптывал ему на ближних! С царицей Анастасией Романовной, женой Ивана, всё пререкались они, а потом царица, Настасьюшка, голуба его, и умерла. Друг детства, строитель монастыря Соловецкого Федор Колычев, он же митрополит Московский Филипп². Правду митрополит царю говорил, с плеча рубил, а Иван Васильевич злился, послания да обличения его «филькиными грамотами» называл! «За что же ты велел Малюте Скуратову, палачу своему верному, удавить митрополита, Ваня!? За правду? Что походы твои кровавые на Новгород да на Псков благословлять отказывался? А брат твой двоюродный, князь Владимир Андреевич Старицкий? За что повелел отравить его, Ванюша? Не только самого, но и жену его! А ведь не было у тебя вернее князя Владимира человека! А упырей, сынков боярских да дворянских, душегубов и садистов приблизил, опричниками нарёк, царёвым войском, власть им дал большую, а они людей мордовали, резали да насильничали!!! Эх, Настя, Настя моя милая! Сдерживала ты зверя во мне, пока жива была, лаской, словом добрым, объятиями своими, а потом натворил, наворочал я дел, да таких, что ни один ад меня не примет!» — такие мрачные думы в предутренней дымке терзали царя Ивана.

«Но, с другой стороны, нам, царям, без строгости нельзя! Развалится ведь держава, к чёртовой матери! Строил, строил — а всё прахом пойдёт? Растащут бояре да князья имущество, всю казну по углам и уделам — полушки³ не останется! — Так думал царь. — А изменники государства — всё на ливонцев смотрят, кто что скажет, кто кому письмо напишет! А папская зараза?! Не уследишь — начнут на западный манер в церквях служить, а потом и кардинала на Святую Русь пришлют! Так что не бойся, не страшись будущего, царь Иван! Кто над тобою? Над тобою один Бог! А кто под тобою? Под тобой народ Руси Великой, православные, а вот теперь и магометане, казанцы с астраханцами да ногойцами! Правь, царь Иван, ничего не бойся! Только не забывай о простом народе заботиться, да с бояр своих спрашивать жёстче, спуска им не давать!» Эх, Андрейка, Андрейка, — вспоминал царь друга своего лучшего,

¹ Сильвестр — русский православный священник, политический и литературный деятель XVI века, наставник юного Ивана Грозного. После смерти жены Ивана царицы Анастасии в 1560 году был заподозрен в причастности к её отравлению и отправлен в ссылку в Соловецкий монастырь, где и скончался в 1566 году

² Митрополит Филипп (в миру Фёдор Степанович Колычев, 1507–1569) — епископ Русской православной церкви, митрополит Московский и всея Руси с 1566 по 1568 годы. Из-за террора опричников вступил в открытый конфликт с царём в 1568 году. Находясь в ссылке в Твери, убит начальником опричного войска Малютой Скуратовым в 1569 году

³ Полушка — мелкая монета в Древней Руси

князя Андрея Курбского, весельчака и балагура, героя Казанских походов, бежавшего в Литву и затем воевавшего против русского войска. — А ведь думал я, что до скончания века мы вместе будем великие дела вершить, державу православную строить! Друг любимый юности моей, помощник, сподвижник мой... Эх, Андрейка! Предатель ты всего люда русского, Иуда! Всё Литве о русском войске выдал, все секреты ратные, воевал против своих, на гибель отправил многих! Всех подвёл, всех продал, даже жену с ребёнком, с сыном-отроком, когда с Руси бежал, с собой не забрал! Разве ж так можно?»

«А как можно, Ваня? — спрашивал царя Ивана внутренний голос. — Как ты делаешь, так можно? Как быть справедливым, совестливым царём? Как творить дела и суд свой по Закону Божьему? Возможно ли это? Да, Ванька-царь, самодержец Руси Великой, нагрешил ты в этой жизни! В рай не попадёшь, черти ждут тебя в пекле! Вслед за Малютой Скуратовым да за Басмановыми¹, отцом с сыном, пойдёшь, в аду твоё место!» — так думалось Ивану в утренней тиши.

Ближе к закату жизни царь Иван Васильевич каялся и осознавал ничтожность свою, вольные и невольные ошибки и злодеяния. В своём письме к князю Курбскому в Литву он писал: «Вопреки твоим выдумкам, будто я не хочу дать ответ в своих грехах, я знаю, что Христос владеет и распоряжается всем на небе, земле и в преисподней и карает мучениями непокорных. Верю, что и мне, как рабу, предстоит суд Христов не только за свои грехи, но и за грехи моих подданных, совершенные из-за моей неосмотрительности»². Эх, Ваня, Ваня, как бы это всё в молодости знать! Вот, стоишь на вершине власти, как на горе высокой, один, все ветра обдувают тебя, все дожди поливают тебя, и укрыться негде, и спрятаться не за кого! Вокруг лизоблюды одни, поговорить не с кем! Ослабнешь — жди ножа в спину! Не тех на жизненном пути возвышал, не тех ласкал, не тех казнил да мучал, Иван Васильевич! Так что не обессудь теперь!!!

Одно лишь царя Ивана немного успокаивало — то, что любим он был народом простым. Принимали власть Ивана Васильевича как богоданную! За строгий нрав и вспыльчивость нарекли его Грозным, а за справедливость величали Белым царём. Было где защиту искать от дворян-мздоимцев да бояр-самодуров на Святой Руси. С народа царь спрашивал строго, а с дворян да бояр, с ближних своих людей — во сто крат строже! Кто не понимал его воли или беззаконничал, лютовал да мздоимствовал — умывал, когда слезами, а когда и кровью! Скор бывал на расправу царь, за что себя порой и корил, но сделать ничего не мог — характер! И Рюрик, и дед, Иван Великий, и темник Мамай, все царевы пращурсы тоже скоры на расправу были! И ещё — не склонял головы царь перед иноземцами, не заводил на Руси обычаев заморских, не равнялся на советчиков иностранных, на Папу Римского, на королей да князей европейских! А жил и правил Иван Васильевич своим умом, по заветам пращуров своих великих, отцов и дедов, князей московских да татарских!³ Даже в строительстве городов Руси Великой, в отличие от деда своего, Ивана III Великого, приглашавшего на Москву строить Архангельский и Успенский соборы в Кремле итальянцев Аристотеля Фьорованти и Алевиза Нового, на своих, на

¹ Григорий Скуратов-Бельский по прозвищу Малюта, Алексей Данилович (отец) и Федор Алексеевич (сын) Басмановы — видные начальники опричного войска Ивана Грозного

² Первое письмо царя Ивана Васильевича Грозного к князю Андрею Курбскому

³ Основатель рода Глинских (мать Ивана Васильевича Грозного — Елена Глинская) Мансур Кият был старшим сыном ордынского беклярбека и темника Мамаия и погиб в 1391 году в сражении с войсками Тамерлана недалеко от современной Самары. В свою очередь, сам Мамай был женат на дочери хана Золотой Орды Бердибека, потомственного Чингизида. Поэтому справедливо утверждение, что Иван Грозный был по матери Чингизидом, потомком Великого Чингисхана

русских и татарских зодчих надеялся Иван Васильевич IV, доверив им возводить и Собор Василия Блаженного, и Казанский Кремль, и церкви Свияжской крепости, и Борисоглебский собор в Старице, и другие крепости и храмы. «Своим умом надо жить! Без папских зодчих обойдёмся!», — так думал царь Руси Великой. За то и любили царя Ивана Васильевича, что отеческие интересы отстаивал, о своём народе, о подданных короны Русской заботился, за это уважали и добром вспоминали его люди простые, жители Руси...

Утро, светало...Вставать пора, скоро постельничий с кравчим¹ завтрак принесут. В опочивальню осторожно постучали, вошли ближние бояре постельничий Иван Новосельцев и кравчий Борис Годунов, но без завтрака...Годунов, молодой и шустрый боярин, быстро сделавший в Москве карьеру, вполголоса обратился у царю:

— Разреши, Великий Государь! Гонец прискакал! Дело неотложное из Казани!

Ааа, Казань, Казань! Первые победы, первые ратные подвиги! Вот где молодость моя, лучшие годы, вот где удаль ратная, сабля булатная, забава молодецкая, ветер в лицо, где все ещё живы и здоровы, чисты душой, смотрят в одну сторону, и измены никакой нет!

Царь, глядя исподлобья, хмуро ответил:

— Давай, Бориска, говори, что там у тебя!

Годунов возразил:

— Нет, Государь, ты всё сам должен слышать! Пусть гонец расскажет!

— Тогда погоди, я хоть оденусь!

Через четверть часа царь вышел в тронный зал... Бояре тихо стали поодаль, вдоль стены.

— Позвать гонца! Ну, говори, что там...

Гонец, молодежавый статный парень, бухнулся в ноги царю...Царь махнул рукой:

— Встань! Как звать тебя, хлопец, и кто ты таков?

Гонец поднял голову:

— Зовут Петькой меня, сын Спиридонов! Великий Государь, я ближний Воеводы Казанского, Богдана Юрьевича Сабурова, прислал он меня к тебе с донесением! — Гонец опять распластался перед царём.

Царь ворчливо пробурчал:

— Ну, ты давай без раболепия! Встань, говори, с чем приехал, что стряслось...

Гонец начал неспешный рассказ:

— Государь, случился в Казани великий пожар. Два дня бушевал. Половина Посада сгорела...

— Так... Хороши дела... А Кремль, Кремль-то цел?

— Кремль цел, Государь! Чуть Кремль задело! Стороной пламя прошло...

— Дальше давай, посланник казанский! Что это — измена? Поджог? Виновных нашли?

Гонец покачал головой:

— Нет, Государь! Дознание было крепкое, воевода Богдан Юрьевич тут же учинил, допросили всех, кого можно, но ни свидетелей, ни следов поджога не обнаружили...Ни татары, ни черемисы, ни наши русские, божатся, крест целуют, что никто не поджигал...

— А ущерб, ущерб-то большой? Может, денег из казны дать? Что воевода говорит?

¹ *Постельничий — придворная должность XVI века, постельничий ведал чистотой, убранством и сохранностью царской постели, кравчий — придворная должность XVI века, кравчий ведал кухней царя, приготовлением еды и напитков*

— Воевода просил передать — сами справимся! С посадских русаков, с мордвы, с татар и черемисов¹ мзду соберём, за пару лет всё заново отстроим... Здесь другое дело, Государь! Твоё дело, Государево!

Царь с досадой, глядя на Годунова, произнёс:

— Нет, ну ты смотри, Борис, вот ведь олух! Говори уже, не тяни, что там!

— В Казанском Кремле служит десятник Данила Онучин, молодым совсем с тобой на Казань ходил, да так и остался, а сейчас в летах уже, с жёнкой и двумя детьми там живёт, в Посаде, рядом с Кремлём...

— Онучин, Онучин! Сколько их на Руси, таких Онучиных... Дальше давай!

— Значит, у Онучина Прасковья жена, старший парень, по плотницкому делу мастер и дочурка малая, девяти лет, Матрёной зовут! Дом они строили, дом этот вчистую в пожаре сгорел... И Матрёне этой явилась сама Царица Небесная, Пресвятая Богородица! Говорит, на месте сгоревшего дома пепелище раскопайте, там икону найдёте чудотворную, Казанской назовёте, много радости и чудес придёт через неё на Землю Русскую!

Иван Васильевич напряг ладони и вцепился руками в подлокотники трона. Царь начал злиться:

— Да ты что, гонец, сказки прискакал мне рассказывать!? Для этого поднял меня спозаранку!? Может, тебе язык резать за такие истории?

— Не вели казнить, Государь! — Пётр оробел и опять бросился на колени перед царём.

— Да поднимись ты, олух Царя Небесного², пугаю я, никто казнить тебя не будет! Дальше толкуй!

— Когда Матрёна с отцом и матерью пришли на двор к Архиепископу Иеремии, он тоже не поверил... Пошли к воеводе... Тот их чуть ли не выгнал взашей. Но они настаивали, опять к Архиепископу пошагали... Тогда Его Святейшество дал священника Ермолая, с ним людей с лопатами, они пошли, разрыли пепелище и на глубине в два аршина³ нашли икону, замотанную в тряпицу... Тряпица истлевшая, от кафтана рукав, а сама икона сохранилась хорошо... Не обычная она, Господь наш Младенец Иисус стоит на ней рядом с Пречистой Матерью своей. Матрёна говорит, что ей Богородица сказала — при Ханстве Казанском эту икону спрятали до срока, чтобы басурмане не прознали, под запретом у них иконы. Жители Казани, тайно исповедовавшие Православие, её в землю зарыли. Я сам там был, готов на дознании присягнуть и крест целовать, что правду говорю! С обретенной иконой Крестным ходом прошли до Владыки, ему икону и оставили!

— Ишь ты, смотри-ка, и впрямь чудо! — Старый царь задумался. Потом произнёс, обращаясь к Годунову:

— Что скажешь на эту историю, Борис? Ты у меня сейчас главный советник!

Осторожный Годунов ответил тихим, вкрадчивым голосом:

— Не знаю, Великий Государь! Здесь дело Божье... С Митрополитом Московским надо посоветоваться!!! Может, и впрямь чудо совершилось на Земле Казанской... Тогда надо посмотреть, что нам в Москве от этого чуда дальше будет!

Царь махнул рукой в сторону гонца:

— Ладно, гонец Пётр, Спиридонов сын, отдыхай пока... В баньку давай с дороги да поешь хорошенько. На сухом пайке-то, да в пути дальнем живот к спине прилипнет! А мы пока помозгуем здесь, что и как! Да смотри не пей, шельмец, может, завтра

¹ Черемисы (старорусское) — предки современных марийцев

² Олух Царя Небесного (старорусское) — простофиля, наивный человек

³ Аршин — старорусская мера длины, 0,71 метра

в дорогу обратную поедешь! Чтобы тверёзый был, как дяк в постный день! Утром у меня будь, решение наше скажем тебе! Борис, Иван, распорядитесь!

Гонец, кравчий и постельничий согнулись в поклоне и вместе с гонцом вышли с царских палат.

* * *

Вечерело. Сидя в палатах, царь вспоминал. Казань, Казань! Картины ратной молодости пронеслись перед глазами. Первые неудачные походы, осада Казани, штурм, взятие стен крепостных, многие жертвы царёва войска. Когда Иван Васильевич молился под стенами Казанскими в шатре о даровании победы, явственно слышался ему благовест, праздничный перезвон церковных колоколов, как на Москве в Кремле, в праздники звонили... Звон прямо в ушах стоял, переливы больших и малых колоколов и колокольчиков, а ведь церквей-то на поле под Казанью и не было! Чудо ведь это было, истинное чудо! И потом Господь победу послал над защитниками крепости Казанской. А ведь, если подумать, случались чудеса в жизни царя, сама жизнь его долгая являлась чудом. Ведь отравили матушку его, Елену Глинскую, и жену отравили первую, царицу Анастасию, а царя эта участь миновала, хотя врагов царёвых было хоть отбавляй! И как в малолетстве в постели не придушили, те же Шуйские или Бельские, одному Богу известно?! А исцеление от болезни огненной после Казани? Как пришла болезнь, так и ушла, скоро и неожиданно. А когда с царства ушёл, из Москвы уехал, в Александровской слободе монахом затворился, народ его опять позвал на царство, в слободу к нему делегация приехала во главе с архиепископом новгородским Пименом¹ — это ли не чудо? А границы державы расширил, потомкам оставляет земли огромные под двухглавым орлом прашуров своих, византийских базилиевсов² — это ли не чудо, не Промысел Божий? А жизнь и чудеса Блаженного Василия, коим царь сам свидетелем являлся — это ли не знамение, Богом данное?

«За что, Господи, за что не покараешь меня? Ведь достоин казни я твоей, а ты меня милуешь? За что благословение своё мне посылаешь, и народу моему, который я гнал, казнил, жёг, достаток даёшь, числом да землями новыми позволяешь прирастать? Ведь по делам моим и награда мне должна быть, однако сам-то я жив, и Держава моя растёт! Поволжье к Руси присоединили с Ордой Ногайской, Поле Дикое, черкесские земли на юге, за Урал, на Сибирское ханство нацеливаемся! Крымцев с османами при Молодях³ крепко побили, ливонцам и шведам противостоим, Веру поднимаем Православную! Господи, зачем я нужен тебе, грешник, Ванька неистовый? За что, Господи, терпишь ты меня, жалкого раба своего? Ведь недостоин я любви твоей! Эх, совесть человеческая, кусает хуже волка! Врёшь другим, а себе-то и не соврёшь!»

Сокровенные, тайные думы царя прервал пришедший митрополит Московский Антоний:⁴

— Разреши, Государь! Почто посылал за мной?

¹ *Архиепископ Пимен (или Пимен Чёрный, ? – 25 сентября 1571 года) – архиепископ Новгородский, сторонник Ивана Грозного. Канонизирован Русской православной церковью в лике Святителя*

² *Бабушка Ивана Грозного по отцу Софья Палеолог была из рода последних византийских императоров*

³ *Битва при Молодях – крупное сражение 2 августа 1572 года между русскими войсками и армией крымского хана Девлет-Гирея включавшей, помимо крымцев, ногайские и османские отряды. Несмотря на численное превосходство, крымско-турецкая армия понесла значительные потери и была обращена в бегство*

⁴ *Митрополит Московский и всея Руси Антоний (1501–1581) – вступил в сан митрополита в мае 1572 года. Во всём поддерживал царя. О его деятельности сохранилось мало достоверных сведений. Известно, что время, в которое ему довелось быть митрополитом, было очень тревожным. Перед смертью в 1581 году ушёл на покой в Московский Новоспасский монастырь*

— Проходи, Владыка, присаживайся! Совет твой нужен! Как ни крути, ты к Богу ближе, чем царь! Случилось тут чудное дело в Казани, гонец сегодня утром приискал! Говорит, пожар был великий, полгорода сгорело, а потом на пепелище икону нашли, Богоматерь с младенцем... Да не то чудное, что икону нашли, хотя и это тоже, а то, что показала, где икона спрятана, девчушка малая, Матрёна, стрельцова дочка, а ей, якобы, сама Превладычица наша явилась, Богородица, разговаривала с ней! Откопай, говорит, икону, чудотворная она, много чудес и знамений от неё будет на земле Русской! Вот и откопали, в указанном месте нашли! Тряпица старая, рукав от кафтана, а икона завёрнутая — как новая! В Казани, видя дело такое, народ к вере потянулся, Крестный ход был, в храм икону поместили, молебны перед найденной иконой служат! Что скажешь, Владыка?

Митрополит задумался... Потом молвил с долей удивления:

— Не знаю, что и сказать-то, Государь Великий! Подумать тут надо, что дальше делать! Я всю жизнь в церкви, с малолетства в послушниках был, и на Белоозере, и на Соловках, и на Валааме, а сам такого не видывал. И, врать не буду, не являлись ко мне святые — ни во сне, ни наяву, ни преподобные, ни святители, ни мученики, а тут, видишь, Богородица сама пришла к девчужке... Чудное дело, Государь! А не враки это?

— То-то и дело, что не похоже на враки, Владыка. Гонец клянётся-божится, говорит, крест целовать буду и Святое Евангелие, сам всё видел! Сам там был и при раскопках присутствовал, видел, и как копали, и как достали икону из земли, и в первый Крестный ход с иконой пошёл! До Владыки и Казанского Благовещенского Собора, что Барма с Постником¹ строили! И про девчужку юную и её рассказы — все подтверждает!

Митрополит помолчал и неторопливо продолжил:

— Может, Государь, Господь наш Иисус с Пресвятой Матерью своей милость являют к нам, грешным! Тогда это истинное Знамение! Чудо — оно ведь в тревожное время проявляется, в испытаниях да неурядицах, в нужде великой, а когда народ сыт и одет — чудес-то и не бывает! Чудеса являются в страшный мор, в войну, после бедствия какого — наводнения, землетрясения, засухи. Пожар в Казани был — и после икона явилась! Тогда, действительно, Чудо придёт с иконой этой на Землю Русскую! Ибо сказано в Евангелии о рождении Христа — «Звезда возшла с Востока! Пришли в Иерусалим волхвы и говорят: где родившийся Царь Иудейский? Ибо мы видели звезду Его на Востоке и пришли поклониться Ему»² Так взошедшая звезда Вифлеемская возвестила о рождении Господа нашего! А икона, в Казани найденная — может, это твоя звезда на Востоке, Государь Великий, твоё Знамение! Может, на Восток Державе нашей надо двигаться, за Урал-Камень³, к православию приводить народы тамошние, сибирских татар да язычников?! Так я толкую явление иконы!

Царь ответил:

— Хорошо, подумаю над твоими словами! Может, и так оно, у самого мысли схожие! А что сейчас делать посоветуешь, Владыка? Дело ведь не шуточное, Божье дело! Может, монастырь там поставить в честь обретения святыни? Иконописцев с гонцом послать? Распорядиться, чтобы список сделали и на Москву привезли? С Крестным ходом икону встретить?

— Да, Государь, и список с иконы, и монастырь не помешали бы... Всё надо сделать, чтобы веру православную в Казани укрепить! И чтобы по Москве, и по всей Руси

¹ Постник Яковлев и Иван Ширяев по прозвищу Барма — псковские зодчие, строители Храма Василия Блаженного и Казанского Кремля

² Евангелие от Матфея, Глава 2, Стих 1–2

³ Урал-Камень — Уральские горы

весть об иконе той пошла! Здесь как ты скажешь, как ты управишь! На всё — Божья и твоя царская воля! Православный царь — опора Державы Русской!

После небольшой паузы митрополит тихо, вполголоса, добавил:

— Может, иконой этой Господь знак посылает, что грехи нам простит многие!

Царь исподлобья, с недобрый прищуром посмотрел на Владыку:

— Ты хочешь сказать, Владыка — русский царь грешен?

Здесь уже Владыка Антоний выдержал, не отвёл своих глаз от грозного царского взора:

— Все грешны, Государь, и мы с тобой тоже! Правда жизни такая! А кто, Государь, тебе правду ещё скажет, как не я?

Ничего не ответил царь на последнюю фразу митрополита. Долго ещё разговаривали они, спорили, соглашались, решали дела государственные, московские и казанские, решали на много столетий вперёд!

* * *

На следующий день гонец воеводы Казанского Пётр Спиридонов чуть свет заявился в Московский Кремль. Несмотря на то, что он пришёл заранее, предупреждённые стрельцы его уже ждали и препроводили к царю. В зале на троне сидел царь, рядом на лавках вдоль стены сидели митрополит Антоний, начальник стрелецкого войска воевода Иван Мстиславский, кравчий Борис Годунов и постельничий Иван Новосельцев. Чуть поодаль, напротив, но дальше от царя, сидели два думных дьяка и молодой парень в монашеской одежде, которых гонец видел в первый раз. Напротив царя на каменном полу стояли два открытых вместительных сундука с серебряными монетами. Гонец поклонился и стал молча перед царём, опустив глаза в пол. Иван сверлил его колючим взглядом из-под седых кустистых бровей. Потом молвил:

— Слушай волю мою, гонец Пётр, Спиридонов сын! Слова мои передашь Воеводе Казанскому Сабурову и Архиепископу Иеремии, пусть всё в точности исполняют! Вот тебе два сундука с деньгами по тысяче рублей серебром, один сундук — на восстановление Казани от пожара, второй — на монастырь в честь иконы обретенной Матушки нашей Богородицы. Каждого, кто икону откапывал, кто там был, русак или татарин, мужик, баба или дитё малое, без разницы, найти и дать по рублю серебряному от царя¹. Десятника стрелецкого Данилу по службе повесить, в сотники его произвести, не до смерти же ему в десятниках ходить. Родителям Матрёны денег дать — пушай дом построят, который хотят, деревянный или каменный, да чтобы большой дом, светлый, не хуже, чем у воеводы и его ближних! Подмогнут пусть власти им в этом, воевода пушай мастеров в Казани найдёт! И не только от меня, а и из казны Казанской выделить на восстановление от пожара деньги, сколь надо. Если не хватит — потом я ещё дошлю! Так и скажи — царь велел...

После небольшой паузы царь продолжил:

— Далее... Монастырь следует женский заложить на месте обретения иконы, пусть невесты Христовы славят в нем Владычицу нашу, Пресвятую Богородицу. Передай архиепископу — пока деревянную церковь в честь иконы пусть поставят, и чтоб быстро, чтоб народ видел! А так — Борис, Иван — царь обратился к Годунову и Новосельцеву, — сыщите зодчих, что у Постника Яковлева были в учениках, из-под земли достаньте, жалование им дайте хорошее и в Казань отправьте, скажите, царь повелел.

¹ Один рубль во времена Ивана Грозного был большими деньгами. На один рубль можно было купить взрослую корову или быка. Жалование простых стрельцов составляло два рубля в год. Постройка большой избы из ста брёвен обходилась в семь рублей

Пусть каменные стены для монастыря возводят! Архиепископу Иеремии о том отдельно напишите. Иконописца следует послать. Владыка Антоний, — царь обратился к митрополиту, — пошли умельца, которого посчитаешь нужным, список сделать для меня. В Кремль Московский, в Успенский собор список иконы той поместим. Иконописец твой здесь?

— Здесь, Государь! — ответил Владыка Антоний, с этими словами молодой парень в рясе, сидевший в отдалении напротив, встал и поклонился царю.

— Не молод ли, Владыка, твой человек? С порученным делом справится? — спросил царь.

— Не смотри на молодость, Государь Иван Васильевич! Это инок Никита, Дионисий, знаменитого мастера времён деда твоего, Ивана Великого, правнук¹. Тот Дионисий, что Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри расписывал². Никита не только учится мастерству иконописи, но и умеет многое, и секреты прадеда и деда своих знает... Нет у меня лучшего иконописца для исполнения твоей воли!

— Ладно, добро! Не подведи только, инок! Пропитание получишь в походе и как жить в Казани будешь, а награду щедрую дам тебе, как список иконы на Москву привезёшь... Только не подведи!

— Будет исполнено, Великий Государь! — инок ещё раз поклонился царю.

— Теперь к тебе, Иван Фёдорович! — царь обратился к воеводе Мстиславскому. — Дай стрельцов конных десятка два в сопровождение, покрепче молодцов да начальника им дай помоложе, пошустрее, чтоб не тугодум был. Телеги дай две — для денег да для провизии. Пусть смотрят, чтобы по дороге лихие люди не налетели, не ограбили. Начальнику скажи — нарвутся на разбойников, не сразу пусть стрельцы на убийство идут, а сначала объяснят, что дело-де Государево, что деньги на восстановление города везут, расскажут про пожар в Казани, про явление иконы чудесное! Дорога дальняя, всякое может приключиться, но, авось не тронут! Не хотелось бы великое дело творить, и при этом с кровопролития начинать!

— Будет исполнено, Государь! Подберём и молодцев покрепче, и начальника над ними, чтобы с головой был... А неприятность случится — так среди душегубцев тоже люди имеются, не тронут царские деньги, на Святое дело направленные!

— Ну, добро, други мои! — Царь Иван Васильевич встал с трона. — Готовьте в том, что я сказал, указы, тотчас же подпишу всё... На сборы день, завтра утром в путь... Поспешать вам надо! — Подчинённые согнулись в почтительном поклоне. А у царя стояло в ушах: «Звезда взошла с Востока! Звезда взошла с Востока!»

* * *

Дорога от Москвы до Казани была долгой, почти восемьсот вёрст. Стрельцы ехали неспешно, оглядываясь, присматриваясь к дороге, опасаясь за ценный груз. Отрядом воевода Мстиславский поставил командовать сотника Ивана Гордеева — молодого, но башковитого, сноровистого во всех отношениях стрелецкого начальника. Иван Гордеев был москвичом, белокурый, худощавый, жилистым парнем, стрелецким сыном, потомственным служакой в царёвом войске. Выдвинуться в сотники в молодые годы ему помогла исполнительность и ответственность за порученное дело. Четыреста вёрст до Нижнего Новгорода отряд проехал без происшествий. На ночлег

¹ Дионисий (около 1440–1508, из рода Чириковых) — ведущий московский иконописец и мастер фресок конца XV — начала XVI веков. Считается продолжателем традиций Андрея Рублева

² Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри — монастыри Русского Севера XIV столетия, находятся в Вологодской области

останавливались также с опаской, снимали сундуки с деньгами, ставили телеги по внешнему периметру, сами внутри разбивали привал, жгли костёр и готовили нехитрую походную еду. Выставляли караульных, которые несли службу по три часа, затем их сменяли... Всё по законам военного искусства. По дороге было ещё мало деревень, всё-таки двадцать лет назад здесь селиться было небезопасно, татары регулярно осуществляли набеги на эти территории. Те же деревни, в которых жили люди, были не очень большими, под Москвой или под Казанью сёла были несравненно больше. В Нижнем Новгороде основательно пополнили запасы воды и продовольствия, дали отдохнуть и людям, и лошадям, ведь остался самый опасный участок пути до Казани. От Нижнего путь шёл через леса, лес был густым, хвойные деревья сменялись лиственными, и наоборот. Дурная слава ходила об этих местах, как о блудных да о разбойных. Люди уходили в лес по грибы да по ягоды, и не возвращались, и до крестьян доходили слухи — такой-то караван пограбили, такого-то купца прибили лихие людишки, там снег сошёл, а под ним тело лежит бездыханное, а то и два! Поэтому в нижегородской чаще стрельцы ехали напряжённо и настороженно, прислушиваясь к каждому подозрительному шороху.

На опушке леса к отряду вышли два молодых крестьянина, два широкоплечих мужика, лет по двадцать пять, и пристально уставились на стрельцов. Они опирались на деревянные палки, которые при ближайшем рассмотрении оказались внушительными суковатыми дубинами.

— Что надо, люди добрые? — спросил их Иван Гордеев.

— Да вот, смотрим, куда путь держите, что везёте, служивые? — ответил тот, что повыше и поздоровее.

— На Казань путь держим, везём от Государя Всея Руси Ивана Васильевича ценный груз. А вам зачем это знать надобно?

— Да, вот, думаем, пропускать вас или нет? А то, может, тамгу¹ с вас взять, налог подорожный? — дерзко ответил второй, поменьше ростом, рыжий и улыбчивый.

— Слышь, мужик, ты говори — да не заговаривайся! — ближний к Ивану Гордееву стрелец вытащил из ножен саблю.

— Погоди, спрячь саблю! Воевода Мстиславский сказал — миром надо! Вас как звать-величать, люди добрые? — спросил Иван.

— Фёдор Кудря, — ответил здоровый, — а это ближний мой, Никанор! А тебя как величать, начальник стрелецкий?

— Сотник Иван, сын Гордеев! Тогда слушайте меня, Фёдор и Никанор! Если вы не хотите лишних хлопот вашим семьям, то идите с нашего пути куда подальше. А то сейчас головы с вас снимем и бросим вас в лесу, зверям на съедение...

Кудря ответил:

— Иван, хоть ты и сотник, но сотни-то стрелецкой за тобой нет! А нас пятьдесят человек с дубьём сидит в чаще, если навалимся на вас скопом², то ни пищали, ни сабли вам не помогут! Так ведь?

«Да, дела не очень, если навалятся — беда...Надо осадить, вступить в переговоры с лихоимцами!» — подумал Иван и миролюбиво продолжил:

— Тогда слушайте ещё, лихие людишки... Мы деньги везём из Москвы в Казань от царя Ивана Васильевича! Был в Казани пожар великий, посад погорел сильно, многие люди без крова, без крыши над головой остались. Царь Иван Васильевич деньги посылает на восстановление города, люду раздать казанскому на строительство. И ещё — чудо случилось в Казани, икону Богоматери нашли чудотворную на

¹ Тамга — подорожный налог (налог на проезд) в Золотой Орде и Казанском ханстве

² Скопом (старорусское) — все вместе, одновременно

пепелище, Казанской нарекли, вторая часть денег — на женский монастырь в честь найденной иконы, на обустройство жизни невест Христовых. Так вот, дорогие разбойнички, неужели вы решитесь нас пограбить? Не боитесь, что не мы, а Господь Бог с вас спросит за лихоимство ваше? Люди в Казани простые погорели, нуждаются сейчас! Дело-то мы делаем Божье, благоприятное!!!

Мужики призадумались, стали переглядываться, шептаться. Потом Кудря ответил:

— Про пожар страшный мы слышали, да и про икону тоже... Выходит, грех вас грабить, православные, пропустим мы вас! Но тогда просим вас нижайше — если есть деньги лишние, подайте на пропитание нам, голодно в лесу сидеть, а так хоть в деревню ближайшую сходим, хлеба да молока купим...

Иван молвил:

— В пути мы, лишних денег нет, но рублей пять найдём... А ну-ка, служивые, скинемся лесным жителям на пропитание, найдём пять рублёв! Помяните в церкви нас тогда, разбойнички!

Здесь оба насупились:

— Нельзя в церковь нам, Иван, в розыске мы...

— А что так?

Фёдор начал рассказывать свою историю:

— Мы здешние, и уродились здесь, в деревне Марьино, вёрст двадцать отсюда... Большая, вотчинная это деревня, вотчина бояр Бутурлиных¹. Владеет ей Ефим Варфоломеевич Бутурлин, дворянин и воевода². Но так как он на Москве, при царе да при государственных делах, здесь его волю родственники дальние творят, Федька с Никиткой, и тоже в отъезде постоянно, то на Москве, то в Казани, всё поручения царские выполняют!

Иван перебил Федора:

— Знаю я Ефима Варфоломеевича, видел в Стрелецком приказе, он сейчас в Орле воеводой! Говори дальше, что у него в вотчине приключилось...

— Вот, вот, хорошо, что знаешь. А приказчика оставили Бутурлины вотчинного — зверь лютей, хуже волка, Игнатом кличут. У того приказчика два подручных, здоровые, навроде меня, только злые, под стать Игнату. И вот измываются они как могут над нами, кнутом порют, в холодную сажают, ноздри рвут, девок сильничают. Сколько невест чужих перепортили. Вернее сказать, ране измывались, не будут больше!

Федор замолчал. Иван спросил:

— А что ж замолк-то? Рассказывай дальше!

— Да то-то и замолк! Случилась тут одна история... Девка была у нас на деревне, Анфиска, ладная девка, красивая, чернобровая такая! Так вот, Игнат начал жить с ней, как с женой, хотя у самого изба, семья, жена законная, детишки! Анфиска понесла³... Весной это ещё было, в апреле-месяце! А в июне девка та пропала! Искали, искали её — да так и не нашли! А перед этим с Игнатом и приближёнными его Анфиску видели! Слух пошёл — прибили они её и закопали тайно, чтобы Игнату проблем меньше было! Ну, мы с мужиками, как это услышали, колышки наточили, пошли и проучили душегубцев, прибили всех! А Игната на кол посадили живого, пусть помучается перед смертью, сколько крови нашей попил, гад! Только избы их палить не стали, родню

¹ Бутурлины — древний московский дворянский род, внесённый в Бархатную родословную книгу, составленную в XVII веке

² Ефим Варфоломеевич Бутурлин (? — 1607) — московский дворянин и воевода, один из двух сыновей Варфоломея Михайловича Бутурлина. В 1578 году Е.В. Бутурлин находился на воеводстве в Орле, откуда в сентябре 1579 года был переведён в Михайлов (Рязанская область)

³ Понесла (старорусское) — забеременела

их пожалели! А сами потом в лес, куда ж нам теперь-то! И прибились к нам такие же людишки, как и мы, кто от боярина, кто от помещика убёг, от оброка чрезмерного, от кнутов да увечий, не дождавшись Юрьева дня!¹ Нижегородский воевода Михаил Федорович² уже два раза стрельцов с Нижнего посылал нас ловить, да вот не поймали ещё! Мы-то в этом лесу все тропинки знаем! Вот и мыкаемся здесь! Пока лето, в лесу перекантуемся, а в осень уходить надо, а то замёрзнем! Теперь думаем, как прожить в лесу, а то, может, на Хопёр, на Дон, в Поле Дикое податься, в воровские казаки!

Выслушав рассказ, сотник Иван ответил:

— Да, история у вас, Фёдор! Не позавидуешь! И как помочь вам, не знаю... На местах, в городах да деревнях отдалённых лихоимство творят, нелюди! Как говорится, ведаёт царь, да не ведаёт псарь...

В глазах Фёдора мелькнула надежда:

— А, может, вот что, служивый, Иван, Гордеев сын! Ты расскажи на Москве про нашу долю воеводе своему, пусть он царю её поведает! У нас на царя Ивана Васильевича одна надежда! Пусть простит нас, служить ему будем верой и правдой! Пусть воеводе нижегородскому об этом отпишет! Царь наш справедлив, не зря его в народе Белым царём кличут! Только от нас далеко он больно, не достучаться! Скажи, служивый, ты там свой, тебе это ничего не стоит, а нам — может, и подмога в делах наших! Не в разбойники же иди!

— Хорошо, Фёдор и Никанор! Держите ваши пять рублей, а мы поехали далее, царёво поручение выполнять! Скажу, как на Москву приеду, скажу всё, как от вас слышал! А пока прощайтесь, да на дорогах зазря не лютуйте, душегубцами будете — царь не простит! Ждите весточки от меня через месяц! Здесь вас искать буду, в этих местах! Бывайте! Фёдор, а за что тебя Кудрей прозвали? — напоследок спросил Иван.

— Наверное, за шевелюру! — Федор улыбнулся во весь белозубый рот и запустил руку в свои густые кудрявые волосы.

— Эх, девки и любят тебя, наверное?

— Любили, пока в бега не подался! Крепко любили! Пострадал я за похождения свои, и дубьём лупили меня, и чуть не женился один раз! Теперь не знаю, когда снова полюбят! А то, как бы голову с меня не сняли, с волосами вместе! Ладно, бывайте и вы, служивые! Храни вас Господь! Иван, ждать тебя будем! На тебя да на царя вся надежда наша! Не подведи, мил человек! — с этими словами Фёдор и Никанор ушли в лесную чащу.

* * *

Прибыв в Казань примерно через две недели, гонец тут же доложил воеводе Сабурову и архиерею Иеремии. Промысел Божий охранял гонцов из Москвы в Казань, ни задержек, ни падежа лошадей, ни нападений татар или мордвы, или других лихих людишек, кроме встречи с Кудрей и Никанором — ничего такого в дороге не случилось. Всё было в точности исполнено по царёву указу. На месте сгоревшего дома Онучиных в честь обретения иконы был основан Девичий Богородицкий монастырь, каменные стены возвысились со временем чуть пониже Казанского Кремля. Недалеко от монастыря на царские деньги возвели строители новый дом Даниле, Прасковье

¹ Юрьев день — 9 декабря, единственный день в Древней Руси, когда крестьянам разрешалось переходить от одного землевладельца к другому. Точнее, переход разрешался в неделю до Юрьева дня и неделю после. Был отменён в конце XVI века в царствование Бориса Годунова

² Князь Михаил Федорович Бактеяров был воеводой в Нижнем Новгороде в 1577–1579 годах

и детям их, старого Данилу сделали сотником стрелецкого гарнизона, жалование прибавили, дослужил он свой век в почёте и уважении.

Про встречу в нижегородском лесу Иван поведал воеводе Мстиславскому, а тот уже во всех услышанных подробностях царю! Царь пришёл в ярость и тут же написал воеводе Бутурлину в Орёл гневное письмо:

«Воеводе Орловскому Ефиму Бутурлину!

Ты что же, Ефим, собачий сын, такое творишь?! Службу воеводскую в Орле не сёшь, а что в вотчине твоей нижегородской делается, не знаешь?! Как твои приказчики губят в деревнях моих людей, народ православный?! К бунту и лихоимству их подвигают?!

Велю тебе, воевода Ефимка Бутурлин, тотчас же прибыть на Москву в Стрелецкий приказ! В приказе найдёшь сотника Ивана Гордеева! Вместе с ним, и с теми, кому он скажет, поедете в Нижний, в твою вотчину! Наведёшь там порядок! Людишек, что приказчиков твоих побили за дела лихие да незаконные, я милую, в том Ивану Гордееву будет дана отдельная царская грамота! Месяц тебе сроку! Потом вернёшься на Москву, ко мне, буду думать, как с тобою быть дальше! А не наведёшь порядок, жалобы пойдут на тебя или людей твоих приказных, заберу твоё имение в казну государеву, а самого в острог! Ты меня знаешь! Государь и Великий Князь Всея Руси Иван Васильевич руку приложил!»

Скор был на расправу царь российский! От грозных царёвых слов орловского воеводу Бутурлина чуть не хватил удар. Спешно собравшись, он без промедления выехал в Москву, где его уже ждали предупреждённые стрельцы во главе с воеводой Мстиславским. Сотник Иван Гордеев лично ездил с воеводой Бутурлиным в Марьино Фёдора Кудря с его людьми вызволять. В лесу их отыскал, помилование от царя зачитал, да разобрал людей, кто хлипкий, здоровьем слабый, увечный да пожилой, тех отправили в их родные деревни. Кто молодой, крепкий да отчаянный, не боится поводить и царю послужить, тех к службе пристроили, обучили, обмундирование и оружие выдали. Федор Кудря с Никанором попали сперва в окраинные стрельцы, торговые караваны, пешие и речные, от ушкуйников¹ охранять, но ненадолго. Когда казачий атаман Ермак Тимофеевич затеял свой Сибирский поход и набирал себе отчаянных людей в пермских краях, примкнули Фёдор и Никанор к лихой казацкой ватаге. Прозвали их в Ермаковом войске — «Царёвы крестники!». Воевали в Сибири храбро, да и сложили голову в бою на Абалацком озере. Большая сеча получилась с войском сибирского царевича Маметкула!² Славную смерть приняли парни нижегородские, за дело Государеву! Вспоминали до последних дней своих Фёдор и Никанор добрым словом царя Ивана Васильевича, царя грозного, но справедливого! Был суров царь Иван к воеводам и боярам своим, заступался за простой народ, не боялся знать свою за козни да преступления на дыбу вздёргивать, имений лишать, ворованные деньги в казну возвращать, брать ответ с бояр за лихие дела!!!

Воеводе нижегородскому Михаилу Фёдоровичу Бахтеярову царь отправил указ об отставке и о переводе на Ливонскую войну, как сказал Иван Васильевич, «на правёж»!³ Когда воевода Бахтеяров был проездом в Москве и мельком видел царя, тот исподлбья бросил ему: «Не тех по лесам ловишь, шельмец! Из-за таких ротозеев, как ты, держава наша развалится когда-нибудь! Я земли собираю, должности вам даю, а вы у себя под носом разобраться не можете, черти! Езжай, повоюй теперь, а то засиделся на печи нижегородской!»

А вот главные героини нашего повествования, девочки Саният и Матрёна, дружили до скончания века, только судьбы их сложилась по-разному... Саният обучилась грамоте, выучилась считать и по-русски, и по-арабски, Священный Коран весь прочла, книги про жизнь Пророка Мухаммеда, мир ему, и про святую Марьям

¹ Ушкуйники (старорусское) — речные разбойники

² Битва на Абалацком озере — 5 декабря 1582 года атаман Ермак Тимофеевич разбил десяти тысячную армию царевича Маметкула в сражении не на жизнь, а на смерть близ озера Абалак, что означало полное и окончательное завоевание Сибири

³ «На правёж» (старорусское) — «на исправление»

в Коране прочитала, и про сына её, Пророка Ису. Потом она вышла замуж за хорошего парня татарского, нарожала ему детишек, и жили они до старости в Татарской слободе. А сама Матрёна Онучина так часто вспоминала свою встречу в Пресвятой Богородицей, что решила стать сперва насельницей монастырской, потом невестой Христовой, постричься в монахини с именем Мавры, да так и осталась в построенном Богородицком монастыре¹, став со временем его настоятельницей. Дружили Саният и Матрёна меж собой всю жизнь, и многие в славной Казани равнялись на эту дружбу, брали с неё пример. Может, потому и стала Казань городом межнационального мира и согласия.

А сама икона Казанской Божьей Матери сыграла в истории России громадную роль! И поляков из Москвы с ней выгоняли в 1612 году, и в Северной войне она озарила русские войска своей небесной сенью, покровом, славными победами! Сам император Пётр Алексеевич молился перед Казанской иконой Божьей Матери накануне битвы под Полтавой в 1709 году. И фельдмаршал Кутузов перед списком Казанской иконы, именуемым «Северная», молился о победе над Наполеоном Бонапартом перед отправкой своей в отступающие русские войска летом 1812 года. На Невском проспекте в Санкт-Петербурге воздвигнут дивный Собор с колоннами в честь Казанской Иконы Божьей матери, в котором покоится прах Михаила Илларионовича Кутузова, победителя французского войска, победителя императора Наполеона.

А когда пришла уж совсем лихая година, и фашистские миллионные полчища вторглись на советскую землю², к Казанской Иконе Божьей Матери как к Заступнице земли нашей обратилось и руководство страны во главе с Главнокомандующим, Председателем Государственного Комитета Оборона, Маршалом Иосифом Виссарионовичем Сталиным. В трудные дни войны, в переломном 1943 году по его инициативе было решено возродить в СССР Патриаршество, открыть храмы и разрешить исповедывать Веру Христову, на которую ранее были гонения. Те же меры коснулись и Ислама, и других традиционных для России религиозных конфессий. Недаром же сам Сталин в ранней молодости был семинаристом Тифлисской духовной семинарии. С Чудотворной Казанской Иконой облетали и осаждённую Москву, и блокадный Ленинград, и в Сталинграде молились перед ней офицеры и солдаты! На самые трудные участки фронта, где шли жестокие, кровопролитные бои, привозили Икону, и везде, везде смертельный враг отступал, везде был побеждён и повержен! Святая Казанская Икона Божьей Матери — Заступница наша!

Но это, дорогой читатель, уже другая история!

¹ Насельница монастыря — послушница, девушка или женщина, которая живёт в монастыре до принятия пострига. Невеста Христова (старорусское) — монахиня

² Одна из причин разгромных поражений Красной Армии в первые дни Великой Отечественной войны заключается в том, что 22 июня 1941 года **единовременно** в СССР, с Северного фронта до Южного, от Кольского полуострова до Одессы, вторглась механизированная армия примерно **в пять миллионов человек (!!!)** немецких войск и их союзников. Такого чудовищного по силе военного удара не было в мировой истории.

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

НИКОЛАЙ РАЧКОВ

ЕЩЁ РУМЯНИТСЯ ЗАРЯ...

* * *

Я снова в Болдине. Я снова
Стою на мостике крутом,
Где дышит пушкинское слово
Над холодеющим прудом.

Я слышу шелест листопада,
Закрыв ладонями лицо.
Опять мне выпала отрада
Взойти, взойти на то крыльцо,

Откуда торопливым шагом
Он, двери распахнув в дому,
Бежал к бюро, к перу, к бумагам,
К стихам,
К бессмертью своему!..

* * *

Летит ракетой поезд
Сквозь гулкие мосты.
И кланяются в пояс
И травы, и цветы.

Налево и направо
То город, то село.
Цветы, моя Держава,
Всем недругам назло!

Твои поля бескрайны
Под синевой литой.
Опять идут комбайны
По ниве золотой.

А как звучат напевно
И шлют за валом вал
И Ладога-царевна,
И богатырь Байкал.

Ты вся — источник света,
Таящий чудеса.
Как в шубу, ты одета
И в рощи, и в леса.

Отчизна! Вновь в округе
Ликует соловьи.

Да согнут все недуги,
Все недруги твои!

* * *

Я в настроении вышел кручинном,
А красоты, красоты-то кругом!
Лес — Дедом-Морозом в тулупе овчинном,
Речка — Снегурочкой спит подо льдом.

Вот она, сказка, знакомая с детства.
Солнце, как лыжник, скользит по холмам.
Вот оно, зимнее наше наследство,
Много ли надо для радости нам.

Снег и мороз!.. Величаво и строго.
И — ослепительно белая гладь.
И от печали почти до восторга
Русскому сердцу рукою подать...

* * *

В ней не утонет даже кружка.
Бежит, насколько хватит сил,
Лесная тихая речушка
В тени черёмух и осин.

Над ней стеклянные стрекозы
Летают, крыльями шурша.
Её не испугают грозы,
Не страшен натиск камыша.

Стать величавой не стремится
И не ворочает камней,
Но звери местные и птицы
С любовью припадают к ней.

ТЕЛЕГА

Задыхаясь от плача, от смеха ли,
Свесив ноги почти до земли,
Быстро детство моё в ней проехало,
Только пыль золотая вдали.
Все дороги брала, все колдобины,
Все подъёмы овражные Родины.
Дух дегтярный в колёсной оси,
Дух ещё допетровской Руси.
Ах ты, сказка моя деревянная,
Доконала ведь жизнь окаянная!
Где ты ныне стоишь безлошадная,
Непочётная, ненаградная,

Выручавшая всех, семижильная,
Отставная,
забытая,
ссылная?..

* * *

Я помню ночь. Мы поднимали кружки
За дружбу в те далёкие года.
Нас приютили в низенькой избушке,
Стоящей тихо около пруда.

Склонялись густо ивы над водой,
Как лошади, застывшие пугливо.
И только с неба месяц молодой
Ласкал их непричёсанные гривы.

В нас было столько боевого духа,
Такой счастливой бодрости запас.
Хозяйка, невесёлая старуха,
Смотрела с тёплой жалостью на нас.

Она в трудах, в заботах день и ночь
Чего в судьбе своей не испытала.
А сын в тюрьме... Пропала где-то дочь...
От горя даже плакать перестала.

И мучило тогда её одно:
Неужто жизнь совсем была напрасна?..
А звёзды ярко падали в окно.
И месяц плыл. И ночь была прекрасна.

МЫ БЕЖИМ...

Василёк луговой, овсяница,
Луговые фиалки цветут..
Это всё мне теперь только снится
Как бежим мы на маленький пруд.
Мы бежим по гвоздикам и кашкам
Сквозь кузнечиков дружную звень.
Безотцовским худым замарашкам
Сколько радости в солнечный день!
Перед нами весь мир нараспашку.
Сколько неба! И птицы поют!
Жарко мне. Я снимаю рубашку.
Генка тоже снимает свою.
Мы бросаемся в тёплую воду
Два товарища, два пацана.
Нам всего по девятому году,
Защитить нас успела страна.
Кое-как накормить нас успела,

Кое-как и обуть, и одеть...
Кто-то хмыкнет пусть: «Экое дело...»
Я скажу:

«Это как поглядеть.
Это счастье: и за руки взятыся
В том далёком, в незыблемом том,
И купаться в пруду, и смеяться,
И не думать, что будет потом...»

* * *

Ещё румянится заря,
Но видно, как бедна...
Златую чашу сентября
Сегодня пью до дна.

До дна! — за охладевший куст
В огне его одежд,
За то, что в нём всё меньше чувств,
И песен, и надежд.

До дна! — за то, как жили мы
Легко и нелегко.
До дна! — за то, что до зимы
Уже недалеко...

* * *

Как легко нам жилось в Кацивели!
Мы бродили повсюду без цели,
Дней грядущих мы не опасались
И, беспечные, в море купались.
О, цветущие дали Тавриды!
Где ещё есть прекраснее виды,
Где бегут, не скрываясь от взора,
Мчатся волны сюда от Босфора
К берегам, где и тавры, и греки
Жили здесь в незапамятном веке.
Ну а мы, поднимаясь по кручам,
Улыбались и солнцу, и тучам,
И обняться не раз были рады
В роще, там, где звенели цикады.
Как, наверно, в каком-то там веке
Обнимались и тавры, и греки.
Ведь бессмертна и неповторима
Здесь любовь, как величие Крыма.

* * *

Жизнь покачнула свои весы
Снова в сторону света.

Снова встречаю улыбку весны
Чутким сердцем поэта.

С чистого всё начнётся листа.
Станут короче ночи.
Вон на смородине неспроста
Зримо набухли почки.

Скоро опять зацветёт сирень
Ярко, душисто, влажно.
И зазвенит соловьиная трель
Радостно и отважно.

Снова напомнят и дождь проливной,
И лепестковая вьюга:
Всё невозможней

с каждой весной
В мире нам друг без друга...

ЗОЛОТЫЕ ДОЖДИ

Полюбил он совсем не на шутку,
Как весёлое солнце — апрель.
Ах, как сладко ему и как жутко
Вспоминать этот праздничный хмель.

Но решил он, что многого стоит,
Что в плену пропадает — шалишь!
Осмелел и прошёлся с другою,
Словно месяц по лезвию крыш.

Обожгла сквозь ресницы своими,
Гневно губы скривила — не жди...
В те осенние дни его имя
Замели золотые дожди.

Жизнь его замелькала по кругу,
Безнадёжно сгорали лета.
Кто ему ни протягивал руку,
«Всё не та, — понимал он, — не та...»

Есть в судьбе и загадка, и тайна.
Сколько раз нам о том говорят.
Вдруг в толпе мимолётно, случайно
Взгляд его уловил её взгляд.

Побледнела и вздрогнула разом,
Прежней встречи туманом дыша.
«Всё забыла!» — противился разум.
«Здравствуй, милый!» — кричала душа.

Но ушла. Ничего не простила.
Лишь качнула плечами — не жди...
Разве грусть от любви этой в силах
Замести золотые дожди?

ГУСИ ПРИЛЕТЕЛИ

Прилетели гуси
Снова в наши сени —
К Волге и к Тарусе,
К Ладогe и к Лене.

Гуси прилетели,
Значит, будет лето.
Видно, надоели
Южные рассветы.

Хороши там страны,
Да к себе охота —
На свои туманы,
На свои болота.

Путь их был невесел
И порой в дробинах.
Сколько грустных песен
Спето лебединых.

Пролетают смелым,
Памятным, былинным
Самым белым-белым
Лебединым клином.

Вот уж рядом где-то,
Вот всё ближе к цели...
Будет, будет лето —
Гуси прилетели.

* * *

И Польша, и Литва привстали в стремена.
Им кажется, что вновь слаба моя страна.
Им кажется, настал, настал их час
заветный,

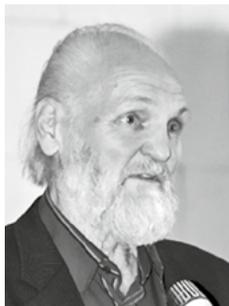
Чтоб нанести всерьёз Москве удар
ответный.
Им помнятся пиры в святом Кремле
великом,
Как разорjali Русь в своём тщеславье
диком.
Да, оступились мы.
Не раз уже так было.
Да, предавали нас.
Да, заходили с тыла.
Но знают небеса: мы — в основанье мира.
Победной славы Русь ещё не уронила.
Ни перед кем в дугу она не гнула спину,
Об этом ли не знать Парижу и Берлину.
О, Польша...
Жаждешь быть ты лаврами увитой?
Не стать тебе, не стать вновь Речью
Посполитой,
Куражиться гульбой и дружбою неверной,
И попирашь славян пятой высокомерной.
Достаточно моей стране хватало жеста,
Чтоб указать тебе своё на карте место.
Лелей, храни в душе давнишней славы
крохи
И память не теряй.
С Россией шутки плохи.

ГОРИ, СВЕЧА...

Гори чудесная свеча,
Печаль души моей леча.
В твоём свечении видней
Мне грусть и радость прежних дней.
Видней при пламени твоём,
Когда сидели мы вдвоём,
Глаза в глаза — и жизнь была
Так удивительно мила.
Я был тогда таким беспечным!
Казалось, счастье будет вечным...
Гори, свеча, светло и строго,
Ещё чуть-чуть...
Ещё немного...

От редакции. 23 сентября нашему другу, члену редколлегии журнала «Аргмак», русскому поэту Николаю Рачкову исполняется 80 лет. Сердечно поздравляем Вас, Николай Борисович, желаем здоровья, семейного благополучия и творческого долголетия!

СЕНО В СТОГУ

В случае, о котором я рассказываю, участвовали люди, которые живы-здоровы и могут подтвердить мои слова. Да и с чего бы мне врать.

В июле, после Крестного хода, я был в Советске, это город в Вятской земле, районный центр, бывшая слобода Кукарка. Можно было бы в демократическом экстазе вернуть имя Кукарки, а жители сказали: нет, Советск — хорошее, русское слово, будем советскими, а Кукаркой назовём ресторан на рынке. Раньше в Советске была шутка — приезжим говорили: «Вы находитесь на дважды советской земле».

Там я остановился у давнего знакомого, врача Леонида Григорьевича. Большое хозяйство, которое он держал, поднимало его с солнышком и укладывало за полночь. Шли дожди. Леонида Григорьевича больше всего тревожило, что на лугах в пойме Вятки лежит скошенное сено, плохо сохнет, может пропасть.

Назавтра, к вечеру, я собирался уезжать. Это, конечно, огорчало Леонида, всё-таки я бы помог. На сенокосе, особенно на гребле, лишней пары рук не бывает. Дети Леонида рвения к метанию стога не проявляли. А мне, сохранившему воспоминания о счастливой поре сенокоса в большой семье, хотелось ощутить в руках и грабли, и вилы. Но что будешь делать — не метать же влажное сено: стогрит, сопреет.

После обеда, накануне, дождь перестал. И хотя солнышко явно загостилось в заоблачном доме ненастья и нас не вспомнило в тот день, потянуло спасительным, проветривающим ветерком. И ночью обошлось без дождя. И утро стояло ясное. Но, по всем приметам, дождь надвигался. Леонид глядел и на север — тучи, и на запад — тучи, вздыхал.

— А на день не можешь ещё остаться? — спросил он меня.

— Никак, Леонид, никак. Остаётся жить мне тута один час, одна минута. Но давай съездим, хотя бы пошевелим, перевернём.

— Бесполезно. Смотри. — Он показал на небо. — Может, помолишься?

А до этого, именуя себя материалистом, Леонид часто втягивал меня в разговоры о религии. Тут я не стал ничего говорить, ушёл в дом. В доме у него были иконы, которые остались от матери Лилии Андреевны, жены Леонида. Тёща у него, по его словам, была набожной.

Вздыхнув, я перекрестился и прочёл «Отче наш». Кто я такой, великий грешник, чтобы Господь меня услышал! Но так хотелось помочь хозяевам, особенно Лилии Андреевне, которая по болезни не могла уже быть на гребле, но прямо слезами плакала, что если не будет сена, то придётся телочку Майку пустить под нож. «Не переживу, — говорила она, — не переживу, если будем убивать Майку, такая ласковая, только что не говорит».

Во дворе Леонид возился у своей трижды бывшей и четырежды списанной «скорой помощи».

— А кто ещё поможет метать?

— Брат двоюродный Николай Петрович, жена его Нина, ты, я — четверо на стог. Нормально?

— Нормально. Поехали. Не будет дождя.

Леонид расстегнул куртку, перетянул широкий ремень-бандаж на животе — мучился с грыжей, поглядел на меня, на небо и пошёл звать Николая Петровича с женой.

Николай Петрович много не рассуждал. Сел в кабину рядом с Леонидом и скомандовал:

— Заводи... глаза под лоб.

Когда спустились к Вятке, проехали вдоль её прекрасных берегов и достигли огромной поляны, которая была выкошена тракторной косилкой, когда я осознал, что всё это скошенное пространство надо нам сгрести, стаскать, сметать, то подумал, что пришёл последний день моей жизни. Надо запомнить напоследок красоту вятской родины, подумал я.

Молчаливая жена Николая Нина уже тихонько шла впереди, сгребая первую волну влажноватого сена. Но я заметил, что двигалась она хоть и медленно, но непрерывно. Глядишь — она тут, а посмотришь — уже там. Николай, её муж, человек огромного роста, работник был невероятной мощи и производительности. Он орудовал граблями почти в метр шириной и с ручкой метра в три. Моё восхищение им его подстёгивало. Обошли поляну раз. Обошли, под запал, и два раза. Солнце наяривало во всю мощь. Но жара была тревожной, душной, земля парила.

— Бесплезно, — в отчаянии говорил Леонид. — И нечего даже мечтать, смотрите, со всех сторон затаскивает.

И точно. Уже и солнце с трудом стало прорываться сквозь рваные тёмные тучи, уже мелкие капли упали на запрокинутые лица.

— Копнить! — скомандовал Николай и побежал к машине за вилами.

Бегом-бегом скопнили. Надо ли говорить, что я всё это время творил про себя Иисусову молитву попеременно с тропарём святителю Николаю «Правило веры и образ кротости». Дождика не было, но и солнца тоже.

— Поехали, — обречённо сказал Леонид. — Дождя когда не будет потом, копны развалим, просушим...

— Как Бог даст, — впервые подала голос Нина.

— Леонид, — спросил я, — вот мы в эти дни всё вели богословские диспуты. А вот конкретно: если сегодня поставим стог сухого сена, ты поверишь в Бога?

— Да как же ты поставишь? — Леонид прямо вытаращился на меня.

— Не я, а мы все вместе. Так как?

— Смечем — поверю.

Сверкала водяными жемчугами наша поляна, стояли тёмные, тяжёлые копны. Небо вокруг хмурилось. Над нами еле-еле расчистилось светлое высокое пространство. Пришёл ветерок, стало выглядывать и греть солнышко. Для начала мы не стали раскидывать копны, а сгребали остальное сено. Потом развалили, разбросали и копны. Мы с женой Николая черенками грабель шевелили сено, растеребляли его сгустки. Леонид и Николай готовили остожье, ставили стожар.

Пообедали. На небо боялись даже поглядывать. Громыхало на западе и слегка посвечивало отсверками далёких пока молний.

Стали метать, выбирая просохшее сено. Потом неожиданно обнаружили, что оно всё сухое, можно грести подряд. Сено уже не шумело, а шуршало под граблями.

Носилками мы стаскали сено с дальних краёв поляны, валили под стожар. Стог настаивал Леонид. Нина подтаскивала сено и подгробала.

Как только у Николая терпели вилы, непонятно. Он пообещал Леониду похоронить его в стогу вместе с сеном, но Леонид, несмотря на грыжу, был так ловок, что распределял наши навильники равномерно по окружности растущего на глазах стога.

Пошли на вторую его половину. Гремело всё сильнее. Забегали бегом. Я всё читал и читал про себя молитву. Кажется, что и Николай, и Леонид тоже, пусть по-своему, молились. Однажды, внезапно оглянувшись на Нину, я увидел, что она торопливо перекрестилась.

Стали очёсывать, равнять бока. Очёсанное кидали Леониду. Стог становился огромным. Чисто выгребенная поляна светилась под лихорадочным, торопливым солнцем, как отражение чего-то небесного.

Дождь, было видно, шёл везде — и у Вятки, и за Вяткой, и на горе, в деревне. Не было дождя только над нами.

Николай подал Леониду вицы — заплетённые петлёй берёзки, которые Леонид надел на стожар и по одной из них спустился. Он даже не смог стоять на ногах, так и сел у стога. Сели и мы.

И только тут пошёл дождь.

— Ну, крестись, — сказал я.

Леонид только судорожно хватал воздух, растирал ладонью заливаемое дождём лицо и всё кивал и кивал. Наконец прорезался и голос.

— Да, — говорил он, — да, да, да!

БУМАЖНЫЕ ЦЕПИ

С годами всё обострённее вспоминается детство, особенно Новый год. Ёлочных игрушек у нас было мало — терялись куда-то. Вот была картонная курочка, бронзовая, с крохотным красным гребешком, а — принесли из чулана коробку с игрушками, разбираем — нет курочки. Клоун тут, самолётик тут, домик тут, где курочка? Начиналось следствие. Старшая сестра вспоминала сама и заставляла всех вспоминать: кто в прошлом году разбирал ёлку, кто? Никто не помнил. И вообще никто не любил разбирать ёлку, всем хотелось, чтоб она подольше стояла. Значит, родители. Но чтобы родители могли сделать что-то небрежно, такого и подумать было невозможно. Потерянная курочка становилась ещё дороже именно от того, что была потеряна.

— К соседям ушла, в соседский сарай, — говорила мама, — там несётся. Ничего, к Пасхе вернётся, без яиц не останемся, не переживайте.

В заботах о новой ёлке курочка забывалась. Да если бы она и не пропала, всё равно надо делать новые игрушки. И фонарики, и цепи, и снег, и флажки. Оказывается, отец уже приготовил старые газеты, пузырёк клея, кисточку, краски. Все хотели клеить кисточкой, ссорились. Но мало-помалу налаживалась работа дружной бригады. Мама стригла газеты на длинные узкие полоски, их с одной стороны покрывали разными красками или тушью, они быстро сохли, их резали на равные частички — это для цепей. На фонарики — тетрадную бумагу. Для «снега» жертвовали разноцветные промокашки. Первое кольцо для цепи склеивалось сразу, второе, в виде полоски, продевалось в первое, потом тоже склеивалось. И так далее. Подбирали цвет, чтоб не было подряд двух красных колечек или двух синих. Клея к этому времени не оставалось, и вместо него пользовались варёной картошкой. Хорошо бы, конечно, сделать клейстер из муки, но если можно картошкой, то зачем тратьте муку.

Мама доставала со дна швейной машинки «Зингер» шпульку ниток. Шпульку раскручивали, сматывая столько нитки, чтобы её хватило на несколько раз от стены до стены. Это для гирлянд с фонариками и флажками. Гирлянды возносились на свои места самыми первыми, ещё до появления ёлки, чтоб потом её не потревожить.

А цепи, копящиеся около стола шуршащей грудой, все удлинялись и удлинялись. И уже мне казалось, что хватит, нет, старшие продолжали трудиться, значит, и я с ними. Младшие засыпали прямо за столом. И на другой день, в последний день старого года, ещё все делали цепи. Но уже без нас со старшим братом, мы шли на лыжах за ёлкой. Брат по-мужицки затыкал топор за ремень телогрейки, мне доверял только санки.

В лесу, в его тихом, белом сиянии, ожидающем восхождения солнца, ёлочек были целые заросли.

— Эту возьмём! — кричал я, хватая ту, которая ближе. Снег осыпался с ветвей, ёлка радостно зеленела. Любая ёлка казалась мне красавицей, мало того, я любую жалел и желал всем ёлочкам счастливого Нового года.

— Маленькой ёлочке холодно зимой, — говорил я, — из лесу ёлочку надо взять домой. Давай побольше наберём, — предлагал я брату. — Все нарядим, им же обидно, вот одну возьмут, а другим — так под снегом и жить?

Брат взглядывал на меня с непонятым мне интересом и всё искал и искал единственную из десятков самых разных. Уже и солнце всходило, уже я замерзал и хныкал, а брат всё продолжал поиски. Наконец решился. Но уж зато и ёлочка у нас была! Ровно под потолок, шатёриком, веточка к веточке, а запах! Будто брат и запах выбирал — запах слышался уже в сенях. В чулане находили прошлогоднюю крестовину или делали новую, устанавливали ёлку и начинали наряжать. Младшие улепляли игрушками подол ёлочки, мне доставались ветки повыше, маме ещё повыше, брат залезал на табуретку и украшал самый верх. Сестра подавала ему игрушки и командовала. Отец осуществлял общее руководство.

Начинали окружать ёлку цепями. Осторожно, чтоб не порвать, подавали брату, он закреплял первое колечко на лапку у звезды, потом переставлял табуретку, принимал от нас волны бумажной цепи, которая серпантинной спиралью опоясывала разноцветное зелёное чудо.

Доблесть была в том, чтобы цепь нигде не разорвалась. Если кто попадал между ёлкой и цепью, работа останавливалась. Попавший вылезал на свободу.

— Ой, не хватит, — переживала сестра, — ой, давайте реже окружать.

Но реже не хотелось, потому что когда много таких цепей, то вся ёлка становилась кружевной. И всегда всё сходило в самый раз. Последнее колечко укрепляли на ветке у самого пола.

— Это как пельмени стряпаешь-стряпаешь, — говорила мама, — и боишься, вот теста или фарша мало будет, вот лишнее, а всегда выходит точно.

Мы любовались ёлкой. Отец начинал рассказывать, какие ёлки были в его детстве. Мы это, конечно, слышали. Ещё бы ему не помнить — делали фактически для него одного, он был один сын, а кроме него, десять сестёр, наши тётки.

— Один раз тятя поехал на Тихорецкую ярмарку, — начинал отец. Мы уже знали, о чём будет рассказ, о французской булке, но с радостью слушали, таких булок мы не едали. — Поехал и привёз всем калачей, сушек, а мне ещё отдельно французскую булку. Бабушка говорит: «Съешь, Колюшка, половинку сейчас, а вторую половинку завтра». — И разрешила булку. А мне это так обидно показалось, говорю: «Зашивай, и все!» И она, что вы думаете, она...

— Зашила! — кричали мы.

— Баринот рос, — говорила мама, — нечего говорить, баринот.

— Да, — довольно хмыкал отец, — мне ногами до пяти лет не давали ходить, всё на руках таскали.

— Так уж до пяти? — сомневалась мама.

— Ну до трёх, — сбавлял отец и вспоминал дальше. — А у нас в деревне были микаденки, прозвали по отцу, у них отец пришёл с японской войны и всё время говорил: микадо, микадо, это японское слово.

— Это — император, — говорила сестра.

— Семья большая, звали детей микаденки. У них был японский фонарь, ох, они им хвалились. Их тоже выслали. Их раньше, успели собраться, может, фонарь сохранили, а нас выслали, ни минуты на сборы, всё бросили. Игрушки пропали. А в Сибири игрушки делали из шишек. Навешаем кедровых, потом орешки щёлкаем.

— Ой, а корова, — вскрикивала мама. — Отец, пойло приготовил?

— Так точно! На моей фабрике ни одной забастовки. Вот как нас ёлка увлекла, даже про корову забыли. А у неё скоро будет телёнок, к ней надо чаще ходить.

Но как же не хотелось уходить от ёлки! Раньше мы наперебой, напередир, как выражалась мама, старались завоевать право нести фонарь, идти с мамой или с отцом давать корм корове, поросёнку, курам, а сегодня маме пришлось назначать себе спутника.

— Нет добровольцев? — спросила она и поглядела на ёлочку. — Ну, конечно, где ж корове против ёлки.

Да, но оставалось в деле украшения ещё одно — «снег». И оставшуюся цветную бумагу, и промокашки резали мелко-премелко, потом в большом блюде этот «снег» — название «конфетти» мы узнали позже — этот «снег» перемешивался, брат опять залезал на табуретку, я на вытянутых над собой руках держал блюдо, брат пригоршнями черпал из него и обдавал нашу ёлочку как будто дождём. А последние заскребышки взлетали над нами и падали нам на головы, на плечи.

— Ой, — пищала младшая сестрёнка, — ой, на реснице сидит, ой, тихо! Ой, упала!

И она начинала реветь.

Младший брат пытался водворить «снежинку» на ресницы сестрёнки, но тут возвращалась мама. Мы ужинали и начинали ждать Новый год.

Не только «конфетти» — всё будет позже: будут папиным-маминым внукам, нашим детям дорогие заграничные ёлочные украшения, мигающие электрические гирлянды, шагающий игрушечный дед-мороз, луноход на батарейках, трещащие, похожие на взправдашние, автоматы и настоящий Дед Мороз, приносящий в оплаченное время

оплаченный подарок, всё будет. И уж, конечно, съедобные подарки будут другими: фрукты, шоколад, конфеты всех мастей. «Нам бы в детство такие конфеты, — недавно сказала сестра, — мы бы из этой серебряной фольги резали „снег». Да уж, вспомнили мы свои тогдашние подарки в пакетах из газет: печенишко, конфеты-подушечки, булочка. Пакеты вышли из моды, началась новогодняя упаковка из полихлорвинила, в виде ма-трёшки, сундучка, царь-пушки, золотого ключика, а то и вовсе в виде башни...

Но все-то мне кажется, что у нас было больше радости от Нового года. Больше. Мы сами созидали его. Сидя у керосиновой лампы, тычась от усталости носом в стол и всё равно ни за что не уходя, пока не будет полночь, пока не наступит этот щемящий, так томительно ожидаемый и тут же исчезающий миг, — разве можно уйти спать, провалиться в сон? Да ни за что! Мы сидели, глядели на ёлку, кое-что ещё подправляли на ней, каждый раз обсуждая, как будет смотреться перецепленная игрушка на новом месте.

— Ты от порога посмотри, ты близко смотришь, — говорила сестра.

Старший брат брал в руки лампу, и мы торжественно обходили ёлку вокруг.

— Хороводы завтра, — строго говорила сестра. — Сейчас в «морской бой» или в «города».

— В «пуговки», — хныкал младший брат. Он уже совсем-совсем засыпал. Младшая давно спала.

Первое своё стихотворение я написал именно в новогоднем ожидании: «Растёт история, и вот мы вместе с ней растём. И пусть войдём мы в Новый год, как в новый дом войдём».

А наутро так ликовало солнце, будто тоже понимало, что надо жить в новом году по-новому, оставив в старом всё плохое. И хотя мы по-старому ломали лыжи, бросаясь на них с Красной или Малаховой горы, по-старому обмораживались, но всё равно, счастье продолжалось: дома нас ожидала ёлка, и её запах соревновался с запахом свежей стряпни. О, эти мамины плюшки, ватрушки, это зимнее мороженое молоко, эти пёстрые пузырчатые блины...

Самое загадочное, что на следующий год бронзовая картонная курочка находилась, и мы спорили, где ей лучше жить на ёлке. Ей на смену терялся домик, потом он тоже находился... И всегда-всегда делали бесконечные бумажные цепи, оковывали ими ёлочку.

И вот я, понимающий, что в моей жизни всё прошло, кроме заботы о жизни души, думаю теперь, что именно этими бумажными цепями я не ёлочку украшал — я себя приковывал к родине, к детству. И приковал. Приковал так крепко, что уже не откуюсь. Многие другие цепи рвал, эти не порвать. И не пытаюсь, и счастлив, что они крепче железных.

Правда, крепче. Детство сильнее всей остальной жизни.

ЗАСТОЙНЫЕ ВРЕМЕНА

В тот давний морозный декабрь в Вятке, куда я примчался из слякоти и туманов Москвы, я был здоров, счастлив и молод. Первые мои рассказы, напечатанные в столичных журналах, дошли до родины, один даже с фотографией, что восхищало. Вот, не вру, увидел в троллейбусе девушку, читающую мой рассказ. «Это — судьба», — забилось сердце. Я с ходу подсел, она покосилась, отодвинулась, а я сообщил: «Это я написал». Она ответила: «Иди, дядя, проспишь»...

Вятка — это Вятка. Конечно, нет пророка в своём Отечестве, тем более в недоверчивой Вятке, но ведь родина. Родина. Родила и вырастила, как не мечтать чем-то

отблагодарить. Вот и считал свои рассказы малым вкладом в «малую» родину. Малой родиной называли место рождения писателя. Для кого малая, а для меня — всесветная. Таковой же она, уверен, была и для вятского русского поэта Анатолия Гребнева, живущего в Перми. Именно с ним мы встретились в эти морозы. Навестили писательскую и журналистскую организации, сходили во главе большого коллектива пишущих в баню, естественно, в номера. Естественно, с допингом для увеличения радости жизни. Вымылись и выслушали новости светской жизни областного центра.

— Нет, Толя, — сказал я, когда мы остались одни, — это счастье, что мы живём не в Вятке. Счастье. Приехали и уехали, а живи тут постоянно? Ведь это надо было бы участвовать в «борьбе». Ну чего вот он (я назвал фамилию) с бабами связался?

— А этот, — Толя назвал другую фамилию, — уже рехнулся от сознания своей гениальности. Ты слышал, он говорит: я — вятский Гоголь.

Я передал Толе приветы и поклоны от Анатолия Кончица, прекрасного писателя, тоже, естественно, вятского, живущего в Москве. Он сын сосланного в Вятку белоруса и подосиновской женщины. Не женщина из-под осины, а район такой, Подосиновский. И пересказал Толе до сих пор не напечатанную повесть Кончица. О ней чуть дальше. ...Пока же закончу рассуждение о климате провинциальной культурной жизни в сравнении с московской. В провинции враждуют всерьёз и подолгу. В писательской организации из десяти членов всегда восемь партий. Вражда идёт до гробовой доски, закручивает события, втягивает и ближних, и дальних. В Москве враждовать некогда. Во-первых, в Москве никому ни до кого нет дела, во-вторых, в Москве много писателей, и все гении, в-третьих, событий, то есть сплетен, такое количество, что их не переварить. Утром узнаёшь, что такой-то уехал в Израиль, к обеду — что такой-то оттуда вернулся, а такая-то ушла от такого-то к такому-то (так ему и надо), вечером в ЦДЛ подрались (вчера тоже дрались, но как-то не так, сегодня ярче, милиция была), такой-то выдвинут на премию, а такой-то задвинут (конечно, надо наоборот, да разве ж эти там, в секретариате, чего-нибудь понимают), того-то избрали, а того-то прокатили (надо было обоих прокатить), а эта сучка только приехала из Франции и уже включена в делегацию в Италию («а ты что ж, не знал, она же стукач-ка»), то есть такое количество событий, стычек, лагерей, заседаний, что когда уж тут подолгу враждовать. Одно было и продолжается противостояние: евреи и русские. Но как-то же уживались, сидели на одних совещаниях, пьянствовали вместе, делить, конечно, было что (издания, звания, поездки...), но как-то и это решалось. Я потом долгие годы был в Приёмной комиссии, сейчас некогда, а надо бы рассказать, как принимали в Союз. Если мы, русские члены Приёмной комиссии, не принимали в Союз еврея, причём совершенно по объективным причинам (бездарен, тягомотен, мало написал, подождём), то члены комиссии евреи тут же автоматически топили русского, будь он хоть расталантлив. Но как-то всё же договаривались, Союз писателей рос.

Именно в ЦДЛ я познакомился и мгновенно сдружился с Анатолием Кончицем, земляки же. Он часто звонил и забавлял, например, тем, что вот сейчас перечитал «Господина из Сан-Франциско» и понял, что в России только три прозаика: «Ты, я и Бунин». — «Тут у меня ещё Женя сидит», — говорил я. «Да, и ещё Женя». Но это он так шутил, а сам был скромнейший, совершенно не пробивной человек. Он написал повесть, где главный герой — унылый маленький человек советского времени. Комната в коммуналке, зарплата ниже уровня моря, кто такого полюбит? Но однажды в его комнате вдруг отъехала в сторону стена, за ней открылся сад, беседки, выскочил швейцар и пригласил: «А пожалте, барин, для аппетита погулять». Вот такой сюжет. Швейцар, имя его Филимон, любил барина. У берега тихой речки, конечно с лебедями, пели девушки в сарафанах, доносилась свирель пастуха. И барин, совершенно разнеженный,

говорил Филимону: «Дай-ка ты мне, братец, в руки пистолет да поставь-ка ты себе на голову яблоко». — «А не портили бы вы яблоко, барин», — отвечал Филимон, нисколько не сомневаясь, что барин попадёт не в лоб, а в цель.

Толя, посмеявшись, сказал вдруг:

— А что, барин, не мало ли мы погрелись?

Мы стояли среди морозного тумана. Окутанные седым снежным куржаком, извергая мгновенно замерзающие облака выхлопа, проносились автобусы. Скрипели валенки торопливых закутанных прохожих. Непонятное время как бы умершего от холода дня подстрекало к сопротивлению. Тем более после бани боялись простыть.

— Да, Филимон, — отвечал я. — Не будем портить радость от встречи разговорами о роли интеллигенции в её личной жизни.

Но в тот же вечер мы снова нарвались на такие разговоры. Нас заарканила областная гросдама (прошу только не думать ни на кого из знакомых вятских женщин), её давно нет в Кирове, тогда же она держала своеобразный салон. У неё, помню, были какие-то прыгающие по стенам и потолку пресноводные лягушки. Это добавляло ощущений. Театральная и околотеатральная публика, телевизионщики, ещё кто-то пели и пили и говорили услышанное по «Голосу Америки». Наша интеллигенция, что для неё, увы, естественно, верила разным «голосам» сильнее, чем голосу Москвы. Виновата и Москва (очень дубовые тексты звучали над страной), но и сама интеллигенция, которой со времён предателя Курбского, а его демократы числят в основателях русской интеллигенции, кажется, что всё заграничное лучше всего. Мне слышать то, что слышал-переслышал в ЦДЛ, было уже и невмоготу. Господи Боже мой, я на родине, в богоспасаемой Вятке, и снова должен слушать бесконечное: Сталин, евреи, свобода творчества, пример Запада, отношение к интеллигенции, оплата творчества по таланту (все же таланты!), сколько можно?

— Я ухожу, — сказал я Толе. — А ты, барин, как изволишь.

Игра в барина и Филимона уже привязалась к нам, только мы так и не поняли, кто из нас барин, а кто слуга.

— И на кого ж ты меня покинешь? — отвечал Толя. Мы выбрались из-за стола вроде покурить, оделись в прихожей и самым примитивным образом эмигрировали. Так сказать, безвизно. Мороз ещё подбавил. Троллейбусы уже не ходили. Стали ловить машину. Толя остался на остановке, поставив на скамью портфель и выскакивая голосовать проезжающим, я перешёл на другую сторону.

Машины-то мы поймали, а вот портфель у нас свистнули.

— Да, — сказал я, — очарование родиной продолжается. — Мы недолго бы переживали, если б портфель пропал без содержимого, но он пропал именно заряженным. Мы стали искать то, чем можно было б залить горечь интеллигентских дискуссий. Конечно, с высоты лет легко нас осудить: шли бы спать, и всё, но поставьте себя на наше место. Приехали на родину, давно не виделись.

Выручил писатель Владимир Ситников, спасибо. Он совершил нерядовой поступок, когда в глухую полночь вышел на наш звонок на площадку квартиры, сразу всё понял и помог.

На улице у меня лопнула подошва зимнего австрийского ботинка. На такие морозы она явно была не рассчитана. А ведь знали же немцы, что в России есть генерал Мороз. Быстро забыли. Нога моя заколела в минуту. Вприпрыжку мы побежали ночевать к моему брату.

Утром брат залил пространство щели на ботинке каким-то особым клеем.

— Погоду слушал, — сказал он. — У тебя, Толя, в Перми, гораздо теплее.

И вот эта случайная фраза брата о погоде решила нашу судьбу. Сидели на кухне и всё прокручивали вчерашнее сидение с вятским бомондом. Разговоры его ничуть не

отличались от разговоров и в Москве, и в Перми, рассуждали мы. У интеллигенции всегда все виноваты, но не она. Любимая тема — говорить о привилегиях начальства. Это же показывает зависть говорящего. Вторая любимая тема — обсасывать уже прошедшие события истории, которые уже не изменишь. Но зато сколько возможностей показать ум. Третья тема — осуждение пишущих (рисующих, играющих) собратьев. Конечно, все бездари. И так далее.

— У нас в Перми, — сказал Толя, — есть два поэта. Два враждующих. Зовут Штепель и Тарапунька. Один — два метра, другой — метр с кепкой. Метр с кепкой написал: «Мировоззрение окраин центростремительней ума». Завихрение, конечно, но имеет же право. А высокий, Тарапунька, стал высмеивать: у этого шплинта и мировоззрение. Что ты! Обида, вражда. Если один пришёл в Союз писателей, другой не придёт.

— И у каждого читателя, так ведь?

— Естественно. А поехали-ка, Филимон, на вокзал, — сказал Толя. — Выпьем там. Не для пьянства, а чтоб не отвыкнуть для.

Поехали. Моментально схватили такси. Вообще, в дореформенной России с такси не было проблем, в Кирове особенно. Такси можно было вызвать из уличного телефона-автомата. Звонишь — через три минуты выезжает из-за угла. Ещё через пять минут водитель становится хорошим знакомым, а к концу поездки — преданным товарищем. Для начала Толя всегда читал стихи Передреева: «И вот стою и погибаю среди райцентровской грязи. Вот снова руку поднимаю, вот умоляю: подвези! Шофёр берёт меня, сажает, а я ему не сват, не зять. Шофёр глаза свои сужает, соображает, сколько взять...» Вятские таксисты, в отличие от московских, глаза не сужали, брали по счётчику (что, кстати, было очень недорого), а один раз возивший нас таксист заявил: «Парни, это я вам должен платить, а не вы. Я с вами, парни, как в кино сходил». То есть умели мы поговорить с народом. Правда, народ был не нынешний. А таксисты, думаю, уже и забыли, когда возили простых людей.

Опять у меня перекидка в нынешние времена. Но, когда вспоминаешь, невольно сравниваешь. Поминая дни древние, поучаешься в них, говорит Псалтырь. Так и мы. Всё познаётся в сравнении. Чем плохо жили? Да ничем. Главное, не боялись завтрашнего дня. Стали недовольны жизнью — получай. Недовольство жизнью всегда ведёт к её ухудшению.

Толсто замёрзшие стекла вокзального ресторана не пропускали ни свету, ни изображения того, что происходило на перроне. Слышен был шум уходящих и приходящих электричек, гудки электровазов.

— С этими разговорами, — сказал я, — будто из Москвы не уезжал.

— А я из Перми. У нас же тоже и «Немецкую волну», и «Свободу», и «Голос Америки» слушают. Глушат, конечно, да что толку. Антенны насобачились делать, приёмники делают помощней. За высокую техническую грамотность! — поднял Толя бокал.

— И за низкую национальную сознательность! — поднял я свой навстречу. — То есть за то, чтоб она возросла.

— Как всегда будет поздно, — хладнокровно отвечал Толя. Он закурил, порассматривал ногти на пальцах, поднял взгляд и весело предложил: — А поедем, Филимон, в Пермь. Сказал же брат — там теплее.

— Тогда уж в Москву. Там вообще оттепель. Мы почти посередине. Жребий?

— Жребий? — Толя уже достал спички и одну из них обезглавил. — Но! Вытянем Москву, а вдруг вначале пойдёт на восток. Давай поедем туда, куда пойдёт скорее.

— Давай.

Мы поднялись в кассовый зал, к расписанию. Вышло в Пермь. Билеты, правда, были в общий вагон, но что с того.

— Зима, мороз, и все куда-то едут. Ну мы-то хотя бы освежить взгляд зрелищем заснеженной России, а все-то куда? — спрашивал Толя, проверяя запасы огня и дыма, сигарет и спичек.

Поезд, на диво, пришёл и отошёл вовремя. В вагоне было так натоплено, что по нему бродили в майках. Плакали дети, орали динамики. Вагон был чуть ли не двадцатый, хвостовой. Выехали за привокзальные стрелки — и всё равно мотало. Толя уже узнал, что в поезде ресторана нет, есть буфет, но это не то.

— Почему?

— Как говорят психологи, выслушай информацию со знаком минус: в буфете только аква минерале. — Толя сделал паузу. — А теперь выслушай информацию со знаком плюс: в первом вагоне у проводника, официальная кличка Игорь, есть. Правда, надбавка за подпольную продажу, ну-к что ж. Идём? Водка от гонений крепнет.

Тогда, опять же кстати, качество спиртного было данным, то есть надёжным. Демократического поила, убивающего людей, вроде «королевского» спирта «ройяль», вроде чудовищной ацетоновой бормотухи не было и в страшном сне.

Мы оставили полушубки и пошагали налегке. Представьте эти два десятка вагонов, в которых жар и духота, и эти снежные тоннели тамбуров, эти тяжёлые обросшие ледяным паролем от нашего проводника, назвал сумму. Мы к тому времени уже умели не удивляться. Купили расположение этого Игоря ещё и тем, что сообщили: одну распечатываем с ним, одну берём с собой. Платим за обе.

— Вот такой пошёл клиент у тебя.

Добру добро откликается — в служебном купе появились и горячая картошечка и рыба, также огурчики-помидорчики, вызвавшие в памяти частушку: «Огурчики-помидорчики, Сталин Кирова убил в коридорчике». Хоть и не убивал, а в частушку для закрепления в народной памяти попали оба. Посидели душевно, пошли. И снова эти контрасты жары и полярного холода, снова эти перемёрзшие окна, за которыми что-то проносилось.

— Как в метро едем, — сказал я на середине пути.

— Слушай, барин, беря в рассуждение то, что от этих сквозняков и мороза ни в одном глазу, а также трудность добывания горючего, а также то, что всё равно снова идти, то...

— Не из горла же.

В том же вагоне, в котором пришло разумное решение, мы обратились к проводнице как близкие друзья Игоря. Да и без Игоря мы были в своём народе. Огурчиков не было, но чистые стаканы, но хлеб, но шоколадка предстали в ту же минуту. Посидеть с нами проводница отказалась. Оставила нас из деликатности одних, пошла подметать.

— Надо бы ей стих сочинить, — предложил я. — Еда на уровне министров, да и облуживают быстро.

Толя подхватил:

— Нам так понравилось сидеть, что захотелось к вам опеть.

Мы всё прибрали, вышли в тамбур. Толя курил, я мёрз. Пытался продышать глазок в стекле. Вроде протаивало, но как только отклонялся, чтоб набрать воздуха, глазок затуманивался, как засыпающий.

— Удмуртию, наверное, проезжаем.

— Не Удмуртию, а Глазовский уезд Вятской губернии, — поправил Толя. — Мы вятские, чужого нам не надо, но наше отдай. Нас вообще кругом обтяпали. Чайковский был наш, стал удмуртским, это что? Заболоцкий отошёл к марийцам, Шаляпин к татарам, Шишкин к ним же. Что ж осталось? Васнецовы только. Ну что, барин, к Игорю?

Игорь уже был не проводник, а полупроводник, как мы его потом назвали. Но, выпивая, он не хамел, цены не прибавлял, только всё обещал начистить морду электрику состава.

— Он же всю дорогу дрыхнет. Вот и отоварил Райку. Нет, начищу! Будет блеснуть, будет!

— С мордой не связывайся, — посоветовал Толя. — Пристрели и выкинь. Проще. Вместе с Райкой.

И опять этот поход из головы в хвост. По пути благодарили проводницу, обещали написать ей стих. В этот раз всё-таки решили пойти до своего вагона, а то как бы наши полшубки не скоммуниздили. В вагоне полшубки были на месте.

— Филимон, давай пока не будем открывать, давай сочиним, обещали же.

Соседи по купе засобирались выходить в Верещагине.

— Уже Верещагино! — ахнул Толя. — Да, барин, вот как, оказывается, надо преодолевать пространство. Преодолевать его в движении. Лёжа мы бы так быстро не ехали.

Мы улучшили жилищные условия, то есть перебрались с боковых мест на перпендикулярные им. Стали сочинять. Я письменно, Толя устно.

*В жаре, на полке боковой,
Над колесом, у туалета,
Я ехал к крестнику домой,
Он был поэтом.
Крик жён, храпенье их мужей,
Хрипенье радиоэфира,
Казалось мне, что нет уже
Другого мира.
И обескровленный листок
В окне метался.
Изнемогая, на восток
Я продвигался...*

Окончание я забыл, да это и неважно. Толя, как профессионал, сочинил гораздо лучше: «Надоело болтать и стограммить под хмельную чечётку колёс. Я сумею состав застопкранить, я успею уйти под откос. Вы меня ни за что не найдёте, мне на вас глубоко наплевать. Ах, какие на поле омёты, я в омёты уйду ночевать... — Дальше, помню, было: — С головою заруюсь в лучи и усну в золотистой соломе, как у мамы на русской печи. — В конце стояло: — Не забыт он, не предан, не зăпит родниковой отчизны исток. Мне на Вятку, на запад, на запад, а колеса стучат на восток».

Толя щедро похвалил мои способности к рифме, но поправил:

— То, что я твой крестник, ты верно отобразил, но почему про этого крестника: он был поэтом? Был? Если так, то я сумею состав застопкранить. Все будут как обескровленные листки метаться.

— А на кого это тебе глубоко наплевать?

— Они поймут.

В Перми вряд ли было теплее. Доказательством мороза было то, что прямо на вокзале у меня лопнула вторая подошва, и первая, та, которую лечил брат, тоже треснула, но не по склеенному, брат сделал на совесть, а рядом.

— У тебя дома клей есть?

— У меня, как в Греции, всё есть, — отвечал Толя. — Но ты что, думаешь сдаваться? У меня и жена есть, даже и вятская, то есть даже больше, чем хорошая, да ведь жена-а. Но! Барин, сейчас хоть и темно, а ведь ещё и шести нет. Помнишь шутку: до семи пьют семиты, а после семи антисемиты.

Поехали в Союз, там даже точно кто-нибудь есть.

О, эти бесконечные пермские улицы, проспекты, гигантские площади. Ну зачем, скажите мне, иметь в городе улицу, конечно, имени Ленина длиной в семьдесят километров? Одно утешало, что в Перми есть своя Царь-пушка размерами больше Царь-пушки, стоящей в Кремле. Причём важное отличие: кремлёвская пушка так и не выстрелила, а пермская и стреляла, и ещё вполне может стрелять. Сведение, ценное для нынешних времён.

Приехали в Союз писателей. Там было народисто. Рядом с Союзом писателей был клуб МВД, конечно, имени Дзержинского. В нём мы быстро достали всё необходимое для радости встречи. Вот, кстати, тоже глагол: достать. Этот глагол гораздо энергичнее, нежели глагол «купить». Купить любой может, а ты достань. Достать — дело творческое. Загремела казённая посуда, с меня требовали московских новостей. Но я всегда замечал, что в провинции больше знают о Москве, нежели в самой Москве. Высокий поэт, назовём Александром, завладел вниманием.

— Этот шплинт, — сказал он, — этот шибздик имеет ми-ровоззрение.

— Хватит тебе! — закричали присутствующие.

— О! — вдруг встрепенулся Толя, сидящий рядом. — Ведь Славка рядом живёт. — Толя вышел. Потом я понял, что он звонил поэту маленького роста, просил прийти в Союз.

Тут началось и блистательно произошло событие, положившее конец поэтической вражде. Событие задумал и провёл Толя. Он примерно рассчитал время прибытия Славы и наполнил бокалы.

— За Пушкина! — возгласил он.

Возражений не было. Только встали (за Россию, за Пушкина, за женщин — стоя), как в дверях появился Слава. Александр поперхнулся, Слава попятился, но Толя подскочил к дверям, загородил Славе выход и закричал:

— Тих-ха! Саш, скажи только одно: хуже или лучше Пушкина ты пишешь? Мы знаем, что ты прекрасный поэт, ты заработал бессмертие, но вот кто лучше: ты или Пушкин?

Александр помялся, переступил (все ждали ответа) и угрюмо проворчал:

— Ну, Пушкин.

— А ты, Слав? — тут же обратился Толя к маленькому ростом. — Ты лучше Пушкина пишешь, а?

— Что глупость говорить? — ответил Слава. — Пушкин же.

— Итак! — поднял руку Толя. — Вы оба пишете хуже Пушкина, так чего вам делить? Чего? Ну-ка, брудершафт!

Мы загудели одобрительно, стали подталкивать противников друг ко другу. И — свершилось: Толя с помощью Пушкина и с нашей помощью покончил с враждой, вырвал её корни. Славу и Александра посадили вместе. Александр отечески подливал соседу и гудел:

— Плюнь ты на эти мировоззрения, пиши проще. Как у Пушкина: мороз и солнце, понимаешь, прибежали в избу дети... так и молоти.

Сидение закончилось. Тогдашний секретарь пермского отделения Союза писателей Николай Николаевич Вагнер позвал нас к себе. Много лет назад он похоронил жену, больше не женился, жил одиноко, но очень чисто в трёхкомнатной квартире.

Сразу отказался от нашего предложения посидеть на кухне, стал накрывать в большой гостиной. Любо-дорого было смотреть, как он постилает чистойшую скатерть, достаёт из серванта и перетирает хрусталь, фарфор, раскладывает мельхиоровые приборы, извлекает из морозилки запотевшие ёмкости, нарезает дефицитные продукты. Опять отвлекусь: это была чисто русская советская загадка тех времён: при пустых магазинах изобилие продуктов в домах. На Западе в магазинах все ломилось, а придёшь к ним домой — пусто, экономно, ужимисто. У нас всегда полная чаша. Сейчас более начинаем походить на Запад.

Николаю хотелось поговорить с московским гостем.

— Вот этот, — он назвал модную фамилию, — ведь еврей?

— Ну?

— Я сразу понял. Не успел напечатать роман, как уже шквал аплодисментов. А ведь в зубы нечего взять, просто гигантский очерк, а не роман. А вот этот (фамилия) русский, прекраснейшая повесть, и никто ни звука.

— Ни слова о евреях! — закричали мы.

— При Сталине... — начал Николай.

— Ни слова о Сталине, — закричали мы.

— Значит, молчать?

— Есть же третья тема, — о женщинах.

Потом мы воспели этот вечер в стихах: «Коля жил как отшельник игумен, лишь с печатной машинкой дружил, и в горячке писательских буден без излишеств, без пьянства он жил. Только надо ж такому случиться — был покой монастырский сме-тён, вдруг явился к нему из столицы барин в туфлях, а с ним Филимон...» Про барина и Филимона мы, конечно, Николаю рассказали.

— С женщинами я вам не помощник, — ответил Николай. — Но пригласить могу.

— Приглашай, — распорядился Толя. — Желательно постарше. Для общения, для интеллекта. Вдохновения хватает.

Я вызвался чистить картошку и жарить мясо, они пошли звонить. Слышно было, как Толя энергично уговаривает:

— В такой мороз надо держаться ближе друг к другу. На полчаса? Отлично. В нашей жизни и пять минут могут стать вечностью.

Одну уговорили. Стали звонить второй. Вторая, объяснил Николай, была очень важной женщиной, со склада запчастей. Познакомился, когда ездил доставать что-то для своих «Жигулей». «Писателей, говорит, уважаю. Телефон дала домашний».

И вторую уговорили. И мясо у меня подошло и томилось под чугунной крышкой. Обе приехали чуть ли не враз. Первой та, которую Толя уговаривал особенно жарко. Зрелище было страшным. Потом мы его описали так: «Филимон возле дамы хлопочет, возле дамы ужасной своей, у которой ни сердца, ни почек, ни волос, ни бровей, ни груди». Вторая была раза в два моложе, но тоже сильно в годах.

Я сидел напротив Толи и видел, что он и страшится, и мужается поглядеть на соседку. Другая, со склада, была проще и веселее. Чем-то ей понравился именно я. Она предложила спеть интеллигентскую песню: «Миленький ты мой, возьми меня с собой». Спели и стали анализировать: кто в центре песни? Эмигрант? Скорее, ещё не уехавший, но отправивший в «край далёкий» и жену, и сестру. Ведь в краю далёком есть у него и жена, и сестра. Заставили Толю читать стихи. Всё было душевно.

Полночь, однако, приближалась. Женщина со склада вполне освоилась в квартире, сообщила мне, что нам надо занять одну из комнат, что уже люди устали, надо дать им отдохнуть, и нам пора. Николай, наклоняясь ко мне, вдалбливал, чтоб я непременно к утру достал крестовину для его «Жигулей». Вот женщина, прихватив в одну руку

рюмки, в другую графин (Николай же не мог опуститься до того, чтоб наливать гостям из бутылок), лягнула меня в плечо бедром и пошла. Николай стал меня толкать вслед за ней, повторяя: «Крестовина, крестовина!» Так он меня и затолкал в камеру пыток.

— Миленкий, — хлопнула в ладоши женщина, — контрольный звоночек, и...

Этот контрольный звоночек меня спас. Оказывается, муж женщины уехал в тот день проверять отопление на даче и собирался там ночевать, а приехал туда — всё отопление полопалось, трубы перемёрзли, и он возвращается. Хорошо ещё, заехал к знакомым гаишникам и позвонил с поста. Эти сведения женщина получила от матери, взвизгнула и мгновенно собралась. Я фальшиво и радостно кричал:

— Как? Так сразу?

Вызвали такси. Оно, как и в Вятке, подрулило моментально. Женщина исчезла. Вскоре отправили и вторую. Можно себе представить радостное мужское застолье, которое вслед за этим продолжалось ещё дня три-четыре.

Но в этих днях были: и баня, и покупка мне зимних ботинок, не австрийских — отечественных, тёплых, надёжных, были и встречи с трудящимися и учащимися. Продолжалась игра и в барина, и в Филимона, причём я до сих пор не понял, кто из нас кто. Ослабев здоровьем, я уже не мог ехать поездом. Тем более, если б я поехал поездом, то как бы я проехал Вятку? А на неё уже не оставалось сил. И я улетел самолётом. Всё было настолько доступно и настолько мы все это не ценили, что... что теперь!

В Москве измученный Уралом организм схватил простуду уже на трапе самолёта при выходе, и вечером того же дня я отправился лечиться. Куда? Конечно, в ЦДЛ. И там, конечно, сидел Анатолий Кончиц, которому я и рассказал о воплощении его литературных персонажей, что его повесть, так сказать, каким-то боком вышла всё же в люди.

И какова же, как говорил знакомый писатель кавказских кровей, какова же «марал»? Он не видел смысла в рассказе, если в нём не было любовной морали.

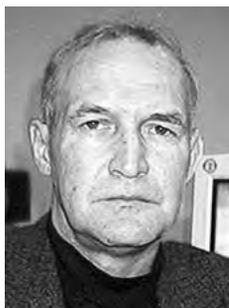
Да, какова «марал»? А никакой. Чего теперь, когда всё в России — и власть, и финансы, и особенно средства массовой информации, театр, кино, — всё захвачено, я не скажу — нерусскими, но скажу — антирусскими людьми. Именно так. И мы сами помогли этому. Одно утешает — всё это захвачено, а захватчики трясутся от страха. Они же понимают, что Россия осталась с русскими.

Но как же помогли? Очень просто: тем, что подвскивали кухонным борцам, желающим публично говорить правду, желающим жить в другой стране или переделывать эту страну. Мало было, что говорили везде и говорили, кто что хотел. Но ведь так хотелось кайфа — тиражировать то, что говоришь на кухне, обнажаться хотелось публично. Ну, обнажились, ну, переделали страну, что ж вам невесело, господа хорошие?

В кратком послесловии сообщаю, что та женщина со склада сама привезла Николаю несколько крестовин, полюбила литературу, выпрашивала мой адрес. Николай выстоял, семья моя сохранилась.

Вот такие воспоминания из времён, когда картошка стоила десять копеек, а в школе детишек учили любить Родину.

АЙДАР САХИБЗАДИНОВ

БАСЯ-ПРЕДЕЧА

В те годы, когда колбаса на прилавках была вкусная, мясная, у нашего магазина установили стенд. С большой деревянной рамой. Со стенда в черно-белом обличье понуро глядели на прохожих красавчики. Асоциальные элементы, обречённые на казнь общественного порицания.

В школе тоже висела подобная рама, под стекло которой втискивали, как в сми-рительную рубашку, неисправимых шалопаев.

Районный милиционер, прозванный за африканские пигменты на лице Копчё-ным, активно принимал участие в родительском комитете и почти жил в школе. Без фуражки и ремня, в широких галифе, он только и вертел головой, ища беспорядок. Двигался стремительно, правым ухом вперёд, поставь перед ним столб — врежется. Забегал в туалет с расстёгнутой кобурой фотоаппарата, ставил курильщиков к стенке и шлёпал вспышкой.

Попал в объектив и я. И впал в отчаянье! Призывал богов и джиннов, чтобы моя фотография на стенде не состоялась. Ведь это такой позор — висеть в коридоре, без-вольно, пристыжено, будто с тебя стянули штаны.

Копчёный будто не понимал, что дети могут переживать. Они были для него, как классовые враги, и с ними надлежало нещадно бороться.

Образ милиционера преследовал меня. Как при болезни вертиго, витал то справа, то слева. Бил крыльями от небес, жадно клевал в ночи мою печень и отлетал с визгом: «исключим из школы!»

Но джинны слышали мои молитвы.

То ли бросили щепоть молнии в ночное окно Копчёного, то ли срочно отправи-ли в туалет его бабку, страдающую циститом, и та, свистя от нетерпения, включила в горнице свет, — погубив тем самым вожделенные плёнки, где под кровавой лампой в родильных водах проявителя рождалась моя просящая полуулыбка.

Школа школой, это внутренний мир. Но учинённый Копчёным стенд на централь-ной улице стал голгофой!

Ещё бы! Если мужик тащит через посёлок украденное бревно, то он семьянин. Его даже в пример ставят, мол, вот добытчик! Однако, если мужик с этим бревном по-падётся, то всё. Он — вор!

Уважаемый пенсионер дядя Миша, в прошлом пожарный, до гроба потерял авто-ритет у местных старух, когда его печёное лицо с потерянными глазами поместили на стенде с надписью:

«Воровал во дворе магазина деревянные ящики»

Печатное слово в те годы, пусть даже коряво написанное чернильной ручкой, но все же от руки власти, имело решающее значение.

Особенно такое:

«В субботу мукосей хлебозавода № 3 Нечаев Василий подглядывал в банное окно за голыми женщинами!»

Вот это да!

Вот это обвинение!

Прохожие облепили стенд. С фотографии на них смотрел (возможно, последний раз в жизни) плюгавый человек с узким, как гороховый стручок, лицом.

Впрочем, среди негодующих были и сочувствующие. Ведь с таким обвинением одна дорога — на чердак, к намыленной верёвке, к прочным стропилам...

В посёлке наступила двусмысленная пауза. Ведь в субботу в бане перемылись все женщины околота. Все до одной! И как им теперь быть? Всех, негодяй, видел, всех рассмотрел!

Юницы, проходя мимо стенда, гордо и с презрением вскидывали головы. Замужние женщины испытывали вину перед собственными мужьями, иные даже подумывали броситься с раскаяньем в ноги. Сами мужья хотели мукосей отдубасить. Но больше всех пострадали старухи, что сидели днями по лавкам у ворот.

Когда лишь узнали, чем мог грозить им Вася, лазая в непосредственной близости по стеклу, то разом в целомудренном ужасе заткнули подолом пах: свят! свят! свят!

Это ж надо! Всю жизнь с одним, царство ему небесное! Прямёхонькая, как линейка, чистая. А тут прыщ с грязным оком! Тьфу, тьфу, тьфу! Вставали и с брезгливой чопорностью спешили за кумганами.

А что же сам Вася?

А Вася был мукосеем! Ему было не до стыда. Всю жизнь он таскал на плече тяжёлые мешки с мукой, поднимал на этаж и вытряхивал в прорву. Весь белый, насквозь, до третьих пор кожи, пробитый мучной пылью, — непробиваемый!

Надо сказать, Васю в те дни, хихикая, поддержали подростки. За эту вот бесшабашность, за прочие его мудрёные куролесы.

Вася сам шалопаем закончил восьмой класс, и хотя считался лучшим в кружке ИЗО, у него не хватило запаса бездарности неделями рисовать один и тот же кирпич, который мэтр ставил на подоконник, а сам уходил курить и возвращался часа через два с красным носом. Вася срисовал кирпич в полчаса, куда красивее, чем на подоконнике. Тогда оскорблённый мэтр сказал, что нет у Нечаева жилки, нет тех великих 95% труда, о которых говорено и говорено со всевозможных творческих президиумов, — словом, у Васи нет упорства и настойчивости, как, например, у Петрова, как, например, у Сидорова, которые в поте лица, повинувшись закону 95%, рисовали-рисовали всю неделю и, как положено, выдали кирпич, ровно на 95% на него похожий.

И вот уже более двадцати лет Вася работает мукосеем. Ноги его от напряжения искривились, стали колесом, мозоль на плече превратилась в панцирь, и могла на зависть фракийцам выдержать касание римского гладиуса, а то и сельдеобразной фалькаты, которой рубили в азиатских походах хоботы боевых слонов.

Ежедневно Вася выходил с хлебозавода на обед с горячей буханкой под мышкой, садился на траве у пивной. Подростки подавали ему гармонь, ложась на траву, щипали хрустящую корочку. Вася, от удовольствия переминался с ягодицы на ягодицу, играл есенинскую «Над окошком месяц». С нежностью слушал меха, выпускающие жаркий июньский воздух, и выражение лица его при этом становилось нездешним, райским. Играл он Славянку, и про трёх танкистов, и про лётчиков.

Но коронный его номер — болеро Равеля. Жуткое и долгое болеро Равеля. Все кто слушал, уже знали, что это болеро служило условным радиомаяком для американского пилота, ведущего самолёт с атомной бомбой на Хиросиму. Мукосей играл болеро мучительно, тяжело и долго, так что мучная пыль на его плечи от пота превращалась в тесто...

Обычно после рабочей смены Вася, отмывался в цеховом душе и шёл в поселковую библиотеку, что находилась дверь в дверь с винным магазином.

В библиотеке рассматривал репродукции средневековых живописцев, а после отправлялся сравнивать их с живым материалом.

Когда открывалась изнутри дверь библиотеки и бросала во тьму, на грязный тротуар, жёлтый коврик, никто бы в выходящем человеке не узнал Васю. Лицо его было строгим. Это был уже не разгильдяй Вася, а Мефистофель — с бледным горбоносым профилем, будто его вырезали из белой бумаги на Арбате.

Боязливо, как итальянский анатом, рискующий соскользнуть в инквизиторский костёр, Вася взбирался на банный подоконник и вновь проникал в запретное — в освещённое яркими плафонами царство голых тел, где в глухих воплях, грохоте шаек женщины неистово натирались мочалками, изгибали крепкие поясицы, задирали на лавки бедра, — и находил, что великие мастера прошлого сумели-таки показать в женщинах характерное. Но все же...

Здесь, в бане, он видел не продажный блеск натурщиц, которых не один художник мямл, прежде чем взяться за кисть, а — целомудренные, лишённые стыда и пляжного такта особи с натуральной, а не вмазанной пропорциями масла силой в мышцах. Здесь парились, обморочно выходили из дверей с багровыми телами, опрокидывали на себя каскады ледяной воды — предвестницы матриархата!

Насмотревшись, Вася спрыгивал с подоконника и шёл к кирпичной трубе, в пять охватов, возле которой лежали горы каменного угля, топливо для бани. Там, в развалах антрацита, уносящего в чёрную древность, Вася блаженно задира голову к макушке трубы, плывущей в облаках, и предавался сладким грёзам.

Там и прерывал его мечтания Копчёный.

С группой дружинников приводил в красный уголок с горшком фикуса и бархатным знаменем вдоль стены. Долго смотрел на мукосея с омерзением, переходил от одного края длинного заседательского стола к другому. И, наконец, с любопытством оглянув дружинников, спрашивал:

— У тебя, Нечаев, что — жены нет?

— А вы что — на других женщин не заритесь? — независимо отвечал мукосей, всё ещё поглощённый своими мыслями.

— Я в банях не подглядываю.

— Мне нужна красота.

— Ты что — Леонардо да Винчи?

— Нет. Но мне кажется, что я не меньше его в женском теле понимаю?

— Ух ты!

— Я чувствую женскую кровь, — сказал Вася почти шёпотом.

— И потому на антраците занимаешься онанизмом?

— Это сакральное. Чтоб постичь большее, подняться на высоту, которую нам бог не дал.

— А не свихнёшься с такой высоты?

Копчѐный не был бы тем Копчѐным, если бы не организовал Нечаеву встречу у психиатра.

— Вы чувствуете такую патологию, что можете на улице наброситься на женщину и изнасиловать? — спрашивала в кабинете своего учреждения тучная женщина в белом халате, внешним видом и высоким кокошником на голове больше напоминавшая буфетчицу.

— Нет, это невозможно, — отвечал мукосей.

— Докажите.

Мукосей нервничал, мелко-мелко ломал пальцами спичку:

— Путѐм долгих наблюдений я установил, что на земле, по крайней мере, в нашем посѐлке, зарождается матриархат. И берѐт он свою силу за сѐт красоты. Красивых женщин всѐ больше.

— Интересно.

— А мужики вымирают, — добавил мукосей.

— Это мы и без вас знаем.

— Знаете? Конечно, знаете! И про цирроз, и про инфаркт. И про то, что просто замерзают на улице. Сам прошлый год Чапурина на санках привѐз. Ещѐ бы немного — и конец, а так хоть руку ампутировали. Но это не то! Вот смотрите... В мукосеи из мужиков никто нынче не идѐт, остался один я, хотя шкелет шкелетом... Мужчины теряют тестостерон, а женщины крепнут. Вот в чѐм перемена века!

— Ну и что? Кто виноват?

— Природа! Вот пойдѐте в женскую баню, где сняты наряды и чулки. Какая там сила, красота. Это будущее!

— Да где ж там красота? — пошутила врачаха. — Все в мыле, а в волосах простокваша.

— Вот именно простокваша! Вот именно кислое молоко, или битые яйца! Имеющий глаза да увидит, — с обидой посмотрел на неѐ Вася.

— Вы прямо Тициан! — сказала врачаха.

— Нет. У Тициана с анатомией плохо.

— Что — он вам экзамены по анатомии сдавал?

— Экзамены не сдавал. А вот бабы у него рыхлые. Угасающий род. И потому в то время реванш взяли рыцари.

— Скорее он Дарвин, — нагнувшись к столу психиатра, разгладил свои тѐмные пигменты Копчѐный.

— Дарвин? — спросил мукосей. — Дарвин устарел. Тут сечение женских мышц нужно исследовать. Где ни меньше, ни больше, но сплошная гармония. А развитие теории Дарвина приведѐт в формации женщин-горилл.

— Вы предлагаете лаборатории, как в СС? С этой самой линейкой?

Психиатр подняла голову в сторону Копчѐного, чтобы тот приблизился.

— Лазить в баню он не перестанет, — сказала она тихо. — И если б он просто считал себя Тицианом... Он опасен как потенциальный маньяк. Скоро начнѐт по закоулкам вылавливать женщин, исследовать сечение мышечных волокон.

Копчѐный понятиливо кивнул.

— Бережѐнного бог бережѐт, — сказала она, — полечим. Впрочем, эффект будет не продолжительным. У него сильно развито либидо.

— Значит?..

— Значит, — сухо ответила врач и, склоняясь над бумагами, стала заполнять историю болезни Нечаева.

ТАКАЯ ЖЕСТОКАЯ

Белые чулки, штопанные чёрной нитью, — это стволы берёз. Их будто развесили вдоль тропы на бельевой верёвке. Там растут бузина, боярышник. Есть забор, возможно, калитка. На калитке скособочился почтовый ящик, куда уже давно не приходят письма. Тихое патриархальное захолустье. Кажется, там притаилась истина, и когда подолгу глядишь на куст бузины, скамейку, веришь, что они о чём-то думают.

Остановится возле пенсионер с авоськой, сядет на край скамейки, уймёт одышку, достанет аптечный флакончик, выпьет изрядно капель. И, хмелея от спиртовой настойки, любуясь божьим светом, вдруг ощутит, что жизнь-то прожита счастливо.

Прохожая девушка замрёт на полушаге, вынет из ушей наушники, будто кто-то её окликнул, осмотрится, увидит лавку, неосознанно направится к ней, сядет, прижмёт пальцы к вискам, и, пребывая как в полусне, вдруг почувствует, что влюблена.

А вот первоклассник возвращается с уроков, усталый, голодный и опустошённый. Ему не хочется домой, у него двойка, в тетради всё исчеркано красным, будто порезал над ней палец... «Э-хе-хе!» — вздохнёт бедолага, опускаясь на лавку и сознавая, как сложна и трудноподъёмна его жизнь.

В каждом провинциальном городе есть такие загадочные места.

Когда-то в старой Казани между парком Горького и Арским кладбищем находился спуск к песчаному пляжу на реке Казанке — серая лента асфальта. Слева над ней нависала гора, справа под кладбищенским холмом темнел овраг, заросший крапивой. Матёрая, в жемчужных гириляндах, эта нежить из пропасти источала жуть, звала как пасть растения-людоеда...

Вот мы плетёмся в гору после долгого купания, измождённые, извяленные на солнце старички... Вдруг трескается небо и ударяет ливень. Такой сильный, что, кажется, нас смочет. Крапива в овраге мгновенно смята, будто взорвался над ней инопланетный шар, по асфальту навстречу валом несутся горбатые струи. Как стаи живых рыб, бьются о щиколотки и отскакивают. Сестра крепко держит меня за руку, голову наклонила, распущенные косы полощутся, как рушники. Вода заливает ей глаза, она закрывает их ладонью и старается улыбаться, чтоб я не боялся.

Из посёлка Калуга купаться мы ходим через улицу Зинина, тогда деревянную, с пахучими липами вдоль тротуара. Заходим в угловой магазин «Обувь» — понюхать острый запах натуральной кожи. В магазине просители редки, и мы испытываем наслаждение, что нас не выгоняют.

Переходим улицу Ершова, совершенно пустынную. На конечной петле 8-го трамвая густо пахнет мазутом, индустрией. «Вечного огня» ещё нет. Стоит колонка. Из неё обязательно пьём, мочим головы, набираем в бутылки воду. Из ворот Арского кладбища глядят на нас лютеранские надгробия.

Долгая кладбищенская ограда тянется до крапивного оврага. Скрытая от солнца старыми деревьями, могильная земля за оградой в жаркую погоду прееет, издаёт сладковатый запах. Робко принимаем к решётке и, шевеля губами, читаем имена и даты умерших. От слов «раб Божий...», «преставился...», «милостию Божьей» веет угрозой. Трепет вызывают и сами деревья, огромные, вековые. Комли их бугрятся над могилами, вылезая из тел людей.

Дальше ещё ворота, за ними — старинный флигель из красного кирпича. То ли склад, то контора могильщиков. Мы трещим наперебой, что во флигеле живёт поп с попадью. Кто-то даже их разглядел в тёмных покоех — оба в высоких клобуках, молились перед иконостасом, а потом поп, узрев подсматривающего, яростно погрозил тому пальцем и задёрнул занавеску.

Там же, у флигеля, стоит скульптура почётной гражданки О. Воронцовой-Журавлёвой, умершей сто лет назад в возрасте семнадцати лет. Местная патрицианка, высеченная из белого мрамора, в крестьянском платье и платке, вызывает почтение.

Сам спуск к реке достаточно протяжённый. По нему велосипедисты, не крутя педалей, набирают такую скорость, что велосипед начинает бить, вот-вот отлетит колесо... И тут, из-за горы, открывается вид на реку, на широкий пляж.

Казанка течёт просторно, противоположный берег зарос камышом; он тянется далеко, чуть ли не до нынешней улицы Амирхана. До него могут доплыть лишь смельчаки, и только взрослые. Возвращаются, измученные, с набухшими жилами и вздутыми животами, будто за рекой, куда они плавали, тайно вполз в них большой солитёр. Тяжело, как ласты, вынимают из воды ступни. В руках сжат пучок зелёных стрел с мягкими коричневыми бобинами, похожими на эскимо.

Мальчишки с завистью клячат: «Дядя, дай один камыш!».

«Ещё чего! — отвечают те с самодовольной ухмылкой, — ищи дурака там!..»

Кивают в сторону противоположенного берега.

На пляже есть голубой домик медпункта, издали жутко пахнет йодом; «Спасательная станция» (здесь не страшно тонуть, ведь это почти как попасть под колёса «скорой»: раздавят и тут же вылечат); вот улица Подлужная, дебаркадер. Отсюда, бухтя, отходит теплоход «Москва», двигается вверх по речке, поворачивает за камыши и идёт, как комбайн по лугу.

Справа, как укрепление римского легиона, квадрат потемневшего от дождей забора «Сада юннатов».

Пляж переполнен, и уже здесь, у калитки в «Сад юннатов», сидят на расстеленных одеялах купальщики.

Мужчины в чёрных трусах, на головах закрученные с четырёх концов носовые платки. Тучные женщины в лифчиках, цвета стиральной синьки. Дорвались до воскресного солнца, сожгли ляжки полосой, будто их жарили на сковородке, не переворачивая. Перед ними на коврик: зелёный лук, варёный картофель, чищенный или в мундире, яйца, высохший на солнце хлеб, солонка. Иногда в алюминиевом бидоне квас. Вид мужчин уныл: а чё — квас?

Да и за квасом, у жёлтой бочки на колёсах, толпа людей. Стоят с бидонами, унылые, покорные судьбе и страшному зною. Вокруг голов намотано тряпьё, ниспадает на плечи, как у древних египтян.

Пиво и спиртное сюда не привозят. Здесь и без того случилась драка. Вот милиционеры ведут к мотоциклетной коляске подпитого мужика, а тот, раздувая жилы на шее, что есть мочи орёт: «Ко-ля! Ко-ля-а-а!». Кричит так, будто его ведут на костёр, а Коля и есть тот самый д'Артаньян, который сейчас подлетит, всех раскидает, выручит, избавит, спасёт. Мужика безжалостно скручивают, впихивают в люльку «Урала». На плечи ему верхом садится грузный милиционер, «утрамбовывает» за дом, — и мощный «Урал» с грохотом мчит на вершину горы, к местному Олимпу, где ждёт бедолагу неминуемая кара.

А вчера тоже было происшествие. С лодки нырнул в непрогретую воду фарватера армянин и умер от разрыва сердца.

После полудня песок на пляже накаляется так, что можно в нём сварить яйцо.

Я подпрыгиваю.

— Надень сандалии, — говорит сестра.

Находим место, стелем полотенца и раздеваемся. Сестра стягивает через голову сарафан, остаётся в тугих трусиках и лифчике.

Её тотчас окружают местные парни с Подлужной, человек пять. Они тоже в трусах, у тех, кто покруче, трусы с лампасами или сатиновые плавки, с завязками на бедре, как у первобытных.

Сестра красивая. Она уже большая, окончила восемь классов. Держит меня за руку, мы вместе входим в воду, она приседает и окунается, не выпуская моей руки.

Парни заходят в воду вместе с нами. Хотят с сестрой познакомиться, но не умеют это прилично сделать. Ударяя ладонью по воде, пускают в её сторону брызги. Сестре это не нравится, она глядит сердито, одна бровь взлетает и надменно подрагивает.

— Пойдём! — говорит она с гордым видом и тянет меня за руку. Эти парни с Подлужной не на той лошадке подъехали — и нарвались на гордяхку. На самом деле сестра простушка. Как-то весной шли с ней по улице, издали взрослый парень окликнул её из своего палисада. Выкликнул только имя, — ласково и значительно: «Нэл-ля!». Она обернулась, опустила голову и счастливо бросила мне: «Побежали!» Я мчался за ней по снежной каше, ничего не понимая.

Напротив нашего дома, у игрального стола, часто торчали женихи. Иногда уходили к оврагу драться.

О, как здорово быть братишкой взрослой красавицы!

Ощущать свою значимость и подхалимство мужественных парней в клёшах с клиньями из красного бархата, вшитыми ниже колен. Конечно, в фаворе курсанты танкового училища, у них настоящая военная форма и пахнущие ваксой сапоги.

Тебя сажает на колени, обещают в следующий раз принести солдатскую пряжку, гильзы, погоны.

Ты не веришь счастью, жадность одолевает тебя, ты мечтательно закидываешь голову, зная, что тебя всё равно удержат рукой за спину и не дадут опрокинуться:

— погоди, погоди! — говоришь, делаешь пальцами клювик. — А вот есть у тебя настоящая канадская шайба?

— Конечно, есть, — отвечают тебе с чудо-улыбкой.

— Это большая такая? Внутри которой — свинец?

— Н...ну да.

И ты готов выполнить любое поручение — передать сестре устную просьбу или записку, — весь до капельки крови продажный. Как Азамат, который «за лошадь Казбича отдал сестру заместо злата». Ты идёшь в дом и ругаешь непокорную, удивляясь, почему она к такому хорошему парню не выходит.

Особенно переживаешь за курсанта, он обещает принести настоящую ракету, она взлетает от удара основанием оземь. И из-за него ты ссоришься с сестрой и называешь её душой. За это она метелит тебя обеими руками так, будто выбивает подушку, и сует носом в угол пахнущего дустом дивана.

Однажды средь бела дня, в воскресенье, случается серьёзная стычка между курсантом и двумя студентами.

Вон они за окном — трое. Конечно, я думаю, что курсант победит, потому что он военный. Но мне говорят, что тех двое и у курсанта нет шансов.

В руке студента авторучка, он настойчиво указывает ею в сторону оврага, приглашая туда пройти. Курсант, Виктор Ильичёв из Саратова, красавец-богатырь (у меня до сих пор хранится его фото), улыбается агрессивному визави и, собственно, не отказывается идти к оврагу.

— Да ради бога, — говорит он.

Высыпают из соседних домов старухи и дети, начинают глазеть.

Парни трезвые, драка так не состоится.

Сестра сидит в саду напуганная.

Бабушка, воспитанная в мусульманском духе, опозорена:

— Караул! Под окнами оказалось сразу три жениха?! — кудахчет она по-татарски.

В сердце сестры живёт другой парень. Они уже год встречаются. У них сильная любовь. Они десятилетиями не смогут расстаться, амбициозные, непримиримые. А если разлучатся, то будут разрушать жизни друг друга одним только своим существованием на земле.

Всё это будет позже.

А пока мы купаемся целый день и загораем на Казанке.

У нас с сестрой тоже авоська, где соль, зелёный лук, сваренные вкрутую яйца и в бутылке самодельный квас, сладкий. Сестра мне как младшему наливает больше, чем себе.

Как вкусно! И как чудесен мир!

Вот справа, где находится «Куба», за холмами, что-то ужасно грохочет. Будто с рёвом несётся по земле Змей Горыныч. Я ещё не знаю, что это поезд, уходящий в Сибирь.

Иногда оттуда же, из недр холмов, взлетает самолёт. Распластав крылья, трещит над головой. С земли отчётливо видны прямоугольные окна, алюминиевые листы с заклёпками и, кажется, голова лётчика.

...Теперь это небо застыл конструкции громадного моста «Миллениум».

Когда не было нового шоссе к «Миллениуму» и жив был старый спуск, я поднимался к нему на автомобиле к самой макушке горы, поворачивал вправо, на грунтовую дорогу, с непросыхающими лужами и следами от копыт конной милиции. По перемычке между откосами переезжал на другой холм и оказывался над частными домами Подлужной. Эту дорогу от понтонного моста мало тогда кто знал.

С холма открывался обширный вид на Заречье.

Я ставил машину на краю обрыва. Разжигал костерок из сухой травы, вынимал из багажника турку, воду и пачку чая.

Комки сухого бурьяна, задыхаясь в седом дыму, выворачивали пламя изнанкой. Вскоре в турке закипала вода. Я заваривал чай, переливал в чашку, садился, отхлёбывал.

Редкие прохожие, что сворачивали возле меня по тропе на Подлужную, должны быть, находили странным вид отщепенца с первобытным костром в центре мегаполиса.

Однажды в августе, когда по приезде в Казань я так отдыхал, судьба ниспослала на тропинку женщину. Статная брюнетка с синими, почти фиолетовыми глазами шла в мою сторону, глядя на мой костёр. Сидя в дыму, ароматах чая, я повернул голову, невольно обратив внимание на её красоту. Но тут заметил, как по лицу её прошла судорога, подбородок затрясся. Не стесняясь, с открытым лицом, чуть не плача, она всю дорогу, до поворота вниз, смотрела на мой мирок...

Мне стало не по себе. Я отвернулся.

Потом видел, как она спускалась. Коричневое темя с уложенной причёской, узкие плечи в трикотажной кофточке...

Когда работают бульдозеры, человек, долго отсутствовавший, в новом ландшафте теряет ориентацию. Где находился мой любимый спуск, «Сад юннатов»? Всё рассказали, не было даже маячка для ориентации.

На съезде к «Миллениуму» остановка запрещена, да и опасна — могут ударить в зад... Я проехал на пляж со стороны Подлужной. Обнаружил там грязь и брошенные строительные материалы. Рискнул проехать дальше, до бывшей косы — к пляжу

«солдатскому», что под «Кубой». «Нива» преодолевала кочки, валила камышовые заросли. Выехал на пяточок, развернулся у старых ив.

«Солдатский» пляж был чист и нетронут, только река казалась заметно уже.

На обратном пути остановился под «Миллениумом». Начал вглядываться в разрытую местность. Где же был тут спуск?.. Неужели всё стёрто с лица земли?! Да, есть в созидании нечто и от варварства!

Я петлял на машине вверх по впадине, ехал под мостом наугад, приоткрыл дверцу, разглядывал грунт, азартное предчувствие не покидало. И вот под колесом мелькнуло! Будто обломок грязного льда. Ещё и ещё. А вот небольшое плато. Среди грязи я нащупывал русло. Кажется, нашёл. Боже, как же этот артефакт сумел спастись тут от бульдозерного ножа?! О, моя древняя Аппиева дорога! Я тебя нашёл! Я чуть не плакал от восторга.

Дальше пошли горы земли. Я включил блокировку, пониженку, дал машине вдоволь бензина! «Нива» взревела, пошла, ныряя, как катер, распахнула кустарник. И я, как попаданец в романах фэнтези, в одну секунду из мира прошлого оказался в мире реальном: вылетев из кустов, машина встала мордой к встрече. Перед моим носом в сторону «Миллениума» неслись по шоссе иномарки.

Седой благообразный господин пришёл на встречу к главному входу зирата.

Мы пробираемся по снегу среди могильных оград.

— Она так смеялась, так смеялась!.. Я стеснялся ходить с ней на комедии, — говорит он за плечом. — Она так смеялась, я не могу!..

Плечи его трясутся.

Мы стоим возле свежей могилы. Из сугроба торчит оструганная доска с жестяной косынкой, с именем и датой смерти.

Мужчина всхлипывает, о чём-то просит. А она молчит, такая жестокая!

А я вижу ливень на старом спуске. Мы поднимаемся босые. Сестра улыбается, волосы её полощутся, как рушники. Ей всего пятнадцать, он встретит её на следующий год. И чего он плачет?

И КАЖДЫЙ РАЗ

«Наверное, опять поёт в одиночку и вяжет мне оранжевые варежки» — думал сын о старенькой матери. Мать распускала всё, что привозила ей из поношенных вещей родня.

— Да ты с ума сошла! — говорил сын по приезде, когда она показывала ему огромный красный берет с петлёй и пампушками на макушке.

— А что? — вскидывала брови. — Как раз в бане париться. Вот ушко для гвоздя. Примерь уж!

Всё сидела на диване, шуряя сверкала спицами, о чём-нибудь рассказывала.

— Вот слушай дальше. Закончил он гражданскую в чине офицера. Я маленькая была. Помню, он сушил на завалинке свою полковничью шинель, папаху. Сапоги пропитывал печной сажей. Дёготь не любил.

— Он у нас, — скрывая улыбку замечал сын., — кажется, поручиком был.

— Сначала — да, поручиком, — говорила невозмутимо, — выполнял поручения царя. Это когда охранял его в Ялте. Они по Чёрному морю на лодке катались. У-ух! Тридцать три гребца! Все в папахах, а погоны!.. — мать вскидывала и крепенько сжимала в воздухе кулачок, — как жар горели! Те гребли, а папа сидел возле царя. Я там

была, в Ялте-то. Это в каком году?.. В 62! И вот гребут они, а папа — управляющий. Рулём управляет. Царь любил, когда папа пел. Лодка летит, качается. А папа поёт: «И княжну свою бросает в набежавшую волну». Тогда у царя дочка родилась. Не дочка, а не знай кто. То ли лягушка, то ещё что, — мать принагнулась над вязанием, сощурилась, будто что-то в прошлом разглядывала. — Царь велел её запаковать в бочку и сбросить с горы. И вот они бочку законопатили, и там, в Ялте (там гора большая есть) катят! Все тридцать три человека. Бочка подпрыгивает на кочках, люди бегут за ней, кричат и подталкивают. А папа отказался катить бочку. Царь увидел это и говорит: «Ты зачем, Исхак, отказался?» — «А я, говорит, не могу ребёнка убить. Пусть даже это не дитя, а лягушка».

Царь и говорит: «Добрый ты человек, Исхак!» — и подарил ему за это золотую саблю. Вот отец её с гражданской и привёз. Я всё с кисточкой играла. Привяжу её к волосам и бегаю, как царевна.

Эх, сынок, не знаешь ты, какой у тебя дед был! Глаза синие, усы чёрные! Не даром у него две жены было, жили в разных половинках, роды друг у друга принимали. Мама была младше отца на двадцать лет. А потом у нас всё отняли, даже посуду, отца посадили. У меня ведь, сынок, ещё два брата сводных было, погибли во время войны.

Сын любил слушать её рассказы, уютно было на душе, хорошо.

В те годы, странное дело, мать, заканчивая какой-нибудь разговор, как бы между прочим произносила: «Гафу ит, улым» — «Прости, сынок».

Сначала сын на это внимания не обращал. Но подобное стало повторяться часто.

Поправит перед уходом его кашне, стряхнёт пылинку с пальто. «Прости, сынок» — скажет и уйдёт в кухню, опустив голову.

Сын, человек от природы тактичный, ни о чём не спрашивал. Может, это глубокая материнская тайна. Но сам мучился. Что она имела в виду? Может, всё же хотела сделать аборт, но врачи сказали, что поздно. Может, они с отцом жалели, что утонул не он, а старший сын, очень красивый и кроткий? Да мало ли что!

И только через несколько лет, как бы шутя, он спросил у матери об этом прощении.

— А? — оборвала она, — ничего я не просила! — и ушла в кухню.

Лишь потом до него стало доходить, что возможно это обыкновенное чувство материнской вины: прости, сынок, что я твоя мать, прости, что я есть, прости, что есть ты, за все прости...

Когда он уезжал на целый год, на неё находило сущее горе. Тяготилась сознанием, что вот остаётся, а сын вынужден отбыть на чужбину, где-то трудиться среди чужих людей...

В дорогу она пекла ему перьямчи, пироги, на рынке покупала разноцветные полотенца, красивые чашки. Перед поездом, не смотря на то, что он уже попрощался, обнял и крепко зафиксировал — сохранил её до будущей встречи, выходила провожать. В темноте все плелась и плелась — до самой Даурской. И когда он переходил улицу, отходил дальше, где удобней поймать такси, всё стояла. Возможно, уже не различая его силуэт в темноте. Сын знал, о чём она думала...

В тот август он не выходил на Даурскую, отъезжал от подъезда на своей машине. Мать норовила засунуть в салон вещи, от которых он ещё дома отказался. Пока он возился в багажнике, незаметно запикивала в салон.

— Ну, ё моё, мама!

Он вытаскивал ненужную сумку обратно.

— Тогда, сынок, одеяло возьми, — она прижимала к груди шерстяное покрывало, — вдруг в лесу ночевать будете.

— Не открывай дверь, собака выбежит.

Раскачивая салон, в машине грохотала на прохожих овчарка, а при открытии двери норовил убежать оглоушенный его басом кот...

Сын отнял у матери сумки и, строгий, уже уставший что-либо доказывать, сложил на бетонную балку у въезда во двор.

— Ну как это?! — недоумевала мать, и будто из воздуха, по волшебству, в руках у неё оказалась авоська с яблоками.

— Знаешь что, мама!.. Голову морочишь. Я забуду что-нибудь важное!

Он опять собрал вещи, сложил у неё на груди, взял за плечи, развернул и жёстко отвёл её к подъезду. По-сыновьи требовательно сказал — иди! Когда держал за плечи и вёл, она как-то испугалась, три шага скоро просеменила... а он, не попрощавшись, быстро, как убегают от канючащих детей, подбежал к машине, сел и уехал...

Он забыл попрощаться. Как и с отцом. Обнять, зафиксировать живую до следующей встречи. Его будто усыпили — и этому помешала мать, сама в те минуты будто заколдованная...

А потом, 23 августа, на рассвете его разбудил сотрясающий вселенную мобильный...

С тех пор прошло уже пять лет.

Пять лет сын жил круглым сиротой.

В смерти родителей винил только себя. По ночам, глядя в темноту, слёз набухших не вытирал. И шептал себе в наказание — с каждой строкой все остервенелее, все злее:

И каждый раз навек прощайтесь!

И каждый раз навек прощайтесь!

И каждый раз навек прощайтесь!

Когда уходите на миг!

ЖДАНОВА-ЭСПЕРАНТО-НАЗАРБАЕВА

Люди не понимают, что Жданов — это не человек.

Жданово — это ветер в лицо и леденеют ресницы, когда летишь со ждановской горы на таратайке.

Жданово — это от слова ждать. Автобус.

Раз пять за день приходит он под номером 10. Львовский, очень тёплый, с горячим двигателем и пропеллером сзади, большим, как у самолёта. И звук у него поющий, уютный.

Это лучше, чем кино с карманом семечек в «Мире», да ещё контролёра вытрях-нет твои семечки в урну, в перевёрнутый буржуйский котелок, что стоит под дверью. Лучше дожидаться в морозный солнечный день автобус, провалиться в сиденье и ехать от Калинина вниз. Дождёшь в морозное стекло, протрёшь пальцем дырочку и смотришь в овраг — на деревянные избушки, с голубятнями, латаными крышами.

Иногда из-за малости картинки не узнаешь места.

Вот снежное поле Кабана. Здесь спит подо льдом мой уж. Зовут его Конунг. Ужа мне принёс летом Вовка, большого, блестящего, как синяя окалина в масле, с золотой короной на голове. Мать Вовку вместе с ужом из дома выгнала — уж прополз под половиком и насмерть её напугал.

Я сделал ему клетку, поставил в саду. А тут кот как бросится! Змея в ужасе прижалась к полу, кот суёт когти в сетку, обнимает клетку, даже дёргается от нетерпения. Такого я не ожидал...

Что делать? Когда-нибудь это плохо кончится. И чем кормить ужа? И тогда мы всей улицей понесли Конунга в зоопарк.

А там не берут! Мы упрашивали служащих, они ходили к директору. Но тот строго отвечал — нет!

Бедный уж! И зачем тебя привезли в город? Жил бы и жил в своём лесу в Каменке. В горести, в отчаянье мы побрели к озеру. Выпустим в заросли. Может, здесь...

Не успел я открыть дверку — уж кольцом выстрелил в воду! Оказывается, он умел плавать! Даже ещё как! Вскинул золотую корону и, извиваясь, пошел-пошел мимо белых лебедей к середине озера...

По малости лет мы не знали, что это его родная стихия.

Спи, мой дружок. До весны!

А вот и плетневские бани. По тротуару плюются горячие патрубки. Пар поднимается на морозе, покрывая инеем стены и деревья.

В эти бани водили нас мамы. В воскресенье очередь на два этажа. В туманных мочальных — в тесноте и криках, в пещерном грохоте шаек женщины втирают в головы кислое молоко, яйца. Стойко пахнет липовым мочалом, ошпаренном в кипятке. Уставшие малыши капризничают, и домой их везут по морозу спящими.

На повороте на улицу Сайдашева — химкомбинат. Здесь варят мыло. Я раньше никогда не мыл лицо с мылом, а как узнал, что его делают из собак, то совсем перестал умываться с мылом.

Вдоль Сайдашева — медико-инструментальный завод. На свалке можно найти шприцы, ими весело брызгаться в школе.

А вот и 13-я деревянная школа в два этажа. Небольшая, уютная, будто сельская, и за нею загадочный школьный парк. В этом сумеречном парке, с палыми листьями кленов на тропе, хорошо гулять. И, глядя в бледное, мокрое от дождя лицо, объясняться в любви. Так думал я, с малых лет начитавшийся Пушкина, — так думал, потому что видел здесь однажды красивую белолицую девушку. В синей форме и чёрном фартуке, с портфелем в руке, она выходила из ворот школы, и вдруг взглянула сквозь стекла автобуса на меня, задержала взгляд. Внутри у меня тогда все перевернулось, я даже испугался. Она была старше меня года на три, зрелая, на развитых икрах ног — затянута ремешки сандалий, как у древней гречанки. И я влюбился. Я начал здесь ездить часто, весной и летом, въезжал на Сайдашева, как в сказочную страну. Однако искал девушку напрасно: в этой школе учили лишь до восьмого класса

Здесь же, около школы, железнодорожный переезд на другую сторону Слободы, где Мехкомбинат.

Автобус встаёт перед опущенным шлагбаумом — машинисты устроили манёвры. Свистят и машут флажками — формируют составы. Иногда по часу.

После Мехкомбината, с длинным деревянным забором, крашенным в зелёный цвет, ехать вдоль Волги до Победилово.

Часто здесь, вдоль зелёного забора, мужчины-мусульмане, быстро, будто их подгоняют плётками, несут на плечах носилки с покойными — в сторону двора «Точмаша», к главному входу на зират. На плечах у них, на носилках — скудно завернутый в байковое одеяло мужчина, стянут лентой, будто сигара золотистой нитью. Или под дугообразным цветистым шатром женщина. Мужчины по битому асфальту торопятся, подворачивают на ямах ступни в полуботинках, ветер продувает продолговатый шатёр насквозь. И оттого трепещет и вьётся на ходу — на забранной в гофру материи, на самом конце покрывала, большая огненно-синяя ромашка. Будто это машет ушедшая замершим на секунду проходим: вот так! видите? жизнь пройдёт быстро, как этот бег.

Здесь же 1 Мая под алым шёлком знамён проходят трудящиеся. Женщины молчаливо хвастают обновками. На мужчинах — чёрные кепи и жёсткие чёрные плащи, с чёрно-белыми кубиками на подбое.

У сушопилок каменный дом, в доме — комод, в комоду уложены старческими руками бабушки мои кубики и солдатки. Но там я не выйду. Я не могу. Завтра же родители узнают, что я мотаюсь в автобусе.

На берегу Волги заснеженные пустыри, сторожевые избышки и даль, ледяная, безлюдная.

В Победилово — Круговая и кафе.

Денег хватит лишь на какао, кусок хлеба и полоску копчёного окорока. Съешь хлеб, выпьешь какао, а сочное, неизбывное сало всё жуёшь и жуёшь — есть ли на свете вкуснее жвачка?

Вечером на остановке «Промбаза» бегут к автобусу рыбаки. В валенках, тулупах, в распахнутых брезентовках с капюшонами, в сумерках похожие на больших летучих мышей. Тащат за верёвку ящики на полозьях, внутри прыгают мёрзлые ерши.

Рыбаков, занявших все сиденья, ругают усталые после смены женщины — меховщицы и труженицы «Точмаша». Рыбаки сидят как глухие, прикрывают «бестыжие хари» рукавицами, держат перед собой черенки бура или пешни.

Скоро моему путешествию конец. Автобус уверенно идёт на Ждановскую гору. Мягко воев двигатель. Тепло. Водитель давно в одной рубашке.

За окном, в сумерках, дымят растопленные печи...

Уроки учить не надо, я всё помню на слух. На диване меня ждёт котёнок. Есть первые стихи в тетрадке...

Я калуженский неуч. И потому название Эсперанто для меня, как для деда Щукаря — Кибернетика. Да и в ту пору слово Эсперанто вслух не произносили, как и слово Космополит. Оно ещё шарахалось по углам лабораторий, как квёлый диссидент, пробирающийся в ночи на читку запрещённого, а Хрущёв в валенках и сером полупальто стерёг его со свистком в кармане, хватя и — «сюда! политического пумали!»

Да и простит меня, в свою очередь, господин Назарбаев — я его на этой горе ни разу с таратайкой не видел.

Для меня есть одна улица. Жданова. Которая — ветер в лицо, дрожащая под ногами таратайка и холодный весёлый ужас в паху.

Не поймут же люди, что Жданов — это не человек!

КАЗАНСКИЕ ОБЕДЫ

казус 1

Когда я приезжаю в Казань, сразу с поезда направляюсь к Волге. Ход с вокзала на дамбу ещё открытый. Вещей у меня — всего рюкзачок, и я похож на старого студента.

Спускаюсь с пешеходного моста на мусорную поляну, шагаю по тропинке сквозь заросли. И, поднявшись на дамбу, иду на пляж Локомотива.

Купаюсь. Цветущая вода залива тёплая. Ногой цепляю меж пальцев щекочущие нити водорослей. Выхожу на берег, ничком валюсь на горячий песок — между чёрных угольков от кострищ. Кладу ладонь под щеку.

Рядом шелестит ивняковый кустарник. Стучат по кожаному мячу загорелые волейболисты: мальчишки, пенсионеры и студентка.

Подростки — одни очень тощие, другие чрезмерно пухлые. Пенсионеры все сухощавы, нещадно обветрены, с полосками белесой соли на боках, как у сушёной воблы. Они азартно следят за полётом мяча, и выгоревшие добела их плавки сзади отвисают к земле, как у деток.

И с ними эта великолепная студентка! В синем купальнике, с медным кольцом-пристёжкой на бедре. Кольцо от резких взмахов руки сдвинулось с незагорелой кожи в сторону. И кружечек этот, девственно белый, светится в моём мозгу, как призывное тавро. Как оттистик кольца с пылающих ноздрей быка — поцелуя впившегося в чресла девушки страстного Юпитера. Мальчишки и пенсионеры в неё одинаково бессовестно влюблены. Они жестоко соперничают между собой из-за её улыбки или дружественного взгляда.

Иные выходят из игры и, насвистывая, будто ничего не случилось, стыдливо ложатся животом на песок.

Я тоже наслаждаюсь теплом родной земли!..

Щурюсь на солнце, принимаю сторону то крикливых мальчишек, у которых ещё всё впереди, то ревнивых и мстительных пенсионеров, которые злятся на сопляков за то, что те не понимают, что у них, пенсионеров, всё позади, и потому в кругу этом должны быть хоть какие-то льготы.

Спортивная девушка эта с тёмными, распущенными по плечам волосами, подсакивает и уверено, с улыбкой, бьёт по мячу. Кажется, она любит всех партнёров одновременно, — и встань я в круг вместе с ними, наверняка, полюбит и меня. Здесь нет музыки, дорогих вин и шикарных автомобилей. Они далеко за дамбой. Здесь вольная площадка, отломившаяся от той навеки ушедшей страны, — проекция на песке старой стрекочущей киноленты. Здесь только плавки и купальники. И эти лица. Все равны, и потому здорово, что каждый может встать в круг и подавать мяч в сторону девушки. А после игры пойти её провожать. Вот она в лёгком халатике идёт по кирпичному парапету над дамбой, над камышовым затоном, балансирует то в правую, то в левую сторону; держит за ремешки свои сандалии. Смеётся... Я представляю мучительный роман. С почтовым ящиком, дорожке банковской ячейки, и аудио-почерком на традиционном листе. С раскрытыми настёжками окнами и нервно вздымающимися тюлями. С опадающими пионами в вазе на столе. Закрываю глаза и долго-долго, под стук мяча, живу в том романе...

На другой день еду в Речной порт. Долго брожу по набережной. Наконец беру билет на «Метеор». Он торжественно отходит от причала, пускает лёгкие буруны, разворачивается. Стелет едкий дизельный дым вдоль борта. Выйдя из акватории, прибавляет скорость и, как дракон, встав на дыбы, летит по фарватеру вниз по Волге.

В тот день на «Метеор» я опаздывал: изрядно помотался по делам, проголодался, и перед поездкой нужно было успеть подкрепиться.

В порту есть ресторан «Чайка». Летом там выносят столы на улицу — под зонтики.

Я сошёл с автобуса, официанта у зонта ждать не стал, сразу поднялся на второй этаж. Высокий парень, с бантиком у горла, выслушал меня, свесив с руки салфетку.

— У меня полчаса, — сказал я. — «Метеор» будет в два. Пять минут купить билет. Сможете быстро подать обед?

— Нет проблем! — ответил официант.

— Отлично!

Я люблю молодых людей, от них веет свежестью и верностью слову. Они всей душой участвуют в твоём деле.

Парень предупредил заведующего — тот подключился, прикрикнул в парные глубины кухни, и повара, как в фильме про три толстяка, забегали.

Мне неудобно, что я напряг весь ресторан. Стоит поднять глаза, стоящий у кухни официант, весь в белом, словно капитан счастливого флота, приветливо вскидывает руку — все чики-чики, сэр! Успеем!

Мне приносят горячий борщ, лагман, чашку с кипятком, сахар и пакетик с чаем.

Насыщаюсь. Запиваю еду чаем, вытираю усы салфеткой. Гляжу на часы в телефоне — остаётся минут десять. Касса и проход к «Метеорам» рядом. Отлично! Осталось расплатиться.

У меня рубашка с большими карманами на груди. И ещё один потайной карман на замочке. Расстёгиваю молнию. Шарю в кармане пальцами: паспорт, ключи... пачка квитанций... Где же?.. По затылку снуют мурашки. Будто насекомые, бегут за шиворот, ползут по спине... Пятитысячной купюры нет! Только мелочь на автобус. Лезу в карманы брюк. Нет!

О, Босх! Казался ли когда в моей жизни мир столь уродливым и ужасным?! Бывал ли когда-нибудь я так крепко привязан к столбу позора перед тем, как этот позор озвучат?! Нет, я этого не вынесу! Бежать? Лестница далеко, официант может подставить ногу, и я снесу головой чужие обеды: сварочные брызги горячего куриного бульона, переполох над тарелкой жареных крылышек... Гляжу на окна. Большие, открытые настежь. Шевелят на бризе тюлями, открывают с моей стороны широкую щель.

Прыгать со второго этажа? Нет, я не Лжедмитрий! У того на кону стояло царство, а я должен ломать ногу за четыреста рублей?!

Надо представить выражение моего лица и лица официанта, когда он понял, что денег у меня нет...

Я их потерял или просто забыл взять. Деньги обычно лежат у тёщи на пианино. Вероятно, хотел взять, это зафиксировалось в голове, а в карман положить забыл.

Я предложил официанту мой паспорт и поехал через весь город на Гагарина. Так и есть — пятитысячная купюра лежала на ружьем пианино...

С официантом я расплатился через час. Но прогулка моя пропала — «Метеор» ходит только в 8 утра и в 14:00.

Из ресторана я вышел к дамбе — на волжский ветер. Пахло рыбой и водорослями. По серой поверхности акватории приветливо бежали в мою сторону белые гребешки. За ними тянулся долгий мыс «Локомотива», песчаный берег с кустарником. Хотелось сесть на том берегу и, глядя в нереализованную даль, плакать...

На «Метеоре» я прокатился на другой день, пообедав в том же ресторане. Вот только смена официантов, как и вода в реке, в тот день была другая. А та, вчерашняя вода, та лёгкая и бегучая, к которой я с восторгом стремился, навсегда ушла. Она

там — вдалеке, уже в одном потоке со струями, омывающими дощатые борта галеры «Тверь» царицы Екатерины Второй или стругов Степана Разина, — как ни бейся, в минувшем.

казус второй

И вот я опять в Казани. Иду, хмелея от счастья, по родной Кремлёвской. И вдруг, дойдя до Университета, ощущаю страшный голод.

Это в желудке загорелась лампочка Павлова.

Это я, студент-армеец, руки лома просят, спускаюсь после долгих пар на первый этаж — в переполненный буфетик химфака, величиной со встроенный шкаф. Вижу в витрине через головы прилипших к стеклу щебетуний два пережаренных кусочка минтая, в холодном жиру маргарина. «Какая гадость ваша заливная!» — отворачиваюсь не от того, что рыба так уж плоха, а оттого, что эти две ржавых осиновых коры с масле, эти птичьи пайки, мне всё равно не достанутся.

Я потому и бросил университет, что ходил там постоянно голодный. Пусть знают! И поймут, что в очереди сержанту среди вчерашних тонконогих школьниц толкаться не комильфо! Что вчерашнему воину ещё долго кажется, что он в мощных кирзовых сапогах, а пальчики на ногах девочек до того хрупки!.. И что солдат ребёнка не обидит, пусть знают! Пусть девочка рыбку эту съест!

А между тем июль, жара. В желудке сосёт. Спускаюсь вправо по Университетской. Вижу кафе. Вывеска на латинице. Захожу.

Тихо и сумеречно, как в гроте. Прохладно.

В глубине — в ступе, с прозрачным верхом, сидит Василиса Прекрасная.

Поднимается и выходит ко мне. В чёрном бархате до щиколоток, волосы цвета пеньки распущены по плечам. Лицо белое, изумительно свежее и красивое. Платье на ней просторное. Однако, платье не может скрыть прелестей её фигуры, когда она двигается: длинных бёдер и пустотных складок у осиной талии.

Я в джинсах и простой рубашке. Но девушка глядит на меня с уважением, почти с восторгом, как на преуспевающего банкира. Что-то рассказывает, голос между тем элегантно приглушён, будто мы в кирхе или музее.

От такого внимания кружится голова. Будто меня поймали на красной дорожке, перепутав с Жераром Депардьё, и вот ведут интервьюировать, награждать, осыпать аплодисментами.

В зале, куда девушка меня провела и усадила, словно больного, я опомнился.

Спрашиваю меню.

— Ах, меню!.. — спохватывается она, чуть краснея. Уходит и приносит из своей будки цветную брошюру. Отправляется восвояси. Мелькают под складками длинного подола башмаки на высокой подошве. Мягкие. Узорчатые. Будто и вправду прислужница в княжеском тереме.

Наверное, я должен сидеть и ждать официанта. Я сто лет не был в шикарном кафе. Тем более в центре крутого города. Опять оглядываюсь. Зал совершенно пуст. На огромных окнах огромные тюли. Сочится с улицы белесый дневной свет.

Проходит минут пять. А девушка не подходит. Наверное, сидит за углом в своей ступе. Мне одиноко. Я уже тоскую по ней. По глазам, по голосу, по ауре доброты, исходящей от неё.

Судя по такту, она из порядочной семьи. Возможно, студентка этого университета, подрабатывает здесь метрдротелем. Такая вот красавица, богатым кощеем задёшево выставлена к входным дверям — привлекать с улицы влюбчивых дядечек.

Этот кощей, наверное, её пользует. Но она не может противиться — жить и учиться на что-то надо. Я бы этого кощея из автомата по частям покидал на лампочку!

Опять осматриваюсь. Зал исполнен в американском стиле: ничего лишнего, преобладание чёрного и хрустального. Повара готовят прямо здесь. У стены. За стойкой.

Читаю меню — цены запредельные.

За стойкой кавказец, в белом поварском колпаке. Мускулистый, иссиня-выбритый. С клочком торчащей шерсти на кадыке. Ножом скребёт у груди серебряный поднос, похожий на чеканный щит.

Подхожу к нему, объясняю, что есть хочу.

Он внимательно на меня смотрит.

В меню, мол, всё по-французски. А мне бы что попроще и посытней. Лапшу. Картошку с мясом. Похожее блюдо я нашёл в меню. Страничку эту оставил открытой на столе.

Повар, кажется, не понимает. Вслушивается, морщится — и постепенно всё лицо его приобретает кислое выражение, будто он сосёт дольку лимона.

— Ну, баранину, — говорю и показываю рукой на стол, на меню. — Как на иллюстрации.

Он глядит выпуклыми глазами, а потом осторожно и неуверенно спрашивает:

— Вам кастрасий?..

У горца, конечно, акцент сильный и падеж неправильно он поставил. Но если с его русского на русский перевести, то получится «Вам кастрацию?»

Мол, любой каприз за ваши деньги.

На миг я представил то, что есть у меня, — в окровавленном виде на чеканном подносе.

В другое время я бы захохотал. Но мне не до смеха. Мне очень грустно. Я думаю о ней, о Василисе.

И тихо отправляюсь в сторону выхода.

В холле мимоходом гляжу за бликующее выпуклое стекло. Ещё более замедляю шаг. Василиса сидит в своей прозрачной скорлупе. Низко склонила голову, читает книгу. Прекрасная!.. Я таких никогда в жизни не встречал! Такая белая, такая красивая и такая юная! У меня кружится голова, в глазах помутнение. Я хочу здесь остаться.

Но как?!

И что сказать?

Летят мгновенья. Девушка уже за спиной!..

Но ведь она годится мне в младшие дочери! И если что дарить ей, то аленький цветочек. Между нами стена! Непреодолимая и немислимая. Здесь бессильны стенобитные машины, и даже новая Троянская война!

Прихожу в себя на брусчатке Университетской. Кажется, голыш под моими кожаными подошвами скользит вбок — под горку. Сотворяя ощущение невесомости.

Из каменных ворот Alma Mater веет запахом цветущих лип.

Забудь! — нежно треплет седину учёный ветер.

НИКОЛАЙ ЕГОРОВ

СТАНЦИЯ БЕЛОКАМЕННАЯ

В школьные годы любимым занятием маленького Коли было изучение географических карт. Родители завесили ими все свободные места на стенах однокомнатной квартиры, и мальчик мог часами внимательно изучать диковинные земли и страны или бесконечные просторы родины.

В прихожей была прочно прикреплена огромная — от пола до потолка — политическая карта земного шара. Напротив — чуть поменьше — карта СССР. Европейская часть страны помещалась в комнате. Там же болталась с полуоторванным углом карта Подмосковья. А над Колиной кроватью обрела место подробная схема Москвы.

Этот план города мальчик любил более всего, и вскоре он знал улицы и районы столицы, как свои пять пальцев, хотя родители предпочитали никуда не отпускать его одного. Особое внимание привлекали непонятные сооружения, наподобие окружной железной дороги. Никто не мог объяснить, для чего она вообще существует. По ней не ходили пассажирские поезда, и лишь изредка громыхали товарные составы, запряжённые чадящими локомотивами. Заброшенные станции манили странными названиями вроде запрятанной в глуши Лосинового острова платформы Белокаменной. Рядом не было ни жилья, ни серых пятен промышленных предприятий и складов. Зачем она возникла в чаще леса, задавал себе вопрос любопытный подросток, но не находил ответа. И каждый раз все сильнее росло желание добраться до этого таинственного места.

Естественно, этому желанию, как многому другому в жизни, не суждено было осуществиться. Николай вырос, женился, вырастил двух дочек, похоронил сначала бабушку, потом родителей, а потом и жену, и начисто забыл о станции с таинственным названием. И лишь иногда ему снилась комната его детства с красно-оранжевыми обоями, вся заставленная мебелью, отгороженный гардеробом закуток, слева от двери, где стояли его кровать и оттоманка бабушки, старая настольная лампа с оранжевым матерчатым абажуром и план Москвы на стене.

Ночью эта картина в очередной раз встала перед глазами как живая. И первой мыслью Николая, проснувшись, было, что он опять маленький ребёнок, что бабушка и родители живы и просто чем-то заняты на кухне, и что вся прошедшая взрослая жизнь не что иное, как дурной сон.

— Бывает же такое, — подумал он и осторожно ощупал ногой холодный пол. Топить ещё не начали, хотя ночи в конце сентября были откровенно нежаркими. Солнце только вставало, и на оконных стёклах снаружи серебрились и атели капли росы. Невольно вспомнился Пастернак: *Мне снилась осень в полусвете стёкол...*

Николай сел за работу. Потом, когда немного устал, пошёл завтракать. Красный чайник пронзительно засвистел, как скорый поезд перед дальней дорогой. Однако спешить было некуда. Николай приготовил любимое блюдо одиноких мужчин — яичницу-глазунью с жареной колбасой. Он не спеша поливал её кетчупом, запивал растворимым кофе с молоком, а Козин своим бесподобным лирическим тенором напевал: *Осень, прозрачное утро, небо как будто в тумане...*

Как память о родителях Николай оставил трехпрограммный радиоприёмник. Телевизор на кухню, несмотря на давление детей, он упорно не хотел покупать. Слишком раздражало это устройство, да и засмотревшись во время готовки, к примеру, новостями вполне можно было случайно рубануть себе ножом по пальцу.

О наступающем дне напоминал список дел, прикрепленный магнитом к холодильнику. Впрочем, Николай знал его наизусть и не хотел даже думать о грядущих заботах. Впереди была суббота, и не хотелось никуда торопиться.

Резкий телефонный звонок разорвал благостную тишину. Так в детективных фильмах герои неожиданно узнают о совершенном преступлении. Но это был всего лишь приятель Игорь, фотограф-любитель, напомнивший о сегодняшней фотосессии, на которую Николай обещал приехать сам и захватить свою приятельницу.

Николай досадливо поморщился. Он естественно забыл позвонить вчера Ире, и вообще ему менее всего хотелось выходить из дома. Но обещание надо было выполнять.

Ира ещё спала и согласилась ехать куда угодно только за бутылку коньяка. Николай назвал свою подругу вымогательницей, но принял её условия.

Собственно, эта поездка была нужна только Игорю. Он неожиданно захотел участвовать в фотоконкурсе «Осень любви». Для съёмок требовалась пара старше пятидесяти лет, и само собой он остановился на Ирине и Николае. Впрочем, юбилей Иры должен был ещё наступить в конце года, зато Николай уже несколько лет как перешагнул полувековой рубеж.

Встречу назначили на Автозаводской. Так было удобнее Игорю и Ирине. А Николай, приехав заранее, ожидая спутников, несколько раз выругал себя за привычку подстраиваться под всех и со всеми соглашаться.

Ира, как всегда ухоженная и элегантная, появилась первой. Белые полусапожки, светло-голубые джинсы и в цвет им короткое демисезонное пальто, шёлковый палантин, повязанный как шарф, делали её похожей на совсем молоденькую девушку. Женщина не пользовалась косметикой и, как ни странно, это придавало ей особое обаяние. Дочери Николая никогда не давали ей больше сорока и всерьёз опасались, что у них может ещё появиться братик или сестричка, конкурент на наследство. Последнее время они всё чаще обсуждали, кому достанется квартира отца, и не пора ли ему бросить работу и сидеть с внуками. Эти разговоры ужасно раздражали его, и из вредности он истинный возраст своей подруги детям никогда не сообщал.

Боже, какая же она красивая, невольно подумал Николай.

Ира чмокнула приятеля в щеку, немного потёрлась лицом о его грудь, а потом достала из сумки симпатичный шарфик и повязала его Николаю на шею.

— Совсем другой вид, с ним ты такой фотогеничный, — удовлетворённо отметила она и направилась в крохотный подвальный магазинчик.

— Я в счёт твоего долга купила, — сказала Ира, запихивая в объёмистую сумку бутылку коньяка. На почве постоянного безденежья она недавно одолжила у Николая несколько тысяч, и теперь он в очередной раз осознал, что денег ему не видать.

— Как ты только его нашла, — Николай имел в виду магазин. — Я и внимания не обратил.

— Элементарно, Ватсон, — это любимое выражение Иры, в зависимости от настроения то веселило Николая, то ужасно раздражало.

Игорь без лишних слов повёл всю компанию на станцию недавно открывшейся кольцевой железной дороги. У Николая возникло ощущение, что все пассажиры поезда — туристы: они толпой стояли в проходе и непрерывно что-то обсуждали и фотографировали, хотя снимать было особенно нечего — все виды закрывал высокий забор, тянувшийся вдоль путей.

Ира села у окна. Она радостно улыбалась солнечному дню и время от времени отхлёбывала коньяк из бутылочки, запивая его апельсиновым соком.

На платформе, где они вышли, не было ни души. Николай с удивлением прочитал на вывеске: станция Белокаменная. Совершенно неожиданно детская мечта сбылась, но это не вызвало никаких эмоций, даже любопытства.

— Не будем терять драгоценного времени, — Игорь посадил парочку на скамейку лицом к солнцу и начал фотографировать. Ира хорошо понимала, что от неё требуется. Она то нежно прижималась лицом к щеке Николая, то роняла голову ему на грудь, то просто ложилась ему на колени и делала вид, что засыпает в любовной истоме. Лицо её, чуть порозовевшее от выпитого, выражала такую гамму чувств, что оставалось только удивляться.

Возле станции рядом с полуразрушенными домиками, разрисованными цветами граффити, тоже никого не было. Игорь усадил парочку на скамейку и снова продолжил снимать, стараясь захватить в нужном ракурсе то фрагмент стены, то отдалённый, ещё зелёный, но уже украшенный жёлтыми и оранжевыми мазками лес.

Николай понял, почему Ира так тепло оделась. День был солнечным, но осенний холодок понемногу пробирался и под его модную куртку-бомбер, купленную по настоянию дочерей. Николай перехватил бутылку коньяка и для согрева тоже отхлебнул пару раз. Ира легонько шлёпнула его по руке и капризно сказала:

— Не пей много. Мне не хватит.

Сентябрьский лес и свежий воздух манили прогуляться. Но это не удалось. Ирина не рассчитала сил, и её окончательно развезло. Николай с приятелем с трудом тащили её, закинув руки на плечи, а она весело пела:

*По долинам и по взгорьям
Шли дивизии вперёд...*

Николай с Игорем хотели оставить Иру у подъезда, но увидев, что она собирается прилечь прямо на асфальте, снова подхватили её под руки и втащили в квартиру, благо, что всего на второй этаж.

Игорь тотчас же убежал готовить фотографии для выставки. Николай подхватил подругу, снял с неё пальто и с трудом уложил на кровать.

Дома Ира быстро пришла в себя. Она с наслаждением скинула бежевый джемпер, стянула джинсы и осталась в розовой маечке и таких же трусиках. Подобное белье когда-то носили совсем юные девушки, мнившие себя опытными обольстительницами.

Женщина сняла носки и внимательно осмотрела ухоженные ступни:

— У меня ноги стали отекают. Видимо что-то с сердцем.

— Пей меньше, тогда и сердце не будет беспокоить, — с раздражением подумал Николай.

Он присел на кровать и легонько погладил ноги Иры. «Мур-мур-мур» послышалось в ответ. Женщина, казалось, задремала, но когда Николай обнял её за плечи

и попытался поцеловать, она не сильно, но больно ударила его со словами: «Отстань, уходи, я спать хочу!» Другого Николай не ожидал.

Он громко хлопнул входной дверью, а красивый шарфик оставил на столике в прихожей.

Николай был давно знаком с Ирой. Настолько давно, что иной раз казалось, что они женаты много лет и даже успели немного надоесть друг другу. Друзья и родные считали их любовниками, однако никаких близких отношений между ними не было. Ира начисто отменяла все поползновения друга, объясняя, что у неё климакс и все мужчины ей стали безразличны. Но это было сущей неправдой. Просто Ира любила молоденьких, последний её любовник, о котором знал Николай, был ровесником её сыну. А Николай, как ни мечтал, не мог стать юношей.

Однажды, когда её приятель был особенно настойчив, она в сердцах раздражённо обронила:

— Не могу я любить стариков!

Хотя сама была всего на несколько лет моложе Николая.

* * *

К вечеру погода испортилась. Налетели серые облака, пошёл дождь. День был погублен безвозвратно.

Выходя из метро, Николай вспомнил, что дома нет ужина. Готовить не хотелось, и он решил зайти в Макдональдс.

У входа две барышни, совсем молоденькие и прилично одетые, попросили денег. Николай предложил купить им еды — он всегда боялся в подобных случаях, что деньги уйдут не по делу. Барышни с радостью согласились, набрали полные поддоны и с набитыми ртами выложили свою историю.

Они приехали «на собаках», то есть без билетов на пригородных поездах, из Саратова. Думали сделать сюрприз друзьям, а те, никого не предупредив, уехали отдыхать («В Крым на бархатный сезон», почему-то подумал Николай). Возвращаться сразу же домой не было желания. И девушки жили на птичьем положении уже несколько дней, ночуя то на вокзале, то у случайных знакомых, питаясь, чем Бог послал, в надежде, что друзья скоро вернутся или дадут о себе знать.

Барышни и своего нового знакомого спросили, нельзя ли у него переночевать. Николай чуть было не кивнул в знак согласия, но потом ему представился беспорядок, мокрое бельё в ванной, и он отказался.

Однако на прощание всё-таки подарил девочкам немного денег — так ему стало их жалко. На лестничной площадке возле квартиры встретилась соседка. Она сделала вид, как будто случайно вышла, но по всему было видно, что давно поджидала Николая.

Женщина попросила поменять лампочку и пригласила поужинать вместе. В комнате, где в люстре темнел один плафон, на столе уже стояло два прибора, вокруг запотевшей бутылки водки теснились салатники, а от блюда, прикрытого керамическим клошем, доносился такой аромат, что оставалось только судорожно облизываться. Лампочку Николай сменил, но от ужина отказался, сославшись на срочную работу. Он всегда ссылался на занятость, когда соседка приглашала его к себе.

На самом деле соседка, ровесница Николая, откровенно ему не нравилась. Слишком резкие черты лица, глубокие морщины, такие же резкие движения, мимика, речь отпугивали его. Все менее и менее заметными становились женские черты, а мужские наоборот начинали доминировать, и всё сильнее старость вступала в свои права.

Соседка это, кажется, понимала, но тем не менее не оставляла своих попыток. Был в этом уже какой-то спортивный интерес. Так опытный рыбак приходит на одно и то же место, чтобы в тихой заводи поймать огромную рыбу, прикармливает её, но вытаскивать не спешит. Он хорошо знает, что из-за одного неверного движения все труды могут пойти насмарку.

Николаю нравилось сравнение с рыбной ловлей, но иногда представлялось, что соседка в подмогу возьмёт острогу или багор, а то просто ударит плашмя веслом, и ему немного становилось не по себе.

Николай включил компьютер и углубился в текст. Минуту-другую смотрел на мерцающий экран, пытаясь вспомнить, на чём он остановился. Пошуршал пачкой ксерокопий и выписок из книг — Ира, работавшая в большой научной библиотеке, охотно снабжала Николая нужными материалами и вообще всячески пыталась облегчить его труд. Не признавая его как мужчину, она при этом считала своего приятеля непризнанным гением, и тот особо не сопротивлялся, когда среди новых знакомых Ира представляла его как выдающегося учёного.

Как многие мужчины, не служившие в армии, Николай с юности увлёкся военной историей и сделал её предметом своих научных изысканий. Статьи в журналах, сборниках, ежегодниках составили ему некоторое имя среди специалистов.

В последнее время, после долгих сомнений и раздумий, он замахнулся на книгу с претенциозным названием «Забытые войны России». Идею положительно оценили коллеги, удалось даже найти издательство. Но следовало торопиться, и Николай старался каждый день вымучить хоть листок-другой. Сейчас он как раз дошёл до войн второй коалиции против Наполеона и писал о русском десанте в Голландию в августе 1799 года.

Под его пером русские войска атаковали голландский город Берзен, но не подержанные союзниками-англичанами после ожесточённой контратаки отступили, понеся большие потери. Осенние дожди подняли уровень воды в каналах, превратили низменности в труднопроходимые топи, заливали войска без палаток и шалашей... А на бумаге всё получалось красиво, даже живописно. Для Николая война была чем-то вроде игры в солдатики, с картинными пейзажами, аккуратными фигурками, без крови и страданий. Как и большинство мужчин, он до старости оставался в какой-то мере ребёнком, не способным расстаться с любимой забавой.

Делая чисто механически выписки из капитального труда фельдмаршала Милютина об этой кампании, Николай вдруг осознал, как ему грустно и одиноко. За всю жизнь он привык к тому, что вокруг всегда были люди. Родители, бабушка, потом жена, дети. В квартире не умолкали весёлые голоса и смех. Теперь ничего этого не осталось. Тишину нарушали только какие-то звуки с улицы, щёлканье клавиатуры и жужжание вентилятора компьютера.

— Кому эта книга нужна, — грустно подумал он. — Десятку-другому таких же идиотов, как я, для которых война игрушка.

Теперь он пожалел, что не пригласил встреченных девушек к себе домой. Но печатать не перестал. Собственно, и к Ире он тоже тяготел в первую очередь от одиночества. Неприязнь, нахлынувшая на него днём, давно улетучилась, хотя обида осталась. На самом деле, он более всего боялся, что однажды Ира уступит его приставаниям, а он окажется ни на что не способным. Жена умерла двенадцать лет назад, и все эти годы никакой личной жизни не было.

Устав от работы, Николай пошёл на кухню приготовить кофе. Зазвонил телефон. Ира, весёлая и ласковая, как ни в чем не бывало, сообщила, что она хорошо выпалась, что ей скучно и она хочет поговорить.

Такие ночные разговоры у них были нередкими. Ира страдала бессонницей и могла позвонить в самую глухую ночь, чтобы поболтать о литературе, о кино, просто о событиях в жизни. Но сегодня Николай изо всех сил хотел показать, как его обидели, и не был расположен к разговорам.

- Ты шарфик забыл у меня, — ласково сказала Ира.
- Я помню, — сухо ответил Николай и повесил трубку.

* * *

Через пару дней Николай повёз заявку на издание своей книги в один из гуманитарных фондов, хотя особо не верил в успех своего предприятия.

Обратно он решил вернуться по кольцевой железной дороге, хотя на метро было много ближе и быстрее. На безлюдной станции Белокаменная, сам не зная зачем, он вышел и долго сидел на скамейке, вспоминая счастливые мгновения субботнего дня. Погода окончательно испортилась. Сильный ветер грохотал какими-то вывесками и швырял в лицо пригоршни дождя. Николай понял, что окончательно прошло и лето, и молодость, да и жизнь скоро подойдёт к концу. Он сидел, наверное, очень долго, потому что молоденькая дежурная по станции подошла и спросила:

- Дедушка, Вам не плохо?

Когда Николай вышел из метро, ливень, как водится, припустил с особой силой. У Макдональдса он опять встретил знакомых барышень. Те нахохлились как воробушки, спрятавшись под одним зонтиком, и видимо снова высматривали, у кого можно стрельнуть денег на ужин.

Узнав, что девочки так и не нашли жилья, Николай широким жестом пригласил их к себе. Их реакция просто потрясла. Он давно не видел таких счастливых людей. Прижимая к себе бумажные пакеты с купленной на деньги Николая в забегаловке едой и двумя бутылками сухого вина, барышни весело пританцовывали под дождём, и даже ненастная погода не могла испортить им настроение.

На лестничной площадке возле квартиры как обычно встретилась соседка. Она опять сделала вид, что случайно вышла, хотя на самом деле давно поджидала Николая.

Девочки мгновенно разгадали её нехитрую тактику.

— Это что, последняя любовь, — со смехом спросили они, переглянулись и хихикнули: — Не влезай, убьёт.

Соседка поглядела на них с ненавистью, но от неожиданности не нашлась, чем ответить.

Николай жил один. Дочери вышли замуж и переехали к мужьям. После этого они заставили отца сделать ремонт. Николай переставил мебель, кое-что выкинул, поклеил дорогие светло-бежевые обои, и квартира приобрела вполне комфортный вид. Закуток в комнате слева от двери, отгороженный гардеробом, он всё-таки оставил. Правда, старую кровать и оттоманку заменил новенький диванчик. Это было спальное место для дочерей, когда они оставались ночевать.

Через пару минут квартира наполнилась радостью и весельем. В комнате разорвался телевизор, молодёжный канал радовал какими-то новыми хитами. В диссонанс ему звучал музыкальный центр на кухне, также купленный непонятно зачем детьми и обычно пылившийся в забвении. Весело пыхтел и свистел чайник. Что-то скворчало в сковородке на плите. Кувыркалось бельё в стиральной машине. В ванной шумела вода, блаженные крики девушек хорошо слышались даже через закрытую дверь.

Одна из барышень, розовая и распаренная, завёрнутая в полотенце — ими пришлось поделиться Николаю — выскочила из ванной и весело станцевала что-то типа

кверка, выделявая рискованные па. В результате полотенце развернулось и упало. Девушка не особо взволновалась, вильнула бёдрами со словами: «Какая я всё-таки красивая» и завернулась снова. Николай её совсем не смутил. Он понял, что не вызывает у женского пола ни желания, ни угрозы, как добрый дедушка из сказки или новогодний дед-мороз. И ему опять стало грустно.

Когда веселье стало особенно бурным, кто-то начал долго и методично стучать по батарее водяного отопления. Девушки сразу же тушевались и затихли.

На ночь Николай уступил барышням кровать, а сам лёг на маленьком диванчике в закутке. Девушки долго не могли успокоиться, о чём-то говорили, смеялись, возились, потом послышались звуки поцелуев и какие-то совсем неприличные шумы. Но Николай уже не слышал ничего, он как в детстве провалился в глубокий колодец крепкого сна.

* * *

Последующие несколько дней утратили всякую упорядоченность. Пропала привычка посидеть с утра в туалете или поспать пару часов после обеда. Даже книгу теперь приходилось писать урывками.

Девочки вставали рано и убегали по своим неведомым маршрутам. Музеи, о существовании которых Николай и не подозревал, памятники, заполонившие первопрестольную как грибы, клубы, центры современного искусства — все они имели в глазах девочек наивысшую ценность и требовали самого пристального внимания.

В этих интересных местах попадались такие же интересные люди. Однажды барышни привели целую группу фолк-рока. Правда, спросив предварительно разрешение у Николая. Вежливые молодые люди откуда-то из Сибири были ещё голоднее барышень, много и нудно рассказывали про фолк-ривайвл и мерсибит, а потом в благодарность исполнили что-то своё, заунывное и громкое, так что им в унисон по трубам лупила, по крайней мере, половина подъезда. Ребята даже успели поспать прямо на полу в комнате, и у Николая не поднялась рука выгнать их на улицу глубокой ночью.

Николай долгие годы жил в переполненной квартире, полной детского смеха и стариковского ворчания, поэтому шумные гости его не раздражали. Но в какой-то мере он завидовал девочкам. Лучшие годы жизни он потратил на работу с девяти утра до шести вечера, на учёбу по вечерам в институте, а потом в аспирантуре, десять лет подряд. А эти барышни не думали ни об учёбе, ни о работе, и занимались, только тем, что им нравилось. Они обе были студентками, одна, правда, в академическом отпуске, а другая просто прогульщица, кандидат на исключение

Впрочем, весёлые деньки скоро должны были закончиться. Друзья, наконец, отыскались — они действительно поехали в Крым на бархатный сезон — и должны были вернуться со дня на день. Пару раз ночью звонила Ирина. Хотела поговорить. И всякий раз Николай вежливо, но твёрдо отвечал, что у него в гостях две молоденькие девушки и что он занят.

Тем неожиданнее оказался вечерний звонок с мобильного. Ира радостно сообщила, что едет на такси в гости и выключила трубку.

Николай немного испугался. Он хорошо понимал, что Ира не оставит без внимания пренебрежение к себе и ответит вежливо, но жёстко. Оставалось только гадать, что она сделает.

Николай вспомнил, что когда от Айседоры Дункан в Берлине сбежал Сергей Есенин, она хлыстом перебила посуду в пансионате, где от неё прятался муж,

выпорола поэта и этим же хлыстом погнала его домой. И как не абсурдна была эта картина, Николай очень живо её представил, и с каждой минутой ему становилось страшнее.

Ещё его смущало, что Ирины тапочки он отдал поносить одной из барышень. И было неизвестно, как отнесётся к этому хозяйка.

Николай встретил Иру на лестничной площадке возле лифта. Первым делом, она с улыбкой повисла на его шее в долгом поцелуе. Причина заключалась не в любви, а в соседке, которая как обычно вышла из квартиры. Николай пытался вырваться, но быстро понял безнадежность своих попыток. С соседкой Ира вежливо поздоровалась, спросила о самочувствии и тут же порекомендовала долго не стоять на сквозняке. В её возрасте, подчеркнула Ира, это может кончиться печально. Женщина от возмущения только судорожно открыла рот.

Ирина пришла без хлыста, зато с большим пакетом, который она повесила на вешалке в прихожей. Первым делом она достала шарфик Николая и вручила ему со словами: «Больше не забывай». Потом извлекла из пакета туфли-лодочки и переобулась. Взглянув на одну из барышень в своих тапочках, небрежно бросила:

— Обувка не жмёт.

Под чёрным плащом оказалось такое же чёрное мини-платье с ярким цветочным принтом. И чёрные колготки. Выглядела она просто великолепно, барышни на её фоне сразу же ступевались и напоминали провинившихся школьниц.

На кухне что-то булькало в большой кастрюле. Девушки были сторонницами здорового питания и сегодня приготовили овощное рагу, хотя при случае не брезгали и фаст-фудом.

Ирина сняла крышку кастрюли, внимательно принюхалась, потом одобрительно кивнула:

— Есть можно. Не отравитесь.

Стол на кухне она покрыла белоснежной — правда синтетической — скатертью, Николай давно забыл о её существовании. В розовом фартуке, также извлечённом из пакета, Ирина сервировала все необходимое для ужина: тарелки, вилки, ножи, стаканы для воды и два бокала для коньяка. И Николай в который раз отметил, какие у неё красивые руки. Когда барышни решили поставить ещё два бокала для спиртного, строго произнесла:

— Детям не полагается.

За столом все сидели тихо, только Ира время от времени делала резкие замечания, если кто допускал нарушения этикета, к примеру, ставил локти на стол. Пила Ира в этот раз удивительно мало и всё пыталась завести беседу о метафизике — она когда-то окончила философский факультет и даже писала диссертацию по логике Валентина Асмуса. Но разговор явно не клеился. Ира спросила девушек, читали ли они Степуна или Шпета, и получив отрицательный ответ, перевела разговор на философию классическую. Но и тут барышни знаниями не блеснули. А на вопрос о категорическом императиве наивно спросили:

— А что это такое?

— Простите, девушки, может быть, вы и Канта не читали? — с деланным удивлением спросила Ира.

— Не читали, — чуть слышно ответили они.

Николай чуть не подавился от смеха. Больно этот разговор напоминал ему диалог Ивана Бездомного и Мастера из незабвенного романа Булгакова.

После ужина Ира снова что-то ещё вытащила из пакета, и из ванной вышла в очаровательном голубом костюмчике для сна.

— Пора спать, девочки, — сказала она и согнала барышень с большой кровати со словами: — Николай Дмитриевич устал. Ему надо лечь. А вам и на том диване места хватит.

А Николаю ласково прошептала:

— Иди в постель, милый. Только пижаму одень.

Пижаму тоже когда-то подарила ему Ира. Она так и лежала нераспечатанная в гардеробе. По дому Николай обычно ходил в майке-футболке и спортивных брюках с пузырями на коленях, в этой же майке он нередко и ложился спать.

Пижамы была извлечена из забвения и оказалась как раз впору. Свежее постельное белье приятно охладило тело. Ира играючи подкатилась под бок Николаю — одеяло было одно на двоих — и промурчала:

— Ты, миленький, кажется, что-то от меня хотел.

У Николая от неожиданности даже похолодело в животе. Он бережно обнял Иру за плечи и совсем легко коснулся губами её щеки. Ира засмеялась и стала изо всех сил осыпать приятеля поцелуями. И тут Николай понял, как он ужасно устал за день и желает спать. А шептание и смех за гардеробом — девушки ещё не утомнились — ужасно отвлекали. Хотелось только одного — провалиться в объятия морфея. А на большее — Николай явственно понимал — он не был способен.

Ира тоже поняла это.

— Ты милый переработал, — она перестала целоваться. — Давай лучше спать.

Из-за гардероба донёсся сдавленный девичий смех.

* * *

Утром Николай долго не хотел вставать. Было невыносимо стыдно за свою никчёмность и перед Ириной и перед барышнями, которые наверняка догадались о его позоре.

Ира тем временем переделась в другое длинное платье:

— А то читатели целый день будут на коленки пялиться.

Как ни в чем не бывало, она обняла и поцеловала своего приятеля, пожелала ему доброго дня, собрала все свои вещи обратно в пакет со словами:

— Захвати ко мне, когда в гости соберёшься. А я на работу убегаю.

И хлопнула дверью.

Барышни приготовили завтрак и тоже ушли по своим делам.

Николай засел за компьютер. Уши горели от позора, но работа шла необыкновенно споро. Он закончил главу о несчастном голландском десанте, эвакуированном на острова Джерси и Гернси, где гвардейские офицеры оставили неизгладимое впечатление у местных барышень умением танцевать и светским обхождением.

— Они небось с местными барышнями так не сплеховали, — грустно подумал Николай.

Потом перешёл к такой же несчастной судьбе корпуса генерала Римского-Корсакова в Швейцарии. К вечеру очередная глава была готова.

Барышни вернулись очень поздно. Николай уже поужинал и лёг спать. Свою кровать он снова уступил девушкам. Те обрадовали его, сказав, что через пару дней переедут к друзьям, и долго благодарили за гостеприимство.

Ночью Николай проснулся от тихого разговора девушек. Они обсуждали, как лучше отблагодарить хозяина за радушие. Решили, что они могут подарить ему любовь, а заодно и показать его подруге, как надо правильно улаживать мужчину. «Да он вроде сам уже не может», раздался сдержанный смех. «Ничего, от французской любви даже

импотенты не отказывались», хихикнула другая девушка. Потом долго решали, кому из них двоих взять на себя почётную миссию. В итоге решили перенести это мероприятие на следующую ночь.

Однако всё пошло не по плану. Вечером другого дня позвонила Ира — у неё плохо с сердцем и она умирает. Такие звонки случались время от времени, когда ей хотелось привлечь к себе внимание. Но сейчас что-то в её голосе было такое, что заставило Николая поверить в правдивость слов. Он сорвался так неожиданно, что даже забыл захватить пакет с её вещами.

Ира, протрезвевшая, сидела на кровати, схватившись рукой за левый бок. Лицо посерело, покрылось холодным потом. Нечёсанные волосы космами падали на плечи. Она, казалось, сразу же постарела лет на десять.

Николай нежно поцеловал любимую в голову. Та шмыгнула носом и заплакала. Он осторожно уложил женщину на спину в кровать, положил под голову, чтобы было повыше, пару подушек и вызвал скорую. Медики приехали быстро, Николай только успел убрать пустые бутылки в мусорное ведро и ополоснуть рюмку.

Врач внимательно выслушал сердце, сделал электрокардиограмму, затем сестра вколола несколько каких-то ампул. Инфаркта, к счастью, не было. Но сердечный приступ оказался достаточно сильным. Врач посмотрел на бутылки в мусорном ведре, принялся и с осуждением покачал головой.

— Я алкоголичка. Мне положено, — слабо протестовала Ира.

Ехать в больницу она отказалась. Врач рекомендовал постельный режим и советовал получить больничный в поликлинике.

Когда медики ушли, Николай присел на кровать и стал легонько гладить ноги Иры. «Мур-мур-мур, умирает твоя кошечка», — услышал он её плач. Николай обнял Иру за плечи: «Ты не умрёшь, я тебя вытащу из любого ада преисподнего». Ему хотелось хоть словами помочь любимой женщине.

— Давай я сыну позвоню, — предложил он.

— Не надо. Я уже позвонила. Знаешь, он мне сказал только: меньше пей, мама, и повесил трубку. Он всё свободное время режет в свои стрелялки, бродилки, как их ещё назвать. Я ему не нужна.

Ира сжала руку приятеля и заплакала ещё сильнее:

— Я такая старая и страшная. И умираю как старуха. Жизнь прошла. Я так хотела дочку, с такими же светлыми волосами, как у меня. И не родила.

— Зато у тебя будут внучки с твоими волосами. И ты будешь их любить.

— Я никому не нужна. Ни сыну, ни подругам, никому. Только тебе. А к тебе я была так несправедлива.

Ира долго плакала. Потом лекарство начало действовать. Она постепенно успокоилась, лицо порозовело, и женщина уснула, так и не выпустив руки Николая.

Утром Ира заявила, что чувствует себя прекрасно. Словно не было ни бессонной ночи, ни скорой помощи, ни острой боли в сердце. Она наотрез отказалась идти в поликлинику, а вместо этого предложила подышать свежим воздухом.

На станции Белокаменной, как и в прошлый раз, не было ни души. Лес за эти дни ещё более пожелтел и покраснел. И снова ясный и солнечный день напоминал о недавно прошедшем лете. Они долго ходили, взявшись за руки, забрели куда-то в глушь, наконец, устали и сели отдохнуть на ствол поваленного дерева. Николай посадил Иру на колени, уткнулся лицом ей в шею. Она не сопротивлялась, как обычно, не обзывала его стариком, а наоборот всем телом прижималась к нему и ласково говорила всякие глупости. А потом они долго и исступлённо целовались. «Совсем как школьники», подумал Николай.

Он понял, что именно это — блеск солнца, тёплый ветерок, разноцветные листья и ощущение любимой женщины — требовалось ему. И больше ничего.

— Какое счастье, — неожиданно сказала Ирина. — Поедем к тебе домой.

Там их ждали барышни, удивлённые и напуганные отсутствием хозяина. Николай вспомнил, что забыл их предупредить.

— У нас вам подарок, — сказала одна из них. Николай мысленно возвратился к ночному разговору и густо покраснел.

Но барышня протянула ему снежно-белого котёнка, который ласково мурлыкал и всё пытался облизать пальцы.

— Сидел у Макдональдса и всё ждал, когда его накормят и заберут домой.

— Какая прелесть, — воскликнула Ира. — Я его возьму себе.

— Вот тебе и девочка со светлыми волосами, — усмехнулся Николай.

Когда барышни ушли, а котёнок, напившись молока, заснул в картонной коробке, выложенной старым шерстяным платком, Ира, переодевшись в свою голубую пижаму и завалившись в кровать, неожиданно сказала:

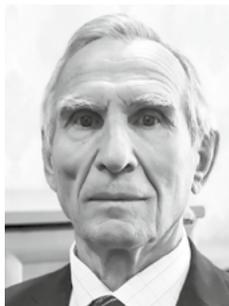
— Стоит женщине допустить хотя бы незначительный компромисс, и всё может обернуться по-иному.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Николай.

— Любовь бежит от тех, кто гонится за нею, а тем, кто прочь бежит, кидается на шею.

Николаю понял, что это Шекспир, которого он, честно говоря, не любил и никогда не читал, хотя конечно несколько цитат из «Гамлета» знал наизусть...

ГЕННАДИЙ ГУСАЧЕНКО

НА ОСТРОВЕ ДИКОМ

рассказ

Познакомились они во Владивостоке, в санатории ветеранов вооружённых сил, куда приехали отдохнуть, поправить здоровье. Бывший комбат–морпех подполковник Александр Щеглов из Томска и капитан первого ранга Илья Синельников, командир атомной подводной лодки, тоже бывший, из Омска. На льду Амурского залива земляки–сибиряки зимними удочками ловили мелкую корюшку, пахнущую свежими огурцами. Возле каждого из них лежала кучка серебристых рыбёшек, но Щеглов недовольно ворчал:

— Ну, что это за рыбалка... Вот у нас — да–а... Поймаешь на крючок — так еле вытащишь...

— У вас — это где? — поинтересовался Синельников.

— На севере Томской области. Про Нарым слышал?

— В прошлом — край ссыльных и каторжников? Чего тебя туда занесло?

— Квартира и семья у меня в Томске. После увольнения в запас устроился на работу в областную инспекцию рыбоохраны. Люблю настоящую охоту и рыбалку. Сбылась мечта детства... Знаешь, какие у нас щуки?! Во! — широко раскинул руки Щеглов. — А нельма?! Во!

У Синельникова глаза разгорелись.

— Да ты что?! Я тоже страсть как люблю рыбачить спиннингом. Да только в нашем Иртыше последнее время всё больше мелкие окуньки ловятся. А так хочется порыбачить где-нибудь в глухой, нехоженой тайге...

— Нет проблем! Валяй в гости ко мне. На остров Дикий увезу. Там за сотню вёрст кругом нога человека не ступала. Таких щучар потаскаешь! Пятнистых, зубатых, здоровенных! Глянешь на них — леопарды, а не щуки! Заодно свежепосоленную стерлядку отведаешь. Муксуна копчёного. Объедение! А с водочкой... М-м...

— Ладно... Не трави душу...

За утренним чаем офицеры–пенсионеры оживлённо беседовали, вспоминая годы военной службы, всё чаще возвращаясь к теме охоты и рыбалки.

— Так ты, того, Илья... Приезжай, — настаивал Щеглов.

— Приеду, Саня... Обязательно приеду погонять твоих речных леопардов, — обещал Синельников.

И вот приятели снова вместе. На сей раз не в роскошном номере санатория, а в прыгающей по обским волнам синей «Казанке», мокрые от брызг, радостно возбуждённые встречей и бешеной гонкой. Гул дюралевой лодки всё нарастал, приближаясь к лесистому острову, окаймлённому непроходимыми тальниковыми джунглями. За ними высились островерхими вершинами тёмно–зелёные ели и пихты.

— Старожилы говорят, что в сталинские времена здесь был лагерь для репрессированных, — направляя лодку между залитыми половодьем кустами, прокричал Щеглов. — Дикое место... Безлюдное...

Щеглов сбавил обороты двигателя. В камышовых плавнях, среди вековых тополей вдруг показалась неказистая изба. Скрытая со стороны реки густыми зарослями ивняка и черёмухи, она мрачно чернела потемневшими от сырости стенами. Мотор стих, и камыш зашуршал, рассекаемый носом лодки, оставлявшей позади стреловидный след. Лодка глухо стукнулась о торчащие из воды толстые пни спиленных деревьев, служащих сваями для постройки на них рыбацкого зимовья. Узкий настил из жердей окружал избу, глядевшую на крутой берег небольшим оконцем. Пологая крыша, застланная дёрном, поросла травой. Мох ключьями нависал над дверью, грубо сколоченной из горбыля. Из жестяной трубы вился сизый дымок. На кольях, приставленных к стене, сушились сети с остатками на них чешуи. Топор воткнут в сосновую чурку. В ведре, выплёскивая воду, билась рыба. Между сваями, под настилом, шевелимый течением, покачивался лёгкий обласок — узкая лодка, выдолбленная из цельного ствола лиственницы.

— Здесь и заночуем, — подвывая «Казанку» к настилу, проговорил Щеглов, одетый в камуфлированные брюки, кепку и куртку, в отвороте которой синели полоски морской тельняшки. Экипировку рыбинспектора дополняли сапоги-болотники, карабин и охотничий нож на поясе. Щеглов подхватил рюкзак, карабин и, понизив голос, добавил:

— Хозяин зимовья — диковатый с виду старикашка... Человек без паспорта... Без пенсии... То ли боговерующий отшельник, то ли просто сбежал от мирской суеты... Обитает здесь давно, — пояснил Щеглов, — о себе не рассказывает... Живёт затворником...

— Может, от правосудия скрывается?

— Какая сейчас разница? Если и было что — за давностью лет к ответственности не привлекут. А расспрашивать о личном в тайге не принято... Осторожно, товарищ капитан первого ранга! Лодку перевернёте! Это вам не атомная субмарина! — с усмешкой проговорил Щеглов, намекая на тучность фигуры Синельникова.

— Хорошего человека должно быть много, — в тон ответил Синельников, по флотской привычке широко расставляя ноги в новеньких ботфортах. Волевое лицо, оранжевый прорезиненный костюм и такая же шляпа, японский спиннинг с автоматической катушкой, бинокль в футляре и фляга в кожаном чехле выдавали в нём человека обеспеченного, уверенного в себе. В свои семьдесят лет, несмотря на полноту, бывший подводник был достаточно силён, чтобы с размаху зашвырнуть тяжеленный рюкзак на возвышающийся над лодкой настил. «Казанка» накренилась под грузным телом, когда обладатель живота, обтянутого тельняшкой, встал, чтобы выкарабкаться на борт. К удивлению спортивно сложенного Щеглова, бывший командир атомохода довольно легко, с придыхом, взмахнул на помост. Расправил плечи, распротёр руки к неведомой шири дремучей тайги, холмообразно уходящей вдаль, и зычным голосом продекламировал:

— Здесь русский дух! Здесь Русью пахнет!

Зачарованно глядя на полыхающее пожаром зарево заката, Синельников восторженно произнёс:

— Видел северное сияние и отливающую изумрудной зеленью океанскую гладь, лазурь голубого неба над ней и пурпурные закаты в тропических морях, но дивную картину сибирских плёсов с ними не сравнить! Красотища!

— Да ты поэт, Илья, — с улыбкой сказал Щеглов, выбираясь из лодки. — Погоди... С утраца, как поплывёт над рекой прозрачной дымкой розоватый туман, и лесу твоего

японского спиннинга, дрожащую от напряги, туго натянет зубастая хищница, вот тогда, скажу тебе, будет настоящая красотища...

— Ладно, Санёк... Не томи... Веди скорее к своему отшельнику... Намекни: в долгу не останусь...

— Это лишнее, Илья... Старик добрый... С виду только хмурый и неприветливый... И не с пустыми руками явимся... Что он просил, я привёз...

Дверь скрипнула на ржавых петлях. В щель между ней и косяком из-под мохнатых бровей насторожённо смотрели пытливые глаза. Они мельком глянули на рыбинспектора и обеспокоенно забегали по чужаку, пристально наблюдая за ним.

— Свои, дед Михаил... Отворяй, не бойсь, — громыхнул о порог прикладом карабина Щеглов. — Хлеба тебе свежего пять буханок привёз. Сахар, муку, гречку, овсянку, растительное масло, лекарства, какие наказывал...

— Дрожжи не забыл? — послышался хриплый голос.

— Две пачки, — рассмеялся Щеглов.

Дверь распахнулась. В тёмном проёме показалась чуть согбенная фигура старца. Всклоченные седые волосы, борода и усы, почти скрывающие морщинистое лицо, прикрытые нависшими бровями острые, сверлящие глаза. В колючем их взгляде застыл испуг. Жилистые руки, торчащие из рукавов клетчатой, навывпуск, рубахи, заляпаны известью: старик подбеливал печь.

— Здравствуйте, дедушка, — почтительно поздоровался Синельников, протягивая для приветствия руку, но хозяин зимовья оставил этот жест без внимания. Серdito фыркнул:

— Хм... У тебя у самого башка как у луны белая... И пузенья... То же мне... Внучек сыскался... Или я тебя ещё будучи ребёнком зачал? Чего стоите, коль приехали? Проходите в избу... Ужинать будем... Ушица поспела, — пробурчал он. Бывший комбат ободряюще подмигнул бывшему командиру атомобуса: мол, всё в порядке. И шепнул:

— Не бери в голову закидоны старика. Он с виду всегда сумрачный такой, но в душе добрый.

Дед Михаил, не заглядывая в мешок с привезённым провиантом и медикаментами, безразлично забросил его в чулан. Казалось, без особого расположения к неожиданным гостям, незаметно озираясь на незнакомца, старик молча собирал на стол. Нарезал хлеб, выставил горячую отварную картошку и к ней миску с маринованными маслятами, куски небольшого осетра — кострюка, посыпанные солью и перцем. Запахло жирной ухой из стерляди, налитой в глубокие деревянные чашки. Золотисто-жёлтый бульон исходил паром, щекотавшим носы озябших на реке мужчин. Старик положил перед ними такие же расписные деревянные ложки, перекрестился и присел на лавку с краю стола.

— К чаю пироги с малиной подам, — придвигая к себе чашку с ухой, сказал он. Щеглов кинул на приятеля красноречивый взгляд: «А я что тебе говорил!». Синельников одобрительно крикнул:

— Эх, хорошо то как! Да с такой закусью с чаем мы повременим... У нас покрепче имеется. И отстегнул от пояса флягу с армянским коньяком. Нетерпеливо потёр ладони:

— Разливай, Санёк!

Дед Михаил, сославшись на плохое здоровье, от предложенной чарки отказался. Приглаживая бороду, молчаливо прихлёбывал уху, не поднимая глаз на сидящих перед ним гостей. Закончив трапезу, открыл дверцу печки, поворошил угли, подбросил в огонь несколько поленьев. Взбил травяной матрац на дощатых нарах.

— Подниму рано... На Лебяжью протоку пойдём. Самый жор на зорьке начнётся. Не проспите, — сказал он. И чем-то озабоченный вышел на улицу.

— Странный какой-то дед... Будто напуган чем-то... Страх в глазах, — наблюдая, как булькает в кружку коньяк, сказал Синельников. — Совсем одичал старикан...

— Поживи тут один столько лет — не так одичаешь... Верующий он, — кивнул Щеглов на иконы, притуленные на полке в дальнем углу избы. — Не пьёт... Не курит... Не сквернословит... А рыбак славный... Завтра покажет такое ловчее местечко, что таскать шук устанешь...

Вошёл дед Михаил с веслом в руках. Синельников поднял кружку с коньяком.

— Ну, и ладушки... А мы выпьем! Сегодня, Санёк, наш с тобой праздник. День военно-морского флота!

При последних словах толстяка в матросском тельнике старик споткнулся, едва не выронив весло. Бросил быстрый взгляд на незнакомца и торопливо принялся скоблить весло. Скребок подрагивал в руке его. «Голос... Такой знакомый басок... Нет... Не может быть...»

— Давай, морпех, за тех, кто в море! Знаешь, как у нас, у подводников, говорят? «Выпьем за то, чтобы количество погружений всегда равнялось количеству всплытий!»

— А у нас, морпехов, свой тост: «За то, чтобы число ушедших на боевое задание равнялось числу вернувшихся с задания!»

Выпили. Помолчали. Каждый своё вспомнил. И хотя тишина вокруг, первозданная природа и жизнь прекрасна и удивительна, но почему-то обоим стало грустно и тоскливо. Где-то сейчас выполняет боевую задачу батальон Щеглова... Где-то вздымается в океанских волнах подводный ракетноносный крейсер Синельникова... Уже без них... Без батяни-комбата... Без кэпа-бати...

— За тех, кто на вахте, Илья!

— За тех, кто на боевом посту, Саня!

— С праздником, подводник!

— Взаимно, морпех!

Выпили. Закусили малосольным костриюком и маринованными грибками.

— Хороша чушь, Илья! Во рту тает...

— Хороши грибки, Саня! Спасибо за них Михаилу... Простите... Как вас величать по батюшке? — спросил Синельников, оборачиваясь к старику. Тот ссутулился у печки, обхватив ладонями лохматую голову. При тусклом свете керосиновой лампы не видно было, как дрожали его плечи.

— Кушайте на здоровье, — глухо пробормотал дед Михаил.

«Подводник... Илья... Всё сходится... Он это... Живой! Боже мой! Столько лет прошло... Встретить его здесь? На необитаемом острове Диком? Невероятно! Не сон ли?! — билась в его голове ужающая мысль.

Озноб колотил тело нервной дрожью. Как хотелось закричать во всю силу: «Я тоже подводник!» Как хотелось избавиться от бороды, от чужого имени, сесть вместе с ними за стол и отметить праздник. Но тяжкий груз вины неподъёмным камнем уже многие годы лежит на сердце, давит к земле, и нет силы распрямиться, освободиться от непосильной ноши.

— О, Господи, — в волнении со стоном выдохнул старик, и сидящие за столом гости недоумённо посмотрели в его сторону. Бывший комбат налил коньяк в кружки, с горечью произнёс:

— Скольких ребят потерял в Афгане... Я тогда взводным был... Пошли в разведку. В узком ущелье зажали нас «духи». Почти всех моих парней положили... Меня, раненного в обе ноги, вынес на себе сержант Коля Горовец. Провалился в госпитале я месяца три... Ротным назначили... Опять бой... Душманов — тьма! Прут, падлы, саранчой неисчислимой... Приказ — «Отходить!». Коля Горовец с ручным пулемётом

залёг, прикрывать нас остался... Героя России ему потом присвоили... Посмертно... А я, вот, живу... Совесть меня мучает...

— Третий тост, комбат, пьём, не чокаясь... За тех, кто отдал жизнь за Отечество! За веру православную!

Выпили... Коньяк разогрел. Каждому не терпится рассказать что-то своё, наболевшее. Щеглов тактично молчит: черёд подводника высказаться. Спрашивает:

— А что, Илья, случались у вас эти самые несовпадения в количестве погружений и всплытий?

— А ты думаешь? Про «Курск» помнишь? Про «Комсомолец»? Пять наших атомных подлодок и два десятка дизельных утонули в годы так называемой «холодной войны» на море... А страшных аварий с человеческими жертвами и не счесть. За тех, кто не вернулся из боевого похода!

Выпили. Похрустели маринованными маслятами. Молодец, дед Михаил! Умеет готовить вкусно! Одни пироги с малиной чего стоят! Жарко в зимовье. Душно. Бывший кэп тельняшку с себя стянул, выпятил большой живот. На грудь свесился на суровой нитке алюминиевый крестик. Бывший комбат его примеру последовал, тоже тельник снял. На груди серебряный крестик на серебряной цепочке. На плече татуировка: в половинке спасательного круга, обрамлённого якорем, маяк, чайка над волной. Под ними подпись: «Краснознамённый ТОФ». Сидят рядом, обнявшись, два моряка. Два здоровых русских мужика. Офицер-подводник. Офицер — морской пехотинец. Братья по духу. Братья во Христе.

— Отдрай, Саня, переборку... Душно, как в отсеке лодки во время плавания в тропических широтах...

Рыбинспектор толкнул ногой дверь. В её проёме серебрился серп луны, висящий над примолкшим лесом. Попискивал невидимый куличок. Куковала кукушка. В камышовой заводи крякала утка. На гладкие стволы свай шумно накатывались волны посвежевшей к ночи реки. Щеглов подкрутил подгоревший фитиль керосинки, вспыхнувшей на миг ярким пламенем, выхватившим из темноты в дальнем углу избы стоящего пред образами старца. Косая тень от его сутулой спины косматым пятном расплылась на белёной стене. Он беззвучно, одними губами шептал:

— Прости, Господи! Не ведал, что творил... Каюсь во грехе своём, не по злomu умыслу, а по недомыслию моему содеянному... Пресвятая Богородица! До скончания дней моих буду искуплять вину пред душами моряков загубленных из-за меня... Прости, Господи! Ниспослал ты мне Илью Синельникова, чтобы напомнить ещё раз о грехе моём... Каюсь, Господи... Что делать сейчас? Синельников опознает... Как пить дать завтра на свету опознает... Бежать?! Непременно бежать!

Старик растерянно схватил весло, выбежал за дверь, подтянул обласок. Плыть! Куда?! Непроглядная темень на реке... Волны разгулялись, холодный ветер крепчает. Без продуктов, снаряжения? Верная гибель! Нет, погодить до рассвета надо...

Так, размышляя, он вернулся в избу, примостился у печки на круглой чурке, много лет заменявшей стул. На ней подолгу просиживал, коротая длинные зимние ночи. Чинил одежду и сети, подшивал валенки, часто вспоминая о кошмаре могильного мрака и холода в отсеке затонувшей подлодки. И вот неожиданная встреча почти через полвека! Илья Синельников! Живой! Спасся, значит... Но как? Он один оставался в затопленном отсеке... Без дыхательного аппарата... Без всякой надежды на спасение...

— Дед Михаил! Не заболел? — окликнул его Щеглов. — Трясёшься, как в лихорадке... Лето на дворе, а тебя озноб бьёт... Выпей таблетку аспирина...

— Ничего... Пройдёт... С улицы я... Ветер холодный...

— Ну, и дальше... Вышли вы в море..., — напомнил Щеглов, поворачаясь к Синельникову.

— Я тогда матросом был... Торпедистом на лодке-«дизелюхе» шестьсот тринадцатого проекта... Дружок у меня там был... Пашка Белоусов... После кулинарного училища на лодку коком пришёл. Какие пироги на дни рождений стряпал! Фантастика! Его койка в нашем первом отсеке была. Вместе в увольнение ходили на танцы в матросский клуб. Там и познакомились с девчонкой красивой. Влюбились в неё. Она, дурёха, не знает, кому предпочтение отдать. Оба мы весёлые, чубатые, симпатичные... Ты не смейся... Это я сейчас такой... Обидеть нас боится Светка... Стесняется сказать: «Не приходи, Илья!» Или наоборот: «Не приходи, Павел». А тут меня на другую лодку кинули. На подмену. Заболел у них торпедист. Обе лодки к выходу в море готовились. Мы с Пахой в те дни в ссоре были. Дружба трещину дала, в раздрай пошла. Из-за Светки, думаешь? Да, нет... Серьёзнее была причина. Решили пойти к Светке и прямо спросить у неё: «С кем дружить будет?» Пришли и говорим: «Так и так, в море уходим... Кого из похода ждать будешь?» Она смеётся, плечиками пожимает, русой косой поигрывает, шутит: «Кто раньше с моря воротится, тот и на свидание придёт». Пашкина лодка, та, на которой я раньше служил, на учебные стрельбы уходила. А эта, другая, в автономку собралась. Не скоро, понимаю, вернётся. Ну, я к начальнику политотдела бригады капитану первого ранга Кубасову. «Прошу, — говорю, — вернуть на свой корабль». «Что, — спрашивает, — автономки боишься?» «Да нет, — говорю...» И всю правду ему выложил. Про Светку, про условия её. Он выслушал, улыбнулся: «Любишь её?» «Очень», — отвечаю. А надо сказать, ещё до этого случая сделал я красивый парусник и подарил Кубасову. Комбриг увидел у него тот кораблик и допытываться стал: «Кто делал? Хочу иметь такой в своей каюте». Короче... Пошёл начпо к нему. Рассказал про меня, парусник комбригу пообещал. Тот немедля приказал вернуть меня на мою лодку. Увидел меня в отсеке Паха, не обрадовался. А я ему: «Вот, фикушки ты вперёд меня к Светке явишься. Вместе придём». Вышли в море. Отработали торпедную атаку, отправились в базу. «Команде отдыхать. Третьей смене заступить на вахту», — передали по трансляции из центрального поста. Вдруг взрыв страшный потрянул так, что лампочки в плафонах погасли. Четвёртый отсек разворотило. Ближние к нему переборки центрального и пятого отсеков выбило. Вода в них хлынула. Люди там сразу все погибли. Лодка на грунт упала. Глубина — сто пятьдесят метров. Моряки из второго отсека к нам, в первый, перебрались. Вентили колонки аварийного всплытия открыли, продули балластные цистерны. Всплыли... С большим дифферентом на нос, поэтому торпедные аппараты и спасательный люк в воде остались. Сигнальный буй с лампой, телефоном и радиомаячком отдать не удалось: приварил его боцман, чтобы в походах не сорвало штормовыми волнами. Потеряли нас в штабе. Уверены мы, что ищут нас. Но скоро ли найдут? Вот вопрос... Лодка, принимая воду, теряла плавучесть. Офицеры, посоветовавшись, приняли решение выходить на поверхность, пока мы снова не ушли на глубину, пока есть воздух и плафоны аварийного освещения горят. Нос лодки почти у поверхности. Делов-то? Надеть прорезиненные костюмы с масками и дыхательные аппараты, включиться в них. Дать воздух в отсек из баллонов, создать противодавление забортной воде, затопить отсек, открыть крышки торпедных аппаратов и выйти через них. Задача, знакомая матросу-первогодку ещё с учебного отряда. Сколько раз выполняли её на тренировочной станции. Никто не сомневался в благополучном выходе. Однако, знали: там, наверху, зима, мороз трескучий, льды плавают. Долго в воде не выдержишься. Капитан-лейтенант Ромашов, наш минёр, он же помощник командира корабля, приказал надеть пуховое бельё, водолазные рейтузы и свитера шерстяные

толстой вязки. Открыли жестяные ящики, в которых они хранились, а там пусто. Ни одного комплекта! Никто те ящики не проверял... Зачем? Пломбы на них... Кто бы мог подумать? Только я да Пашка знали, куда то аварийное бельё подевалось. Пашка его поворовал и работягам в порту продал. Ромашов кричит: «Боцман! Мерзавец! Не доглядел! Башку оторву!» Забыл, наверно, Ромашов, что в момент взрыва боцман в центральном посту на рулях сидел. До фени ему уже наши проблемы. В другой мир ушёл. Выяснить в той обстановке, что почём, уже некогда было. Счёт на минуты шёл. Свет аварийный совсем тусклым стал. Вот-вот погаснет. Смотрю, Пашка на своей койке возится, рейтузы надевает и свитер на себя прёт. Под матрацем их прятал, гад. Не успел продать. «Ах, ты сволочь, — сказал ему. — Не доложил командиру, как обещал». Тут свет потух. Коротнуло где-то. Больше я Пашку никогда не видел. Люди в полной темноте в одних робах влезали в спасательные костюмы, надевали аппараты, включались в них. Я пока с Пашкой ругался, свой аппарат прозевал. Не смог его отыскать. Мрак... Суматоха... Все толкутся... Скользят. Падают. Палуба, ведь, под крутым наклоном была. И крен на правый борт. Вдруг воздух высокого давления, врываясь в отсек, оглушительно загрел. Зашумела вода... Я не помню, как, наощупь, под самый подволок на верхнюю койку забрался. Одеяло на себя натянул. Крестик вот этот самый целовал и всё без умолку повторял: «Боже, спаси... Боже, спаси...» Не знаю сейчас, то ли помирить тогда собрался, то ли на чудо надеялся... В ушах дикая боль... Врачи потом удивлялись, как у меня барабанные перепонки не полопались. Дышать было невозможно трудно. Ощущение такое, как если дышать из накачанной автомобильной камеры... Казалось, грудь разрывается и голова разлетится. Какое-то время раздавались стуки выходящих на поверхность людей. Семнадцать человек... Их сразу обнаружил вертолёт, но шторм разбросал моряков. Одного только смогли лётчики поднять. Пока подошёл спасатель, остальные замёрзли...

— А как же ты? — спросил Щеглов.

— А мне уже было всё по барабану... Я потерял сознание. И это меня спасло. Лежал бездыханным, мало потреблял кислорода. Лодку скоро легко выровняли, корма из воды торчала. Водолазы меня нашли, поместили в барокамеру. Очнулся в госпитале. Намеревался после службы учителем физкультуры стать, да передумал... После той аварии в военно-морское училище заявление подал...

— Получается, ты знал о краже рейтуз и свитеров, но почему не сообщил командиру? — нетерпеливо перебил Щеглов.

— Как-то увидел я у Пашки пачку денег. Подивился: откуда у матроса столько денег? «От верблюда!», — ответил Пашка. И шепнул мне на ухо: «Промолчишь — половина твоя». Я тогда чтением Библии увлёкся. Да и сейчас, не скрою, люблю почитать. Помогает, знаешь ли, обходиться без трудно разрешаемых проблем. Так вот... Читаю ему из книги притчей Соломоновых стихи двадцать седьмой и двадцать восьмой главы шестой, где сказано: «Может ли кто взять себе огонь в пазуху, чтобы не прогорело платье его? Может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих?» Отмахнулся Пашка от меня. Я сначала подумал, что он дефицитные продукты налево толкает. Подводникам в те годы выдавали всякие деликатесы: колбасный фарш, сгущёнку, вино, шоколад, копчёную колбасу, шпроты, лосося в натуральном соку и многое другое. А потом случайно обнаружил в отсеке отогнутый край жестяного ящика для хранения аварийного водолазного белья. Он был пуст. В другие заглянул — та же история. Догадался: свитера Пашка повытаскал и загнал работягам в порту. Сказал ему: «Пойди и сознайся командиру. Это смягчит твою вину. А нет — я доложу». Пашка обещал признаться, но дни шли, а он всё помалкивал. Тогда я снова раскрыл Библию и прочитал ему притчи Соломона тридцатую и тридцать первую из

главы шестой: «Не спускают вору, если он крадёт, чтобы насытить душу свою, когда он голоден; Но, будучи пойман, он заплатит всемерно, отдаст всё имущество дома своего». «Да пошёл ты...» — сказал он мне тогда, разозлился и послал далеко. Стукачом обозвал. Вот тогда и разбежались мы. Но я его предупредил, что если сам не сознаётся, донесу на него. «Ладно, — пообещал он, — деваться некуда... Сдаюсь». Я поверил ему, а вскоре, как уже говорил, на другом корабле оказался. Не до украденных свитеров стало... И вообще позабыл о них. А когда вернулся на свою лодку, всё и случилось. Не пожалел бы я тогда жулика—Пашку, и семнадцать человек не погибли бы... Из кормовых отсеков не выходили... Там люди живы остались.

— А что же у вас случилось? Взрыв из-за чего произошёл? На мину времён войны с Японией напоролись?

— Да какая там мина?! Процентное содержания водорода превысило норму... Химик не досмотрел... Безалаберность... Аккумуляторные батареи водород выделяют... Не провентилировали... Водород взорвался.

— А Пашка? Тоже погиб?

— Жив негодяй остался... Это его вертолёт подобрал. Пашка сразу дал дёру из части. Больше его никто не видел. По факту аварии, унёсшей жизни двадцати восьми человек, велось расследование. Причину гибели шестнадцати подводников от переохлаждения легко установили. Кто-то из рабочих порта сообщил в военную прокуратуру о матросе по имени Павел, продавшем водолазные комплекты тёплого белья.

— А Светлана? Встречался с ней?

— Пока лечился в госпитале, не отходила от меня... Она работала там медсестрой... Сейчас жена моя...

— Вот как! Ну, а доведись, встретился бы тебе этот мерзавец Пашка... Простил бы его?

— Он загубил шестнадцать душ... Красивые, весёлые, крепкие парни отдали жизни из-за глупости и жадности этого подонка... Пусть бы он послушал крики и проклятия их матерей и жён на похоронах... Простят ли они его? Бог простит! А я бы ему в лицо плюнул... Однако, пора спать... Хозяин уже спит... И мы завалимся на боковую... Отбой, Саня!

Синельников улёгся на матрац, набитый сеном, и доски нар заскрипели под его грузным телом. Щеглов приставил ладонь к стеклу керосинки, дунул в него. Огонёк встрепенулся красным мотыльком и погас. Темнота поглотила убогую обстановку избы. Щеглов повозился, укладываясь поудобнее, и засопел. Поворочался, скрючившись на лавке, дед Михаил. Флотские ветераны скоро захрапели, чему способствовали почтенный возраст, усталость, обильная еда и выпивка. Под настилом плескалась вода. На чердаке скреблись мыши, пробравшиеся в избу зимой по льду скованной

морозом реки. Потрескивали догоравшие в печке берёзовые дрова. Подкладка ватника, подложенная стариком себе под голову, взмокла от душивших его слёз. Жалость к самому себе из-за никчёмной жизни на острове Диком, затерянном среди протоков и бескрайних плёсов, страх возмездия и неминуемой расплаты глухими стонами вырывалась из старческой груди. Нет, он не может больше жить здесь одичалым зверем, слышать зимними ночами леденящие душу завывания волков... Скрываться под чужим именем... Жить без паспорта... Без семьи. Прозабывать в одиночестве, на которое обрёл себя бездумными, постыдными поступками... Украл комплекты водолазных рейтуз и свитеров. Пуховых, шерстяных... Без труда нашёл покупателя. Тот рассказал о покупке другому... И уже подходят и просят: «Паша, достань и мне такой... Ценная вещь... Хорошо заплачу». И он воровал спасательное бельё из жестяных аварийных ящиков, опломбированных, но рука пролезала под крышку... Достаточно было лишь чуть отогнуть её... Илья заметил, пригрозил... Заставлял сознаться... Послушал бы его... Получили бы новое бельё, не погибли бы товарищи... Ну, дали бы год дисбата... Ну, два... А может, учли бы чистосердечное признание и раскаяние... И не терзал бы себя все эти годы страхом, стыдом, отчаянием за погубленные души...

В непроглядной темени избы легко представить себя в тусклом и холодном отсеке, вновь ощутить панический ужас перед его затоплением, рёв воздуха высокого давления. И словно наяву виделось перекошенное страхом лицо Ильи, не нашедшего дыхательный аппарат. Вновь в ушах звенели слова проклятий подводников в адрес вора, укравшего тёплые вещи из аварийных ящиков. У кого-то сдали нервы, и вопль страха слился с грохотом воздушной струи... Кто кричал? Илья? Он один оставался в затопляемом отсеке... В памяти всплыл военный вертолёт... Канат, на котором втянули в салон... Иллюминатор... Кипящее внизу белой пеной Берингово море... Красный буй, сброшенный с вертолёта на месте аварии... Зелёная, в пятнах ржавчины, корма подлодки, торчащая из пенистого моря... Болтающееся в волнах спасательное судно...

Старик поднялся, зажёл лампу. Гости безмятежно спали, и спокойный их сон был крепок. Он бросил в обласок сети, пилу, топор, коробку с гвоздями и мелкими инструментами. Достал из чулана мешок с провизией, кресало и кремь для разжигания огня и уложил в лодке, закрепив всё верёвкой. Сходил в избу и воротился с ведром, полным посуды. Ворох одежды, одеяло, накинутое сверху и утянутое капроновым шнуром, завершили поклажу. Он постоял, поразмыслил, не забыл ли чего, и кинулся в избу. Снял с полки две иконы, бережно обернул их полотенцем и задул лампу. Зябко поёживаясь от речной прохлады, старик надел плащ и взялся за весло. Мысль, что утром придётся сидеть лицом к лицу с Ильёй, обжигала, торопила его.

— Не простил, — тихо, как привык разговаривать с самим собой, проговорил он. — Да и можно ли простить?

Старик глянул в небо и простёр руки к нему:

— Прости, Боже! Каюсь во грехе своём. Не ведал, что творил... Вину испуплю...

Близился рассвет. Бледно-розовая полоска зари на восточном небосклоне окрасилась в малиновый цвет. Над тихой сонной рекой плыл туман. В его белесых облачках чернела одинокая лодка с призрачной, размытой утренней дымкой фигурой старика. Больше на острове Диком его никто не видел.

ЕЛЕНА КАЛАШНИКОВА

ДОРОГА ДОМОЙ

Дед Игнат вышел на потемневшее от времени крыльцо. По небу гонимые ветром неслись рваные тучи, предвещая начало скорого дождя, во дворе беспечно копошились пёстрые молодки во главе с чёрным петухом, за околицей истошно лаял пёс, слышен был глухой стук молотка. Спустившись по скрипучим ступеням, старик прошагал до ворот, откинул щеколду. От порыва ветра они распахнулись и с силой ударились о стену деревянной избы.

У дома напротив суетился народ, хозяин, Гришка Трофимов, наскоро забивал окна досками, его супруга Наталья, ещё молодая, плотная женщина, повязанная белой косынкой, спешно грузила узлы и домашнюю утварь в стоявший поблизости ЗИЛ. Завидев старика, она крикнула: «Все, уезжаем мы, Игнат Фомич, один остаётесь». Он недобро глянул из-под густых бровей, и, не решаясь подойти, сел на завалинку, издали наблюдая за суматохой.

Село Русская Карланга некогда было достаточно большим. Ещё в царские времена в центре него стояла белокаменная церковь, в которую по праздникам съезжались православные жители соседних деревень, а неподалёку, на площади, проходили шумные ярмарки. С приходом социализма по ту сторону речки Карлинки за каких-то полгода выросли коровники и амбары. Колхоз «Путь Ильича» быстро стал одним из передовых в районе, а несколько доярок с молочно-товарной фермы даже ездили в Москву, на ВДНХ. Колокола с церкви сняли и по осени, на хранение, засыпали в неё зерно нового урожая, а на ярмарочной площади возвели бревенчатое здание — правление колхоза, над входом в которое гордо развивалось красное знамя.

Игнат Фомич по окончании курсов механизаторов по примеру отца стал работать трактористом в колхозе, женился, а с началом войны в числе других мужчин ушёл на фронт. Надежда, супруга его, первый год прилежно писала письма, в которых общала, что единственный сын их, Митька, «учиться совсем не хочет, что приходится им не сладко, живут впроголодь, а корову Пестравку ещё по осени пришлось заколоть». К концу 1942 года связь с родным домом пропала. Лёжа в госпитале после ранения в ногу, Игнат Фомич не находил себе покоя. Будучи по природе своей человеком грубым, и редко дававшим волю чувствам, он нет-нет да и пускал скупую мужскую слезу, боясь подумать о самом страшном. В начале января он получил весть от матери: «От Надьки известий не жди, уехала она, и Митьку с собой забрала. Войной честно, бей врага, а я ждать тебя буду».

Оказалось, что устав от ожиданий и в поисках лучшей доли, жена его, взяв с собой сына, отправилась вслед за парторгом, который наобещал ей золотые горы. Но на

пути в Куйбышев партийный работник женщину с ребёнком покинул, и как дальше сложилась судьба Надежды, никто не знал.

Вернувшись с войны Игнат Фомич строго настрого запретил себе думать о ней и Митьке и стал ещё угрюмей.

Началась мирная жизнь, он снова сел на трактор. Через пару лет похоронил мать, да так и жил бобылём, бросая злобные взгляды в сторону женского пола: не мог простить предательства.

Русская Карланга умирала. Закончив школу, молодёжь уезжала на учёбу в город и больше не возвращалась. Обмелела Карлинка, опустели коровники, некогда передовой колхоз «Путь Ильича» распался, закрылась школа, а со временем и магазин. На всё село оставались две жилых избы Игната Фомича да Трофимовых. Но и они сегодня уезжали.

— Дед Игнат, да что ты, ей-Богу! И тебе пора съезжать отсюда, — прокричал Гришка.

— Куда ж он поедет, нет у него никого, — одёрнула шёпотом мужа Наталья.

Отложив молоток, перейдя через дорогу, Гришка присел на завалинку рядом со стариком, достал сигаретку, закурил.

— Стало быть, уезжаете, — прервал молчание Игнат Фомич.

— Ну да, — виновато произнёс Гришка. — Квартиру уж месяц как получили, всё тянули с переездом. Так ведь осень скоро, а мы и дров не запасали. В квартире-то нужды в них нет. Наташка уже и на работу устроилась, через неделю выходит... По-варом... В заводскую столовую... Там все наши рядом: и Никишины, и Самойловы, и бабка Марфа тоже. Зря ты, дед, от квартиры отказался.

— А на кой она мне? Здесь родился, здесь и помру.

— Вот чудак ты, дед! Помрёшь один, хоронить-то кто тебя будет?

Ничего не ответил Игнат Фомич. Встал, и направился в дом.

— И тебе, дед, счастливого пути, — обиженно сказал Гришка, затушив окурок носком кирзового сапога, и пошёл дальше продолжать свою работу.

К вечеру по крыше забарабанил дождь, ветер успокоился. Всю ночь не спал Игнат Фомич, ворочался, думал над словами Гришки: «А и правда, если помру, на погост меня кто понесёт?» На рассвете он подошёл к окну, глянул на дом Трофимовых. Раньше в это время в его окнах уже горел свет, Наталья вставала рано. Сегодня же соседская изба стояла призраком по ту сторону широкой улицы, пополнив ряды таких же, как и она, оставленных хозяевами.

Ломило поясницу. Перевязав её старой материнной шалью, проеденной молью, старик вышел на крыльцо, закурил. Одинокая тяжёлая капля сорвалась с крыши и звонко ударилась о перевёрнутое пустое ведро. «Мишка!», — хрипло кликнул он пса. Животное не отозвалось, а лишь виновато выглянуло из конуры, не желая подходить к хозяйину.

— Тыфу, и ты туда же! — в сердцах произнёс Игнат Фомич.

Кряхтя, он вернулся в дом, выпил холодного чая и пошёл топить баню. Густой дым повалил из трубы. Раньше, каждую субботу все большое русское село топило бани, бабы пекли пироги и над Русской Карлангой стоял запах сдобы, смешанный со сладкой горечью дыма.

Надрав крапивы, Игнат Фомич сделал из неё веник, и с силой отхлестал им себя (лучшее дедовское средство от радикулита!), чисто выбрился. Вернулся в избу, принарядился в белую рубаху, пиджак с орденами и отправился на остановку.

Автобус в райцентр ходил каждый день. Солнце стояло уже высоко, от ночной непогоды не осталось и следа, зеленела, напившись влаги, трава, шелестели умытые дождём берёзки. Остановка — поставленный когда-то Гришкой Трофимовым табурет — находилась рядом с церковью, под высокой липой. Присев, Игнат Фомич отдышался, глянул на купола, проржавевшие за десятилетия от дождей. Перекрестился. На оголившемся потолочном перекрытии он разглядел тонкую рябину, которая качалась на лёгком ветру. Ждать пришлось недолго, на горизонте появился ПАЗик.

В салоне у окна сидел незнакомый мужчина лет пятидесяти, на переднем сиденье — Лизавета — дородная вдова из соседней Ивановки.

— Игнат Фомич, ты что это, жениться собрался? Рубаха, ордена, и не гляди, что восьмой десяток, — громко прокричала она и разразилась залившимся смехом.

— Ну, чего раскричалась, сорока, не глухой, чай, слышу, — грубо ответил он. — На ком жениться-то? На селе ни одной бабы, ни молодой, ни старой.

— А ты, вон, Лизавету в супруги возьми, она — девка на выданье, — присоединился к разговору Стёпка, водитель автобуса. Он тоже родился и вырос в Русской Карланге, но уже лет десять как жил в городе. — Что, говорят, и Трофимовы в райцентр подались?

Игнат Фомич не ответил. Повисла тишина, каждый думал о том, что умирает село, что нет у него будущего.

Прибыв в райцентр, дед прямиком отправился в редакцию местной газеты. Здесь главным редактором работала его племянница Маринка.

— Ты чего не предупредил, что приедешь? — спросила она, увидев старика на пороге своего кабинета.

— Как же я тебя предупрежу? С голубыми ежами письмо отправлю, — буркнул он.

— Да, что-то не подумала, дядя Игнат, извини.

— Куда вам, городским, у вас тут вон, телефоны.

— Марина Петровна, из Министерства звонили, — на пороге появилась молоденькая секретарша. — Сказали, через час быть.

— Скажи Володе, пусть машину готовит. Скоро тронемся, — ответила редактор.

Девушка скрылась за дверью. Увидев строгий взгляд дядьки, Марина немного ступсевалась.

— Верно, по делу приехал?

— А то. Чай что ли распивать? Знаю, не до меня тебе, и не пришёл бы, да не знаю, к кому обратиться.

— Ну, слушаю, раз так. Чем могу, помогу. Переезжать решил?

— Сказал, никуда из села не поеду. Это вам здесь хорошо дышится, а мне дома вольготно. Надежду найти хочу... Митьку...

На несколько секунд воцарилось молчание. Нарушила его Марина.

— Да... И что это ты полвека жил себе бобылём, а теперь Надежду искать вздумал?

— Тебе знать не положено. Решил, значит надо так. Ты лучше скажи, сможешь?

— Марина Петровна, машина готова, — снова показалась в дверях кудрявая головка секретарши.

— Сейчас, Любаша, сейчас. Допустим, можно запрос в Куйбышев отправить, — снова переключилась она на Игната Фомича, — так ведь сколько лет прошло, и не факт, что до Куйбышева они тогда доехали.

— Факт не факт, а ты попробуй. Окромя тебя никто помочь не сможет.

— Хорошо, запрос я отправлю. Позвоню куда следует. Только ты особо не надейся, может ... и в живых их нет уже.

— Ты эти разговоры брось, Маринка!

— Хорошо-хорошо, попробуем. Не сердись. А теперь пора мне. Чаю не предлагаю, не успеваю, сам видишь, в Министерстве ждут. Поехали, мы тебя до села подкинем, по пути.

Минуло тёплое лето, незаметно пролетела золотая осень, наступили серые дождливые дни, похожие один на другой. В надежде на известия о Надежде и сыне, Игнат Фомич прислушивался к каждому шороху. Как-то ночью ему померещилось, что к дому подъехала машина. Сердце старика забилося, он по-молодецки соскочил с лжанки и поспешил на крыльцо, вышел за ворота. Была холодная сентябрьская ночь. Он на пару минут задержался, вглядываясь в даль — ничего. Ругая себя за излишнюю сентиментальность, вернулся в избу и до рассвета ворочался, тщетно пытаясь уснуть.

Наступила зима, вестей ни от жены с сыном, ни от племянницы так и не было. Старая фотокарточка, чудом сохранившаяся с довоенного времени, на которой Надежда держит на руках Митьку, уже несколько недель лежала на столе. Несколько лет, как ненужное воспоминание, она была спрятана в старый сундук: «с глаз долой — из сердца вон». Теперь каждое утро старик беседовал с семьёй, вглядываясь в молодое лицо Надежды и поглаживая корявым пальцем Митьку на снимке. Он перестал надеяться на встречу и считал, что она не состоится, уже почти смирясь с тем, что слова Маринки о том, что ни жены, ни сына нет в живых могут оказаться правдой.

Дорогу до Русской Карланги замело, и уже неделю Игнат Фомич сидел дома, исправно топил печь и жевал закупленные впрок сухари, запивая их холодным чаем. Был канун Рождества. На бревенчатой стене чуть слышно шипело радио. Он невольно вспомнил, как, будучи ребёнком, с ватагой таких же, как он, ряженных мальчишек, в сочельник ходил по домам селян. Во главе весёлой компании шёл «звездарь», несущий большую восьмиконечную звезду. Им на протяжении нескольких лет бессменно был Васька Миронов, шустрый рыжий паренёк, за которым закрепилась слава отпетого хулигана. За ним следовал «звонарь» с колокольчиком — Федька Усачёв, а замыкал шествие «мехоноша» с большим мешком для сбора подарков — Савелий Богачёв. Вся

ватага останавливалась под окнами домов и дружно пела колядки: «Коляда, коляда! Ты подай нам пирога, или хлеба ломтину, или денег полтину, или курочку с хохлом, петушка с гребешком!» Угощали ребятню, чем могли: пирогами, пастилой, баранками. Все это потом дружно съедалось. Долго жили в глубинке традиции, несмотря на то, что советская власть объявила, что бога нет.

Игнат Фомич, погрузившись в воспоминания, задремал. За окном стояла тихая морозная ночь, в печи, подмигивая друг другу, догорали угли. Раздавшийся лай пса Мишки заставил старика очнуться от забытья.

— Ух, разбрехался! — зло пробубнил он и в надежде, что пёс успокоится, перевернулся на другой бок и с головой укрылся тулупом из овчины. Собака продолжала лаять. Вдруг ему показалось, что кто-то робко стучит в замёрзшее, не закрытое ставнями окно.

Игнат Фомич зажёл свет в передней, взглянул на часы: было без четверти десять. Время позднее, да и кто доберётся до забытого богом села по заметённой дороге? Разве что нечистая сила. Стук повторился с новой силой.

Он погасил свет и припал к разрисованному морозом стеклу. Ничего не разглядев, взял фонарик и поспешил выйти на крыльцо.

Пёс по-прежнему остервенело лаял на цепи. С опаской открыв ворота, он увидел молодого мужчину, в полушубке и кроличьей шапке с чемоданом в руках. Сердце старика бешено забилося, ноги подкосились. Он сразу узнал его, Митьку, но в горле стоял ком и долго старик не мог вымолвить ни слова.

— Ну здравствуй, батя! С Рождеством! — произнёс ночной гость, улыбнувшись сквозь густые усы.

Многое видел на своём веку Игнат Фомич, прошёл войну, похоронил отца и мать, испытал немало лишений, но никогда не давал он волю своим чувствам. Сейчас же, обнимая сына, старик не сдерживал рыданий: плакал, не веря в долгожданную встречу, и шептал, шептал сквозь слезы: «Вот и ты, Митька, мой Митька! Вот и вернулся в отчий дом» ...

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

НИНА ГОРЮНОВА

ЧИСТОПОЛЬ – ВОЗРОЖДЕНИЕ

В мае 2021 года более 40 художников из разных уголков России и зарубежья приехали в старинный, малоэтажный городок на Каме, оказавшийся к тому же географическим центром Татарстана. В их картинах и этюдах запечатлён образ Чистополя в его историческом отражении.

Грандиозный проект «Старый Чистополь. Возрождение» стал частью мер поддержки провинциальных городов Министерством культуры России. Цель проекта: *сохранение исторической памяти и архитектурного образа старинного города средствами изобразительного искусства*. Этим пленэром и серией последующих выставок в городах Татарстана и России художники привлекают внимание к одной из жемчужин республики, рассказывают о ней всей Российской Федерации.

История Чистополя очень богата. Само место связано с древним поселением 10–15 века Джукетау, бывшим частью Древней Булгарии. Это древнее городище со следами раскопок находится на берегах речки Килёвки, впадающей в Каму. Городом Чистополь стал по Указу Екатерины II в XIX веке, а позднее он расцветает как купеческий центр торговли зерном по Каме и Волге и прирастает новыми постройками жилого, торгового, производственного назначения в самых разных архитектурных стилях. Улицы города радуют глаз классицизмом начала 19 века, модерном всех оттенков, а между ними — эклектикой и даже постройкой, напоминающей итальянское палаццо (магазин купца Маклакова)! К проектированию и строительству города привлекались крупные мастера, в том числе, из Казани, такие, как П. Г. Пятницкий, Ф. И. Петонди, И. Руш и др...

Писатель Марсель Пруст в серии романов «В поисках утраченного времени» воспринимал *жизнь как усилие во времени*. Есть время как последовательность событий, а есть *время места, время — миг*. Вот оно — то и стало для наших художников главным объектом исследования. А искомый образ включил три важных компонента. Во-первых — пространственная среда, фактура, сам материал и форма городской архитектуры; во-вторых — дух человека, создавшего и оживившего своим присутствием это место на протяжении веков. И, главное, — творческая энергия самого художника, его оригинальный взгляд и неповторимая творческая манера, преобразившая объект! Целая серия экскурсий и пленэрных поездок осуществлена организаторами для обогащения впечатлений художников, и они оказались чрезвычайно плодотворными, сделали их сопричастными историческому облику города и окрестностей. Город Чистополь, как и Татарстан в целом, многонационален и многоконфессионален, причём всё это мирно и плодотворно уживаются между собой. Государственный историко-архитектурный и литературный музей-заповедник познакомил гостей с богатой историей края, с известными благотворителями, деятелями науки и культуры (купцы

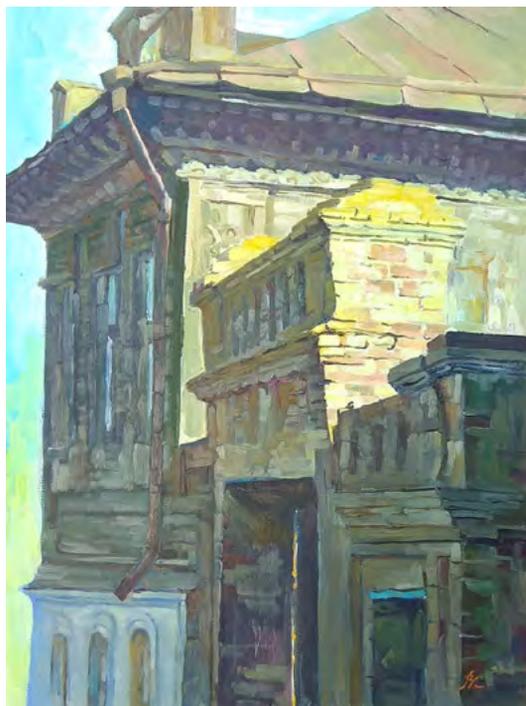
ЧИСТОПОЛЬ – ВОЗРОЖДЕНИЕ

Башкиров Владимир. Солнечный май в Чистополе, х.м., 70×90

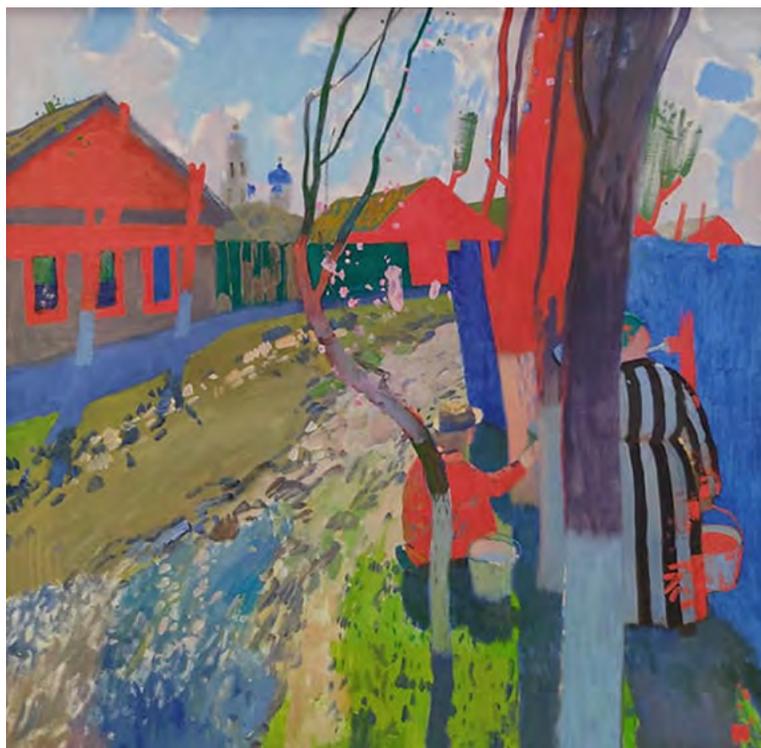

Абидина Анна. Никольский собор в Чистополе, х.м., 80×60

Камалетдинов Вагиз. Дом невесты Г,Тукая, х.м., 90×90

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ...

Дугаржапов Бато. На площади, х.м., 80×80

Мингазов Мударис. Старинное окно, х.м., 70×90

ЧИСТОПОЛЬ – ВОЗРОЖДЕНИЕ

Илюшкина Полина. Вечерет. Вид на Никольский собор, х.м., 70×90

Негматов Салават. Ветхий дом на улице Толстого, оргалит, акрил, 60×80

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ...

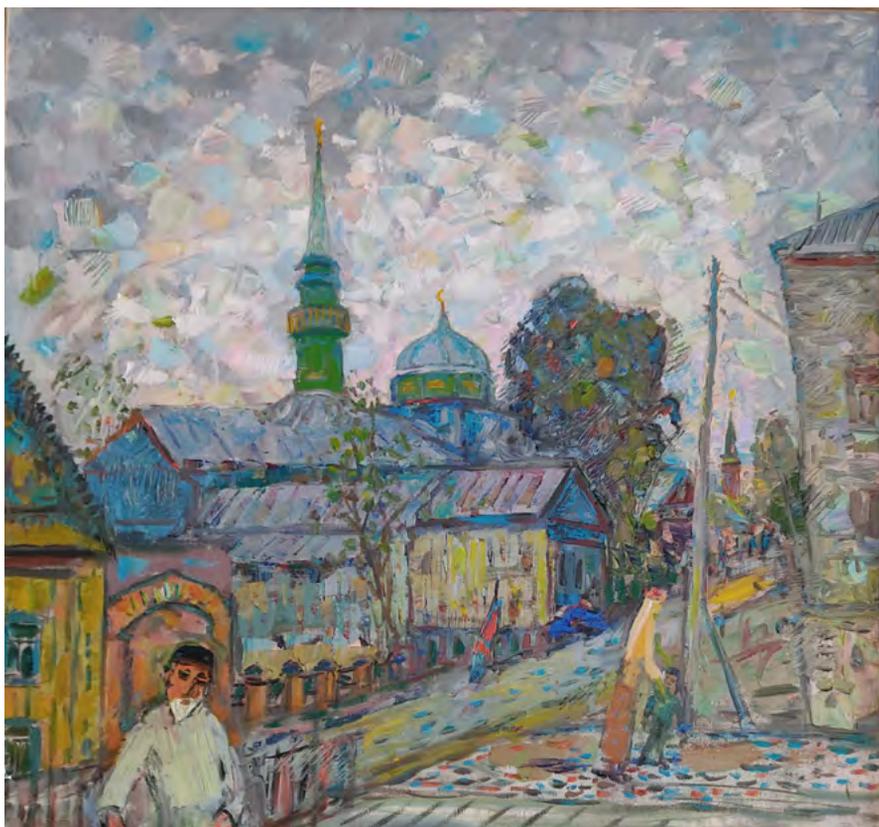

Шайхетдинов Вахиль. Сиреневый романс Да будет с вами мир, милость и благославление Всевышнего, х.м., 100×130

Сидоренко Максим. Весна в деревне под Чистополем, х.м., 60×80

ЧИСТОПОЛЬ – ВОЗРОЖДЕНИЕ

Хазиев Мадияр. Чистополь. Татарстан, х.м., 90×90

Сидоренко Сергей. Чистополь. Жаркий полдень, х.м., 60×80

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ...

Ибрагимов Камиль. На пристань пришла баржа, х.м., 70×90

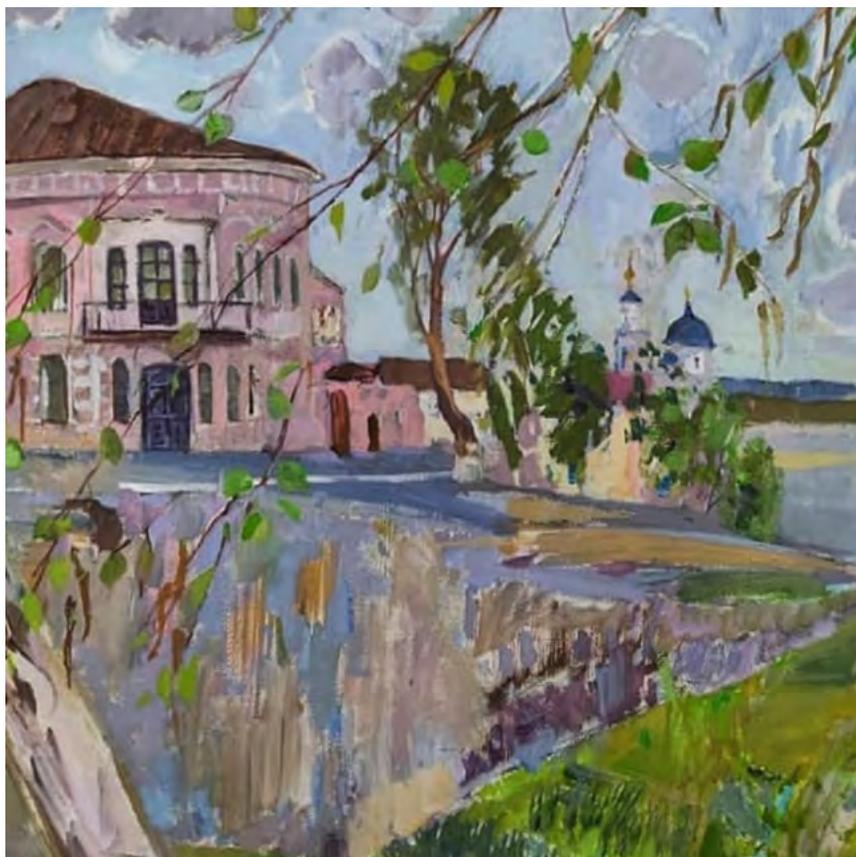

Мусина-Медведская Светлана. Дворик, х.м., 60×90

ЧИСТОПОЛЬ – ВОЗРОЖДЕНИЕ

Гусарина Майя. Старый дом, х.м., 70×90

Тур Наталья. Дом Учителя, х.м., 90×90

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ...

Чипенко Ирина. Дом Полякова и Логуновых. Х.м., 80×80

Григорьева Наталья. Скоро каникулы, х.м., 45×35

Поляковы, Стахеевы, писатели Б. Пастернак, Л. Леонов, Н. Асеев, А. Твардовский и др.) Поездка к городищу Джукетау вдохновила всех на эпический размах композиций, способный передать величие древней земли. Выезд в Аксубаевский район РТ подарил яркие впечатления от встречи с его жителями, выступлением этнографического ансамбля, национальным колоритом чувашского села Малое Сунчелеево. В результате этюдный багаж обогатился не только пейзажными мотивами, но и живописными портретами местных жителей. Интересной и познавательной была поездка в Казань. Знакомство с историческими ценностями столицы, её музеями и архитектурой, все это произвело неизгладимое впечатление на приезжих гостей. И, наконец, водная прогулка по Каме с романтическим пикником и наваристой ухой особенно сдружила художников и подарила им десятки живописных мотивов.

Проект собрал мастеров кисти из Москвы и Читы, Санкт-Петербурга и Симферополя, Казани и Уфы, Минска и Чебоксар, всего — более 20 городов. Интересно и то, что на пленэре встретились талантливые художники разных возрастов: от опытных зрелых мэтров (Академики РАХ, Заслуженные и Народные художники России и Татарстана) — до молодых художников, ярко проявивших себя в предыдущих творческих акциях. Потому в процессе работы возникали неформальные мастер-классы, авторы, доброжелательно делились опытом с коллегами. Неповторимые творческие индивидуальности художников, сливаясь с историческим материалом (предметной средой, старинной аурой) дали самый выразительный эффект. В их работах на улочках Чистополя история как бы застыла, сконцентрировалась в том МИГе — месте, времени, которое они выбрали.

Если вновь обратиться к цели проекта — сохранить образ старого Чистополя, конкретных его зданий с историческим прошлым (часть их будет снесена, другая — реставрирована), то назовём работу Тамары Самойловой (Лениногорск), которая любовно воспроизвела каждый камень, дерево разрушающейся обшивки второго этажа дома на ул. Тукая, дом 15, как бы прощаясь с ним. Казалось бы, почти натурализм, но какой мастерски живописный и трогательный в данном контексте... Целый ряд художников выбрал именно такое реалистическое направление, обогащая его индивидуальной творческой манерой: Ильдус Муртазин (Нижнекамск), предки которого родом из этих мест, с воодушевлением написал просторы Джукетау и улицы города («Ночлежный дом», «Здание медресе при первой Соборной мечети»), Вагиз Камалетдинов (Чувашская Республика) с документальным интересом изобразил «Дом невесты Г. Тукая», Радик Мингазов — старинные «Амбары по улице К. Либкнехта, 9». Мударис Мингазов (Казань), влюблённый в деревенскую тематику, пишет наличники сельского дома как частицу быта, частицу национальной культуры прошлого. В таком направлении работают и Наиль Нигметзянов (Чистополь), изображая улицу родного города. Азат Галимов (Санкт-Петербург) в картине «С рыбалки. Чистополь» и «Старинные ворота на ул. Льва Толстого» со знанием дела и большим мастерством прописывает уютные старые постройки, Виктор Лукиянов (Чебоксары) — «Улицу Демьяна Бедного», Майя Гусарина (Рыбинск) — цветущие улочки Чистополя.

Основная группа художников, увлечённая пейзажными мотивами и ландшафтами весеннего города, работают в духе импрессионизма и традиций русской реалистической живописи, сохраняя при этом свою вполне узнаваемую манеру. Таков наполненный воздухом и нежной трепетной зеленью пейзаж Олега Кульпина (Лениногорск) «Светлый день на Каме». Ярко, свежо, воздушно, с большим мастерством и воодушевлением написаны работы московских художников Сергея Сидоренко «Чистополь весной» и Максима Сидоренко «Деревенская весна». Владимир Башкиров (Самара) в своей работе «Солнечный май в Чистополе» захватывает зрителя радостным пространством улицы,

наполненным светом и воздухом. Игорь Панов (Тольятти) написал самый характерный мотив — вид на Каму с улицы К. Маркса. Его светлая, лёгкая живописная манера отличается при этом плотно наложенным слитным мазком и идеальной композицией. Настоящим гимном цветущей весне в Чистополе стали поистине сияющие работы художника Андрея Захарова (Кострома) «Светлый Чистополь», «У причала», «Улочка». Не смогли устоять перед чарами весеннего Чистополя и художники Андрей Селенин (Ленинградская область) «Спускаясь к Каме», Елена Баймяшкина (Казань) «Чистопольский дворик», Марина Бодрина (Москва) «Золотой вечер. Чистополь» и другие. Анатолий Пашин, связанный с городом узами юности и неоднократно изображавший его прежде, выполнил целую серию лирических пейзажей в технике пастели.

Но творческие люди редко могут ограничить себя рамками конкретной задачи. Они часто выходят далеко за её пределы, включая живописные, композиционные проблемы, передавая своё состояние, настроение, в результате создавая абсолютно индивидуальный образ города. Свою неповторимость вновь продемонстрировал Бато Джугаржапов (Москва) в композиции «9 мая» и «Улица К. Маркса», написанных ярко, декоративно и экспрессивно. Также опираясь на символику цвета, строит свою работу «День Победы» Ирина Митрикова (Москва). Иветта Лохматова (Санкт-Петербург) увидела улочки Чистополя с характерными подстриженными старыми деревьями, пристань, наполненную влажным воздухом, и умело стилизовала формы, выполнив всё легко и изящно, как бы шутя, при этом тщательно выверив композицию. Василий Пешкун (Минск) написал ряд горизонтально вытянутых этюдов — панно, выполненных крупными обобщёнными мазками в духе звучной мозаики «Весна в городе», «Просторы Джукетау» и итоговая — многоцветная «Весна пришла». Увлечённый работой Вячеслав Короленков (Москва) в многочисленных этюдах, написанных широко и свободно, отразил различные уголки города и берега Камы, а в качестве итоговой выбрал мотив «Парад вечерних огней», написанный с натуры крупными сочными мазками, вливающимися один в другой и образующими эмалевую поверхность. Ирина Чипенко (Чебоксары) передала состояние весны, её круговерть через динамичную обобщённую живопись с диагональными мазками — штрихами «Дом Поляковых и Логуновых». А Наталья Григорьева (Казань), изображая конкретную замысловатую постройку магазина–палаццо (ул. Ленина, 47), прибегла к приёму стирания деталей временным потоком и высветляя поверхность дома, в результате чего получился образ — воспоминание. В своём ключе создаёт образ Чистополя художник Мадияр Хазиев из Набережных Челнов. Нежным зеленовато-золотистым колоритом, лёгкой мозаикой полупрозрачных мазков он оживляет улочку с мечетью фигурой идущего прихожанина и повозкой вдаль. Все погружает зрителя в мир утончённой старины и в то же время придаёт ей вневременной характер. Две работы Рината Ханáfеева, влюблённого в Чистополь, решены в философски-символическом ключе: «Далёкий Джукетау» и «Мой Чистополь». В этих живописно-графических композициях художник размышляет о времени, человечестве, памяти, которая как дерево прорастает через камни и лики веков и поддерживает всю конструкцию мироздания.

Таким образом, старинный Чистополь в самых разных своих ипостасях проходит перед зрителем в большой итоговой выставке. Двухнедельный пленэр, который маститые участники оценивают как лучший в России за последние годы, — завершён, но проект продолжается!.. До новой встречи после реставрации Чистополя в 2025 году!

СУДЬБЫ ЛИРИЧЕСКИЙ ПОДСТРОЧНИК

* * *

До часу рожденья тихи,
О славе мечтаю едва ли,
В душе вызревают стихи –
Беспечные дети печали.

Они появляются в срок,
Что Господом Богом назначен.
И между лирических строк
Ликуют вселенные, плача.

И смотрит на строчки поэт,
Как смотрит Творец на творенье:
«Откуда взялось ты на свет?» –
Не в силах унять изумленья.

* * *

Смирению у Пушкина учусь,
Хотя от дури никуда не деться.
Но русская эпическая грусть
Всё побеждает в нашем русском сердце.

В родной Берде, мятежной слободе,
Что гениальным Пушкиным воспета,
В шальной Берде, быть может, как нигде
Себя невольно чувствуешь поэтом.

Здесь вольный дух казачий не угас...
Вдали от политического вздора
Казачки вяжут шали на заказ,
Вывязывая выюжные узоры.

Завет Берды, мятежной слободы.
Назло всем новомодным экспертизам
От звонких звёзд до пыльной лебеды
Высокою поэзией пронизан.

Дух бердяшей, яицких казаков,
Здесь умывался кровушкой бунтарской.
Здесь Емельян Иваныч Пугачёв
Озорвал воистину по-царски.

Рубил сплеча он, а любил дотла...
Императрица умная недаром
Яик-реку строжайше нарекла,
Чтоб с глаз долой, из сердца вон, Уралом.

«Какое ж тут смиренье?» – спросишь ты,
Мой умный уважительный читатель,
Спугнув тысячелетние мечты
О русском счастье, что всегда некстати...

* * *

«...Я простой советский парень,
Не был раньше в высшем свете...» –
Скромно отвечал Гагарин
Королеве на банкете.

«Ложки-вилки справа-слева...
Политесам не обучен...»
Улыбнулась королева:
«Да и я немногим лучше!»

Что нам правила some time¹?
 Чувствуйте себя, как дома.
 И давайте поболтаем,
 Словно мы сто лет знакомы...»

Эх, девчата! Без обиды –
 Будь студенткой в скромном ситце,
 Джиной будь Лолобриджидой –
 Ты обречена влюбиться.

Будь ты королевой даже,
 Позабудешь про приличья.
 Станет протокол неважен
 И дресс-коды безразличны.

Рядом с ним себя любая
 Ощущает поневоле,
 Долю бабью забывая,
 Королевой и звездой!

Но ему опять неймётся...
 Озаряя мир улыбкой,
 Он взлетит навстречу солнцу
 И – попробуй, удержи-ка!

* * *

Словоблудием, лестью, обманом
 Безо всякого чувства вины
 Рассовали страну по карманам...
 Вот и нету великой страны!

Пошлый фарс претендует на драму:
 Что ни мразь, что ни грязь – светлый князь.
 И, похоже, что главненький самый
 Со стыдом не знаком отродясь.

Закрома разменяв на карманы
 И на центы – родные рубли,
 Меж Зимбабве и Ганой-Гвианой
 Суверенный покой обрели.

Аль не нравится вам, раздолбай,
 Инфернальное это кино?..
 А страна-то, страна-то какая?
 Украина, вестимо оно!

* * *

Никого-то я не порицаю.
 Никого-то не хочу свергать,
 Будь то депутаты, полицаи
 Али олигархов сдобных рать.

Под портретом ветерана-деда
 С десятиэтажной высоты
 Я смотрю, как топчут Флаг Победы,
 Разгоняя митинги, менты.

Не сдаётся мой народ отважный:
 Этот гнев так долго зрел в душе!
 Мат отборный десятиэтажный
 Слышен на десятом этаже.

Для врагов он был недобрым знаком –
 Русский мат, что древностью рождён...
 С ним вставал в последнюю атаку
 Дедовский десантный батальон!

Русским людям он от веку нужен –
 Русский мат, поскольку без проблем
 Он, за неимением оружия,
 Заменяет даже АКМ!

ИСТИНА ШУКШИНА

Мы все – немного чудики.
 А ты у нас – один!
 Нам истину на блюдецке,
 Преподнеси, Шукшин!

Она, по-русски ёмкая,
 Необходима нам.
 И с голубой каёмкою,
 Конечно, по краям.

Её ты в муках выстрадал,
 Когда ночей не спал.

¹ sometime – иногда (англ.)

Но неподкупной истины
Язвителин оскал.

В порыве откровения
Ты нам её изрек
В угрюмом окаймлении
Сибирских вольных рек.

Пока молчим растерянно,
Над ней глумится враг...
Подарена... Потеряна!..
А без неё – никак!

* * *

В изысканном корейском ресторане
На закуску закажу себе селёдки...
О родине, потерянной в изгнание,
Мы говорим за стопкой русской водки.

Забуть про неприкаянность надеясь,
Мы вопреки политкорректной скуке
Тоскуем о прабабушке Корее,
Которая сама с собой в разлуке.

Всё это сколь почётно, столь печально.
Чем дальше, тем страшней,
как в старой сказке –
Держать удар меж русской наковальной
И молотом надменным самурайским.

Как вольный ветер, по миру скитаться,
Но всё ж заветы прадедов лелеять.
В горниле роковых репатриаций
Надеяться, любить, бороться, верить...

Ты, мой народ, цены себе не знаешь!..
Упрятанный в напевы Арирана,
Великодушьем русским укрощаешь
Змеиный холодок меча-катана.

Хотя и нет тебя исповедальней,
Но разгадать тебя поди-попробуй –
Сроднившийся с российской наковальной
Народ корейской –
самой прочной! – пробы.

* * *

На распахнутом настезь просторе
Город мой, белокаменный князь,

Азиатским ветрам непокорен,
Что приходят, до неба клубясь.

Он расскажет немало историй,
Обойдётся при этом без слов...
Орен, Орен, ветрам непокорен,
Ибо сам – повелитель ветров!

Созерцаем высокие звёзды,
Небосвод зажигаем с утра.
На станицы, погосты, форпосты
Насылаем шальные ветра.

Но всегда вопрошаю при встрече:
«Город детства, да кто ты таков?
Как ты смеешь мне вечно перечить,
Мне, законной царице ветров?..»

Но и он себе ведаёт цену:
Хоть не будет трезвонить о ней.
Горделивый, строптивый, степенный
Повелитель ветров и степей.

Я б, наверно, не стала поэтом,
Пересмешница и егоза,
Если б мы не схлестнулись на этом
Много-много столетий назад.

* * *

Любить сентябрь – опасное искусство –
Взасос, взаклёб, наотмашь и навзрыд.
Ведь в том, что осень –
очень-очень грустно,
Меня и Пушкин не разубедит.

Казалось бы – по золоту ступаем,
Ещё навзрыд не плачут небеса.
Но журавли уже собрались в стаю,
Мол, и синиц вам хватит за глаза.

Казалось бы, у яблок летний привкус,
И у небес лазурный окоём.
Но расставанья безутешный искус
Явил себя насмешливо во всём.

Через окно, распахнутое в небо,
Нездешней безутешностью сквозит.
Разлюбишь элегическую небыль,
Будь даже ты лирический пиит!

Ах, Пушкин, Пушкин! Это ж сколько надо
 Душе поэта света и тепла,
 Чтоб эту беспросветную награду
 Воспеть строкой, сгорающей дотла?

Ах, осень-осень!.. Грустен очень-очень
 Степных небес венчальный окоём.
 Горит судьбы лирический подстрочник
 Неугасимым пушкинским огнём.

* * *

Россия окаянная,
 Себе же на беду –
 У рьяного Ульянова
 Идёшь на поводу.

Лентяя он не празднует –
 Нежданный этот гость.
 Наивная напраслина –
 Помилует, авось!

Тебе он пустит кровушку,
 Он жалости неймёт.
 Последнюю коровушку
 С подворья прочь сведёт.

Но не отринешь совести,
 Хоть рублена с плеча.
 Братоубийства болести
 Молитвою леча.

Дороженьку унылую
 Протопчешь на погост.
 Зато увидишь, милая,
 Как внук взлетит до звёзд.

* * *

Неугомонная семейка
 На волжских продувных ветрах –
 Обшаровка, Барыш, Налейка
 Продулись нынче в пух и прах.

Они кого обшарить – знали,
 Наклад переводя в барыш.
 Чужого-лишнего не брали,
 А что положено – шалишь!

По Волге правили дорогу,
 Песнь заводя в глухой тоске.

Пошаливали понемногу
 По вольной матушке-реке.

И, обходя в дороге мели –
 Взметали парус в небосвод.
 Княжну персидскую жалели,
 Что скинул Стенька в бездну вод.

Но стоило мне согласиться –
 Такой-разэтакий Степан,
 Как начинали вдруг коситься:
 «Цыц, женщина Диана Кан!»

Плесни и мне, Налейка, что ли,
 Винца, аль я здесь не своя?!..
 Я с теми пью, кто выбрал волю
 На перекрёстках бытия.

Кто Волгу-матушку прославил,
 Как гулеван-казак Степан,
 Кто дважды с братьянами грабил
 Один и тот же караван.

Я пью за тех, чьё слово метко,
 За тех, кто встречу идти посмел,
 Кто правил по народным меркам
 Родимый волжский беспредел.

А на вопрос: «Где клад заветный,
 Что в Жигулях сховал Степан?..»
 Считал единственным ответом
 Кровавый месяц-ятаган.

* * *

Презрев баллады, саги, оды
 И обездоленную Русь,
 Штудирую гражданский кодекс
 Не абы как, а – наизусть!

Сутяжники и кверулянты
 Его толкуют вкривь и вкось –
 Все те, кто обделён талантом
 И на талант лелеют злость.

Живи на свете, как угодно.
 Будь вдохновен и знаменит.
 Но помни – их гражданский кодекс
 Тебе презренья не простит.

Изображая неподкупность,
Разводят толки за спиной –
Толкут гнилую воду в ступе
За наименьшем ключевой.

Судилища да пересуды
Среди излюбленных утех.
Христами мнят себя Иуды,
Шалавы порицают грех.

Здесь я прошла злословья школу
Вживую – вовсе не из книг...
«Подонки!» – крикну для прикола.
Все обернутся в тот же миг!

* * *

Дурак дурака видит издалека.
Вор видит вора, поэт прозревает поэта.
Бездарь на бездаря не поглядит свысока...
Видим друг друга
по непостижимым приметам.

Воры при деле и бездари все при чинах.
Мерзость, в причины которой
не стану вдаваться.
Ну, а собратья-поэты витают
в заоблачных снах,
Чуждые скрипу нотаций и звону овец.

Светский приём
или великосветский сходняк –
Не изменить место встречи поэтов в России.
Вновь мы встречаемся
не абы с кем абы как –
А потому что сюда нас с тобой пригласили.

Богopodobие – самый священный закон
В мире, где люди, любя, убивают друг друга.
Льют покаянные слёзы у кровоточащих икон,
Не покидая при этом порочного
страшного круга.

Вечной поэзии вещей горячечный бред
Нам повествует об этом всё тише и горше...
Из целой толпы чужих я узнаю тебя, поэт,
И ты улыбнёшься ответно мне,
как заговорщик.

* * *

Под грохот тотальной разрухи,
Под визг подзаборных сюит
Хип-хоп одинокой старухи
Особо пикантно звучит.

Под вопли хмельных президентов,
Ведущих страну на убой,
Без слёз и пустых сантиментов
Давай обойдёмся, друг мой!

Обходимся ж мы без свободы,
Без Родины и без любви,
Всё это тупые уроды
Отжать у нас с маху смогли!

Ведь слушали ж мы благосклонно
(За что нам прощения нет!)
Их вау-черизационный
Похмельно неистовый бред!

Ужель добродетельный пафос –
Единственная из отрад,
Пока они водят нас за нос
Три десятилетия подряд?

Старуха с тоской переходит
С сюиты на смачный хип-хоп...
В подземном пустом переходе
Нечасто народ подаёт...

* * *

Слова-пьянчужки вдоль речушки Пьяны
В Агрызе огрызаются порой...
А в Бондюге словечки-бандюганы
Не дружат с забубённой головой.

Измордовавшись меж мордвой и чудью,
Они смешат Казань и Шумерлю...
Вдыхаю волжский ветер полной грудью,
Взахлёб рифму и захлёб люблю.

Обвенчанная с ветрами победы,
Овеянная песнями весны,
Я в этот мир пришла вести беседы
О сказках древнерусской старины.

Меня врачует заповедной речью
Застенчивая Заповедь-река.

И дивным сном напомнит мне о вечном
Сноведь-река, начав издалека.

А мимо покаянно-окаянно,
Как опосля креплёного винца,
В кустах петляет пьяной бабой Пьяна,
И в простоте не вымолвит словца...

Пускай порой куда похлеще мата
Названия, что помнят старину,
Для слов, что от рождения крылаты,
Степной простор наотмашь распахну.

Неси, братейко, перелётный ветер,
Стихи, что родились не налегке,
Вертявой Пьяне и лесной Сноведи,
И затаённой Заповедь-реке.

* * *

Нине Анатольевне Жирковой

Когда бы про столичность ни спросили,
Я вспоминаю вовсе не Москву!
Столицей вдохновения России
Я пушкинское Болдино зову.

В каком бы веке, возрасте и чине
Сюда я ни приехала опять,
Я босиком по рощице Лучинник
Люблю, подобно Пушкину, гулять.

В той роще, как поэт непредсказуем,
К моим устам таинственно приник,
Меня сжигая страстным поцелуем,
Кипящий, как Кастальский ключ, родник.

Нет-нет, не надо пафоса о вечном!
О вечном, право, лучше помолчать...
Но здесь я в каждом
встречном-поперечном
Всегда готова Пушкина узнать.

Ведь разве равнодушным мог остаться
К девчатам здешним, коих краше нет,
Дававший фору записным красавцам
Любвеобильный солнечный поэт?

Здесь, в Болдино, такие царь-девицы
На улицах встречаются порой,

Что разом забываешь про столицы,
И все столицы кажутся — дырой!

* * *

Смотрит с портрета Владимир Ильич,
Смотрит с иконы Владимир Креститель,
Как на столе воцарился кулич,
И превратилась хрущёвка в обитель.

Не вспоминая про свой партбилет,
Видя, как крашенки-яйца лелеют,
Смотрит, лукаво нахмурившись, дед,
Но возражать почему-то не смеет.

Кисти в гуашь окуная с утра
И живописцем себя ощущая,
Словно окрестная вся детвора,
Крашенки в писанки я превращаю.

Родина бодро идёт в коммунизм,
Словно в красивую добрую сказку.
Как живописен мой соцреализм
Майской порой на советскую пасху!

Бабушка средь суеты загрузит:
В храм бы, да вот искушает нечистый.
Дедушка в храм ей идти не велит.
Помни, твердит, ты жена коммуниста!

На кумачовых яичках зарю
Я вдохновенной гуашью рисую.
Женечке Чикильдину подарю
И троекратно его расцелую.

Не позабудут вовеки уста
Вкус целомудренных тех поцелуев...
Празднуем мы Воскресенье Христа,
Не поминая Всевышнего всеу.

* * *

*Светлой памяти поэта-фронтовика
Ильи Семёновича Павлова*

Не дезертиров, не вредителей —
В России судят победителей.
В патриотическом поту
Анафематствуем: «Ату!»

Ату их, бравших Будапешт,
Тупое скопище невежд.

Без них мы б пиво пить могли —
Баварское, не Жигули!

Он Зальцбург брал, он брал Берлин!
Не фронтовик, а сукин сын.
О внуках разве думал он,
Подняв в атаку батальон?

Он, бравший Секеш-вехер-вар,
Всех нас подставил под удар.
С тех пор ни внук его, ни сын
Не знают вкус венгерских вин.

Но не могли шепнуть «ату»
Тому, кто брал Алма-ату.
И кто на штык освоить мог
Заветный тыловой паёк.

Прощать уродов не впервой.
Прости меня, мой дед-герой.
Цивилизованно живём.
Баварское в России пьём.

Но что-то, братцы, без обид —
С баварского меня мутит.
И как то тянется рука
К холодной трезвости курка.

ГЛАЗЫНЬКИ САМУРАЙСКИЕ

Послесловие к стихам Дианы Кан

В современной русской поэзии минувшие полтора десятка лет отчётливо связаны с именем Дианы Кан. Лирика и гражданские стихи, миф и жёсткая инвектива — все эти формы органичны для художественного дарования поэтессы. Её интонации меняются от проникновенно мягких до саркастических, а лирический сюжет вполне может включать в свои пределы надмирное созерцание и геополитику.

Способность к строгой поэтической речи парадоксально соединена у Дианы Кан с чувством воли, берущим начало в русском фольклоре. Её слово порой отличается волшебной детскостью — так ребёнок переливает смыслы из одного звучания в другое, соединяет несоединимое, чувствует себя хозяином произносимых имён и определений.

В поэзии Кан есть широта охвата русской жизни, поразительный спектр сюжетов, множество характеров людей, которые однажды встретились автору, попали в стихи и остались в них образами — художественно ясными и живыми. Жизнелюбие, твёрдость характера её лирической героини удивительны на фоне того плача о «погибели русской земли», что длится до сих пор в отечественной поэзии с начала 90-х годов.

Историзм — скрытая черта многих произведений Дианы Кан. Время от времени он проявляется в видимых формах — как, например, в стихах о Табынской иконе Божьей Матери или о волжских атаманах. Но прежде всего — пронизывает все без исключения поэтические размышления автора о судьбах России. Так сложилось, что поэтесса с азиатским разрезом глаз впитала в свою душу огромное сюжетное и интонационное богатство русской жизни. Универсальность её взгляда на происходящее вокруг, при очень личном оттенке речи, как правило, оценивается позже — когда стихи звучат в памяти, когда реальность

машинально называется по её строке, когда другой человек плавно вписывается в её характеристику, которая, оказывается, вмещает в себя очень многих.

При очевидной склонности к лирике, у Дианы Кан очень заметно глубокое дыхание, которое мы привыкли находить в эпических произведениях. Двадцатый век, разбивший множество судеб, склонил русскую поэзию к фрагментарности, «осколочности» поэтического высказывания. В полной мере, возможно, только Юрий Кузнецов в своих поэмах о Христе дал современной русской литературе парадоксальный образец эпического жанра. Но у него уже сама авторская речь была умягчена лирикой, и это драгоценное соединение большого с малым есть замечательное достижение поэта.

У Дианы Кан нет больших поэм, она не стремится воплотить какую-либо важную тему в пространной литературной форме. Однако свод её стихотворений о родине, кажется, выдохнула грудь самой русской земли — столь велики пространство и время, что укрыты словами поэтессы, будто невесомой и прозрачной тканью, под которой видны горы и бездны, одиночество и единство, покой и стремительное движение.

Её отношения с Богом в очень малой степени выплещиваются в стихи, в которых нет громких «православных» деклараций. Но есть тихое упование на милосердие и смирение, в которых небо соединяется с землёй. Не однажды поэтесса упоминала русское родовое начало, для неё — это важнейшая опора отечественной культуры. Соединяя чувство рода с интуитивным переживанием правды, которое на Руси в последнее тысячелетие связано со Спасителем, она являет собой пример русского человека в единстве его противоречий и жажды справедливости.

Невозможно заранее представить, какая тема в самых общих чертах явит себя в стихотворениях Дианы Кан. Непредсказуемость, столь важное качество для поэта, в её случае оказывается органической чертой творчества. Все книги Кан, от первых небольших сборников до последних по времени объёмных изданий, сохраняют главные линии её поэзии. Однако любая новая вещь почти всегда у неё читается как первая в тематическом ряду.

Между тем, существует ещё одно измерение этого имени. Не перечислить молодых поэтов, которым Диана Кан так или иначе помогла обрести себя. В эпоху, когда нарушены взаимные творческие связи, Союз писателей России ослаблен целым рядом организационных проблем, она стала своеобразным центром, в котором объединяются самые разные дарования, налаживаются журнальные связи. Постепенно — месяц за месяцем, год за годом — создаётся поле горизонтального взаимодействия творческих сил русских поэтов и прозаиков. И сегодня уже многие известные литераторы могут сказать о ней с сердечной теплотой: «Наша Диана!»

Принято считать, что у неё трудный характер и вспыльчивый нрав. Очень часто такая характеристика, кажется, отодвигает в сторону её поэзию. Однако способность к состраданию и отходчивая душа удивительным образом перекликаются со строками Дианы Кан, подтверждают их человечески, лично. И делают её стихи достоверными, незримо совмещая литературу с жизнью — как бы далеко друг от друга они не отстояли в наше горькое для правды и таланта время.

Вячеслав ЛЮТЫЙ,
руководитель секции критики
Союза писателей России

ВАЛЕРИЙ ХАТЮШИН

РОССИЯ ДЕРЖИТСЯ МОЛИТВАМИ

ДАР ЛЮБВИ

В минуты слабости душевной
в себе глушил я резкий жест.
Перед толпой нещадно-гневной
Он за меня всходил на Крест.

Когда в заклятье поруганья,
жестокий суд людской кляня,
я уходил от наказания, —
Он осуждался за меня.

Не отвести беду руками.
Когда в меня под смех и вой
со всех сторон летели камни,
Он закрывал меня собой.

Я слово правды не нарушу,
стремленью верен одному —
свою ещё живую душу,
как дар любви, вручить Ему.

В ПЕЩЕРАХ

Печоры псковские, пещеры...
Дрожащий свет свечей в руках...
Мерцали своды, словно сферы
небесной тверди в облаках.

С тоской душевного похмелья
здесь я, стогрешный, пребывал.
Здесь, в лабиринтах подземелья,
монах нам тайны открывал.

В подземной мгле витал над нами
нетленных старцев глас и слух...

Вливался тёплыми волнами
мне в сердце странный сильный дух...

Здесь, как Руси живые стражи,
за веком век — во тьме святой —
лежат молитвенники наши
под монастырскою горой.

Бессмертный дар их мощной веры
из века в век спасает нас...
Мерцали своды, словно сферы
живых небес, в тот светлый час.

Я слышал ангельское пенье,
огнём сердечным осиян.
И нам вослед духовным зреньем
смотрел Крестьянкин Иоанн...

МАТЬ

Жизнь прожила, не крещена,
к труду причастна с малолетства.
По детству пронеслась война
и, растоптав, сгубила детство.

Скорбей хлебнувшая сполна,
познала все земные грозы.
И без крещенья — прощена.
Её крещеньем были слёзы.

МОЯ ЗВЕЗДА

Сияла мне в снегах Сибири
и в жёстких северных снегах,
светила мне с небесной шири
звезда на дальних берегах...

И где б моя ни шла дорога,
вела меня звезда одна —
неугасима, ясноока,
при всех ненастьях мне видна.

Я шёл за ней не понапрасну...
В душу нервную маятя
не позволяла сердцу гаснуть
звезда любви, звезда мечты...

Пусть жизнь глаза мои остудит,
пусть суждено стихам истлеть...
Но здесь, когда меня не будет,
она останется гореть.

И в мире горнем, может статься, —
всё так же будет мне светить...
Лишь только с ней мне не расстаться.
Друг другу нам — не изменить.

Тоске любви, мечте безумной
останусь верен навсегда.
В полях ночных, во мгле безлунной
сияй, гори моя звезда...

* * *

В словах, в стихах — мечтаем преуспеть,
с надеждой нервной ждём пустой награды...
И нет нам сил за правду претерпеть —
и, значит, мы ещё не знаем правды.

Скучна словес ничтожность для Небес.
Из всех наград спасёт одна — пощада.
Тем, кто взойдёт за Истину на Крест,
ни жалких слов, ни слёз не будет надо.

Пусть мы к Нему придём иным путём,
сумев ничем не отвечать злословью...
И, может быть, — не сгинем, не умрём,
уйдя из мира этого с любовью.

ТРИ ДНЯ

Как часто высший промысел сокрыт
на много лет для нашего сознанья...
На Чёрной речке Пушкин не убит.
Бог дал ему три дня для покаянья.

Три долгих дня дарованы ему —
спасительных, мучительно-высоких...
И чтоб душа не сорвалась во тьму, —
духовнику открыл он своему
и в боли сжёг отвратные уму
грехи свои за все земные сроки.

Чтоб мог исполнить он завет царя:
«Прошу, мой друг, умри как христианин»,
когда ещё пытались лекаря
утишить боль его на смертной грани.

Счастливым жребий, нет, его не спас.
Не спас и перстень Лизы Воронцовой...
Ему спасеньем стал пустынный глас:
«Моей исполнись волею суровой!»

В немой тоске, собрав остаток сил,
он вял, сражённый, неземному гласу.
И, в мыслях месть таившему, Данзасу
сказал: «Не надо мстить. Я всех простил».

И вот уже из близких никого
не узнавал он, что-то где-то слыша...
И на словах последних: «Выше, выше...»
душа, чиста, оставила его...

* * *

Низких туч безнадёжная мрачная сфера.
И сиреневый куст одиноко грустит.
Непривычная странность безлюдного сквера.
Отцветают тюльпаны и дождь моросит.

Стая серых ворон, вдалеке пролетая,
на ветру, словно чуя беду, голосит...
Непросветное небо холодного мая.
Отцветают тюльпаны и дождь моросит.

В прошлой жизни моей,
до конца не забытой,
об одном небеса я молил что есть сил...
В жизни той, ото всех,
кроме Бога, сокрытой,
отцветали тюльпаны и дождь моросил...

НАСЕЛЬНИКИ

Захвачены стальными ритмами,
летим куда-то всё быстрее...
Но Русь всегда жила молитвами
насельников монастырей.

Горды победами и битвами —
в страде войны, в сердцах людей...
А Русь ещё жива молитвами
насельников монастырей.

Наград никчёмных
жаждем скрытно мы:
мол, ярче мы и всех острее...
А наша Русь жива молитвами
насельников монастырей.

Кичимся тачками элитными
в потоке лжи, в огне страстей...

Россия держится молитвами
насельников монастырей.

* * *

Дождь разгулялся по белому свету,
спящую грусть вороша...
К тёплой зиме и холодному лету
как-то привыкла душа.

Друг мой, от нас улетевшие годы
нам помахали рукой.
Мне, поседевшему от непогоды,
даже не снится покой.

Друг мой, состарились мы незаметно,
мудрыми став неспроста:
поняли мы, что любовь безответна,
что эфемерна мечта...

Семьдесят два — это много, наверно.
Вспомню ль о том в ноябре?..
Только одно вижу я достоверно —
то, что исполнится не суеверно,
то, что останется не эфемерно:
осень, трава в серебре...

* * *

Остывшего лета последняя зелень
застыла безмолвно в последнем тепле.
И мы, будто листья, живём на пределе
сердечного света на грешной земле.

Последняя зелень остывшего лета
играет на солнце, блестит как слюда...
Без горнего в сердце, без вышнего света
мы тоже, как листья, сгорим без следа.

Сжимается август, сгущаются ночи,
на клумбах седых опадают цветы...
Без света надежды и мы, между прочим,
с тоской опадаем во мрак пустоты.

Но в заданной свыше земной круговерти
любовь и молитва завещаны нам
и, смертным, даровано всё же бессмертье,
как зелени вечной и вечным цветам.

УБИТЫЕ ПОЭТЫ

...и с просьбой о любви.

Марина Цветаева

Где правда? Что делать? Как быть?.. —
Не същем на свете ответов.
Но будем всем сердцем любить
России убитых поэтов.

В печали их сладостных строк
небесные звуки звучали.
И Пушкин, и Лермонтов знали,
что будет коротким их срок.

Под плиты безвестных могил
в нерусском злосчастном засилье
ушли Гумилёв и Васильев
в расцвете сияющих сил.

Пусть кто-то своё голосит
и множит в ответ истерию,
мы знаем: Есенин убит
в бездонной войне за Россию.

Воспевшие отчий наш кров
с такой нерастраченной силой,
Цветаева, Кедрин, Рубцов...
О Боже, прости и помилуй!

Сердечным согреем огнём
их душ не погибших порывы —
пусть дышат и светятся в нём,
покуда на свете мы живы.

* * *

А наши не придут...

А. Шигин

Их тут — давно не ждут.
Им там — теплей и краше.
Да, «наши» — не придут.
Они уже **не наши**.

Машина, дача, спорт
и сети обольщений...
Их победил комфорт.
Им прошлое — до фени.

Распался наш редут.
И нам связали руки.

Но будут – наши внуки,
которые – придут.

Они продолжат бой,
не завершённый нами.
И гордо над собой
поднимут наше знамя.

За честь святой земли
исполнят долг Победы.
И скажут: «Мы пришли.
Здесь были **наши** деды».

* * *

Мы с надеждой и верой всю жизнь
алчем вышней любви хоть немного...
Как за счастье своё ни держись,
все мы блудные дети у Бога.

Сколь ни брезжится путь впереди –
весь в соблазнах влекущих расцветок,
где по брэнной земле ни броди,
а вернётся к Отцу напоследок.

Золотые, весёлые дни
пролетят, как зима на оленях...
Сколько гордость свою ни храни,
а к Нему приползёшь на коленях...

МАСОЧНЫЙ РЕЖИМ

Разъединили, оттолкнули
и друг от друга отвели,
рукопожатья разомкнули,
объятья страхом пресекли.

Дистанционно растащили –
и нас, покорных, и весь мир.
И, перепуганным, внушили
замкнуться в сумерках квартир.

К чему неверным нам свобода?
Её даров мы избежим.
Ведь в нашу жизнь вошёл, как мода,
всесильный масочный режим...

Спешим скорей за дверью скрыться,
разделены, отчуждены...
И всё плотнее прячем лица,
ничьей не ведая вины...

НЕ ПОТОМУ ЛЬ?

Метель в последний день зимы,
как чьи-то слёзы в день прощанья...
С тобой забыть сумели мы
слова любви и обещанья.

Ты прежних чувств не береди.
Уж ничего они не значат.
Не потому ль теперь, глядя,
зима весь день о чём-то плачет?..

РАСПЯТЫЙ БОГ

Мы век за веком ждём Его схождения
в наш грешный сад,
и у Него мы просим снисхождения...
А Он распят.

Прибит. Распят. Из-под гвоздей донныне
струится кровь.
Что нам известно об Отце и Сыне? –
Бог есть любовь.

Бог есть любовь. Она над всеми дышит.
Над жизнью всей.
Холодных нас и видит Он, и слышит
из-под гвоздей.

Не допусти, Отец, Его схождения
в наш грешный сад...
И просим мы прощенья и спасенья.
А Он распят.

КРАСОТА КРЕСТА

Ветхий мир, приземлён, бескрыл,
в изуверстве греховных дел
обречён на гибель был,
всех безумств перейдя предел.

Люди жили в духовной мгле,
и была их душа пуста.
Но в безбожном кровавом зле
мир спасла красота Христа.

По исходу двух тысяч лет
мир от веры в Христа отпал:
долетев до других планет, –
вновь духовно бескрылым стал.

Веры предков иссякла соль.
Рык экранный как свист хлыста...

И опять через кровь и боль
мир спасёт красота Креста!

СВЕТ ВО ТЬМЕ

Стоит хранимый Богом Дом
времен на переломе...
Чем меньше света за окном,
тем больше света в Доме.

Где холодней ночная мгла,
там ласка звёзд теплее...

Чем в подлом мире больше зла,
тем мы добром сильнее.

А где раздор, там и разор —
бездомная дорога...
Но чем бесовский громче ор,
тем в сердце больше Бога.

И мы очнёмся от своей
душевной летаргии.
Чем тьма всемирная плотней,
тем ярче свет России.

«ОТ МЕНЯ ЭТО БЫЛО...»

О книге Валерия Хатюшина «Вино и хлеб»

«Духовная лирика» — такой подзаголовок дал Валерий Хатюшин своей новой поэтической книге «Вино и хлеб» (М. Журнал «Молодая гвардия». 2019). Книга эта, привлекающая чистотой лирического чувства и сохранённой вопреки всему внутренней тишиной — одна из самых удачных у В. Хатюшина. Стихи, вошедшие в неё, современные — без потуг на современность, просты — без потуг на простоту, лиричны — без лишнего лирического надрыва и захлёста, серьёзно глубоки — без излишней заумности и ложной философичности. Поэт абсолютно искренен и открыт перед собой и читателем, и в этом смысле перед нами, безусловно, лирическая исповедь. А если прибавить к этому неожиданный и нетривиальный составительский замысел, остаётся сказать, что эта книга читается на одном дыхании — с естественными интересом и удовольствием.

Но подзаголовок «Духовная лирика» заставляет задуматься. То, что Валерий Хатюшин называет «духовной лирикой», никакого отношения к духовной лирике в общепринятом понимании этих слов — стихотворениям, посвящённым Христу, Богородице, святым, библейским и евангельским событиям — не имеет. Перед нами лирический дневник современного человека, писавшийся

всю жизнь, поэтическое житие, записки на полях о жизни и судьбе в их соотносённости с Богом, обращение к Богу не очень воцерковлённого, как теперь принято говорить, но искренне верующего человека, который хорошо понимает, что Бог — главная часть его жизни, и постоянно размышляет о Творце мира. Книга эта — своеобразное лирическое исследование идущей к Богу души, где стихи, запечатлевшие сокровенные чувства и мысли, выступают как документальные свидетельства происходящего. И сомнений в том, что подзаголовок книге дан не случайно — не возникает.

Неизбежно вспоминается поэтическое духовное завещание святого Серафима Вырицкого «От меня это было», разговор Бога с душой человека, в котором судьба человека предстаёт как данный ему путь к Творцу: «Думал ли ты когда-либо, что всё,

касающееся тебя, касается одинаково и Меня? Ибо касающееся тебя касается зеницы Моего ока... От Меня это было». «Нет слепого случая! — пишет в „Аскетических опытах“ Игнатий Брянчанинов. — Бог управляет миром, и всё, совершающееся на небе и в поднебесной, совершается по суду премудрого и всемогущего Бога, непостижимо в премудрости и всемогуществе Своём, непостижимо в управлении Своём». Вот эту-то волю Божью о себе, Пути Господни, и пытается понять В. Хатюшин в своём поэтическом исследовании.

Валерий Хатюшин принадлежит к «перемолотому» поколению, по которому тяжёлой болью прошли все тектонические разломы эпохи. Как поэт он сложился в советское время, в предперестроечные восьмидесятые, когда большая часть интеллигенции бесповоротно распрощалась с атеизмом («Пусть атеизм вошёл в сознание, // но в душу не проникнул он»), однако перейти порог храма, стать настоящими христианами, многим в этом поколении не удалось — Бог остался для них предметом личных размышлений, исканий, постоянных внутренних стремлений и любви. Поэтическое развитие Валерия Хатюшина идёт стремительно, он следует за голосом души, прощается с губительными заблуждениями, выходит к Свету. Молодой поэт в самом начале творческого пути, замышляя грядущее, обращается к своей душе и пишет: «Коль вырвать слово из неё, // прервав молчанье золотое, — // чтоб только главное, твоё, // чтоб только самое святое». Это — поэтическое и нравственное кредо, которому он будет следовать всю жизнь. Стихи этих лет — философские размышления о Боге и бытии, попытка выбраться из атеизма, опираясь на науку и философию.

Валерия Хатюшина интересуют вечные вопросы — жизнь, смерть, вера, вселенная, душа, Бог: «К чему оставаться бессмертным // на брошенной в пропасть Земле? // Привыкнув к несчастьям несметным, // спасёмся ль в пыли и в золе?» «Брошенная в пропасть Земля» явно перекликается с пустой вселенной Александра Блока: «Года идут. Миры летят. Пустая // Вселенная глядит в нас мраком глаз. // А ты, душа, усталая, глухая, // О счастии твердишь — в который раз?..» Брошенная в пропасть Земля — апофеоз безверия, вселенная, в которой нет Бога, и душу человеческую постигает неизбежное смятение, ибо жизнь и счастье в таком мире невозможны и бессмысленны. Но наука не объясняет вечного — и её выводы тоже подвергаются сомнению. Одухотворённая, вызывающая восторг романтическая вселенная, возникающая в стихах Николая Заболоцкого, в которой присутствуют незримый и неназванный Бог и постигающий законы мироздания творческий разум ученого «Но для бездн, где летят метеоры, // Ни большого, ни малого нет, // И равно беспредельны просторы // Для микробов, людей и планет», — для Валерия Хатюшина невозможна. Человеческого познания и человеческих истин для него мало — без Божьей правды красота меркнет, а смысл бытия — исчезает. Поэт словно бы продолжает разговор, начатый Блоком, возвращаясь к корням русской веры и русского мировоззрения: «Счастье земное, придёт оно! // Краше и радостней, чем в раю. // Если воскреснуть нам не дано, // как оправдаем мы жизнь свою? // Кончится время жестоких дней, // в деле, родившемся на Руси, // старая заповедь „Не убей!“ // выльется в новую: „Воскреси!“».

Заповеди Нового Завета вопреки всему живут в русских сердцах — тысячелетнюю молитву и веру не убили за десятилетия безбожной власти. Но корни народа подрублены, устои разрушены. Перед нами мир за минуту до крушения. Поэт хорошо понимает это. Он обращается к России: «Бесцельная, плутаешь, как во мгле. // Бурьяном заросла твоя дорога. // Россия, далеко ль уйдёшь без Бога? // И есть ли путь без веры на земле?» И опять — как приговор, ободрение и благословение на дальнейший путь, вспоминаются строки из поэтического завещания Серафима Вырицкого: «Я — Бог,

располагающий обстоятельствами. Ты не случайно оказался на твоём месте, это то самое место, которое Я тебе предназначил. ...От Меня это было».

А дальше — «...безумный, неизвестный // И за сердце хватающий полёт» (А. Блок) — крушение СССР, из крупнейшей в истории мира геополитической катастрофы переросшее в крушение основ мира, бытия и человеческой души. Спокойный, прогретый солнцем антропоцентрический атеистический мир стремительно рушится, становится откровенно предапокалиптическим — здесь всё срывается с орбит, всё летит в бездну. Рушатся государства, границы, представления о мире и бытии, планы, надежды, любовь, вера, рушатся человеческие судьбы и представления о мироздании. Этот мир бьётся в сетях электронной всемирной паутины, где бродят «в лабиринтах Интернета // потерявшиеся дети...», где «мобильные зомби» «идут, уставившись в мобильники, // вокруг не видя ничего», «и, гнусавые, с экрана // смачно бесы голосят», где самолёты, сбросившие бомбы на Хиросиму и Нагасаки, возникают в небе Нью-Йорка и целятся в его высотки. Но прежде всего они целятся в Россию. Надо всем этим — ставшая вечным символом поруганной Родины чёрная тень горящего расстрелянного Дома Советов:

*Сгоревший Дом — как траурная тень...
Он был ушедшим им уже не виден...
На Красной Пресне в этот скорбный день
со всеми плакал я на панихиде.*

*Нас ждёт тоска немереных дорог,
нас в прах испелят иные грозы...
Вчера закон был с нами, нынче — Бог,
и в этот день Он видел наши слезы...*

Понимание происходящего у Валерия Хатюшина совпадает с пониманием трагических событий Татьяной Глушковой, сказавшей пасхальное «смертию смерть поправ» в те минуты, когда дым и пепел горящего расстрелянного Дома Советов ещё висели над Москвой: «Снег забинтует раненую Пресню. // Смотри: кругом — бело, и ветер стих. // Больная совесть обмирает с песнью: // „Их души водворятся во благих!“» И Глушковой, и Хатюшиным великая трагедия понимается в соотношении с вечностью — зло и смерть в мире давно побеждены Христом, и благодаря Воскресению Христову не только души убиенных будут в раю, но и распятая на Кресте Россия одолеет смерть и воскреснет. Такая безоглядная вера удивительна, потому что в рущащемся, охваченном злом мире трудно расслышать голос Бога — он заглушается тектоническим шумом разрывающихся геополитических пространств, ложью орущих средств массовой информации, болью повальных предательств, и все эти наполненные польхающей лавой разломы бытия проходят через сердца людей, через их души. Это мир крушения гуманизма, мир попранного человеческого. Но, по пророческому слову Тютчева, блаженны сумевшие расслышать высокий голос Бога в роковые минуты бытия. „Когда искушения восстанут на тебя, и враг придёт, как река, Я хочу, чтобы ты знал, что от Меня это было» (св. Серафим Вырицкий).

Валерию Хатюшину удаётся принять это высокое тютчевское блаженство. Его жизненная позиция давно обозначена, он — воин Христов в великой войне за Россию, являющуюся Престолом Божьим. Водораздел исторической правды для Хатюшина проходит по Христу: «Распявшие Христа, // убившие царя, // растлившие Россию и народ, // они на площадях // беснуются не зря, // творя раздор и брань из года в год». Нахлынувшему

мраку противостоит патриотическая Россия, представителем которой является поэт. В борьбе ада против Неба он — солдат Неба, и это его сознательный выбор.

*Одна лишь цель мне может силы дать,
не жалко жизни, чтоб её достигнуть:
Империю былую воссоздать,
врагам России по делам воздать
и Храм Спасенья на Крови воздвигнуть.*

За долгие годы противостояния нечисти, губящей Россию, мировоззрение Валерия Хатюшина, его взгляд на историю, мир, происходящее сложились как христианские — это продуманная, пережитая, переболевшая действенная вера во Христа, возросшая на конкретных поступках. И не случайно вслед за психологически точным портретом растерянного современника («Все грешные мысли свои и дела // мы копим в темнице сердец. // И съёжились мы в ожидании зла, // в погибельный веря конец») в стихах даётся беспощадный приговор эпохе, а вместе с ним — возникает точное, выстраданное и непобедимо оптимистическое понимание того, что выход — не только есть, но и есмь, и это непобедимое торжествующее ликование бытия родилось куда раньше нашего смертного мира:

*Но слова Его и любви красота
спасает наш мир каждый час.
Не ждите Антихриста, ждите Христа.
Антихрист давно среди нас.*

«Духом и истиною поклоняйтесь Богу, — писал Св. Иоанн Кронштадский. — Истиною — например, ты говоришь: да святится имя Твоё. Есть ли в тебе действительно желание, чтобы имя Божие свяtilось добрыми делами людей и твоими? Да приидет царствие Твоё; желаешь ли ты в самом деле наступления Царствия Божия... Смотри же, чтобы язык твой не был в разногласии с сердцем; не лги... Господу на молитве твоей». Вот это постоянное обдумывание истин Божьих и деятельное следование им — и есть путь, которым Валерий Хатюшин идёт к Богу. Это путь ума и действия, путь познания мира, созданного Богом, Божьей Правды и Слова Божьего и служение этой Правде поэтическим и публицистическим словом. «Помни, что всякая помеха есть Божие наставление, и потому положи в сердце своё слово, которое Я объявил тебе в сей день, — от Меня это было» (св. Серафим Вьрицкий).

Трагична и личная судьба поэта, она походит на судьбы многих живущих в больших городах современников — крушение семьи, смерть близких и острое чувство одиночества в перенаселённом, гудящем, неостановимо несущемся навстречу земным химерам городе. Поэт сознательно не выделяет себя из многоголосой, спешащей, шумящей толпы — это его поэтическая и человеческая позиция. Он — часть народа, а потому, пытаясь понять свою жизнь и судьбу, Хатюшин стремится понять свой народ, живущий по-другому, чем предки, и избывающий в городе тоску генной памяти и детских деревенских воспоминаний. Слово «толпа» употребляется здесь не в пушкинском понимании слова, это не «тупая чернь», противостоящая поэту, не в понимании Ортеги-и-Гассета как восстание обезличенных масс — это полноводная текущая народная река с втянутыми в её водовороты ярчайшими личностями, зачастую покалеченными миром, ввергнутыми в губительный «апокалипсис мел-

кого греха» (св. Иоанн Шанхайский), но не утратившими самобытности и самостояния.

Валерий Хатюшин — такой же, как тысячи его современников, спешащих по своим делам в метро, несущихся по проспектам, он — один из обитателей гудящей много-миллионноквартирной многоэтажки, называемой столицей, один из миллионов, вдыхающих дымный воздух ночного города. «Я на воздух из квартиры выхожу, // по сырому снегу в сумерках брожу. // Хлесткий ветер бьёт в лицо со всех сторон, // слышу гнущихся деревьев тихий стон. // Жёлтый свет течёт из каждого окна, // и душа ещё сильнее напряжена». Над городскими многоэтажками трудно разглядеть небо. Поэтому временами поэта захлёстывают отчаянье, ощущение бессмысленности происходящего, бессмысленности бытия: «Будет город беззвёздный и смрадный // душу в адские муки ввергать, // будет пламя тоски беспощадной // грудь мою день за днём прожигать. // ...Но в московском отчаянье грешном // мне приснится земли уголок, // где в просторе полей белоснежном // я от скверны очиститься мог», — не в первый раз в стихах возникает образ утерянной деревни, утраченной природы, разрушенной России — как образ утерянного эдемского сада. Но и в отчаянье, и в беде с городского дымного беззвёздного неба слышен голос Бога: «Ты создавал себе свои планы и принёс их Мне, чтобы я благословил их. Но я хочу, чтобы ты предоставил Мне распоряжаться обстоятельствами твоей жизни... От Меня это было» (св. Серафим Вырицкий).

Стилистический строй стиха Валерия Хатюшина тоже подчёркивает его неразделимость с народом, с тысячами собратьев по бытию. Внутренне Хатюшин ориентируется на лёгкий летящий стих Пушкина — но вместе с тем это речь нашего современника, максимально приближённая к разговорной речи, без нарочитых, бросающихся в глаза образов, попыток поразить яркостью — и тут поэт, верный себе, желает соответствовать правде бытия. Не отделять себя от народа — нравственный выбор, и потому рассказ о личной судьбе и личных исканиях становится общезначимым и приобретает особую важность и глубину — ведь то, что происходит с автором этой книги, происходит со многими:

*Темно-серая, промозглая зима.
В четырёх своих углах схожу с ума.*

*То мне кажется, что где-то плачет дочь
и зовёт, а я бессилён ей помочь.*

*То почувствую, что мать совсем плоха —
и гоню тоску подальше от греха...*

Мать и дочь — две точки нравственного отсчёта, нерушимой и негасимой земной любви. Но и эта любовь горька и трагична. Болезнь и угасание матери: «Наркоза тягостный провал... // Надежд больничных упования... // Я вместе с ней переживал // её безумные страдания». Разлука с дочерью — печальный результат крушения семьи: «Не дано нам встретиться, Алёна... // Мать Божью столько долгих дней // всё прошу я сердцем воспалённым // развязать узлы беды моей». Поэт остро переживает и осознает и трагичность бытия, и свои собственные несовершенство и грешность. В чём был неправ? Почему так происходит? — вечные больные вопросы. Неизбежно приходят отчаянье и ропот — можно ли столько беды перенести одному человеку? Можно ли столько горя перенести каждому в этой спешащей, бесконечной шумной

толпе? И опять вспоминается стихотворение Александра Блока: «И, уцепясь за край скользящий острый, // И слушая всегда жужжащий звон, — // Не сходим ли с ума мы в смене пёстрой // Придуманых причин, пространств, времён...» Всё тщетно! Всё бессмысленно! Но и на это отчаянье Бог уже дал ответ поэтическими строками св. Серафима Вырицкого: «Не получаешь ты долго известий от близких и дорогих тебе людей и по малодушию твоему впадаешь в отчаяние и ропот, знай — от Меня это было. Ибо этим томлением твоего духа Я испытываю крепость веры твоей...»

Валерий Хатюшин в стихах предельно открыт и исповедален — он всегда идёт за нахлынувшей лирической волной, но вместе с тем с пристальным вниманием наблюдает за глубинами души, отдавая себе отчёт в сути происходящего и не скрывая от себя внутреннего разлада: «Жил я в азарте безумных утех. // Ангел отмаливал каждый мой грех. // Счастья искал я, невзгоды кляня. // Ангел прощенья просил за меня. // Сердце рвалось и скулило в крови. // Ангел шептал мне во сне о любви». Этот связующий с Богом Свет, ангел, постоянно шепчущий во сне о любви, подсказывает душе, как ей выйти из тьмы греха и бесконечных тупиков эпохи. «Бог есть Любовь», а потому следования путём ума, желания понять Правду Божью явно мало для того, чтобы осилить судьбу. Что удивляет в стихах Валерия Хатюшина — среди бесконечного гама и шума мегаполиса, среди камнепада и тектонической лавы эпохи ему удалось сохранить чистоту лирического чувства, редкую в наши дни тишину души и присущую с детства нежность ко всему живому. Нежность эта, пожалуй, сродни есенинской, несмотря на совершенно иной строй стиха. По природе своего таланта Валерий Хатюшин — прежде всего лирик. Когда он пишет о природе — лирическая струя бьёт, как незамутнённый лесной ключ, возвращая земные творения Божьи под первозданную сень эдемского сада. И сердце человеческое, следуя властной лирической природе стиха, жаждет раскрыться Божественной любви:

*Предназначенье нашей жизни бренной —
не объяснить, не разгадать вовек.
Есть два созданья высших во Вселенной,
Божественных — цветов и человек.*

*И если в ком-то мы души не чаем, —
волненье дышит и у нас в крови.
Даря цветы, друг другу мы вручаем
частицу той Божественной любви.*

Есть в русской поэзии феномен, о котором хорошо знают поэты: при свойственной каждому из них несомненной, не скрываемой и хорошо осознаваемой грешности, когда они пишут стихи, подчиняясь поднимающей и преображающей волне вдохновения, — сердца их чисты: всё лишнее, ненужное, сиюминутное, наносное из них уходит. Конечно, речь идёт не о той чистоте сердца, которая даётся Богом святым. И всё же сама природа поэтического слова преображает поэта, поднимает его до целомудренной бездны стиха, как писал Заболоцкий. О преображающей силе поэзии свидетельствовали многие, среди них — Евгений Баратынский: «Душа певца, согласно излитая, // Разрешена от всех своих скорбей; // И чистоту поэзия святая // И мир отдаст причастнице своей». Причастие поэзии — это причастие высокому земному слову. Но до Бога Слова и до причастия Христу от него лежит бесконечно долгий путь.

Так в трудную трагическую эпоху сложилась судьба одного из наших современников, похожая и непохожая на тысячи судеб живущих рядом людей. Пройдя путями Земли, он вкусил вина и хлеба жизни и стал причастен ко всему, что происходит на планете. Но выполнил ли он Божью волю о себе? Неизбежно наступает щемящая осенняя пора подведения итогов, раздумий, переосмысления и примирения со всем. Оглядываясь на пройденный путь, поэт в который раз пытается понять тайный смысл происходящего:

*Судьба, судьба, как странно ты сложилась!..
Была необъяснима жизнь моя.
Но шла за мною Божеская милость
и следом — беспощадность бытия.*

*Каким-то чудом выжил я на свете,
нисколько не озлобившись душой.
Смотрю с улыбкой, как играют дети,
как сквер сияет молодой листвой.*

*Была мне тайна высшая открыта
и о любви шептал мне каждый куст...
Я всё же выжил... Но страна — разбита,
и дом унылый — холоден и пуст.*

И всё-таки внутренний свет, тепло и любовь, которыми согрето стихотворение, заставляют усомниться в печальной трезвости последних строк. «Беспощадность бытия» в душе Валерия Хатюшина давно отступила перед щедрым светом идущей за ним божеской милости. Пришли смирение, спокойное примирение и с жизнью, и со смертью, неизбежные на зрелом земном рубеже. И высшая тайна Любви, разлитой в воздухе мира, открывшаяся поэту давно, перевесила все прошедшие печали — не зря каждый куст здесь шепчет о любви и каждый цветок передаёт вести от Бога: «...всякое жало притупится, когда ты научишься во всем видеть Меня. Всё послано Мною для совершенствования души твоей, — от Меня это было» (св. Серафим Вырицкий).

Вместе с приятием жизни, смерти, судьбы, примирением и прощением — в сердце поэта врывается живой солнечный луч вечной жизни — это пасхальная весть, вечная радость бытия, награда за терпение, труд, смирение и любовь. Человеку не дано окончательно преодолеть земное, и всё же осилившая земные пути душа поднимается ввысь, преодолевая силу притяжения влекущей к себе материи. Прощающий будет прощён. Эта личная победа, дарованная Христом, мгновенно преображает все чувства и мысли: «С бытийной круговерти // сойду без шумной тризны. // Родившийся для смерти, // умру для вечной жизни». Почувствовавшее стремительный солнечный божественный ветер вечного бытия сердце раскрывается долгожданным прозрением и покаянием — раскрывается Христу:

*Как много лет, мой друг, поверь,
в потёмках я блуждал.
Христос в мою стучался дверь,
но я не открывал.*

*Я оставался глух и слеп,
мне было знать смешно,
чьим телом был мой чёрный хлеб
и кровью чьей — вино.*

После этого стихотворения восприятие книги резко меняется — как в русских иконах, происходящее начинает восприниматься в обратной перспективе: главное по мере удаления не уменьшается, а увеличивается, избирательно высвечивается, восприятие важности событий становится сакральным, смысловым. При этом, как замечал П. А. Флоренский, образуется символическое пространство, связывающее зрителя с миром символических образов горнего мира, и всё, прожитое поэтом до этого мига, видится совершенно по-другому. Всё, что происходило в жизни поэта, происходило именно для этого мгновения — для того, чтобы человек осознал, что всё дано ему Богом, что Христос всегда стоял рядом, всегда стучался в его сердце. Книга Валерия Хатюшина из лирической мгновенно превращается в документальную — в важное поэтическое свидетельство того, что Бог в судьбе человека присутствует всегда. Вся жизнь поэта видится как единая мысль о Боге, как путь к Богу, как подспудная молитва, интуитивное прошение к Христу — *позволь мне к Тебе прийти!* Ибо без позволения Христа человек прийти к нему не может. И когда эти два моления — постоянно обращённый к нам зов Христа: «Приди!», заглушаемый гулом времени, грехами, страстями, нерадением, и человеческая молитва — долгая упорная, подспудная, неотступная — сливаются воедино, происходит главное чудо:

*...Я знаю, кто спасал меня —
чья кровь и тело чьё.
И ответ горнего огня
изжег лицо моё...*

*Как много, друг, больших потерь,
как сердцем я устал...
...Христос в мою стучался дверь,
и я — не открывал...*

Новым, небесным светом после этих строк высвечивается название книги «Вино и хлеб», новым смыслом и новой Любовью высвечивается судьба — это Христос бережно и неотступно вёл поэта путями земли к причастию — Своим Телу и Крови. Так вино и хлеб жизни благодатью Христа преображаются в вечные Вино и Хлеб Святых Даров.

Да, это духовная лирика, и более того — эта книга, писавшаяся всю жизнь, — очень важное для многих современников непридуманное свидетельство о внутренней жизни человека и о том, что Христос с нами всегда. «А потому положи в сердце своё слова, которые Я объявил тебе сегодня: от Меня это было. Ибо это не пустое для тебя, но это — жизнь твоя» (св. Серафим Вырицкий).

Наталья ЕГОРОВА
г. Смоленск

КАРИНА СЕЙДАМЕТОВА

ОГНИВО

* * *

Век мой китежный, отражение
Бела-облака в озерце...
От искристой воды свечение,
Отсвет радости на лице

Углядеть я пытаюсь истоиво.
Обмануться боюсь стократ.
Лишь вода золотится искрами...
Кто ты мне: ни отец, ни брат?..

На твой берег пришла смиренная,
Зорким солнцем всплыву со дна.
Будет истина сокровенная –
Преднабатная тишина.

Обниманья – рассветы ёмкие,
Целованья – денниц пожар –
Нам, земным, поднебесной кромкою
Улыбается Светлояр.

И сокрытый до дня заветного
Предо мной – триедино свят! –
Ты откроешься, семиветровый,
Мил-сердечный мой, Китеж-град.

Стон набатный как сон срывается,
С колоколен струит вода,
Когда с веком своим встречаются
И прощаются навсегда.

И на крыльях стрижей возносится
Зримый, видимый за версту,
Свет от встречи до неба с проседью
Из отверстых вод в высоту.

* * *

*А я развеян ветрами...
Гарсия Лорка*

Обещанья мужские недорого стоят –
Легковесней пуха, прочней пера!
Ничего, мой хороший, ломать – не строить,
Знать, боярышнику вызреть пришла пора...

Правды – ни на грош: не сентябрь – истома.
Драгоценный мой, не продешеви:
Увлечениями ветренными влекомые
Недалече бегают от любви!

Не случайно сказано: «смерть – полушка»,
Отцветает и отгорает влёт!
И зардевшей барынькой-хохотушкой
Осень (царственная побирושка!),
Все плоды пособрав в подола, придёт

И упрямо посмотрит – молча, мороча,
Обметая равнины красой-лиственной.
Мокнуть под дождём нету больше мочи,
...Раскидал боярышник своё узорочье –
Раскидало по осени нас с тобой.

Оправдаться неужто достанет духа?
Но, не веря обещаниям и дарам,
Пожелаю себе ни пера ни пуха,
А тебя посылаю ко всем ветрам!

* * *

То тюркская, то скифская царевна...
Две крови древних напитали вены,
Сражаются, вращая жизни ось,
В них страсть и нежность, доброта и злость.

Две стороны одной луны мерцают.
И я за обе, как могу, молюсь...
Когда клянут друг друга Золотая
Орда-беда и грусть-Святая Русь.

Наследье предков – роковая мета!..
Не потому ль характер мой суров?
В нем царствует татарин Сейдаметов
И властвует казак – Пономарёв?

Правители судьбы моей строптивой,
Два рода: кочевой и боевой –
Кресало и кремь, а я – огниво
Фамильной жгучей связи родовой...

* * *

Божия милость резка.
Правда – не тёмная копоть.
Шип от сухого бруска
Впился занозой под ноготь

И поперёк, и повдоль
Ноет, кровит, нарывает,
Но через жгучую боль
Вновь ощущаю – жива я...

В барном плену куража
Мир забывая устало,
Здесь ни к чему обнажать
Слово – пчелиное жало.

Злобным занозным речам
Верится волей-неволей.
Свойственно слову крепчать,
Душу ужалив до боли.

Чтобы сквозь боль и огонь
Пришлого, подлого, злого
Солнцем сочиться – лишь тронь! –
В жизненных сотах медовых.

* * *

С. К.

Выцветают в доме занавески,
А недавно радостно цвели
Бликов расписные арабески,
Поднимались к небу от земли.

Аргументы вески, речи резки –
Некогда подумать об ином...
Выцветают в доме занавески
Вовсе не от солнца за окном.

И разлад на жизненном отрезке –
Камень преткновения в пути
Может, нам двоим в разлучном блеске
Судьбы наши заново скрестить?

Пусть и говорить сегодня не с кем
О мечте, что выгорев дотла,
В прихотливой вязи арабесок
Тайно зашифрована была.

* * *

Всё это есть. Видишь, всё это здесь:
Радость роднится с печалью,
Лисью хвалу и крысиную спесь
Ласточки в небо умчали.

Ливень обрушился с хрупких небес,
Словно шальной новобрачной...
Всё это есть. Слышишь? – Всё это лес.
Капли сквозные прозрачны.

Всё это вспомнилось, всё это есть:
Осень не стала июном,
С ливнем блажная нахлынула весть
Та, что должна быть благою!..

Весть, что по огненным листьям рудым,
Радости не отвергая,
Въедливой осени лиственный дым
Поздним теплом настагает.

Тех, кто взахлёб целовал листвою
Истина встретит нагая...
Двух своевольниц. Не нас ли с тобой,
Осень моя дорогая?..

* * *

Дни проходят один на другой:
Монотонней, рассудочней, строже.
Мы не стали друг другу дороже
Этой жгучей злорадной зимой.

Откровением солнце взошло.
С неба валяются снежные хлопья,

Низко падать – привычка холопья,
Снег таит, а не тает. Тепло...

Нам ниспущена свыше зима,
Чтобы выбелить грешные мысли,
Гнётся радужное коромысло
И сугробов полны закрома.

Прогоняя февральские сны,
Скинув снег и расправив иголки,
Снова станет надменной и колкой
Корабельная мачта сосны.

Вот и я в бесприютность смотря,
Взглядом лёд на стекле выжигаю...
Как союзница близкого мая
Мне навстречу светает заря...

У природы своё ремесло –
Завершать, начиная сначала...
Я сегодня любовь проморгала
Так легко, что до слёз тяжело!..

* * *

Чураюсь собственного смеха,
Смятенна – ни добра, ни зла.
Моё обманчивое эхо –
Роса и мгла

По маргариткам, горюцветам,
По заговорам бытия
Приду в люпиновое лето,
Где ты и я...

И яблочные плодопады
Биению сердца в унисон,
И, робкие, украдкой, взгляды –
Дурманный сон.

И жизнь сквозь этот морок снится,
Искрится в обморочной мгле...
И лунная роса на лицах

И на земле.

Ко мне идёшь ты – неужели? –
Сквозь череду своих побед,
Где от постели до постели
Лишь лунный свет.

И в укоризненной улыбке
Кривится блеклый серп луны...
Все упования и ошибки
Обнажены,

Смятенье разбавляя смехом,
Спасаться от добра и зла?..
Нам расставанье не помеха –
Роса и мгла.

* * *

Знаете, как закаляют клинки –
Чудо стального металла?
Медленным отжигом с быстрой реки,
Огнём и водою талой...

Пусть он отражает речную гладь,
Чтоб вдребезги раскололась...
Чтобы умел на лету рассекать
Ветер степной – конский волос.

Но что же победней: кровь или сталь? –
Сердце рванётся навстречу
Клину кинжальных летающих стай –
Пламенных противоречий.

Небо и землю сжигаю дотла,
Поле и лес заклинаю:
Только бы снова сплотить нас смогла
Кровная сила стальная!

В омутном плеске реки молодой,
Там, где не ведают брода.
Лишь покачнётся клинок над водой –
Сердце уходит под воду...

Одно не пойму, ведь был же за домом лес.
Почти что уверен, он был, а теперь исчез.
Теперь там бурлит эта чёрная-чёрная мгла.
И с каждым днём гуще она,
И ближе она.

* * *

На землю из-за огромных врат
Хлынули орды, хлынули боль и смрад.
Чёрные кони давят волной траву,
Судно с врагами с шумом скользит по льду.

А в моём саду тишина и блажь.
Стебель подсолнуха там одинокий страж,
Там правят на равных пырей и яблоня
Землём, которой касался один лишь я.

Знаю, есть земли за просекой на восток,
Огненные реки там лижут святой песок.
Знаю, на западе Истина по полям
Стелется, словно густой бурьян.

Знание это тревожит предел границ,
Громче поёт всех моих нежных птиц.
Но верю, лишь сад моего сознания
Один достоин спасения и старания.

* * *

Красный стрелял папиросы у белого.
Шумело могучее древнее дерево.
— Нема табака, давись-ка яблоком,
Дивись по небу летящим ангелом.

— Тоска, офицер. Объясни по новой.
Я же пришиб тебя в роще дубовой,
Потом подскочили твои орлы.
И вот мы тут, а вокруг сады.

— Эх, дурья башка, ответь на вопрос,
Ты мамку любил, пока дома рос?
Любил Россию? Советскую власть?
Чего молчишь, на меня косясь?

— Ну да, ну любил я свою страну,
А больше неё — детей и жену.

Причём здесь наша с тобой история?
Чья вокруг нас лежит территория?

— Всё просто, мой враг, убийца и брат,
Стоим по ту сторону крайних врат.
Во имя любви тёк кровавый сок,
Легли за неё, а она есть Бог.

* * *

Работаю в очень странном месте —
Радиостанция где-то в бездне.

Собственно, толком ничего неизвестно.
Я здесь, где темно и тесно.

Сколько эфирного времени Бог подаст,
Буду вести безымянный я свой подкаст.

Разве меня кто-то слушает по ту сторону?
Вроде сижу один, а зарплата — поровну.

Тянутся кабели к штекерам изнутри.
Я говорю о *вселенской большой любви*.

Когда устаю от единственной
важной темы,
Ставлю прогноз погоды и крест на вены.

* * *

Утро. Медь вызревает в небе,
жизнь предстаёт понемногу.
В дороге мысль о насущном хлебе
часто приводит к богу.
В окружении солнечных тонких рук
я вижу свою свободу.
Она грызёт короткий мундштук,
а глаза выдают породу.

Свобода моя золотых времён,
племён кочевых потомок.
Пока не знакомы, пока воротит
от пёстрых её котомок.
Пока тысячи прочих сжимают
в руках её сутулые плечи,
Я от свободы, как от чумы,
бегу до следующей встречи.

* * *

«Чирк» — колесо зажигалки делает оборот. В небе без звёзд и бога
Она провожает взглядом куда-то (она там уже была),
Она провожает взглядом куда-то В башне, где спят уставшие
бредущий год. за день колокола.
Жерди ограды чернеют,
нахмурились фонари. Ищет ответ на самый главный
Гори, огонёк сигареты! вопрос — зачем?
раз не горит внутри. Но не хватает искры
между вселенских клемм.
Ищет под первым снегом, Но не хватает света в мире её, и вот...
в тёмном нутре витрин, «Чирк» — колесо зажигалки делает оборот.
В качке идущих мимо по сизой улице спин,

ТЫ, ПОМНИШЬ, ТОВАРИЩ...

ПЁТР МУРАТОВ

ПОГРЕБ

полная версия

От редакции. Автор этого очерка в своём письме напомнил нам о том, что тридцать лет назад произошло событие, названное политиками **демонстрацией Союзного договора**. Союз Советских Социалистических республик перестал тогда существовать как государство.

В публикации «Погреб» подробно рассказывается о том, как переживали времена горбачёвской «перестройки» жители посёлка Кольцово Новосибирской области, где силами учёных, инженеров, рабочих создавался научный центр «Вектор», спасающий ныне Россию от коронавирусной напасти.

— Подскажите мне, пожалуйста, где зимой хранить картошку?! — Я в упор смотрел на сидевших за длинным столом членов административной комиссии нашего поселкового совета.

В ответ — тишина. И не просто тишина — удручённое, гнетущее безмолвие. Даже поднять глаза на меня никто не осмеливался, настолько я был убедителен в незамысловатой житейской правоте поставленного ребром вопроса...

Эта любопытная и знаковая история произошла в августе-сентябре 1987 года, в самый канун юбилейных торжеств. Подумать только: Великому Октябрю — 70 лет! Новейшей истории мира, самому прогрессивному строю, новому передовому бесклассовому обществу, лишённому антагонистических противоречий — уже целых семь победных десятилетий! А на дворе после «застоя» — торжество новой стратегии «обновления социализма, Перестройки, Гласности и Ускорения». Вся советская страна, всё прогрессивное человечество готовилось широко отпраздновать славную веху мировой истории! Ура, товарищи!

Но... вот незадача: накануне бесследно исчез секретарь парткома нашего Научно-производственного объединения (НПО) «Вектор» Осинников (*фамилия изменена*). Я его почти не знал, но регулярно видел на торжественных заседаниях трудового коллектива, непременно в президиуме, сталкивался с ним в коридорах административного корпуса «Вектора». Приятен внешне, не старше сорока, в неизменной костюмно-галстучной номенклатурной «униформе». Типичный освобождённый партийный функционер Осинников, безусловно, имел безупречную характеристику, «чистое» личное дело, нужные рекомендации и прочее-прочее. И по-другому тогда быть не могло, учитывая режимный статус организации, где ему выпала нелёгкая и ответственная доля парторга.

Двумя годами раньше мы вдвоём с беременной женой Светланой, оба молодые специалисты с годичным трудовым стажем, приходили на приём к руководству по личным вопросам. Вопрос был один, самый животрепещущий: жильё. Рассматривала вопрос «тройка» в составе генерального директора «Вектор» академика Льва Сандахчиева (в то время члена-корреспондента АН СССР), его заместителя по быту Павла Белозёрова и нашего уважаемого партийного «босса». Пределом наших с супругой мечтаний была отдельная комната в общежитии, где мы к тому времени и проживали — на своём койко-месте каждый. Пред ясны очи «тройки» нам по записи предстояло заходить первыми. Мы, волнуясь, пришли раньше начала заседания. Пораньше прибыл и Осинников. Завидев нас, он подошёл, и, скользнув масляными глазами по фигурке моей Светланы, осведомился: «Молодая семья?» И очаровательно улыбнулся.

Не помню уже, какие мы тогда приводили аргументы — думается, «тройка» и так знала их наизусть, но главные козыри на руках у нас имелись: характеристики на каждого с обязательной формулировкой-штампом: «В коллективе пользуется уважением, политически грамотен, морально устойчив, в быту скромнен», а также ходатайства трудовых коллективов и комитета комсомола. Благодетели пообещали нам содействие в выделении отдельной «ячейки».

Комнатку в итоге дали. Жена к тому времени успела выйти в декретный отпуск. Но и помотать нервы пришлось, не без этого! Не забыть, как на повышенных тонах, сжав кулаки, пришлось мне толковать с замом по быту Белозёровым. Но главное — результат. Мы были счастливы! Была ли в этом личная заслуга парторга, не ведаем, но мы решили — была.

И вот почти через два года Осинников бесследно пропал...

* * *

К славному юбилею Октября мы с женой тоже подготовили подарок: на свет божий вот-вот должен был появиться ещё один «строитель коммунизма». Первой была дочка Люсенька в возрасте одного года и восьми месяцев. Специально к праздничной дате мы не подгадывали — так получилось. Но к рождению второго ребёнка, умудрённые опытом первенца, подготовились основательно. Комнатку метражом в целых восемнадцать квадратов обжили, «джентльменский» набор советского человека (холодильник, черно-белый телевизор, стиральную машину) заимели — живи-радуйся!

Общача наша имела свои плюсы и минусы. Главный плюс: высоченные, в три с половиной метра потолка, благодаря чему комната выглядела очень просторной, светлой — окна были соразмерны высоте помещения, в новом жилище легко дышалось. Привилегия высоких потолков досталась от прошлого. Два стоящих друг подле друга четырехэтажных здания общежитий должны были служить казармами с двухъярусными койками для солдат стройбата. Жители общач, кто порукастей, даже умудрялись сооружать вторые этажи внутри комнат.

Первоначально планировалось, что корпуса нашего НПО и жилой посёлок для его сотрудников будут возводить военные строители. Но «наверху» переиграли — в результате и то, и другое строили заключённые. А казармы превратились в общежития.

Каждый день из городской тюрьмы прибывала колонна из двадцати трёхосных бортовых «ЗИЛков» с железными будками в кузовах и конвоем из двух солдат на каждую машину. Конвоиры сидели на приступках у заднего борта, зажав между колен автоматы. «Зековозки», всегда с включёнными фарами, на довольно

большой скорости проносились по дороге. Будки имели зарешёченные проёмы — я всегда с грустью смотрел на скрюченные пальцы, вцепившиеся в толстые прутья решёток.

Заключённые, облачённые в чёрные робы, сапоги и круглые кепки с козырьком, работали за высоким забором с колючей проволокой и со сторожевыми вышками по периметру. Каждый час происходила смена часовых, вооружённых «калашниковыми». Очень оживляли неспешную жизнь строительной зоны родственники, кореша, подруги и жёны зеков, приходивших под забор на несанкционированные свидания. Они перебрасывали через забор, раскрутив, словно пращу, пачки папирос и чая. Солдаты их гоняли, но как-то не сильно активно: видимо, существовал негласный уговор с зеками, что куревом и чифиром всё ограничится.

Как-то около меня шлёпнулся камешек, завёрнутый в бумагу. Поднял голову: зек с крыши строящегося дома знаком показывал: подними! Внутри оказались записка и пятирублевая купюра. В записке просьба: «Помогите, пожалуйста, единственному греку в Сибири, пошлите телеграмму по этому адресу», и дальше текст с признанием в любви какой-то женщине — написано довольно возвышенно и грамотно. При оформлении на почте знакомая телеграфистка удивлённо посматривала на меня, пришлось объяснить. Денег на телеграмму ушло около двух рублей, остальное пришлось взять в качестве вознаграждения.

Словом, мои детишки росли, впитав «с молоком матери», что забор — значит зона, а зона — значит зеки. Однажды, гостя у родителей в Казани, полуторагодовалый сынок, играя, забежал за какой-то забор. Сестрёнка, сама ненамного старше его, увидев, истошно закричала: «Славик, ты куда побежал?! Там зеки-зеки!» Прохожие аж остановились, недоуменно разглядывая моих детей.

На ночь охрану со стройзон снимали. Рассказывали, что в это время внутрь пробирались женщины лёгкого поведения — зеки их оберегали, кормили, обхаживали, да и за услуги платили, разумеется.

Обитали на зоне и кошки с собаками. Заключённые о них заботились. Мне довелось наблюдать, как сиделец кормит щенка и при этом материт его. Столько тепла и ласки вкладывал он в каждое матерное слово!

А ещё среди зеков были мастера с золотыми руками. В посёлке процветала негласная торговля их поделками — наверное, в каждой семье имелась хоть одна красиво вырезанная из дерева и красочно оформленная разделочная кухонная доска. Но и на стройке они работали, надо сказать, довольно качественно. Правда, вполне могли оставить «сюрприз»: например, заварить и закрасить, непременно между перекрытиями, лом вместо трубы отопления, замуровать в стенку дохлую кошку или крысу для «аромата» или залить в канализацию ведёрко цементного раствора. На память.

Так или иначе, успели спроектировать и построить небольшой военный городок — несостоявшуюся воинскую часть стройбата. Даже название осталось — «ВСО» (военно-строительный отряд). Позже переименовали в «АБК» — административно-бытовой комплекс, но многие по привычке говорили «ВСО». Здания приспособили под общежития, а одну казарму — под больницу.

Армейский клуб превратился в дом культуры — там проводили собрания, крутили кино, работали кружки. Однажды совершенно непостижимым образом в наш забытый богом ДК занесло легендарного Вячеслава Бутусова с его невероятно популярным в те годы «Наутилусом Помпилиусом». Нам со Светой с большим трудом удалось попасть на тот незабываемый концерт.

Ангáры для техники стали складами, ДОС (дом офицерского состава) и другие здания — административными корпусами, на месте незаасфальтированного

плаца разбили сквер с ёлочками. Для обитателей общаг ещё одним большим плюсом стало использование по прямому назначению военной медсанчасти — под поликлинику.

Вот так, в чистом в поле, километрах в тридцати от Новосибирска и в восемнадцати от Академгородка, по соседству с небольшой деревней Двуречье (в народе чаще говорили «Кирзавод») и возник наш маленький своеобразный околоток — АБК. С одной стороны — сосновый лес, с другой, в сторону «Вектора» — засеянное овсом вперемежку с горохом поле, в сторону Кольцова — пустырь, поросший душистым луговым разнотравьем. Место почти санаторное. Зимой между зданиями — густая сеть заячьих, а иногда и лисьих, следов, летом и осенью — почти под окнами грибы.

Административно АБК относился к Кольцову, имевшему статус «рабочего посёлка». До Кольцова два километра, пешком минут 25–30, в зависимости от погоды и времени года. На своих двоих было надёжнее, ибо автобусы ходили редко. Да и сбои в графике движения случались, что стало главным минусом проживания в общаге на АБК, ибо единственный магазин находился в Кольцове.

* * *

Та пора была временем царствования Его Величества Дефицита. Жратвы в стране хронически не хватало, поэтому всем выдавались талоны для нормированного отоваривания (за деньги) некоторых особо дефицитных продуктов. Талоны выдавались ежемесячно по месту жительства, в общаге их раздачей заведовала комендантша. И если сливочное масло всегда было одинаковым, то мясопродукты (килограмм мяса или полкилограмма колбасных изделий на человека в месяц) сильно различались по ассортименту. Вождённое «кило» могли отоварить как в виде постной мясной вырезки, так и в виде супового набора (кости со следами мяса постоянно имелись в наличии, бери — не хочу). То же самое по колбасе: либо «полкило» условного субпродукта розового цвета с подобием запаха в прозрачной полимерной оболочке по два-двадцать, либо дефицитный полукопчёный сервилатик. На что нарвёшься, как повезёт...

Везло тем, у кого в семье были неработающие или пенсионеры. С открытия магазина в нём постоянно дежурили люди в ожидании дефицита, который, как тогда выражались, «выкидывали», то есть выставляли на продажу. Со временем возникло некое подобие клуба общения пожилых людей из числа дежуривших. Отопительные батареи вдоль длинного окна магазина были взяты в деревянный короб, очень удобный для сидения. Когда моя мама приезжала к нам, она тоже там дежурила в ожидании заветного дефицита, подружившись со многими завсегдатаями. Моим родителям удавалось по нескольку раз в год приезжать в командировки в Новосибирск и подкидывать нам продуктов, поскольку в Казани снабжение было получше, чем у нас, к тому же папа частенько затаривался в Москве. Это было хорошим подспорьем.

Но каково было работающим? Нам зачастую доставались только рожки да ножи, в прямом смысле слова. Впрочем, иногда можно было перехватить у деревенских до-машнее молоко или картошку, но втридорога.

Торговые работники имели немалый вес в обществе, все с ними старались дружить. Директором кольцовского магазина работал всеми уважаемый Сан Саныч — представительный, преисполненный чувства собственной значимости моложавый мужчина средних лет. Докторам наук, работникам режимных спецотделов, научным сотрудникам с воинскими званиями (мы их звали «золотопогонниками»), а также

охранявшим «Вектор» прапорщикам полагались спецпайки. Нам же, простым «труженикам науки» — только бесплатные талоны на молоко за вредность по поллитра в день.

Молоко в магазине тоже не всегда имелось в продаже, не говоря уже про творог. А ведь моей благоверной пришлось сходить из декрета в декрет. Нашего литра не хватало (а после ухода в декретный отпуск молочные служебные талоны ей, как неработающей, вообще не полагались), поскольку большую часть молока мы сквашивали и пускали на творожок — над умывальником в комнате всегда висел капающий сывороткой мешочек. Выручали сотрудники моего отдела, которым было лень или недосуг отоваривать в служебном буфете свои молочные талоны. Но и туда полагавшегося по закону молока привозили недостаточно! Я скооперировался с одним сотрудником — мы по очереди занимали место друг для друга возле двери перед открытием буфета в обеденный перерыв. Влетев в первых рядах, мы сразу же хватали ящик, отбегали с ним в сторонку и меняли принесённые пустые бутылки на полные. В ящике, как сейчас помню, было двенадцать пол-литровых бутылок — по три литра ценного напитка на брата. И каждый день я шёл на работу под весёлый перезвон пустой тары.

Отдельная тема — спирт! Специфика нашего учреждения такова, что его для работы требовалось не просто много, а очень много: для дезинфекции и микробиологических горелок. Причём спирт, хоть и не медицинский, был очень чистым и хорошего качества. В Кольцове «це-два-аш-пять-о-аш» служил универсальной валютой, что было очень актуально в свете принятого в 1985 году «сухого закона» имени Горбачёва.

Да-а-а... Спиртовой бартер был особым видом «творчества». На него менялось всё, что можно, благодаря ему возводились личные гаражи и дачи. Гаражный кооператив, что за Кольцово на взгорье, даже в шутку предлагали назвать «Спиртовым». Позже рядом с гаражным возник погребной кооператив «Репка» (капитальные погреба с кирпичной надстройкой), который, по идее, тоже можно было бы назвать «Спиртовый-2».

Но сперва «жидкую валюту» требовалось вынести с промзоны. На проходных ручную кладь шмонали бдительные прапорщики, поэтому ёмкость со спиртом, как правило, прятали на себе. Очень удобным для проноса был плоский узкогорлый стеклянный микробиологический матрас с чёрной резиновой пробкой — даже если жидкость внутри него булькала, запах не просачивался. Но тара могла в самый неподходящий момент выскользнуть из-под одежды, а однажды, уже в автобусе, у одного товарища ёмкость, плохо закреплённая на поясе, перевернулась, пробка выскочила... Запашок пошёл!.. Бедняга с пунцовым лицом замер, боясь пошевелиться — драгоценная жидкость, обильно смочив пузо и промежность, потекла по ногам. Поднеси спичку — вспыхнул бы, к чертям, как факел!

Один сотрудник как-то поделился со мной своим ноу-хау выноса спирта. Он наливал его в... двойной презерватив. «Резино-техническое изделие номер два», как тогда деликатно именовали контрацептивы советского производства, было достаточно прочным и эластичным, спирта входило много. Потом добро помещалось в сапог — мягкая ёмкость удобно облегла ногу в широком голенище. Мне, слава Богу, воспользоваться этой технологией не довелось.

На выловленных на вахте несунув спирта составляли протокол, «славили», лишали премиальных. В случае рецидива можно было нарваться на штраф или слететь вниз в очередном списке на жильё или детский садик. Но спалившихся почти не было. Почему? Если человек попался, нужно было всего лишь уйти в глухую

«несознанку», мол, что это за предмет, откуда он взялся, ума не приложу: «Товарищ прапорщик, в первый раз вижу! Чесслово!» Понятливые прапора схватывали ситуацию мгновенно, поэтому и среди бдительных охранников нашего славного НПО спиртец водился всегда. А уж у начальников проблем с выносом спирта не возникало вообще: в их пропусках стояла специальная отметка, запрещающая проверку их портфелей. По моим приблизительным прикидкам, всего спирта выносилось от 30 до 50 (в особо трудные годы) процентов. Наносился ли этим большой материальный ущерб? Не думаю, ведь спирт стоил копейки. Зато все были довольны.

Таскал ли спирт я сам? Каюсь, грешен. Летом меняли его на фрукты-ягоды для детей, зимой — на мясо: частники подвозили, предлагая большими частями, а то и полутушами. Мясо хранили на балконах, и если весна случалась ранней, звонкая капель вдоль домов нередко была красноватого цвета. Некоторые на балконах заводили даже цыплят да курочек. А уж садовая рассада по весне колосилась вообще на каждом втором балконе.

Пару раз я со товарищи совершал неблизкий вояж в клюквенное царство — затерянный среди таёжных томских болот колоритный посёлок Сайга с деревянными настилами вместо тротуаров и гаражами из брёвен. Дело было в самый разгар «борьбы за трезвость». Местные жители меняли ведро клюквы на бутылку водки, которую в той глухомани не достать было вообще, зато клюквы, как грязи. В городе же ягода стоила весьма недёшево. Мне удавалось два литра чистого спирта обменять на четыре ведра клюквы. Однако местные к нашему продукту относились с недоверием: а не разбодяжено ли? Отвечали: за чистоту спирта ручаемся, если что — грызла нам начистите: до вечернего тепловоза с тремя вагонами мы всё равно никуда не денемся.

Клюквы хватало на всю зиму — хранится она прекрасно. Ещё и на клюковку оставалось. Что за клюковка? Это прекрасный ликёр из ягод, спирта и глицерина. Тогда, после памятного апрельского пленума ЦК КПСС 1985 года, давшего старт антиалкогольной кампании, в период тотального отсутствия спиртного, массового выкорчёвывания ценнейших сортовых виноградников и попыток власти навязать народу новую традицию проведения «безалкогольных» свадеб, все заделались заправскими виноделами. У каждого имелись свои фирменные рецепты, но никто не жадничал, щедро делился ими. Самое простое — сбраживание фруктовых морсов и соков с сахаром, который тогда ещё не числился в дефиците. У многих в комнатах общежития стояли 20-литровые бутылки с бухтящей жидкостью. На горлышко надевалась медицинская перчатка. Когда она наполнялась бродильным газом и раздувалась, принимая форму поднятой ладони (это называлось «привет Горбачёву»), — вино готово.

Мучила ли меня совесть за спирт, украденный с работы? Тогда — немножко да: срабатывал рудимент сознательности советского человека. Сейчас — да полноте! Государство, начиная со второй половины восьмидесятых годов, уж в какие только игры с нами не играло! Когда родилась дочка, я открыл страховой вклад под названием «Совершеннолетний», отрывая от своей зарплаты, на которую фактически и жили, по 10 рублей (тогда это были нормальные деньги). Рассчитывали, что к совершеннолетию Люсенки накопится больше двух тысяч рублей — купим ей хорошую шубу! И действительно за несколько лет набежала немалая сумма. Какова дальнейшая судьба вклада, думаю, вы уже догадались — его не стало, деньги никто не вернул.

М-да, сколько сил и времени почти ежедневно затрачивалось на то, чтоб приобрести (чаще говорили «достать») элементарно необходимое! Тотальный «совковский» дефицит, блат, «распределитовка» и всепроникающие запреты шаг за шагом разъедали устои провозглашённой монолитной «новой исторической общности советского народа» не хуже классовых противоречий. Но тогда, в самый разгар перестройки,

в преддверии 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции официальные власти якобы не сомневались, что «Мы придём к победе коммунистического труда!» Хотя что за хреновина «коммунистический труд» не ведал никто.

* * *

Казармы, после перестройки их в общежития, сдали в эксплуатацию в начале 1984 года. Поначалу там селили на койко-места (по три человека в комнату), главным образом, несемейных сотрудников, в том числе, и нас, молодых специалистов, выпускников ВУЗов.

Учитывая биотехнологический профиль НПО «Вектор», мы, вчерашние студенты, прибывали, в большинстве своём, после учёбы на естественных факультетах университетов (Казанского, Томского, Ленинградского, Московского, Красноярского, Алтайского) и в медицинских институтах (Омского, Иркутского, Новосибирского). Головной организацией нашего объединения был Всесоюзный НИИ молекулярной биологии (ВНИИ МБ), куда я получил государственное распределение на должность стажёра-исследователя.

Но самые большие «диаспоры» были из Новосибирского госуниверситета и Томского мединститута. Они слегка соперничали друг с другом. Сначала заместителем директора по науке ВНИИ МБ был Николай Борисович Чёрный — выпускник томского меда, потому и многими подразделениями руководили его собратья по алма-матер. Мой кореш Саня Твердохлебов, тоже томский выпускник-медик, несколько пафосно констатировал: «Томская школа! Томская мафия!» Но потом новосибирские университетчики стали теснить томичей, особенно, когда пост зама по науке занял Сергей Викторович Нетёсов, выпускник НГУ, в скором будущем один из руководителей моей диссертации.

Новосибирский Академгородок находился относительно недалеко от нас, и единственный в то время автобусный маршрут № 119 связывал Кольцово именно с ним. «Академ!» Для нас это слово звучало магически. Жить в Академе и работать в тамошних научно-исследовательских институтах было очень престижно, поскольку Академгородок творил науку на уровне высших мировых стандартов. Но с жильём для молодёжи там было очень туго, в отличие от активно строившегося Кольцова. Да и надбавка на «Векторе» за режим полагалась в размере 25% от оклада (у меня, в своё время, была вторая форма допуска секретности), а работавшим с ООИ (особо опасными инфекциями) — ещё и отпуск до 48 рабочих дней. Советский Союз на развитие науки, особенно «секретной», не скупился.

И в социально-культурном плане, и по уровню благоустройства Академгородок был для Кольцова абсолютным примером. «Как в Академе» — это сравнение служило комплиментом, «академовцы» казались нам небожителями. К тому же сам ВНИИ МБ, учреждённый в 1974 году, являлся, фактически, детищем Института биоорганической химии Сибирского отделения Академии наук (СО АН) СССР. Многие ветераны нашего института той поры ещё долго считали себя «академовцами», хотя уже проживали в Кольцове. Наверху было принято решение перевести ВНИИ МБ из системы Академии наук в Министерство медицинской и микробиологической промышленности и создать на его базе НПО «Вектор», сменив статус института с академического на отраслевой, прикладной. Выделялись большие средства на строительство научно-производственной базы и жилого посёлка. Первым директором «Вектора» стал Лев Степанович Сандахчиев, его имя сегодня носит центральный проспект Кольцова.

Первые две типовые панельные девятиэтажки будущего посёлка, который ещё не имел названия, встали посреди чистого поля рядом с лесом в 1978 году. Народ кликал этот непонятный населённый пункт «Патрикеевкой», по фамилии начальника строительства Патрикеева. «Патрикеевку» поначалу передали в ведение Барышевского сельсовета. Социальной инфраструктуры — почти никакой, с транспортным сообщением глухо. Поэтому переселялись из уютного, обжитого, аристократического Академгородка, даже если жили там в общежитии, пусть и в квартиры, но на «целину», со скрипом. Особенно если дети учились ранее в элитной школе, а их приходилось переводиться в сельскую, поскольку своей школы ещё не было. Особо упорствующих даже переселяли с помощью милиции: извольте, товарищ, освободить комнату в общежитии и вселиться в свою квартиру! Тем не менее, посёлок стал потихоньку обживаться и развиваться. Как говаривал впоследствии Горбачёв, «процесс пошёл». Между прочим, немногочисленные первопроходцы Кольцова, которых я знаю, сейчас вспоминают ту пору со слезой умиления и ностальгии — насколько всё-таки причудливо устроена человеческая психика.

Годом позже возник местный совет депутатов, поэтому 1979 год стал датой основания посёлка, получившего своё название в честь видного генетика Кольцова Н. К. К моменту моего приезда сюда по распределению осенью 1984 года, в посёлке было уже семь девятиэтажек, две пятиэтажки, школа, детский сад, стадион, а численность населения перевалила за три тысячи человек. И почти четверть из них проживала в общежитиях на АБК.

Выпускников НГУ отличало некоторое высокомерие и самомнение, свой ВУЗ они считали одним из самых элитных в стране. Впрочем, имели на это основания: уровень их образовательной подготовки был весьма высок. Не в обиду моей альма-матер будет сказано, но сравнивая уровни выпускников биофака Казанского и факультета естественных наук Новосибирского университетов, должен признать: последние были сильнее качеством знаний и пониманием современной биологии. Кое-кто из них безапелляционно заявлял: «генные инженеры — это элита, все остальные — „ботаники».

Исторически первый научный центр за Уралом возник в конце XIX века в Томске, бывшем в то время центром Сибирской губернии. Там же был учреждён и первый в азиатской части Российской Империи университет. Но основанный в 50-х годах прошлого века Новосибирский научный центр — Академический городок — довольно быстро забрал пальму первенства сибирской науки себе. Томская академическая школа к тому времени успела чуть подёрнуться плёночкой консерватизма или, как сейчас говорят, «забронзоветь». В противоположность этому, молодые неугомонные «бузотёры» от науки, будущие доктора и академики, слетевшиеся в Новосибирский Академгородок со всей страны, в том числе, и из самого Томска, обладали энтузиазмом первопроходцев. И именно этот первотолчок, какой-то живой импульс чувствовался в выпускниках НГУ — они были энергичней, инициативней других. Учёные советы институтов Академгородка были высокопрофессиональны и требовательны, защититься именно здесь считалось очень престижно. «Вектор» тоже имел свой совет, но он назывался «научно-техническим». Впрочем, «бодаловка» о том, какая научная школа — томская или новосибирская — сильнее, идёт до сих пор, дай Бог им обоим процветания и взаимной поддержки.

* * *

Но на наших личных отношениях факт, кто откуда, никак не отражался. Мы, общежитская братия АБК, жили дружно. Всё-таки большое значение имеет равный

уровень интеллекта и культуры. Представители рабочих профессий тоже жили с нами в общежитии, иногда в одной комнате, но и в общении с ними проблем не возникало.

Стоит отметить, что из-за режима секретности на «Вектор» тогда не принимали сотрудников с еврейскими фамилиями. Это казалось странным, поскольку совсем рядом, в Академе, с большой пользой для советской и мировой науки всюду пульсировал мощный русско-еврейский интеллект. Правда, несколько знакомых сотрудников «Вектора» внешне смахивали на детей Земли Обетованной, а один из них, сосед по этажу, даже произносил звук «р» несколько похожим на звук «г». Позже, по секрету, он признался мне, что считает себя евреем, хоть и имел русское «фио». Про таких тогда в шутку говорили: «еврей со знаком качества».

Я приехал по распределению и заселился в общежитии одним из последних, опоздав почти на полтора месяца: никак не мог проститься с друзьями и родственниками. Ничего, простили. Лишь начальник военно-учётного стола полковник в отставке Шуляк грозно спросил: «Разве Вы не знаете, что говорил о необходимости соблюдения трудовой дисциплины на последнем пленуме ЦК КПСС Константин Устинович Черненко?» Я пожал плечами и промолчал.

Осенью того же года отмечался первый круглый юбилей ВНИИ МБ, и я сразу попал, как говорится, «с корабля на бал» — пригласили принять участие в юбилейном концерте, я согласился. Помнится, пели со сцены ДК на мотив песни «Синяя птица» Макаревича стихи будущего мэра, но тогда ещё просто комсомольского вожака Коли Красникова:

*Мы в такие забрались дали,
Что не очень-то и найдёшь,
Мы окрестности все вспахали,
Невзирая на снег и дождь...*

Воспевание необходимости постоянного преодоления трудностей, их значение и важность для формирования личности и закалки характера служили в то время частью государственной идеологической политики в деле воспитания советского народа. Недаром пелось, «меня моё сердце в тревожную даль зовёт...». Хотя я, «европеец», никогда ранее за Уралом не бывавший, сразу отметил врождённые терпеливость, невозмутимость, морозостойкость и даже некоторую неприхотливость сибиряков. В Татарстане, откуда я родом, народ более экспрессивен.

Ещё одной особенностью Кольцова было заметное превышение женского населения над мужским, в силу специфики «Вектора». Поэтому мы, мужики, были избалованы женским вниманием, даже я, никогда особо не пользовавшийся успехом у девчонок. А что? Образование получено, трудоустройство состоялось, зарплаты хорошие, жильё строят активно. Самое время заводить семью. А мужиков не хватает...

Отношение ко мне ещё более улучшилось, когда я, взяв «шефство» над несколькими женскими комнатами, собирал у их обитательниц продуктовые талоны и ходил отоваривать их в магазин Сан Саныча, прихватив большой туристский рюкзак. Помимо чисто человеческой заботы, мною двигал ещё и меркантильный интерес: глядишь, в знак благодарности, ужином накормят. Общежитие, как-никак! Но девчонки — народ интересный: они сразу же начинали вычислять, а к кому это он, интересно, ходит? По результатам «вычислений», в каждой из комнат меня, со временем, стала привечать уже кто-то одна, типа, моя. Даже ревновали, узнав, что я захаживаю куда-то ещё.

Возникла при этом небольшая проблемка: я забывал, что и в какой комнате успел рассказать. Любитель «поездить по ушам», я был напичкан самыми разными

интересными, как мне представлялось, историями. И девчонки всегда казались такими благодарными слушательницами! Но только после женитьбы супруга призналась: мол, знаешь, дорогой, я эту историю от тебя уже слышала раза два или три, когда ты по разным комнатам «жениться» ходил. Почему же, спрашиваю, никто не прерывал? Ответ искренне умилил своей заботливостью и дальновидностью: «Ну, как прервёшь? Ты ведь мог обидеться...»

Особенно ценной помощь в отоваривании талонов оказалась в суровую зиму с 84-го на 85-й год: весь декабрь температура колебалась между тридцатью и сорока градусами мороза. Я тогда, по дурусти, как-то попёрся на лыжах в леса, отморозив нос и щёки до черноты. Но ничего, облезло и зажило, как на собаке. В ту зиму только и оставалось, что ходить друг к другу в гости. Результат не преминул сказаться уже совсем скоро: только с одного нашего этажа общежития — шесть супружеских пар! В том числе, и мы со Светой — «прикормили»-таки меня в одной из комнат! Хотя она, выпускница Иркутского мединститута, как-то сразу приглянулась мне больше всех. С обитательницами других «подшефных» женских комнат пришлось распрощаться.

Старт свадебной «компании» дал сосед через стенку Женя Коновалов, тоже молодой специалист, женившись на моей землячке-однокурснице, тоже по имени Света...

И вот, где-то ближе к концу 85-го года и далее, один за другим стали появляться на свет божий общежитские первенцы. Отношения между нами, посерьёзневшими молодыми специалистами, дружно ставшими отцами, ещё более окрепли. В общаге коридорного типа все на виду. Заскочить к кому-то в гости, стрельнуть луковичу или яичко, присмотреть за чьими-то детишками было в порядке вещей — двери в комнаты не запирались. Молодые мамы делились сцеженным грудным молочком с соседками, если их подростим детишкам не хватало своего.

А вечерами мы, молодые отцы, чтоб не мешать процессу засыпания детей, нередко собирались на кухне этажа, которой толком никто не пользовался. Удобней было готовить на электроплитках в своих комнатах, приглядывая за детьми, а не бегать туда-сюда с кастрюлями по этажу. Конечно, пожарные инспектора были очень недовольны: разок даже случился небольшой пожар в одной из комнат, но что поделаешь, жизнь диктует свои правила. Кухонными электроплитами пользовались редко — только если что-то испечь или бельё прокипятить, к тому же, больше половины из них не работали. Позже кухню вообще упразднили за ненадобностью, превратив её в большую жилую комнату.

Но пока нам было где собраться, пообщаться. Обсуждали различные житейские вопросы. А когда показывали футбол, кто-то выносил телевизор, и все дружно болели за наших, стараясь громко не кричать. Особенно запомнился мне чемпионат мира 1986 года с незабываемым бесподобным Диего Марадоной. С лёгкой руки Сани Крендельщикова, родившегося и выросшего в Узбекистане, наша общинка стала именоваться «махалля» (с узбекского, форма близкого объединения соседей квартала). Я и сейчас, при встрече со своими бывшими соседями по „махалле“, чувствую, как теплеет в груди, но... как пел Визбор, „как-то все разбрелись...“, да и детки наши уже давно выросли.

И, конечно же, все мы мечтали, как однажды получим собственные квартиры! Строительство в Кольцово велось ударными темпами, дома росли, как грибы после дождя. Ещё при трудоустройстве на «Вектор», который тоже развивался вместе с посёлком, нам пообещали, что лет через 6–7 «хаты» мы получим гарантированно, поэтому очередь в отдел кадров на приём на работу была всегда, желающих хватало с избытком.

Вскоре в наших общагах на АБК началась вторая «кампания» по деторождению, правда, уже не столь синхронно, как первая. Иметь двух детей считалось нормой, многие заводили третьего, а кое-кто и четвёртого ребёнка. Разводов почти не было. Некоторые мои знакомые, например, в Казани, довольно быстро поразводились из-за того, например, что при банальной ссоре разбегались по папочкам-мамочкам. А тут никуда не денешься: общага! Приходилось договариваться, искать согласие, идти на компромиссы. На первую годовщину дочери и мы с супругой решили на второго ребёнка. Словом, рождаемость и демографическая ситуация в Кольцове оказалась такой, что вскоре был построен второй детский садик, заложены ещё одна школа и садик, проектировался четвёртый.

В вестибюле каждого корпуса института время от времени вывешивали на всеобщее обозрение святая святых — списки очередников на получение жилья. Списки регулярно обновлялись, и ты, испытывая сладостное чувство, мог собственными глазами убедиться, как твоя фамилия в нём неуклонно поднималась всё выше и выше.

Списков было несколько: внеочередников, льготников и обычный. Льготами пользовались «афганцы» (ребята, прошедшие срочную военную службу в Афганистане), «чернобыльцы» (ликвидаторы аварии на Чернобыльской АЭС), многодетные семьи (три и более ребёнка) и матери-одиночки (в списке указывалось «м/о»). Некоторые девчонки хитрили: рожали, якобы без официального мужа, хотя фактический имелся. Лишь бы, имея желанный статус «м/о», получить жильё и уже потом узаконить брак. Гражданские браки тогда не имели широкого распространения, но и «фактический» муж вынужден был маскироваться: все друг про друга знали, могли «стукнуть», куда следует, и заветные «буковки» обломаться. Свары из-за места в очереди случались постоянно. Инженер по учёту и распределению жилой площади Надежда Шумская была одним из самых уважаемых сотрудников — ей регулярно приходилось разбираться с аргументами очередников, почему тот или иной из них должен значиться в списке выше. Во главу угла ставился стаж работы. Давали и служебное жильё — особо ценным и приглашённым специалистам, а также работавшим вахтенным методом с ООИ.

Но пока... Пока что я шёл длинным общежитским коридором — по обе стороны комнаты, комнаты — вдыхая особый специфический запах, слыша детские голоса из-за тонких незапертых дверей и уворачиваясь от несущейся по коридору гикающей кавалькады детей, игравших то ли в войнушку, то ли в салочки. Возле каждой двери санки, велики, тапки, коврики... Шёл и мурлыкал строки из «Баллады о детстве» Высоцкого: «Все жили скромно, вровень так, система коридорная — на тридцать восемь комнаток всего одна уборная...» Комнат на каждом этаже действительно было по 38, но уборных в разных концах коридора всё же две — мужская и женская.

О-хо-хо... Мужской туалет, что находился рядом с нашей комнатой, я, наверное, не смогу забыть никогда. Сперва мы с женой очень обрадовались — почти торцевая комната, которую нам дали, не имела соседей за стенками — с одной стороны запасная, мало используемая лестница, с другой — кухня, место общения нашей «махалли». Да и мне до туалета — один шаг. Но! Похоже, оставили-таки «зеки» свой «сюрприз» в канализационном сливе туалетного стояка. Правда, выяснить это точно не удалось, разбирать трубы никто не решался. Время от времени, в моменты пиковых нагрузок на канализацию, раздавалось зловещее громкое бульканье — и сточные воды через один из унитазов начинали «идти горлом». Пол коридора имел незаметный уклон в сторону нашей комнаты, поэтому всё «добро» через некоторое время оказывалось у нас под дверями.

Днём и вечером ещё удавалось отслеживать ситуацию — тогда кто-то из нас сразу же нёсся за сантехником. Но, бывало, поутру тапочки, оставленные в коридоре, плавали, даже разок просочилось через порог в комнату. Вскоре сантехник показал мне, где прячет мощный трос для прочистки стоков, и я, дабы не тратить драгоценное время на поиски этого «специалиста», героически «ложился на амбразуру» сам по локоть в...

Потопы всё не прекращались, пришлось освоить некоторые навыки сантехника в совершенстве. Месяца через два я решил подойти к вопросу системно: притащил деревянный брусок и намертво присобачил его к порогу туалета, да ещё эпоксидной смолой всё заделал. Помнится, немного заикавшийся сосед с другого конца этажа как-то спрашивает: «Это т-ты порог в туалете п-приколотил?» Отвечаю, да, мол, я, а что? «Да я вчера н-ночью в п-полусне на автопилоте п-пошёл, н-ноги с-сами дорогу знают. А т-тут — б-бах! Я ч-чуть б-башку об стенку не р-разбил! Молодец, к-качественно с-сделал!» Похвала, конечно, была лестна, но мне показалось, что после этого он ещё с месяц заикался больше обычного.

* * *

По мере развития общего благоустройства посёлка пропасть между Кольцовом и Академом уже не казалась столь зияющей. Потихоньку стал формироваться местечковый патриотизм, особое кольцовское самосознание. Почти все были знакомы между собой, работали в одном месте, вокруг всё довольно прилично, преступность почти нулевая, не было алкашей, тунеядцев, бомжей. Я шёл по посёлку, постоянно кого-то приветствуя. Типичный моногородок.

Однажды, когда я уже съехал с АБК и жил в самом Кольцово, приехал студенческий друг, не знавший моего адреса. Спросил у первого встречного, где я живу. Тот ответил, точно-де не знаю, но «во-о-он, в том районе». Второй встречный показал дом, а третий назвал квартиру. Поиск занял пять минут. Правда, некоторые знакомые признавались, что им не хватает анонимности большого города, ибо все всё друг про друга знают, сплетничают, перебивают кости.

Несколько раз я в образе Деда Мороза (без Снегурочки) поздравлял детей сотрудников своего отдела. Вспомнился забавный предновогодний случай. Меня в соответствующем облачении, взятом напрокат в профкоме «Вектора», с подарочным мешком возил по адресам на «Жигулях» коллега по отделу Миша Суслопаров. На одном повороте он не пропустил двух пацанов, и один из них в возмущении пнул машину. Миша, как заправский «борзый» автомобилист, остановился, вышел и развязно выдал: «Ну тебе, чё, по мозгам что ли врезать?!» Ребята оказались подшофе, тот, что пнул, заматерившись, чуть не кинулся на Мишу, второй был потрезвее и сдерживал драчуна. Я собирался уже выходить из автомобиля, но, увидев Деда Мороза, ребята угомонились. Обошлось.

Принцип жизни узбекской махалли регулярно использовался и в Кольцово, правда, директивно, когда нас, работников «Вектора», организовано дёрпали на очередной аврал. С другой стороны, я и сегодня с гордостью могу сказать: вот эту дорогу я строил, вот эти уже большие деревья я сажал, и крышу школы, в которой потом учились мои дети, я гудроном заливал! Про всеобщее участие в субботниках и воскресниках даже не упоминаю. Если кто-то, к несчастью, уходил в мир иной, мы сами выбирали место упокоения на лесном кладбище и, покурив и помянув усопшего, приступали к рытью могилы, сами же хоронили — ритуальной службы тогда ещё не было.

А как была насыщена культурно-спортивная жизнь в посёлке! Со временем дату образования поселкового совета стали праздновать как день рождения Кольцова, и чем дальше, тем пышней и массовой. На хорошем счету в районе были наши школы. В одной из временных деревянных построек открыли музыкальную школу, позже, после переезда «музыкалки», её использовали под церковь — мы крестили там своих детей. Работали кружки, пели хоры, танцевали ансамбли, у мальчишек пользовался популярностью КЮТ (Клуб юных техников).

На соревнования в День лыжника, проходившего под лозунгом «Сибиряк — значит лыжник!», выходил весь посёлок. Да и в обычный выходной погожий зимний денёк на лыжне в лесу было не протолкнуться. И ездить никуда не надо: оттолкнулся палками у подъезда — и ты в лесу. Позже стали прокладывать почти профессиональную лыжную трассу.

Но самым большим, без сомнения, был культ футбола! Развивались, конечно, и другие виды спорта, но футбол... Футбол был вне конкуренции. В Кольцове было аж четыре команды, принимавших участие в турнирах всевозможных рангов! Проводились и свои поселковые турниры: кубок «Золотая осень», регулярный чемпионат по зимнему мини-футболу. Я сам не один сезон играл вместе с будущим мэром за команду научных сотрудников «Биолог». Красникова, как и «звездившего» в 70-х годах нападающего сборной ФРГ Герда Мюллера, называли «человек-гол». А потом и подросший сынок бился за футбольную честь Кольцова в составе младшей сборной, не раз выходявшей на турниры областного уровня.

Эх, ещё бы прямое сообщение с Новосибиром наладить, да снабжение улучшить! Но «главного по торговле», уважаемого Сан Саныча, видимо, и так всё устраивало. К примеру, в посёлке вообще отсутствовал овощной магазин, приходилось возить фрукты-овощи из Академа. Впрочем, возможно, это было не в компетенции директора магазина, учитывая, что с продуктами в стране каждый год становилось всё хуже и хуже.

* * *

Запасы на зиму картофеля, моркови и квашеной капусты считались стратегическими, выручали и другие соленья-варенья, многие засаливали и сушили грибы, коих вокруг росло в изобилии. Заготавливали, энергично отмахиваясь от гнуса, молодой папоротник-орляк, облепиху, малину, лесную клубнику, калину, черёмуху. За ручьём Забобуриха простиралось огромное поле, возделанное под стихийные «дикие» огороды, воду для полива таскали из ручья на себе. «Приказано выжить!» Хорошо было тем, кто имел гараж с подземельем или, на худой конец, капитальный погреб с надстройкой. На обширном пространстве вокруг АБК, в лесу и на пустыре, во множестве прятались земляные погреба-кормильцы жителей общежитий.

Не забуду, как я в Академе купил центнер капусты, распахал её по холщовым мешкам и перевозил, заранее договорившись с водителем рейсового автобуса домой, на АБК. Потом по мешочку, мелкими перебежками перетаскивал до общежития. Приходя с работы, три вечера подряд не выпускал нож из рук, шинкуя драгоценный продукт. В холодильник всё добро, конечно, не влезало. Вынес с работы два больших плотных полипропиленовых крафт-мешка для утилизации спецотходов, и, расфасовав по маленьким мешочкам, всю сквашенную капусту поместил в них. Хранить это добро при комнатной температуре было делом бессмысленным — нужен холод. Вместе с супругой нашли место на большом козырьке над неиспользуемым подъездом общежития. Козырёк этот имел высокий декоративный фриз из гофрированного

железа, с улицы мешки не было видно, а со стороны окон общаги мы их замаскировали всякой хренью. Потом, поздними зимними вечерами, а то и ночью, прячась от чужих глаз, я приставлял табурет и через окно лестничного марша вылезал на козырёк. Отковырну пару мешочков — и назад. Хорошо, что до моего ноу-хау никто больше не додумался. Квашеной капустки хватило на всю зиму.

В те годы было распространено корпоративное картофелеводство. Почему «корпоративное»? Потому что всё организовывали предприятия, на которых трудились «картофелеводы». «Вектор» заключал договора с соседним совхозом, тот выделял землю, распахивал, боронил, иногда даже лущил. Затем институтские землемеры нарезали участки для каждого подразделения, далее шло распределение по сотрудникам. Централизованно выделялся транспорт для поездок на посадку, прополку и окучивание.

И вот осенний финал картофельного сезона: вереница грузовиков для вывоза урожая и автобусов с «векторовцами», вооружённых лопатами, вилами, ведрами и мешками. Каждый метил свои мешки, чтоб не ошибиться при разборке. После дождей, в распутицу дополнительно выделялась «техпомощь» — мощный «Урал» для вытаскивания из грязи застрявшего транспорта. Так что зимовали все с картошкой! Однако перед закладкой на хранение клубни необходимо было подсушить, что в непогоду становилось проблемой. Дни копки назначались директивно, не глядя на небушко. Однажды кормилец сентябрь выдался очень дождливым, и драгоценные клубни пришлось буквально выковыривать из топки грязи. В памяти постоянно всплывал «светлый образ» Павки Корчагина на строительстве легендарной узкоколейки. Я простыл, повредил руку. Сырые картофелины пришлось целую неделю сушить дома вентиляторами, иначе давшийся потом и кровью урожай попросту бы сгнил. А как после завершения героической картофельной «эпопеи» Светлана отдраивала квартиру, я лучше умолчу.

В те давние времена ежегодные «битвы за урожай» мы, «товарищи учёные, доценты с кандидатами» воспринимали как само собой разумеющиеся, то было естественно и логично. Видимо, и это было частью политики КПСС по воспитанию в советских людях стойкости и неприхотливости. Иногда даже казалось, что партия убеждена, что «нам хлеба не надо, работу давай!» Иначе не объяснить, почему развитие лёгкой и пищевой промышленности в стране шло по остаточному принципу, хотя у партии на руках имелись все козыри, ситуация в стране была под их полным контролем! Помню победные репортажи в СМИ по поводу успешного запуска отечественного многоразового космического челнока «Буран». Несомненно, то был значительный научный и технологический прорыв, но... почему-то микроскопический, никчёмный в масштабах страны вопросик «где зимой хранить картошку?» меня волновал намного больше. И не только меня.

С началом перестройки экономические показатели страны медленно, но верно поползли вниз, жизнь стала меняться на выживание. Но партийные идеологи бодро и довольно убедительно объясняли и это. Общий лейтмотив партийной пропаганды был как в песне: «ещё немного, ещё чуть-чуть!»

А тут 70-летие Октября на носу, к которому, как и к каждому Его юбилею, полагалось подойти с новыми свершениями и победами. Но таковых не наблюдалось, хоть тресни, если не считать декларативное торжество новой политики «обновления социализма». Меня, кстати, всегда забавляло новомодное выражение: «социализм с человеческим лицом». А до того, интересно, чьё лицо было?

Старый идеологический аппарат страны со скрипом, по инерции, но ещё продолжал функционировать. Организационная структура — обком-райком-партком-комитет

комсомола — сохранялась неизменной, но в воздухе уже носилось стойкое неуловимое ощущение приближения чего-то нового, неизведанного. Уже всюду «пульсировала венами» песня Цоя «Мы ждём перемен» (интересно, как бы ныне Виктор Цой отнёсся к столь страстно желаемым им переменам, до которых, к сожалению, не дожил?). Уже народ напевал строки из «Песенки бюрократа»: «Мы не пашем, не сеем, не строим, / Мы гордимся общественным строем...» — фильм Рязанова «Забывтая мелодия для флейты», имевший оглушительный успех, вышел в том же юбилейном 87-м году и нанёс мощный идеологический удар по административно-командной системе страны. На телевидении один за другим стали выходить «полочные» (в смысле, не выпущенные после съёмок в прокат, положенные «на полку») фильмы: «Неизвестные штрихи к портрету Ленина», «Проверка на дорогах», «Охота на лис», «Покаяние» и другие. А новый, уже «перестроечный» фильм «Холодное лето 53-го года» и вовсе замахнулся на «устой». Большими тиражами начали печататься книги некогда опальных Солженицына, Пастернака, Платонова, Дудинцева, Войновича и других. Вспомнилось, как мы терпеливо ожидали своей очереди на прочтение романа Анатолия Рыбакова «Дети Арбата», опубликованного в «Новом мире» — я сидел над ним поздними вечерами после отбоя детей. Пристально следили за развитием событий вокруг вчерашнего диссидента академика Сахарова. А сколько было споров и жарких дискуссий на лестничной курилке этажа нашего институтского корпуса!

Уже состоялась алма-атинские события 86-го года, близилась страшная резня в Сумгаите и Фергане, вскоре полыхнёт войной Нагорный Карабах, стали «показывать зубки» прибалтийские товарищи. Но то были ещё цветочки...

Понятно, что в таких условиях доносить до трудящихся набившую оскомину политику партии становилось всё труднее и труднее. Меня, вдобавок, назначили политинформатором отдела. Регулярно, в так называемый «единый политдень», мне предписывалось информировать коллектив, разъяснять в правильном русле текущий политический момент. Политинформация должна была длиться полтора часа — не меньше; соответственно и служебные автобусы с промзоны домой подавались позже на это же время — извольте слушать! Но лично меня хватало, максимум, минут на тридцать. На столько же, если не меньше, хватало и других политинформаторов — в результате, на проходных скапливались толпы сотрудников, жаждущих поскорей попасть домой, одни возбуждённые сотрудницы чего стоили: дома дети ждут! Но у прапоров был приказ: раньше времени никого не пущать! К их чести, они почти всегда приказ нарушали, понимая, что рабочий день, вообще-то, закончился. Но автобусов-то не было. Народ, проклиная единый политдень и же с ним политику партии, чёрным ручейком растягивался на несколько километров вдоль дороги по направлению к Кольцову и АБК. Хорошо, если погода позволяла.

Раз в месяц нас, пропагандистов, под бдительным приглядом приснопамятного Шуляка возили на ВАСХНиЛ слушать лекции на политическую злобу дня. Я не возражал: от работы на этот день освобождали, хоть какое-то разнообразие в жизни, к тому же там в буфете для нас часто «выкидывали дефицит». Да и некоторые лекции были очень интересными, особенно мне запомнились выступления новосибирского ученого-экономиста Рифата Гусейнова. Однако наблюдалась любопытная закономерность: чем интересней лекция — тем больше в ней крамолы. Я время от времени косил глазом на Шуляка — он всегда сидел с непроницаемым лицом.

Словом, идейность народа, и до того не особо крепкая, стала массово улетучиваться. Некоторое время я состоял в комитете комсомола. Признаюсь честно — исключительно для того, чтобы получить вожделенную комнату в общежитии. Помню, секретарь бюро комсомола одного из корпусов Серёга Золотых однажды горько, но

искренне изрёк: «Ну, вот, спрашивается, какого... собрались? Может самораспустимся, и дело с концом?» Каждый в душе был с ним солидарен, но вслух согласиться и исполнить крамольное предложение духу не хватало.

Тонус «поддерживал» один только Шуляк, время от времени навещавший наши унылые заседания. Он эмоционально стыдил нас за безыдейность и безынициативность, но откуда же их взять, уважаемый экс-политрук армии, в нынешние-то времена? Мы безучастно внимали его речам, забавлялись только тем, что считали, сколько раз он скажет свою фирменную фразу-сорняк: «зн-зн-значит так, да». И чем больше он возбуждался, тем чаще её произносил. Получив комнату, я и вовсе устроился от работы в комитете комсомола. Время торжества единомыслия и комсомольского энтузиазма неумолимо подходило к концу. Система потихоньку сыпалась на всех уровнях.

Тем не менее, ещё устраивались показательные «карательные акции». Поначалу в одной комнате общежития со мной проживал Женя Борисов — выпускник Омского ветеринарного института. Он работал на нашем корпусе начальником цеха инкубации куриных эмбрионов (некоторые вирусы культивируются на них). Его подруга Валя Антонова была моей лаборанткой, она же мне эту историю рассказала (я в то время находился в длительной командировке). Женя был неплохим парнем, но каким-то «не таким» — скрытным, с ухмылочкой, себе на уме. Как-то он мне признался, что сам из семьи баптистов, имевшей восемь детей, он старший. Многие тогда прояснилось. Хотя никаких миссионерских проповедей он не вёл, лежал себе на койке да помалкивал. Кстати, вот интересно, если режимному отделу не нравилась еврейская фамилия или национальность, то как выявить «неправильную» религию? Ведь графа «вероисповедание» в анкетах отсутствовала — вроде как, конституцией гарантировалась свобода совести. Но не сомневаюсь: заяви Борисов о своей нетрадиционной религиозной «ориентации» — дорога на «Вектор» ему была бы заказана железно. Однако работником он был прилежным, ответственным, потому и попал в начальники, пусть и небольшие.

В цеху Женя был единственным, кто имел высшее образование, к тому же молодой мужчина, остальные женщины. Кому, как не ему, быть политинформатором? О чём он там «информировал» коллектив, я не слышал, но догадывался. Вскоре в комитет комсомола пришёл на него донос: человек, да ещё руководитель, несёт на политинформациях откровенную антисоветчину. Необходимо было разобраться. Может, и обошлось бы — дух перестройки, «плюрализм мнений», как-никак — но на заседание случайно занесло высокоидейного Шуляка, видимо на Борисова «накатили телегу» не только в комитет комсомола. Слово за слово — обычно спокойного, даже флегматичного Женю понесло. Но вот из уст Шуляка прозвучала какая-то цитата Ленина, на что его оппонент выдал почти апокалиптическое, на тот момент: «Читайте сами своего Ленина!» Стартовавшее в стране «обновление социализма» не предусматривало затрагивания основы основ, и «дедушку» Ленина пока не тревожили. До поры, до времени. А тут такое! Последним вопросом воинственного Шуляка был: «Зн-зн-значит так да, таково твоё жизненное кредо?» На что закусивший удила Женька не сдержался: «Война начнётся — в плен сдамся!» Обычно, со слов Вали, он так шутил. Понятно, что после такого диспут продолжаться дальше не мог.

Борисова пригласили на партком — да пожалуйста: он и так смутно догадывался, что на «Векторе» работать ему осталось недолго. Там он повторил своё выступление. На следующий день — приказ об увольнении и ещё через два дня, пока Женя передавал дела на службе да сворачивался в общаге — повестка из военкомата, благо у него оказался «белый билет» (медотвод). Он вернулся в Омск. Бедная Валечка была безутешна...

Почему роль «Зевса-громовержца» отводилась Шуляку, а не секретарю парткома Осинникову? Парторг всегда выглядел задумчивым и спокойным, не тот напор. Только глаза у него становились всё грустнее и грустнее по мере того, как, по Горбачёву, «Перестройка расправляла крылья».

Ближе к славному 70-летию Октября в библиотеке института на «двухсотом» корпусе появился массивный стенд. Вверху — большой портрет Горбачёва с каким-то его высказыванием насчёт величия грядущего юбилейного события, разумеется, с отражением судьбоносности взятого партией нового курса. А ниже шли портреты руководителей братских стран социалистического содружества размером поменьше, как и полагалось по рангу «младшим братьям». Рядом с их ликами — славословия по поводу значимости даты. В целом — почти копии друг друга, но чем дружественнее страна, тем больше возвышенных слов. Самые ласковые — от болгарского «слона», а также от монгольского и вьетнамского лидеров. Самое сдержанное, практически без патетики — от лидера СРР (Социалистической Республики Румыния) Николае Чаушеску, что неудивительно: критичные капризные румыны всегда держались особняком в нашем пёстром разношёрстном соцлагере. Почему я обратил на него внимание? Потому что «гений Карпат», как тогда величали главного румына на его родине, открыто не поддержал горбачёвскую Перестройку — отсюда и сухость его высказываний за юбилей. Кто б знал, что Чаушеску станет единственным из руководителей компартий братских стран социализма, кто лишится жизни при отстранении его от власти всего через каких-то два с небольшим года...

В общем, ни шатко, ни валко дело шло к знаменательной дате. Мы втайне надеялись на юбилейную праздничную «конфетку»: может что-то «выкинут» из дефицита или премией какой-нибудь угостят? А может и тем, и другим. В любом случае, будет несколько выходных дней.

И тут исчезает «главный по партии» Осинников...

* * *

«Всё! — точно щёлкнув бичом, выдала супруга. — Эту зиму, дорогой, мы должны быть с картошкой!» Я, конечно, и сам это понимал. Предыдущие две семейные (холостяцкая не в счёт!) зимовки мы как-то перебивались, но с учётом грядущего пополнения семьи, «второй хлеб» превращался в стратегический продукт. Тем более, на арендованном «Вектором» совхозном поле, у села Верхний Коён, наливались последними соками собственноручно посаженные и выращенные драгоценные клубни — стоял благодатный август-месяц, близилась ответственная «корпоративная» картофельная страда. Погреб был нужен позарез.

Обычно самодельные земляные погреба были двух видов. «Бутылочкой» — расширяющаяся книзу полость без перекрытий, как правило, на одного хозяина. И обычный, более капитальный, с накатным перекрытием из брёвен. «Бутылочный» строился за два-три дня, но был менее надёжным, поэтому я сразу решил на «накатный» вариант. Однако одному с брёвнами не справиться, требовался компаньон. И он нашёлся — Володя Фролов, сосед по этажу, у него было двое детей. Он сам мучился без овощехранилища, а возможностей и средств на строительство капитального погреба с надстройкой у него, как и у меня, тогда ещё не было. К тому же, погребной кооператив «Спир...», пардон, «Репка» находился в Кольцово, а погреб был желателен поблизости от общаги. В последний момент изъявил желание присоединиться к нам ещё один сосед по общежитию — Серёга Быков: у него тоже скоро ожидалось

пополнение семьи — второй ребёнок. Мы с Володей не возражали: трое — это уже «партячейка». Серёга работал в механическом цехе и обещал сварганить творило (крышку погребца). Словом, кадром он оказался ценным, тем более, вырос в деревне и в процессе строительства дал много ценных советов. Вперёд!

Сперва исследовали места скопления самодельных погребов вокруг АБК — они маячили приоткрытыми творилами: народ в августе подсушивал овощехранилища перед их загрузкой. Погребца находились в лесу, в стороне овражного склона к ручью Забобуриха за водонасосной станцией (в обиходе «ВНС-кой»), и на пустыре перед ограждением со стороны больницы. Решили остановиться на лесном варианте месторасположения, к тому же гнус в августе уже особо не донимал. За работу!

Стояли погожие деньки, но нужно было торопиться. В три пары молодых сильных рук глубокую яму с уступами для укладки брёвен перекрытия вдоль вертикальных откосов, вырыли быстро. Работа спорилась, никто не отлынивал, мы были довольны друг другом. Порыскали по лесу в поиске недавно упавших сосен для перекрытия (берёза не годилась: ствол кривой, гниёт быстро), распилили найденную по размеру ямы, притащили к погребу. Попутно ночью, при луне, завалили и распилили одиноко торчавший столб, проводов на нём не было. Просмолённый, идеально ровный и круглый — настоящая удачная находка. Серёга, как и обещал, изготовил творило, даже сварил дополнительное решётчатое для безопасности: снаружи с творила замок можно сбить хорошим ударом, но попробуй размахнись, находясь внутри лаза. Лаз в погреб, обшив его досками, выкопали по науке — чуть сбоку, с торца. Установили внизу вертикальные подпорки для поддержания наката, уложили на уступы брёвна перекрытий, закрыв их рубероидом, сколотили лестницу. Засыпали и разровняли землю, не забыли и про вытяжную трубу с колпаком от дождя. Внутри погребца, при свете свечей, разгородили досками три сектора, затем укрепили, приколотив к подпоркам с одной стороны и чуть врыв в склон с другой, полочки для банок. Всё! Неделя работы — и принимай, жена, наш трудовой подарок!

Мы были довольны и горды собою — хоть методичку по «погребному строительству» садись пиши. За бесперебойное снабжение семей корнеплодами теперь можно было не беспокоиться. Правда, одной из постоянных тем обсуждения в процессе работы была: «Куда же всё-таки делся Осинников?» Это несколько омрачало чувство удовлетворения от проделанной работы. Да и весь коллектив «Вектора» был взбудоражен: уже прошло несколько дней с момента внезапного таинственного исчезновения парторга, члены его семьи тоже ничего не знали.

Пошли дожди, мы радовались: успели! Но вот приходит как-то озадаченный Серёга: «Мужики, похоже, мы поставили погреб в водосточной ложбинке: одна стенка сочится...» Глянули втроем: м-да, с такой влажностью урожай попросту сгниёт. Да что там урожай: достаточно хорошего ливня, и могло повести всю конструкцию... Ё-моё, без сомнения, нужно рыть новый погреб. Не беда, яму выкопаем, а всё остальное в наличии уже имеется. Вперёд!

Решили копать рядом с высоким, из бетонных плит с «колючкой» поверху, забором ВНС-ки. Только вынули земли на глубину двух штыков лопаты, как проходивший мимо мужик образумил: «Ребятам, вы что? Подкоп к ВНС-ке делаете? Первый же обход ментов — и привет! Водо-насосная станция — это же режимный объект!» Нас ошорошило: вот недотёпы-то! Спасибо тебе, мужик!

Пошли на пустырь со стороны ограждения больницы, там маленькими холмиками виднелись погребца — лучше, из соображений безопасности, всё-таки держаться других. Пустырь на небольшом возвышении, никаких водостоков там не должно быть

в принципе. Выбрали место недалеко от одного из погребов, но только начали копать, приходит один из хозяев: «Мужики, завязывайте с работой!» Вот блин! Сейчас-то что не так? Он рассказал, что погреб здесь появились ещё до того, как поставили забор. Отвечаем: «Ну и что? Забор чисто условный, с редкими прутьями — так, чтоб скот не ходил, да и до больницы достаточно далеко!» — «А то, — говорит, — у меня знакомый геодезист проектировал этот забор. Он и сказал, что по плану забор пойдёт прямо по вашим погребам! Мы с соседом чуть ли не в ножки ему бухнулись: будь другом, перенеси хоть метра на полтора в сторону! Ладно, говорит, попробую, но смотрите, чтоб больше здесь других погребов не было! Добро, говорим, мы старожилов знаем, больше никого не пустим. Так что уходите, мужики, по-хорошему, не подставляйте нас!» Пришлось, глубоко вздохнув, и оттуда уйти.

Выбрали одинокое место на границе леса и пустыря под берёзами, от проходной ВНС-ки метров сто. Вновь довольно шустро, чуть книзу на конус, выкопали яму, с уступами и местом для будущего лаза. На этот раз решили дожидаться дождя, чтоб изучить его последствия и только после этого разобрать первый неудачный погреб. Результаты «эксперимента» с дождём удовлетворили: стенки погреба, быстро высохнув, не сочлились.

Пока работали, изучили график посещений ВНС-ки милицейским патрулём. Решили, что и это неплохо, глядишь, никто не осмелится «бомбить» наш погреб. Завидев патрульную машину, мы приостанавливали работу, дожидаясь пока она заедет на территорию водо-насосной станции.

Как-то, взяв отгул, я решил немного поковыряться на погребке. Пригревало мягкое августовское солнышко, ни ветерка, я, о чем-то задумавшись, увлёкся работой. Вдруг сзади дипломатичное покашливание, обернулся — передо мной стоял незнакомый мент: «Погреб роем?» Какой тут придумаешь ответ с лопатой-то в руках? «Роём...» — отвечаю. «Пойдёмте, проедем с нами!» Я тихо матюкнулся и, присыпав лопату землёй, направился с офицером к патрульному «уазику».

Меня привезли в наш поселковый отдел милиции, провели в какую-то комнату, дали бумагу и ручку для написания объяснительной. Моё «преступление» квалифицировалось статьёй «Незаконное строительство», согласно Административному кодексу РСФСР, предусматривавшему наложение штрафа до 50 рублей и ликвидацию самого объекта незаконного строительства. Объяснительная вместе с протоколом правонарушения отправлялись на административную комиссию поселкового совета для окончательного вынесения решения и определения суммы штрафа. Не сказать, что сильно, но попал. Тьфу ты!

Административная комиссия должна состояться через две недели, я в чём-то расписался, получил на руки предписание явиться туда-то, тогда-то, во столько-то и, страшно матерясь про себя, вышел, чуть не бабахнув дверью кабинета.

На невесёлом «консилиуме» мы втроём «слушали и постановили»: погреб достроить. Близилась осень, скоро копка картофеля, на рытьё третьего погреба ни времени, ни сил не осталось. Да и моей супруге уже вот-вот в роддом отправляться, о другом думать надо. Достаивали в тёмное время суток, чтоб горящие фары машины издали были видны. Но радости и облегчения от завершения погребной эпопеи уже не ощущалось. В любой момент та же комиссия могла проверить предписание насчёт ликвидации «объекта незаконного строительства». Володю с Серёгой я, естественно, не сдал, а сам решил прикинуться «шлангом»: скажу, мол, что яму, как и обещал, забросал, а уж кто опять вынул мягкую податливую землю и достроил погреб — знать не знаю, ведать не ведаю. Пошли они...

И тут... отыскивается секретарь парткома Осинников...

* * *

В первый осенний день у меня родился сынок! Вроде бы, всё обещало вторую дочку, но я не стал торопиться покупать розовые пелёнки и ленточки. Коляска нейтрального зелёного цвета осталась от дочки, которой тогда «стукнуло» уже год и восемь месяцев. На помощь приехала моя мама, она помогала жене, пока я копал, сушил и спускал в многострадальный погреб картошку, у кого-то из деревенских закупили оптом морковь.

Сына назвали Ярославом. Семья в полном составе, все здоровы, запасы на зиму есть. Вот только административная комиссия близилась, чтоб ей...

Тем временем, события вокруг партийного босса «Вектора» развивались стремительно и, к большому сожалению, трагически. Выяснилось, что всё это время он инкогнито «зависал» на даче какого-то своего товарища, квасил. Скандал! Да ещё в преддверии славного юбилея Октября! Вердикт заседания первичной партийной организации, а затем выездного заседания райкома был ожидаем: «За нарушение трудовой и партийной дисциплины, поведение, несовместимое с занимаемой должностью, товарища Осинникова от поста секретаря партийной организации НПО „Вектор“ освободить». Партбилет, по-моему, решено было не отбирать. Но далее произошло чудовищное: на следующий день после заседания экс-секретарь парткома удавился в своём бывшем кабинете, царство ему небесное...

Это было шоком для всех. Если первая часть — сорвало «крышу», забухал, с кем не бывает (коммунист — не коммунист, не важно) — казалась понятной и вполне объяснимой, то вторая не лезла ни в какие ворота. Причём объяснить произошедшее личной слабостью человека, а не искать какие-то глубинные причины его поступков, для парткома было принципиально важно. Оставил ли Осинников предсмертную записку, изливал ли кому-то душу накануне самоубийства, я не знаю. Большинство народа, насколько мне помнится, удовлетворилось банальной бытовой версией.

И только совсем недавно моя мудрая супруга сказала: «Осинников был искренним человеком, он, похоже, видел, как начала рушиться система, частью которой сам являлся, предчувствовал, чем всё закончится, причём довольно скоро. А тут ритуальный шабаш вокруг грядущего юбилея Октября, пир во время чумы, лишь усугубил дело — наверняка ему пачками сыпались всякие инструкции, предписания, постановления по этому поводу. Ведь никто не знал, что у него творилось на душе. Вот и не выдержал человек...»

И мне почему-то сразу вспомнился несчастный Николае Чаушеску, их парадоксальная с Осинниковым параллель судеб. Судите сами: и тот, и другой были руководителями партийных организаций: один — большого объединения, другой — довольно большой страны. И тот, и другой стали косвенными жертвами горбачёвской Перестройки. Только один добровольно ушёл из жизни, а другой, рангом повыше, через два с небольшим года вёл себя перед смертью по-мужски. Помню, как все мы были шокированы телевизионными кадрами расстрела румынского лидера, до последней секунды сжимавшего руку своей верной супруги, принявшей смерть вместе с ним. Говорят, даже пел «Интернационал».

И вот, день проведения административной комиссии настал.

Перед этим я отнёс временные документы в поссовет для оформления свидетельства о рождении сына. Созвонившись (на первом этаже общаги висел таксофон общего пользования), договорился придти получить документ в тот же день, на который была назначена административная комиссия — чего два раза в Кольцово таскаться?

Пришёл уже перед самым закрытием — секретарша торопилась закончить дела до начала комиссии. Тем не менее, мне пожали руку, сказали массу приятных слов, вручили свидетельство, красную гвоздичку и красивую открытку, где среди слов поздравлений и пожеланий выделялась фраза: «радуемся вместе с Вами!». В кабинете находились другие сотрудники, они тоже радостно улыбались. Я поблагодарил, вышел и уселся на стул в холле поссовета.

Администратор, запирая дверь кабинета, поинтересовалась:

— Вы кого-то ждёте?

— Нет, — отвечаю, — я на административную комиссию.

Она скрылась за дверью приёмной, где обычно проходили заседания поссовета. Один за другим подходили члены административной комиссии, почти со всеми я здоровался.

Мой вопрос рассматривался первым. Пригласила войти та же сотрудница администрации, которая только что «радовалась вместе со мной», вручая свидетельство о рождении. Назвав моё имя, она чуть заметно осеклась, выражение лица выразило некоторую озабоченность.

— Ну, здравствуйте ещё раз! — я широко улыбнулся и сел на стул у торца длинного стола, за которым сидели сотрудники администрации поселкового совета, представители парткома, профкома, совета ветеранов, чего-то ещё. Присутствовал и офицер милиции, но не тот, что меня замёл. Почти со всеми я был знаком, если не очно, то заочно. Идеальный Шуляк, слава богу, отсутствовал.

Зачитали информацию о «составе преступления», кто я, что я. Все молчали. Я закинул ногу на ногу и стал чуть прихлопывать свидетельством и поздравительной открыткой по ладони. Гвоздика лежала на коленях. Пауза затягивалась.

Я начал первым:

— Ну что сказать? Семья, знаете ли, растёт, надо чем-то кормить. Картошку вот выкопал, а хранить негде. Начал рыть погреб, не повезло, застучали. Место выбрал на отшибе в лесу, у оврага, рядом несанкционированная свалка. Деревья не валил. Ущерб государству, конечно, «нанесён» колоссальный.

— Ну-у-у, молодой человек, Вы же, м-м-м, зна-а-а-ете... — неуверенно заговорил кто-то из комиссии.

Я перебил.

— Я знаю, что вы «радуетесь вместе со мной» по поводу рождения сына. — И поднял руку, демонстрируя свидетельство и открытку. — Есть, кстати, ещё дочка, почти два года. Живём вчетвером на восемнадцати метрах в общежитии на АБК. Сколько там детей! Но даже плохонького буфета нет, за молоком, за хлебом в Кольцово мотаться приходится. И я не стал бы рыть погреб, если б имел возможность купить картошку и морковь в магазине. Пока в Академ туда-сюда обернёшься — уже стоимость почти четверти ведра картошки прокатаешь. Или уважаемая комиссия про это не знает?

В то время тариф городского автобуса составлял 6 копеек, тогда как тариф 119-го маршрута Кольцово — Академгородок, считавшегося загородным, — 24 копейки.

— Молодой человек, — попытался продолжить представитель комиссии, — мы всё это прекрасно знаем, но...

Я вновь перебил.

— Знаете-знаете... Если вы «радуетесь вместе со мной», что сынок родился, то уж порадитесь, тоже вместе со мной, когда мои детишки картофельное пюре будут кушать.

— Не перебивайте, молодой человек! Вы могли бы построить погреб в «Репке» или договориться с кем-нибудь о хранении.

Я тяжело вздохнул.

— Понятно, значит, всё-таки не «радуетесь вместе со мной». Что ж, печально... Ну не удалось мне ни с кем договориться, а строить капитальный погреб наметил на следующий год. Может быть, кто-то из вас мою картошку приютит? Нет? Между прочим, рождение ещё одного строителя коммунизма — это наш с женой подарок к юбилею Великого Октября!

Все молчали. Я, взяв паузу, вновь обвёл присутствовавших тяжёлым взглядом.

— Подскажите мне, пожалуйста, где зимой хранить картошку?

В ответ — тишина. И не просто тишина — удручённое, гнетущее безмолвие. Даже поднять глаза на меня никто не осмеливался, настолько я убедителен в незамысловатой житейской правоте поставленного ребром вопроса.

Первым очнулся блюститель порядка.

— Молодой человек, не уводите разговор в сторону! — отчеканил он поставленным милицейским голосом. — Вы совершили противоправное деяние, за которое полагается административная ответственность! Вы это понимаете?

— Понимаю. — Мне стал надоедать весь этот разговор.

Ой, как сразу посветлели лица членов административной комиссии, все как-то ожили, зашевелились. Ещё бы, как говорили артисты Карцев и Ильченко в популярной в те годы юмореске, «товарищ понима-а-ает». Это уже немало.

И тут я вспомнил, что ни в моей объяснительной, ни в милицейском протоколе не отражена степень готовности «объекта незаконного строительства», сказано абстрактно: «погреб». И решился на хитрый ход.

— Да и о погреб, — говорю, — как таковым речи идти не может: ну вынул грунта штыка на два лопаты, делов-то!

Милиционер подвёл черту под вопросом:

— Предлагаю, на первый раз, товарища предупредить. Яму закопать.

— Не вопрос. Сделаем. Спасибо! — ответил я. — До свидания!

И, размахивая гвоздичкой, отправился восвояси. Почему-то в меня вселилась уверенность, что никто к этому вопросу уже больше не вернётся, проверять погреб тоже никто не явится. Так и случилось.

А через месяц... Через месяц в нашей общаге открылся буфет, там можно было купить хлеб, разливное молоко, крупы, макаронные изделия, моющие средства, сахар, печенье, карамельки и прочее — многое из того, что через каких-то три года, в 1990-м, будет отпущаться уже не по талонам, а по карточкам. Я сохранил для истории взрослую и детскую карточки, они были разного цвета. Помню, какой драгоценностью воспринималась единственная нормировано отпущенная бутылка шампанского! Мы берегли её как зеницу ока, открыв под бой курантов на новый 1991 год — последний год существования Советского Союза, КПСС и правления «Горби» (так на Западе звали Горбачёва).

Но пока мы радовались, что молоко и хлеб продавались под боком. Не настаиваю на том, что появление буфета на АБК стало результатом моего пламенного выступления на административной комиссии. Но всё же. Это и была та самая праздничная «конфетка» к юбилею Великого Октября. Слава КПСС!

Погребом я пользовался целых три года. Первым на следующий год ушёл Серёга — построился в «Репке», за ним ещё через год — Володя Фролов (он сейчас с семьёй проживает в Штатах). Я остался единоличным хозяином нашего земляного овощехранилища. Урожай, кстати, сохранялся очень хорошо — построили на совесть.

Через год на поверхности погреба зазеленела травка, проклюнулись цветы. Приходя за провиантом, я любил немного посидеть перед ним на пенёчке и под шелест

берёз послушать весёлое пение лесных птичек. А зимой, откопав в снегу творило, отогрев дыханием замки и спустившись вниз, представлял себя медведем в берлоге. Потом, переехав в Кольцово в квартиру на подселении, наконец-то приобрёл капитальный погреб в «Репке». А своей земляной продал другому обитателю общаги на АБК за символические уже к этому времени сто рублей.

* * *

Вот, собственно, и вся история...

Много лет внутри меня противной занозой сидит вопрос: а возможно ли было в нашей стране модернизировать и в целом сохранить существовавшую государственную систему без разрушения её основ? И почему этого не произошло, ведь успешные примеры Китая или Вьетнама доказывают, что это вполне реально? Изначально Перестройка и Ускорение, при помощи Гласности, как раз и замышлялись как «капитальный ремонт» системы, недаром первыми горбачевскими лозунгами были «Перестройке — идеологию обновления!» и «Перестройка — продолжение революционного дела Октября!» И первое время советский народ с воодушевлением и даже энтузиазмом откликнулся на эти призывы, приветствуя доселе непривычные инициативы и начинания Михаила Сергеевича, даже борьбу с бичом России — пьянством — поддерживал.

Но потом, и довольно скоро, стал более популярным другой лозунг: «По России мчится „тройка“: Мишка, Райка, Перестройка!» (Раиса Максимовна — супруга и, по совместительству, неустанный наушник-советчик главы государства, царство ей небесное). Потихоньку незаметно нивелировалось «Ускорение», а «Гласность» превратилась в анекдот: «Как тебе, Шарик, живётся при Перестройке?» — «Как? Цепочку ещё больше укоротили, миску с едой ещё дальше отодвинули, зато гавкай, сколько влезет!» Вскоре и «обновление социализма» завело политику совсем не туда, став причиной глобальной перестройки (уже без кавычек) всего общественного строя и разрушения прежней государственной идеологии КПСС. Всё. Потенциал для самосовершенствования системы, словно пар в гудок паровоза, ушёл в никуда. История судорожно перелистывала последние странички эпохи социализма. Неумолимо близились пресловутые «лихие девяностые».

Одна из причин неуспеха, которая видится мне со своей «колокольни»: просто в Китае пришёл к власти мудрый и целеустремлённый Дэн Сяо Пин, а у нас — неразумный, непоследовательный и говорливый, первый и последний «президент СССР» Михаил Горбачев, который под овации Запада, подвёл к разрушению свою страну. До сих пор, честно говоря, меня трясёт от одного его голоса с южнорусским акцентом и неправильными ударениями в словах — это ведь тоже своего рода дар: сказать много и в то же время ничего, абсолютно ничего.

А с самого конца 80-х — начала 90-х годов залихорадило и родной «Вектор»: финансирование научных тем стало стремительно сокращаться, народ потянуло в стороны — кто-то слинял за рубеж, кто-то просто уволился. Численность работников НПО за несколько лет сократилась вдвое. Строительство посёлка и новых корпусов на промзоне замерло, стали пустеть и некоторые сооружения на АБК. Дом культуры, некогда озарённый выступлением «Наутилуса», гулкий и заброшенный, долгое время пугал, зияя пустыми глазницами оконных проёмов.

И если родная «Кольцовочка», со временем, особенно после получения в 2003 году федерального статуса наукограда (первого за Уралом), воспряла и теперь почти ни в чем не уступает Академгородку, а здание бывшего многострадального ДК выкупила

и отреставрировала для своих нужд фармацевтическая фирма «Агроресурсы», то бесхозные разрушающиеся недостроенные корпуса так и торчат сиротливо на промзоне. Хотя «Вектор», к счастью, выжил и даже ожил, получил статус Государственного научного центра и Сотрудничающего центра ВОЗ, спасая ныне Россию и мир от коронавирусаго «нашествия». Однако прежней численности «личного состава» сотрудников так и не восстановил. Я и сам более двадцати пяти лет там не работаю, но это уже совсем другая история.

Изредка меня тянет к развалинам «исторического» лесного погребца — символа того времени. Прокручиваю в памяти разноликую пёструю цепочку событий: Кольцово — Перестройка — общага — 70-летие Октября — погреб — административная комиссия — партком — Осинников — буфет на АБК. Не так давно отметили уже 100-летний юбилей Октября, а уж величать его «великим» или нет, каждый решает сам. Сынок мой, несостоявшийся «строитель коммунизма», давно вырос и воспринимает рассказ про погреб, как древнее историческое предание.

С грустной улыбкой я созерцаю руины творения рук своих: брёвна перекрытий подгнили, земля обвалилась. На месте пока ещё угадывающегося в траве бывшего погребца-кормильца сейчас возвышается роскошный муравейник, что я расцениваю весьма символичным и знаковым. Кто-то хозяйственный вытащил вытяжную трубу и снял творила — ради Бога, пусть пользуется на здоровье. И всё также приезжает к проходной водонасосной станции дежурный милицейский, пардон, полицейский, «уазик», а на берёзках незатейливо насвистывают лесные птички...

* * *

Редакция литературного журнала «Аргатак. Татарстан» выражает искренние соболезнования Петру Юрьевичу Муратову в связи с кончиной его отца Юрия Петровича, последовавшей на 84 году жизни после ковида.

Муратов Юрий Петрович — ветеран труда РФ, почётный ветеран казанского завода «Радиоприбор». В 1990 году был избран депутатом Верховного Совета Татарстана первого созыва, активно участвовал в разработке Конституции нашей республики. Был отмечен Почетной грамотой Президента РТ. Награждён медалями «Ветеран труда» и «В честь 1000-летия Казани». Светлая память Человеку и Гражданину!

«ПЯТОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО» АЛЕКСАНДРА ОЛЬШАНСКОГО

*о научно-фантастической трилогии
(«Инопланетяне», «Пятое человечество», «Планета Айгуль»)
известного московского писателя.*

*«Самое печальное в нынешнем
обществе то, что наука
аккумулирует знания быстрее,
чем общество обретает мудрость»*

Айзек Азимов

Начнём с того, что журнал «Армак. Татарстан» имел возможность в двух номерах 2020 года опубликовать первый из трёх романов — «Инопланетяне». Два последующих романа трилогии заинтересованный читатель может найти на портале «ЛитРес». Они уже издаются также отдельными книгами, а журнал выходит только два раза в год.

Трилогия представляет собой образец актуальной фантастики. Она отражает высокую гражданскую позицию автора и его многогранность. Особенностью всех романов трилогии является подтекст, требующий глубокого осмысления и обсуждения. Я думаю, что своей философской аранжировкой некоторых проблем Александр Андреевич опередил время и заглянул в наше ближайшее «завтра». Я не сомневаюсь, что к его трилогии будут возвращаться. Размышляя над глобальными проблемами нашей цивилизации, Ольшанский во многом оказался провидцем.

Да, все три романа связаны с феноменом человека и человеческой цивилизации. Вечные вопросы нашего бытия — предназначение, цели, задачи, прошлое, настоящее и будущее. В связи с этим в романах охвачен практически весь спектр глобальных современных проблем. Но основу трилогии, её фундамент составляют две из них. Первая — это проблема двух культур — естественно-научной и гуманитарной, их несоответствие. Потрясающий научно-технический прогресс, современные технологии и регресс, катастрофический спад гуманитарной культуры. И вторая проблема — отсутствие научно-обоснованной концепции развития нашего социума, земной цивилизации. Без научной теории, без понимания первопричин, целей и задач нашего сообщества, нам не избежать конфликтов и катастроф.

Обширен спектр рассматриваемых вопросов и проблем: экология, противостояние биосферы и техносферы, милитаризация, угроза уничтожения человечества, энергетика, редактирование генома, использование искусственного интеллекта (ИИ), угроза «машинной цивилизации», возможность переселения человечества на экзопланеты и т. д. На фоне «машинной цивилизации» технократическая культура в виде систем с ИИ

(искусственным интеллектом), роботов и киборгов может заменить естественный интеллект, который Природа в процессе эволюции реализовал в лице человека. И вряд ли ИИ будут свойственны духовность, нравственность и эмоциональность. Элементы такой экспансии проявляются уже сейчас, причём в явном виде. А. Ольшанский намеренно акцентирует наше внимание на этих вопросах, чтобы подчеркнуть важность гуманитарной составляющей в становлении и эволюции человека.

Своей задачей я вижу не анализ романов трилогии, как художественных произведений, а научное обоснование поднимаемых в них вопросов в рамках современной эволюционной картины Мироздания. Именно они делают данное произведение актуальным и частично выводят его из жанра фантастики. Дело в том, что уже сейчас появляются серьёзные работы, в которых обсуждается возможность загрузки суперкомпьютеров сознанием человека и его виртуального бессмертия. И даже поднимается вопрос о правовом статусе ИИ. Эти вопросы широко обсуждаются в научной среде, на страницах печати и в интернете. Их всех объединяет стремление понять феномен человека и его будущее в рамках Вселенной. Попытаемся сделать это с позиций глобальной эволюции материи во Вселенной и антропного принципа. Может быть они помогут нам понять, насколько возможны события, описанные в трилогии?

«ИНОПЛАНЕТЯНЕ» (аннотация)

«Инопланетяне» — социально-фантастический и философский роман. В нём фактически ставится вопрос о будущем земной человеческой цивилизации в сложившихся условиях геополитической и экологической ситуаций на Земле. Речь идёт о возможном уничтожении нашей цивилизации самим же человеком. Несоответствие двух культур привело к трагическому состоянию нашего социума. Войны, конфликты, терроризм, фанатизм, национализм, фашизм, оголтелая милитаризация, техногенные катастрофы, чудовищное состояние экологии, климатические аномалии, энергетические проблемы, демографическая ситуация, пандемии ... ставят под вопрос дальнейшее существование нашей цивилизации. Принципы и организация социума противоречат организации и функционированию биосферы. Природа фактически загоняется в резервацию. Особенно пугает тот факт, что все достижения науки и техники в первую очередь используются в военных целях. Последствия этого спектра глобальных проблем как раз обсуждаются в данном романе. Автор доносит до нас в художественной форме главную мысль — Природа и Вселенная могут «вычеркнуть» земную цивилизацию из своего реестра. Для преодоления кризиса, в котором находятся планета и человечество, герой романа, молодой учёный, богочеловек — потомок сына Бога и земной женщины, предлагает освободить человека от генов агрессивности и восьми смертных грехов путём редактирования генома и тем самым создать новое «пятое человечество».

Мы не понимаем, что прежде чем выходить в Большой Космос, создавать ИИ, заниматься редактированием генома наравне с Богом, человек должен стать Человеком. До Бога нужно дорасти и духовно, и нравственно. Есть ли у нас моральное право улучшать творения самого Бога, который создавал человека с учётом всего пространственно-временного контекста?

«ПЯТОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО» (аннотация)

Итак, осуществив редактирование генома, богочеловек по ряду объективных причин с помощью Мирового Разума организовал переселение человечества на экзопланету Арс. Современные прогрессивные технологии, ИИ, роботы, киборги и... коммунизм и рай на планете? Живи и радуйся, и раскрывай свои творческие способности. Но действия разворачиваются по другому сценарию. Население и особенно молодёжь захлестнули негативные явления, свидетельствующие о явной деградации общества: творческая и трудовая апатия, нежелание учиться, ощущение бессмысленности жизни, наркомания, неофашизм, путчи... Почему созданный рай обернулся дефицитом настоящей радости от жизни и привёл к возрождению фашизма? Почему последствия редактирования генома оказались именно такими? Что изменилось в поведении и психологии человека? В этих вопросах и кроется подтекст романа, и темы, которые поднимаются в нём, очень важны для современного состояния и развития социума.

И другой вопрос — а всё ли определяет геном? Ведь кроме материальной субстанции — тело, мозг, физиология... — существуют такие составляющие, как душа, сознание, эмоции, психические функции и т.п. Весь подтекст романа базируется практически на проблеме соотносительности мозга и сознания (души и тела). Мозг — сложная целостная система приёма и переработки энергии и информации, которые он получает из внешнего мира и целесообразно их перерабатывает для адекватного отражения реальной действительности с целью обеспечения своего (нашего) существования. Мозг — ключ Бытия. Он является центром управления человеком во всех сферах его деятельности. Тем не менее, наука пока не в состоянии объяснить, как субъективные свойства сознания возникают из объективных свойств нейронов и нейронных сетей? Как возникает единый образ? Где наши различные сенсорные модальности сливаются в единое целое? **Мозг и сознание — вот основные составляющие человека, которые определяют его Я и его сущность. Без учёта этого нельзя понять, почему редактирование генома не привело к ожидаемым результатам, а привело к негативным — угасанию полной активной жизни, к угасанию мозговой деятельности и деградации.**

А что такое гены? Минимальные участки молекулы ДНК, ответственные за тот или иной признак. Это «буквы нашей азбуки», из которых складывается текст-геном, то есть мы. Сущность человека определяется не только одним геномом. Для человека этого мало. Для него необходима вся «атрибутика» сознания, в этом и состоит его особенность. ЧЕЛОВЕКА «делают» и мозг, и сознание! Они же обеспечивают эволюционное естественное и гармоничное развитие общества. **Суть в том, что и без редактирования генома полное благоденствие, праздное существование, отсутствие стимулов любой деятельности, паразитирование... привели бы к тем же негативным результатам, к угасанию мозговой деятельности, к снижению уровня сознания, а затем и к деградации.**

Бог и Природа мудры и рациональны, Они управляют процессом эволюции. И ведь возможно, что «несовершенство» нашего генома и восемь смертных грехов — это не ошибки Создателя и Природы, а это Их «инструменты», с помощью которых Они делают из человека Человека с функциями и полномочиями Бога, с его заповедями.

*Бог человеком был для человека,
Чтоб Богом стал для Бога Человек.
Константин Померанцев*

Может быть, это наш крёстный путь, проходя который мы сталкиваемся со злом и добром, с унынием и радостью, с ненавистью и любовью, и каждый раз только сам человек решает, какой сделать выбор: либо подняться и приблизиться к Создателю, либо упасть... Человеком не рождаются, Человеком становятся!

*К Господу приходят в одиночку,
Толпами к убожеству идут.
Николай Алешков.*

Важным в романе является также вопрос о гармонии между научно-техническим развитием и интеллектуально-духовным, что очень важно для гармоничного развития общества. Любая дисгармония может привести к тому, что Природа уничтожит такую цивилизацию. Не случаен вопрос автора трилогии Александра Ольшанского: «Где граница между Сциллой безумного прогресса и Харибдой деградации?»

«ПЛАНЕТА АЙГУЛЬ» (аннотация)

В центре этого романа ситуация с цивилизацией на Бриллиантовой планете, в одной из звёздных систем Галактики. Здесь были созданы все условия для научного и технического творчества. Результатом явилось создание высокотехнологического общества — вредные производства были вынесены за пределы планеты в космос; осуществлён управляемый термоядерный синтез; решена энергетическая проблема; выведены на орбиту два искусственных Солнца; освоены производство металлического водорода и гелия 3; искусственная калорийная пища; получение белка из углерода; управление климатом и т.п. Представителей этой цивилизации отличало рациональное технократическое мышление. Практически наблюдалось полное отсутствие духовности, сопереживания и сочувствия. Для них было правильно то, что целесообразно. Жизнь не была насыщена человеческими чувствами во всей полноте.

Всё это сопровождалось естественно широким использованием ИИ, цифровых копий («цифровики»), киборгов и роботов. Цифровые копии практически представляли собой роботов с запрограммированным сознанием, с примитивным искусственным разумом, с укороченными функциями мозга и даже с зачатками чувств. Созданы они были из неодушевлённых органических веществ. Они не старели, а изнашивались. Их основой служили конкретные люди. Фактически это были роботы-полулюди, «инструменты», так как у них не было души и сознания в человеческом понимании этих категорий. Между технократической расой и «цифровиками» не было особой разницы так, как и те и другие были бесчувственны. Однако в социальной иерархии общества они занимали принципиально разные положения. «Цифровики» стали требовать гражданские и человеческие права, что привело к вооружённому столкновению.

Как показывает автор, научно-технический прогресс имеет свои пределы, о которых мы и не догадываемся, а давно пора бы! Он может стать **причиной низвержения развитого в технологическом отношении общества на более низкую ступень развития**. Поэтому и герои романа осознают, что вершины научно-технического прогресса не определяют всей полноты жизни, и в дальнейшем делают всё, чтобы избавиться от духовно-эмоциональной недостаточности. Осознать неполноту технократического образа жизни обитателям Бриллиантовой планеты помогают представители «пятого человечества», прибывшие с планет Арс и Зея с целью позаимствовать достижения суперцивилизации. В процессе знакомства с ними они приходят к выводу, что технократическая суперцивилизация не может, прежде всего, в духовном, гуманитарном и гармоническом смысле, стать образцом для подражания. По ряду причин представители «пятого человечества» предлагают обитателям Бриллиантовой планеты переселиться на планету Айгуль, освоить её и создать гармоническое общество, живущее полноценной жизнью, избавленной от духовно-эмоциональной недостаточности.

На этом А. Ольшанский заканчивает свою трилогию, как бы завершает круг, давая возможность читателям в процессе сотворчества самим представить картину созидания общества, которое может стать целью человеческого существования.

КОСМИЗМ

Весь роман, да и вся трилогия А. Ольшанского, пронизаны идеей космизма (упорядоченного мира). Это ряд религиозно-философских, научно-технических, футурологических течений начала XX века, которые объединяют человека и человечество в единое целое с Космосом. Очень часто используется термин «русский космизм», который также рассматривает проблему взаимосвязи человека и Космоса, проблему гармонии человека и Вселенной. Это дань представителям русской культуры, русской философской школы, которые внесли огромный вклад в осмысление этой идеи. К основным положениям космизма можно отнести: идею всеединства, воссоединения и гармонизации всех согласованных элементов стихий и Бытия и идею единства микрокосма (человека) и макрокосма (Вселенной). В космологии удивительное соответствие человека и Вселенной получило наименование «антропного принципа», который не объясняет, а лишь декларирует это соответствие. **Идея всеединства, единства человека и Вселенной является глобальной общенаучной идеей в современной картине Мироздания. Природа (Вселенная, жизнь, разум) — это единый, уникальный, многогранный, сложный, самоуправляющийся организм.**

В космизме, как религиозно-философской концепции, часто упоминается Бог и Космический Разум. В трилогии А. Ольшанского идея Бога также проходит красной нитью. В этом нет ничего удивительного, это вполне закономерно. Религия, как мощнейший пласт человеческой культуры, существует не одну тысячу лет. Это важный элемент человеческой цивилизации, и в становлении человека идея Бога сыграла не последнюю роль.

Вера — это глубокое, искреннее принятие какого-то положения, предполагающее рациональные основания. Вера позволяет признать некоторые утверждения достоверными. Вера ближе к интуиции. Так как она означает не только интеллектуальную убеждённость, но и психологическую расположенность, то является значимым фактором в гносеологии. Определённая система верований лежит в основе всей науки, в основе каждой научной теории.

Вопрос взаимоотношений между наукой и Верой является сложным. Сегодня становится очевидным, что ложные представления о несовместимости научных знаний

и Веры разрушают целостность мировосприятия. Время «слепой» Веры прошло. Чем выше естественно-научный уровень человека, чем больше он понимает законы Природы, её красоту и её целесообразность, тем ближе он к Богу. Осознавая совершенство и гармонию этого мира, человек сам становится богаче духовно. Доказательством этого служат рассуждения о Боге А. Эйнштейна, Н. Бехтеревой, Б. Раушенбаха, С. Хокинга и многих других выдающихся представителей земной цивилизации. Все прекрасно понимают, что Библия дана Человечеству на все времена, поэтому язык её аллегоричен. Нельзя отталкиваться от буквального толкования текста книги Бытия. Ни наука, ни религия не отрицают акт сотворения Мира, эволюцию и усложнение систем, существование проблем происхождения жизни и человека. Но наука рассматривает эти вопросы в рамках естественных самоорганизующихся процессов, а Библия — как Промысл Божий. Так что благодаря научно-техническому и духовно-интеллектуальному прогрессу человек начал осознавать Творца на совершенно ином качественном уровне.

Кроме того, важен психологический фактор Веры. Природа целесообразна. Возможно, что Вера в Бога, в Творца представляет единственное решение проблемы «сознание и смерть». Человеку тяжело осознавать, что с момента рождения он движется к смерти. Вера облегчает наше существование и придаёт ему смысл. «Вся жизнь человека, личная и общественная, стоит на вере в бессмертие души. Это наивысшая идея, без которой ни человек, ни народ не могут существовать» (Ф. Достоевский).

АНТРОПНЫЙ ПРИНЦИП

Антропный принцип устанавливает определённое соотношение между фундаментальными свойствами Вселенной в целом и наличием в ней жизни и человека. Выдвинут он был в связи с проблемами существования разумной жизни во Вселенной и феномена человека. При этом предполагаются не различные формы жизни, а только **водно-углеродная**. Пока мы не можем дать общего определения жизни. А в рамках водно-углеродной формы граница между живой и не живой Природой определяется киральностью молекул, которая связана с симметрией и асимметрией. Применительно к этой форме жизни, можно однозначно сказать, что жизнь во Вселенной существует **локально, в очень ограниченных областях. Причём это накладывает жёсткие условия на их свойства, строение, структуру и численные значения фундаментальных физических констант**. Только в этом случае реализуется сценарий появления и существования жизни и человека.

Рассмотрим некоторые эти условия. Но для этого нам придётся познакомиться с основами космологической теории «Большого Взрыва» (БВ). В 1922 г. А. Фридман, анализируя космологические уравнения А. Эйнштейна, пришёл к выводу, что существуют два типа моделей Вселенной — расширяющаяся и сжимающаяся. Вид модели определяется средней плотностью вещества во Вселенной ρ . Она определяет — будет ли Вселенная неограниченно расширяться или расширение сменится сжатием? Смогут ли образоваться гравитационно-связанные системы — Галактики и звёзды, необходимые для жизни, и хватит ли времени существования такой Вселенной для возникновения жизни? Анализ показал, что **условие $\rho = \rho_{\text{критич}}$ является необходимым для возникновения жизни**. Это накладывает определённые требования на постоянную Хаббла, одну из главных космологических постоянных, связанных с расширением Вселенной. $\rho_{\text{критич}}$ определяется моделью А. Фридмана. «Красное смещение» Галактик, открытое Э. Хабблом, свидетельствовало о том, что Галактики «разбегаются», а Вселенная расширяется.

Общепринятой моделью в настоящее время является горячая модель теории «Большого Взрыва» (БВ), созданная Г. Гамовым. Суть этой теории сводится к следующему. Наша Вселенная возникла ~ 15 млрд лет тому назад в результате БВ из точки сингулярности. С тех пор Вселенная непрерывно расширяется. Для точки сингулярности характерны сверхвысокие плотность ~ 10^{93} г/см³, температура ~ 10^{31} К и очень малый размер ~ 10^{-33} см. Таково было начальное состояние Вселенной (латентное). То есть её размеры практически были равны нулю, а сама она была бесконечно горячей. Точка сингулярности — это единица пространства-времени. Затем был БВ, который физика элементарных частиц расписала по микродолям секунды. Это был акт рождения материи, пространства и времени. Пока обсуждать природу точки сингулярности бесполезно. Это самое слабое звено теории БВ. Однако открытие реликтового излучения («остаточного излучения»), предсказанного Г. Гамовым, свидетельствует в пользу этой модели. Итак, в пользу теории БВ говорят два экспериментальных факта — «красное смещение» Галактик и реликтовое излучение.

В космологической стадии эволюции материи от начала БВ по мере расширения Вселенной и её охлаждения можно выделить следующие процессы: образование ядер лёгких элементов (водорода и гелия), образование атомов водорода и гелия, отделение вещества от излучения, формирование состава дозвёздного газа — 70% водорода и 30% гелия. И только, когда вещество начинает доминировать над излучением, и когда Вселенная теряет свою пространственную однородность, разворачивается грандиозная картина образования структур Вселенной — Галактик, звёзд, планет. Время появления первых нейтральных атомов ~ 10^6 лет после начала БВ.

Для осуществления всех этих процессов нужен стабильный протон. **Существующее численное значение массы протона, от которого зависит время его распада, также является необходимым условием для возникновения жизни.** В противном случае, водорода, который служит основой термоядерного синтеза в звёздах и основой необходимой для жизни воды, не было бы. **Также значения масс нейтрона и электрона точно «подобраны», чтобы обеспечить возможность развития жизни.**

После потери пространственной однородности возникают сгущения, протозвёзды, а затем и звёзды. Время появления первых звёзд ~ $4,5 \times 10^9$ лет после БВ. Звёзды являются «фабриками» по производству химических элементов, в том числе и углерода. Именно в них в ходе термоядерных реакций синтезируются более тяжёлые ядра. После полного истощения внутренних источников энергии происходит гравитационный коллапс. Его итогом являются вспышка Сверхновой, нейтронная звезда и газовая туманность. Из этого «праха» формируются звёзды нового поколения. Они более богаты тяжёлыми элементами. Основную роль в выделении энергии внутри звёзд играют протон-протонный и углеродный циклы. Анализ термоядерных реакций показывает, что превращение гелия в углерод идёт не в один, а в два этапа потому, что вероятность двухэтапной реакции больше вероятности одноэтапной и **только двухэтапная реакция даёт необходимое количество углерода для водно-углеродной жизни, что также является необходимым условием возникновения жизни.**

Известно, что за все процессы во Вселенной ответственны четыре физических взаимодействия, которые характеризуются безразмерными константами. Их численные значения и значения других фундаментальных физических констант являются также необходимыми условиями для возникновения во Вселенной жизни и человека. Структура Вселенной очень чувствительна к их численным значениям. Если одна из констант выходит за допустимые пределы, то эволюция Вселенной идёт по другому сценарию, и в нём уже нет жизни в нашем понимании. Таким образом, условия во Вселенных, где появляется «наблюдатель» (человек), должны быть идентичными.

Можно отметить и другие факторы. Известны термическая и химическая стабильность земной атмосферы. Термическое состояние атмосферы определяется потоком солнечного излучения, альбедо Земли и пропусканием земной атмосферы. Этими факторами достигается постоянство температуры. Белковая разумная жизнь возможна лишь в небольшом интервале температур. **Термическая стабильность земной атмосферы также является необходимым условием.** Изменение орбиты Земли на 10% уже фатально для большинства живых существ. Отметим также оптимальную для существования жизни концентрацию кислорода в атмосфере Земли. Примерно 800 млн лет назад количество кислорода в атмосфере достигло ~ 20% и с тех пор практически остаётся неизменным. Процессы дыхания для живых организмов и фотосинтез оказались сбалансированными.

Вполне определённые требования накладываются также на Солнце, как на рядовую звезду нашей Галактики; на Землю, как на рядовую планету солнечной системы; на нашу Галактику «Млечный путь», как на рядовую галактику нашей Вселенной. Солнце занимает промежуточное положение между «горячими» и «холодными» звёздами, между красными гигантами и белыми карликами. На основной звёздной диаграмме «спектр-светимость» Солнца находится в средней части главной последовательности, на которой лежат стационарные звёзды с термоядерным источником энергии. Эти звёзды не изменяют своей светимости в течение многих миллиардов лет.

Наша Галактика принадлежит к широко распространённому во Вселенной типу спиральных галактик. Для них характерны ядро и спиральные рукава. В плане расположения звёзд типа Солнца предпочтение отдаётся спиральным галактикам. Эллиптические галактики состоят в основном из старых звёзд. Почти вся спиральная структура Галактики лежит ближе к ядру, чем Солнце, которое находится на её периферии. В спиральных рукавах сосредоточена большая часть межзвёздного газа, там происходят активные процессы, возникают ударные волны. **Солнце же находится между спиральными ветвями, что исключает воздействие данных процессов.** Кроме того, вращение спиральных рукавов и движение звёзд в целом не совпадают. Это приводит иногда к тому, что звёзды попадают внутрь спиральных ветвей и подвергаются воздействию активных процессов и ударных волн. Солнце же находится в той области Млечного пути, где спиральные ветви и светила движутся с одинаковыми скоростями, что исключает такое воздействие (зона коротации). Таким образом **привилегированное положение Солнца в нашей Галактике также является важнейшим фактором для возникновения жизни на Земле. Оно обеспечивает стабильность Солнца, всей солнечной системы и «космический гомеостаз» для существования жизни на нашей планете.**

В качестве резюме можно констатировать, что между глобальными свойствами нашей Вселенной и условиями, в которых становится возможным возникновение жизни, существует соответствие; что возникновение жизни **в водно-углеродной форме** на одном из объектов Вселенной накладывает жёсткие условия на её свойства, строение и структуру. Вопрос: «Были ли закодированы в сингулярности основные черты нашей Вселенной и возможность возникновения жизни?» — остаётся открытым.

ЭВОЛЮЦИЯ МАТЕРИИ ВО ВСЕЛЕННОЙ

Если рассмотреть эволюцию структур во Вселенной в плане атомарной сложности от начала её рождения в точке сингулярности, то можно выделить **космологическую, химическую и биологическую стадии.** Сложность структуры определяется

количеством атомов для объектов неживой природы и числом атомов в молекулах РНК и ДНК для биологических объектов. Космологическая стадия базируется на общепринятой теории БВ, основы которой мы рассмотрели в антропном принципе. В рамках этой модели наша Вселенная возникла ~ 13,6 млрд лет назад. Возраст нашей Галактики ~9–13 млрд лет, Солнца ~5 млрд лет, Земли ~4,5 млрд лет. Дальнейший процесс усложнения идёт через образование молекул. И неограниченный характер этого процесса обеспечен **углеродом**. Сложность молекул на порядок выше. По крайней мере в межзвёздной среде открыто более 30 различных видов молекул, в том числе и органических, содержащих до 9-ти атомов. Время возникновения первых молекул можно отождествить со временем появления первых звёзд.

К химической стадии эволюции, кроме молекул, можно отнести также образование **твёрдых кластеров** (время появления ~ $12,8 \times 10^9$ лет от БВ) и **полимеров** (время появления ~ $15,2 \times 10^9$ лет от БВ). Первые представляли собой минимальное количество атомов, проявляющих макроскопические свойства вещества. Это зародыши будущих межзвёздных пылинок с атомарной сложностью ~100. Вторые — это макромолекулы, содержащие от нескольких тысяч до миллиона атомов, соединённых химическими связями. К ним, в частности, относятся молекулы ДНК, РНК, белки. Таким образом, химическая стадия эволюции переходит в биологическую стадию эволюции на Земле. ДНК — высокобиополимерное природное соединение, содержащееся в ядрах клеток живых организмов. ДНК — носитель генетической информации. Она состоит из двух полинуклеиновых цепей, закрученных одна вокруг другой в спираль. Молекулы ДНК находятся в хромосомах ядра клетки.

Биологическая форма движения материи является качественно более сложной, так как **живые системы должны обладать механизмом запоминания и передачи биологической информации**. Феномен жизни идентифицируют с феноменом ДНК и её эволюционного предшественника — РНК. Обе они способны обеспечивать репликацию себе подобных молекул и за счёт сбоя в этой репликации — **мутаций** — обеспечить возможность естественного отбора и прогрессивную эволюцию. Вершиной этого естественного отбора считается человек. Необратимая, направленная, прогрессивная эволюция неразрывно связана с биологической памятью, материальными носителями которой считаются молекулы ДНК и РНК. Основной трудностью является — «невозможность представить себе те процессы, которые являются промежуточными между химической эволюцией и возникновением первой самовоспроизводящей и метаболизирующей единицы, которая называется клеткой» (Р. Янг). Исследования показывают, что **химическая эволюция автокаталитических систем в условиях Земли могла привести к появлению первых РНК (а затем и ДНК) за счёт химических мутаций, инициированных явлениями в протмосфере Земли**.

Сначала Земля была горячей и не имела атмосферы. Со временем она остыла, а вследствие выделения газа из горных пород возникла земная атмосфера. Ранняя атмосфера было непригодна для «нашей» жизни, так как в ней не было кислорода. Поэтому преобладали примитивные формы жизни. По мере обогащения атмосферы кислородом возникали более высокие её формы. Биологическая стадия эволюции на Земле включает появление одноклеточных (~ 17×10^9 лет от БВ), водорослей (~ $18,9 \times 10^9$ лет от БВ). Переход от беспозвоночных к позвоночным предположительно проходил через простую стадию хордовых (~ $19,4 \times 10^9$ лет от БВ). Затем они должны были подняться до рыбообразных созданий (~ $19,6 \times 10^9$ лет от БВ). Естественно, данные палеонтологии ориентировочные. На вершине этой биологической стадии эволюции находится человек — многоклеточная структура, которая обеспечивает

комфортные условия для синтеза и функционирования молекул ДНК, РНК и белков; существо, которое обладает высокоразвитой структурой головного мозга и сознанием. По атомарной сложности человек является лидером. Его геном объединяет около 3,5 млрд пар нуклеотидов. Согласно эволюционной теории, биологическая эволюция связана с изменением ДНК, с её мутациями. Эволюционный ход определяется скоростью мутационного процесса. Полезные мутации наследуются потомками, а генетическая информация преобразуется. Такова генетическая суть процесса эволюции. Анализ ДНК разных видов позволил построить филогенетическое древо, которое отражает эволюционные преобразования.

Если придерживаться эволюционной теории происхождения человека от животного предка, то разноречивые данные по антропогенезу можно резюмировать следующим образом. Наземные представители позвоночных появились ~200 млн лет назад, парапитеки ~30 млн лет назад, дриопитеки ~15 млн лет назад, австралопитеки ~4 млн лет назад, древнейшие люди ~1 млн лет назад, древние люди (неандертальцы) ~200 тысяч лет назад, человек разумный (*Homo Sapiens*) ~50 тысяч лет назад и, наконец, ~20–30 тысяч лет назад появляются кроманьонцы — предшественники современных людей.

Таким образом, ***Вселенная является целостной единой системой. В ходе её развития и эволюции происходит рост разнообразия и сложности материальных образований. В результате эволюции материи во Вселенной от начала БВ на определённом этапе появляется живая материя, живое вещество в водно-углеродной форме. Оно служит основой для появления человека. Человек — это существо КосмоБиоПсихоСоциальное.***

В богословии в рамках концепции «**эволюционного креационизма**» и в рамках концепции «**управляемой Богом эволюции**» идеи эволюции согласуются с центральной доктриной христианства о первородном грехе (Р. Коллинз). Суть этих концепций сводится к тому, что Бог использовал эволюцию в качестве инструмента творения; Бог осуществляет управление через мутации, и в этом присутствует направляющий фактор эволюции.

«ВОЙНА МИРОВ» ИЛИ ИХ СОДРУЖЕСТВО?

Открытым остаётся вопрос о будущем человека и человечества, как биологического вида. Является ли человек «вершиной» биологической стадии или её этапом? Ведь биологическая эволюция и мутационный процесс продолжают. Хотя по мере развития цивилизации жизнеспособность человеческого общества возрастает, однако в силу «социального статуса» естественный отбор ослабляется. Возможна ли замена естественного интеллекта в лице человека искусственным интеллектом? Рассмотрим причины и целесообразность такой замены.

1. Ускорение самоорганизации материи. Сравним время появления биологических объектов со временем появления первых атомов и молекул после начала рождения Вселенной и построим график зависимости атомарной сложности объектов от времени — начала БВ (В. Маро и М. Нусино).

Налицо ускорение самоорганизации материи при переходе от космологической стадии к химической и биологической. Если рассматривать эволюцию как информационное движение, то, по мнению В. Маро и М. Нусино, ускорение связано с уменьшением числа букв в алфавите, с помощью которого пишется текст-программа, определяющая структуру и функционирование объекта. Для написания «текстов» космологической стадии количество букв определяется числом химических

элементов (~100). Для биологической стадии «текст» пишется четырьмя буквами — числом нуклеотидов в информационных системах РНК и ДНК. Они считают, что в будущем **возможно создание человеком новых самоорганизующихся искусственных информационных систем с меньшим числом букв (новый геном)**.

2. Гомеостаз. Известно, что чем сложнее геном объекта, тем более жёсткие условия гомеостаза необходимы для его жизнедеятельности. В этом водно-углеродная форма жизни является слишком уязвимой. **Системы «машинной цивилизации» на основе ИИ являются более надёжными и менее зависимыми от природных и физических условий.**

3. Информационная «вместимость» мозга. За последние годы наблюдается колоссальное увеличение информационного потока, информационный «взрыв» в масштабах планеты. Этим во многом объясняется рост психических и неврологических заболеваний. Сможет ли человек охватить разумом то, что создаётся человечеством? Хватит ли человеку биологического срока жизни, чтобы стать Человеком? Чем ограничивается информационная вместимость нашего мозга? Нужны ли новые методы фильтрации информации или новые технологии с использованием элементов «машинной цивилизации»?

4. Сравнение методов обработки информации. У мозга в отличие от компьютеров нет центрального процессора и операционной системы. Это нейронная суперсеть, в которой реализуются процессы памяти и мышления. Электрические сигналы между нейронами по сути химические (нейромедиаторы и синапсы). Поэтому мозг не может совершать быстрых сложных вычислений, но зато у него есть возможность параллельной обработки данных. Мозг продолжает эволюционировать, но не так быстро, как компьютеры. Их мощность удваивается ~ каждые 2 года. Современные суперкомпьютеры поражают своей скоростью и своими интеллектуальными способностями. Так что без электронных помощников человеку не обойтись.

5. «Детекторы ошибок». Они ограничивают интеллектуальные возможности мозга. Это мозговой механизм оптимизации мыслительной деятельности. Это популяции нейронов, реагирующие селективно на ошибочное выполнение задания. «Детектор ошибок» работает на бессознательном уровне, обеспечивая устойчивое функциональное состояние мозга, и тем самым поддерживая «правильное» поведение человека. Физиологический механизм его работы заключается в постоянном мониторинге

и сравнении информации о текущем состоянии с моделью, находящейся в матрице памяти. Это специальная система, в которой **ожидаемые действия** сравниваются с реальными и в которой полученный сигнал рассогласования используется для следующей коррекции поведения.

Мозг «предвосхищает» (моделирует) свойства того результата, который должен быть получен в соответствии с принятым решением. Он опережает ход событий в отношениях между организмом и внешним миром (П. Анохин).

«Детектор ошибок» препятствует отклонению нашего поведения от нормы, включая режим ограничения. Поэтому его называют иногда «блоком гениальности». Если ослабить работу этой системы, снять ограничения, то человек будет с отклонением от нормы, то есть не ординарным («гением», шизофреником). Возможно, что сбой в работе «детектора ошибок» объясняет озарения, открытия, изобретения, пики творчества художников, поэтов, музыкантов. Но с другой стороны при активизации сверх возможностей выключаются биологические защитные механизмы, нарушается штатный режим работы мозга, что ведёт к более быстрому изнашиванию организма.

Мы привели лишь некоторые аргументы в пользу использования человеком элементов ИИ, которые способствуют росту творческого потенциала человека. Действительно практика показывает, что технологии ИИ нужны человеку, и спектр их использования чрезвычайно широк. Главное, чтобы быстрое технологическое развитие не превзошло самого человека. Сейчас трудно предсказать влияние и действие ИИ на будущее человечества. Ведь мы даже не можем понять, как материя мозга осознаёт себя и умудряется думать. По словам С. Хокинга: «... появление **полноценного** ИИ может быть концом человеческой расы». Когда ИИ сможет самосовершенствоваться без помощи человека, его интеллектуальные способности уже могут представлять угрозу. Пока мы опираемся на тезис: «Ни один ИИ не может превзойти естественный интеллект, и всё можно держать под контролем». С мнением С. Хокинга согласны И. Маск, Б. Гейтс и другие. Все сходятся в том, что технологии ИИ необходимы человеку, но «машины» не должны заменять людей полностью. Но, как и где провести эту грань?!

МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Когда мы говорим об угрозе «машинной цивилизации» (в различных её вариантах), то речь идёт о **сильной** версии ИИ, о **полноценном** ИИ, о «**чисто искусственном разуме**», понимающим и решающим реальные проблемы, но лишённом эмоций. Насколько это реально? Ведь наш мозг — это тонко сбалансированное и великолепно защищённое образование. Он защищён и физически и функционально. Материальная природа мозга накладывает некоторые жёсткие ограничения на процессы мышления в рамках некой биологической защиты. Известно, что «**ни одна система не может построить полную модель самой себя или другой системы, равной себе по степени сложности**». Сможет ли мозг сам себя познать? Ведь все «составляющие машинной цивилизации» являются результатом его работы. Мозг в помощь себе реализует слабую версию ИИ, но не допустит её сильной версии в силу возможных негативных последствий. Вполне вероятно, что мы не дооцениваем сложность нашего мозга. Не вдаваясь в подробности нейрофизиологии приведём лишь некоторые данные.

1. Симуляция одной секунды активности 1% мозга заняла 40 минут на кластере из 82944 процессоров.

2. Работа процессора, сравнимого по интеллекту с человеческим мозгом, требует 10 мегаватт энергии, а мозг для этого генерирует от 10 до 25 ватт.

3. Пока мы не можем просто скопировать человеческий мозг. Удалось лишь смоделировать одну нейронную колонку (модуль) неокортекса крысы. Это всего лишь несколько мм³ мозга, но уже сотни гигабайт информации в секунду. А смоделировать сознание, об этом вообще речь не идёт.

4. Мозг насчитывает ~100 млрд нейронов; включает более 100 трлн синапсов, соединяющих между собой нейроны; на каждый нейрон приходится ~10 глиальных клеток, обеспечивающих нормальную работу нейронов; совокупность всех связей между нейронами и число их возможных вариантов больше, чем число частиц во Вселенной.

5. За день в мозге генерируется до 70000 мыслей, для «прохождения» которых формируется своя нейронная сеть.

6. Мысль же определяет характер молекулярных процессов, приводящих к синтезу определённых белков, необходимых для формирования нейронных сетей. Самым загадочным является создание информационного кода белка перед его синтезом. В этих процессах участвуют ~4 млн «различных переключателей» и ~8 млн различных молекул. Клетка делает это в какие-то миллисекунды, а для науки со всей её вычислительной базой пока это вообще трудно выполнимо. Главное, что клетка «знает», какой белок нужен для каждого конкретного случая.

7. В работе мозга присутствуют **невывислительные** процессы. Известно, что «уникальное» окружение индивида вносит свою лепту в последовательность входных данных. Примерами являются закон теплового излучения Кирхгофа и работа зеркальных нейронов, которые являются основой социума. Поэтому, когда мозг решает, каким образом вызвать то или иное поведение, он принимает во внимание **не только сигналы прямого стимула, но и общее состояние природного и социального окружения**. Вряд ли это поддаётся численному моделированию. Следовательно, даже если использование голографии, лазерных устройств, квантовых эффектов и приведут к тому, что вычислительная мощь компьютеров превзойдёт человеческий мозг, полноценный его аналог, сильная версия ИИ вряд ли будут созданы.

Ситуацию со слабой и сильной версиями ИИ можно сравнить с современным состоянием квантовой механики. «Сегодня» мы имеем её слабую версию. Она представлена прекрасным математическим аппаратом (моделью), но **её парадоксы и проблема «наблюдателя»** не поддаются ни пониманию, ни «здоровому смыслу». Сильную же версию мозг тщательно скрывает в целях своей биологической защиты. Это имеет в виду Р. Пенроуз, когда пишет о необходимости фундаментального пересмотра наших сегодняшних квантовомеханических воззрений.

Пока мозг хранит свою тайну за семью печатями! Вот обладателем какого ЧУДА является каждый из нас! Возможно, что сила мозга в слабости физиологии его биологического носителя. Благодаря этому в процессе эволюции мозг «встроил» в свою организацию и в принципы своей работы такую мощную защиту и удивительную оптимизацию. Он не имеет права на ошибку, ибо отвечает за себя и своего носителя (человека).

ЭПИЛОГ

Подведём некоторые итоги на основании всего вышесказанного. Мозг демонстрирует, с одной стороны, удивительную сложность своей организации и слаженность работы всех систем и подсистем, а с другой стороны, какие-то неизвестные нам, кажущиеся простыми, принципы своей работы. Пока всю нашу сознательную мыслительную деятельность нельзя адекватно описать никакими вычислительными моделями. Как пишет Р. Пенроуз: «Есть мнение, что мозг действительно работает как

компьютер, однако компьютер настолько невообразимой сложности, что его имитация не под силу человеческому и научному разумению, ибо он, несомненно, является **божественным творением Господа** — „лучшего в мире системотехника“».

С пониманием феномена сознания ситуация такая же тупиковая. Оно, по видимому, представляет собой результат глобальной координации всевозможных мыслительных процессов. Естественно оно связано с мозгом. Этот феномен присущ биологическим структурам. Поэтому можно говорить об уровне сознания. Подлинное сознание способно осознать бесконечное разнообразие качественно различных вещей. Используя сознание, мы способны выполнять действия, не имеющие ничего общего с вычислениями. «Сознание является частью нашей Вселенной, а потому любая физическая теория, которая не отводит ему должного места, неспособна дать истинное описание мира» (Р. Пенроуз). Пока ни одна теория даже не приблизилась к объяснению нашего сознания и его логического следствия — интеллекта. А может быть, действительно, феномен сознания лежит за пределами научного поиска?

При анализе синтеза **мозга** и **сознания**, прослеживается их **несоответствие**. Мозг — это **рациональная** наша составляющая от Бога (Природы, Создателя ...). Это самый сложный объект во Вселенной. Он своей работой определяет наше сознание, наше Я, наше предназначение и всю гносеологию. Я — это мой мозг. И когда Р. Пенроуз пишет, что «... мозг застрял на своём теперешнем уровне ...» (в сравнении с технологическими и научными разработками), он в принципе **не прав**. Он забывает, что **мозг — это единственный инструмент познания!** И развитие всей науки, всех технологических свидетельствует о его развитии, о его эволюции. Это заслуга не Эйнштейна, не Гейзенберга, не Хокинга ... Это заслуга мозга Человека. Ему не надо наращивать количественную мощь, у него другие принципы работы — нейронные сети. Поэтому и проявляется тенденция уменьшения его массы и увеличения связей между нейронами сетей. Всем этим объясняется мощный рост естественно-научной культуры.

А что мы имеем в области гуманитарной культуры, где роль сознания проявляется наиболее остро? Спад гуманитарной культуры, обвал ... о чём прекрасно повествуется на страницах трилогии А. Ольшанского. **Иррациональная** составляющая представлена нашим «**порочным**» сознанием. Его «**порочность**» проявляется в неправильном толковании добра — зла, истинного — ложного, любви — ненависти, материального — духовного, свободы — демократии ... Человечество живёт по понятиям, а не по Божьим заповедям. Она же приводит к **неадекватности человеческой логики с логикой Мира**. Эта неадекватность проявлялась на протяжении всей истории человечества и проявляется сейчас, что видно «невооружённым глазом». «Не ведаем, что творим». Ничем нельзя объяснить все наши «деяния», кроме как «порочностью» сознания. Мы идём против Бога, против Природы и против ... Мозга. Ведь его задачей является не допустить этой «порочности». **Вот она — пропасть между естественно-научной и гуманитарной культурами. Вот оно — несоответствие.**

Если в области науки ещё наблюдается интернациональный подход и взаимопонимание, то в отношении гуманитарной культуры (социология, идеология, вероисповедание, политика, экономика, экология и ...) — полный клубок противоречий. И никакой большой космос, никакие редактирования генома, никакие коллаидеры, никакой ИИ, ... не только не помогут ... они только усугубят ситуацию ... все успехи «уйдут» в военные технологии. Как понять это несоответствие? Как предотвратить надвигающийся коллапс?

В религии принципиальную «порочность» сознания связывают с концепцией **первородного греха** — центральной доктриной христианства. Этим объясняется греховное состояние человеческой природы, её преклонность более ко злу, нежели к добру.

Но все современные богословы прекрасно понимают, что концепции первородного греха (Эдемского сада, змея-искусителя, Адама и Евы) — это аллегии. Смысл их глубок и важен для людей всех Времени, так как Библия вечна. Главное, что **Бог и Природа даровали человеку свободную волю, даровали эволюционные возможности перехода на новый уровень Бытия, которые не были реализованы.** Человек даже не воспользовался тем, что Иисус Христос искупил грехи человечества Своей Крестной Смертью и тем самым открыл райские врата для тех, кто покался... Люди по-прежнему слепы, глухи и идут победоносно против Бога и против Природы.

Александр Ольшанский «задекларировал» весь этот огромный пласт проблем человеческой цивилизации в своей замечательной трилогии в художественной форме. Я лишь попытался их «вскрыть» с учётом реальной ситуации в науке и в социуме. Главной моей целью было показать, что события, описанные в трилогии, актуальны и очень близки к действительности. Такой должна быть настоящая литература. Она должна побуждать читателей мыслить о духовной составляющей нашего Бытия, а не только о материальной.

*Так жизнь пройдёт, и не заметишь,
Но за последнею чертой
Не то ужасно, что там встретишь,
Но то, что принесёшь с собой.*

К. Померанцев

Сейчас многими мыслителями высказывается мысль о необходимости перехода человечества на гармонические принципы бытия во избежание своей гибели, которая вполне вероятна, если мы будем продолжать жить так, как живём в мире, раздираемом противоречиями, враждой между народами и людьми, находящимися на грани гибели в огне термоядерной войны. Как показал автор своей трилогией, у человечества нет ни коммунистического, ни радикал-националистического, ни сугубо технократического будущего. **Выход в создании гармонического образа жизни — в этом гуманистическое значение увлекательной трилогии А. Ольшанского.** Это чрезвычайно актуально и жизненно необходимо для человеческой цивилизации, поскольку идеям гармонизма в наше время уделяется чрезвычайно мало внимания, они находятся на периферии научных интересов, общественных дискуссий, не находят должного места в повестках дня генеральных ассамблей ООН, считаются очень далёкими от злободневных проблем.

P.S. Чтобы лучше и глубже осмыслить содержание социально-фантастической трилогии, Александр Ольшанский на своём сайте рекомендует прочесть его статью «Начала асимметрики», где изложены принципы гармоничного общества и лишённого противоречий асимметричного метода развития.

КНИГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫПУСКАЕМ

МЫ ЖИЛИ В СЧАСТЛИВОЕ ВРЕМЯ

С отдельными очерками своей книги «Мои ностальгические этюды» Рустэм Гайнетдинов успел познакомить читателей ранее — в журналах «Аргмак» и «Казань». И вот его отдельные «этюды» сложились в прекрасно изданный, полноцветный представительский том, выпущенный производственно-издательским комбинатом «Идел-Пресс», а всю предпечатную подготовку достойно осуществило Татарстанское отделение Союза российских писателей (редактор Николай Алешков, дизайнер-верстальщик Виталий Павлов, корректор Светлана Летяга).

В аннотации к книге автор признаётся: «...как историк, очень остро ощущаю, что уходит в небытие советское время, его лучшие годы, и остаётся всё меньше людей, которые являются современниками этой эпохи и могут с исторической и психологической точки зрения передать её колорит. Я писал этюды для детей и внуков — чтобы знали, чем мы жили, кого любили, какие песни пели, какими были наши идеалы. Ибо мы уйдём — и это всё уйдёт с нами».

Историк по образованию, боевой офицер и госслужащий, Рустэм Бадретдинович предстаёт в этом разноплановом повествовании именно как человек своей эпохи. А что это была за эпоха? Кто-то заученно скажет «застойный период». Но внимательный читатель «Ностальгических этюдов» согласится с автором — семидесятые и восьмидесятые годы XX века для нашей страны были временем наивысшего экономического расцвета, а для советских людей это было время наиболее стабильное и благополучное. Гигантскими темпами строились целые города (новые Набережные Челны с огромным КамАЗом, например), повсеместно осуществлялось обязательное среднее образование, заметно возросло народное благосостояние...

Сейчас американские исследователи признаются: не останови они тогда СССР — и к началу XXI века мы могли обогнать США. В таком контексте становятся понятными и резкое обрушение мировых цен на нефть, и афганская политическая «многоходовка»...

Рустэм Гайнетдинов не просто был человеком той эпохи. Судьба бросала его на самый передний край тех роковых событий. И афганские этюды тому яркое свидетельство.

Особое место в книге уделяется истории давно исчезнувшего Ленинского района города Казани, прежде всего связанного с Авиастроем и рождением нового Социалистического города (его задумывали отдельно стоящим от Казани, образцовым городом авиастроителей). Как историк, Рустэм Гайнетдинов собрал и обобщил обширный материал о северных рабочих окраинах Казани, который до этого не вводился в научный оборот. Однако, если рассудить по-человечески, интерес автора к данной теме легко

объясним — именно там, в Караваево, Ново-Караваево, в посёлках Северный и Жилплощадка прошло его детство!

Не знаю, как воспринимали эту часть ностальгических этюдов другие, но для меня, прожившего тридцать лет именно в Ленинском районе, всё живо представало перед глазами. Что касается студенческих лет, которые у Рустэма Бадретдиновича прошли в Казанском университете, то, пожалуй, эта часть этюдов вышла наиболее романтической.

Согласимся, у каждого из нас студенческие годы были самыми яркими и запоминающимися. Мне, например, до сих пор они сняты. Правда, я не учился в КГУ, но тоже участвовал в походах «снежного десанта», в студенческой самодеятельности, в комсомольской жизни. И снова мы попали в одну тональность с автором, за что ему, конечно, огромное спасибо!

Но главными циклами этюдов в этой книге я всё же назвал бы первый и последний разделы. «Воспоминания о советской Казани 50–70-х годов» занимают добрую треть всего объёма книги, и невольно задают тон всему повествованию. Перед нами возникают не просто живые картинки прошлого. Автор предлагает нам вспомнить реалии былого, нынешним молодым людям практически неизвестные. Например, как объяснить современным обладателям айфонов, что такое «переговорные пункты междугородней телефонной связи»? Для них, пожалуй, это пещерный уровень, каменный век! А для нас, живших в те годы, столько волнующих минут с ними связано! Да и песня Высоцкого «Ноль семь» нами не забыта...

И уже не объяснишь поколению «нулевых», какими значимым в жизни казанской молодёжи были ресторан «Акчарлак» (полностью снесённое здание, где мне довелось выступать с вокально-инструментальным ансамблем), или легендарный «Молодёжный центр», в котором я успел поработать после Литинститута. А какие были в Казани кинотеатры, какое вообще было советское кино семидесятых и восьмидесятых!

Увы, все кинозалы при торговых центрах в наших городах сегодня принадлежат иностранным инвесторам и крутят там сугубо американское кино. К сожалению, нынешние студенты понятия не имеют, кто такой Андрей Тарковский и Алексей Герман, Олег Янковский и Александр Абдулов. Они даже Евгения Леонова в «Джентльменах удачи» не видели! Говорю то, что знаю — сам в этом убеждаюсь на лекциях.

Но особенно ярким получился в книге последний цикл этюдов — о малой родине Гайнетдиновых. О деревне Каенлык Буинского района, что расположилась в долине реки Свяги... Автор старается бывать там каждый год, на 9-е Мая, ибо на сельском погосте покоятся его родители, более ранние предки, там родина его духа.

И те места мне хорошо знакомы, поскольку мои родители родом из соседнего Апастовского района, их село Бишево тоже стоит на реке Свяге. И всё, что рассказал Рустэм Бадретдинович о своих детских впечатлениях от пребывания в Каенлыке, мне до боли знакомо — по запахам трав, по лесистым холмам и овражкам Заволжья. Неяркая, неброская на вид природа, лучше которой в жизни не было и не будет. И пусть деревенский быт у татар и русских в те годы несколько отличался, но общего в житейском укладе всё-таки было больше. Как говорят сегодня молодые, и это «в меня зашло».

Закончить краткую рецензию на книгу Рустэма Гайнетдинова «Мои ностальгические этюды» хотелось бы не по-стариковски. На мой взгляд, автор нашёл совершенно новый, современный приём в повествовании. Дело в том, что от начала и до конца книги многие этюды строятся на материалах, комментариях и публикациях в разных группах социальных сетей. Не буду всех называть, но в парочке таких групп я тоже состою — и не раз «лайкал» там посты автора.

Прав Рустэм Бадретдинович — наше поколение оказалось самым счастливым. Мы выросли в СССР — в годы наивысшего могущества мировой державы, в годы стабильности и мирного сосуществования (на нашу страну тогда никто не мог посягнуть, как ныне). Мы получили лучшее в мире образование — таковым его считали не только наши друзья (хотя китайцы и сегодня не скрывают, что свою систему образования скопировали с советской модели), но и наши злейшие враги!

Судите сами, в рядовой советской школе на окраине большого города обычный подросток из рабочей многодетной семьи при соответствующем желании смог получить такой уровень знаний, что с первого раза поступил в прославленный Казанский университет. А в годы учёбы в КГУ проявил себя и как спортсмен, и как комсомольский вожак, и как начинающий учёный-историк. И главное, не для одного Рустэма Гайнетдинова, а для многих это было нормой, жизненным трамплином, социальным лифтом. Он многого добился, а в своей книге несколько очерков посвятил своим современникам, таким же, как он сам, развенчивая паскудные нынешние слухи и сплетни о поколении «совков».

И дело не в том, что мы легко освоили интернет, пользуемся мобильными приложениями, практически не уступая своим детям и внукам. Главное — мы выросли в прекрасной стране, наша молодость пришлась на лучшие годы, наконец, мы и в новом веке успели пожить. И дом построить, и сад вырастить, и несколько автомашин поменять.

Спасибо, Рустэм! Мы ещё поживём. И твоя главная книга — впереди!

Александр ВОРОНИН.

*P.S. по вопросам приобретения можно обратиться к автору. Электронная почта - gaynetdinov@mail.ru, *whatsapp* — 8937 615 16 27*

ПОЗЫВНЫЕ С НЕБЕСНОЙ ЗАСТАВЫ

В одном из своих обращений к власти Геннадию Александровичу Паушкину пришлось написать: «Я прошёл всю войну от первого выстрела до последнего». Вся его жизнь, за исключением четырёх фронтовых лет, прошла в родной Казани. В феврале 2021 года этому красивому человеку исполнилось бы сто лет. 19 февраля на доме по адресу: улица Адоратского, 15, где он жил, была установлена мемориальная доска (автор барельефа — молодой скульптор Тимофей Тюрин). Его работа заслуживает особого признания. Как и хлопоты Людмилы Ивановны Уфимцевой, добившейся увековечения памяти писателя-фронтовика. Спасибо правлению Союза российских писателей, лично первому секретарю Светлане Владимировне Василенко за содействие в получении дополнительной государственной стипендии Министерства культуры России, на средства которой эта книга выпускается. Спасибо всем, кто работал над ней в редакции и в типографии.

Выходит, не случайным оказалось название одной из тридцати книг самого Геннадия Александровича — «Позабыть нельзя». Эти два его слова — предостережения не столько нам, сколько тем «иванам, не помнящим родства», кто в последние несколько лет вдруг завопил о победобесии. Не сомневаюсь, что их недуг сгинет в прошлое вместе с вирусным ковидом, а многомиллионный Бессмертный полк опять выйдет по всей России единой колонной от Калининграда до Владивостока.

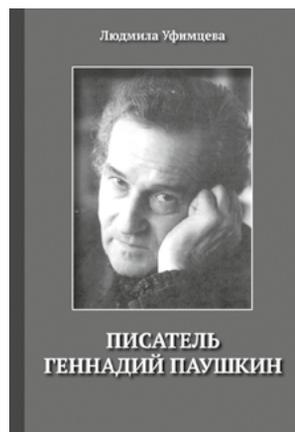
И — даст Бог — наши отцы и деды, поправшие смертью смерть и ставшие воинами войска небесного, увидят и услышат, что они не забыты. И радист Кагульской заставы, младший сержант Геннадий Паушкин, сообщит нам об этом через свои позывные. А соратникам (они в очередной раз поднимут ТАМ фронтовые чарки) он расскажет, как 22 июня 1941 года принял первый бой с фашистами на румынской границе близ нынешнего Приднестровья, как вместе с другими советскими бойцами сдерживал напор вооружённого до зубов врага в течение четырнадцати часов, за что потом был награждён орденом Красной Звезды, а командир заставы, лейтенант Ветчинкин (они обязательно усядутся рядом) удостоился звания Героя Советского Союза.

Вы, уважаемые читатели, узнаете об этом, прочитав книгу-биографию писательницы Людмилы Уфимцевой. Книга подробно расскажет не только о войне, но и обо всей непростой жизни талантливого поэта и прозаика, коренного казанца. Я горжусь, что был знаком с ним, что ощутил его поддержку, сравнимую с родительской, в самом начале своего пути в литературу. Особенно памятен один день в майской Казани середины восьмидесятых годов. После чествования ветеранов мы, ещё молодые, а кто и постарше: Виль Мустафин, художник Надир Альмеев и я вызвались проводить Геннадия Александровича домой. Он был не против, вдобавок сказал, что покажет нам свою заповедную Казань. Гуляли мы долго и не чувствовали усталости. Шестидесятилетний фронтовик был в хорошем настроении. Он оказался прекрасным устным рассказчиком. Истории (не только фронтовые) следовали одна за другой. И не было в них никакого пафоса, больше было доброго юмора. И мы хохотали...

Вдруг, внезапно задумавшись, Паушкин произнёс: «Знаете, когда мне стало страшно?» И продолжил: «Совсем недавно. Еду в троллейбусе и вдруг слышу голос кондуктора: „В городе немцы!“ Я весь сжался и пригнулся. Моментально сверкнуло в памяти: я за рацией на заставе, не могу ни с кем связаться, а выглянув в окошко, вижу — по виноградику ползут чужие солдаты. Что, перестали смеяться? — Геннадий Александрович строго посмотрел на нас и закончил историю: „Кондуктор имела ввиду, что в Казань приехала делегация из Германии. Это было уже после сноса Берлинской стены“...»

Книга «Писатель Геннадий Паушкин» полна добрых воспоминаний о нашем замечательном земляке. Мне больше других понравилась характеристика, данная Геннадию Александровичу его младшим коллегой по литературному ремеслу Рустемом Кутгум: «Он не любил что-либо цеплять на грудь. Стеснялся опередить очередь к небогатому прилавку. Чужд высокомерия, напраслины, гнева. Подле него и сам обретаешь спокойствие.»

Подумалось: всем бы так жизнь прожить...

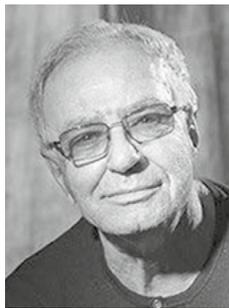

Николай АЛЕШКОВ

КАЗАНСКОЕ ЗАКУЛИСЬЕ

ГЕННАДИЙ ПРЫТКОВ

АНГЕЛЫ МОИ, ХРАНИТЕЛИ

ИРИНА

Есть в Греции местечко знаменитое — Эпидаврос, огромный амфитеатр. Выйдя на середину арены с бесподобной акустикой, можешь почувствовать себя властелином.

Вечером должен был состояться какой-то оперный спектакль, и рабочие монтировали сцену. Стучали молотками так, что акустика была только во вред. Они застывали всех, кто выходил пробовать свой голос. Вышла Ирина и, как обычно, робко запела «Утро туманное». Мгновенно стих стук молотков. И не раздавался до конца романса...

МИМАЛТ

Пока гремели наши праздники, Ирина молчала. Сегодня, когда всё затихло, говорит: «Ты знал Солцаева?..» Отвечаю: «А как же... Это мой первый Учитель, тот, благодаря кому я уже 46 лет брожу по сцене...» «Так вот, — говорит Ирина, — когда в театре отмечали моё летие, в Грозном отмечали сороковины по Мималту... Я заплакал.

Память выхватила приёмные экзамены и красивого молодого чеченца, сидящего на председательском месте. «Беру, только если споёшь», — сказал молодой красивый чеченец, не обратив внимания на то, что я завалил этуод. Заиграл концертмейстер — я не спел, слуха нет музыкального... Повисла пауза... «Всё равно беру. Можешь на третий тур не приходить — беру...»

Всплыло в памяти, как он вошёл в аудиторию и мелом на доске написал: «Меня зовут Мималт Мусаевич, фамилия моя — Солцаев!!!» Отошёл от доски, сел за преподавательский стол и улыбнулся... До сих пор помню улыбку чеченца, самую притягательную из всех, что мне посчастливилось увидеть за жизнь...

КОЛЯ УМАНЕЦ

Он пришёл ко мне на курс после армии. До этого учился год или два у Юноны и Вадима. Они поздравили меня с талантливым учеником. Я привык им верить, но когда он вышел на сцену, был ошеломлён. Два метра роста, голос, мужское обаяние. Мне рассказывали, что Николай Иванович Якушенко так отличал подлинных молодых героев: если вышла молодая героиня на сцену, все мужики в зале должны её

обязательно захотеть, а если молодой герой вышел, все женщины просто обязаны сжать коленки... Чуть-чуть грубовато, но это оценка гениального артиста. Так вот, Коля был именно такой молодой герой... Он выходил играть в дипломном спектакле, и всё вокруг замирало. В зале воцарялась тишина обожания... Он раскрывал рот — в зале раздавался тихий женский ропоточек...

У него было блестящее актёрское будущее. Но... приехал, извините, дурак — председатель приёмной комиссии. Это частенько случается, когда залётные председатели рубят студентов налево-направо. Единственная претензия к Николаю была у него (внимание!!!) — «уж больно он у вас *профессионален*». И поставил ему «хорошо»... Всё было напрасно — спорить, убеждать. Председатели своих мнений не меняют. Помню, когда вошёл в аудиторию, где студенты дожидались своей участи, оставил фамилию Уманец в самую последнюю очередь. Оттягивал момент. Но пришлось сказать: «Коля, ты меня извини, пожалуйста, но тебе поставили „хорошо“ за то, что ты слишком профессионален...» Помню, как Колька махнул рукой и произнёс: «Да, ладно, фигня всё это...» Но оказалось — не фигня. Коля не пошёл в театр, а театр потерял замечательного актёра... И сегодня, когда я вглядываюсь в его военное фото, я твёрдо убеждён, что этот парень внутренне соглашался только с оценкой «отлично» и не мог себе позволить «хорошиста»... В этой своей другой жизни, не актёрской, он есть — настоящий, потому как сделал её, свою жизнь, на отлично...

ЕЛЕНА НЕНАШЕВА

Не секрет, что режиссёр, в принципе — блуждающая душа, которая ищет другую блуждающую душу, чтобы она помогла ему своим талантом реализовать мысли и чаяния. И вот когда эта родственная душа найдётся, можно смело говорить — обязательно родится что-то, до сих пор вами невысказанное.

Так было, когда мы взяли в работу «Фрекен Жюли» Стриндберга. Елена — из тех актрис, кто может переработать в своей душе всю тарабарщину, которую частенько несёт режиссёр, путаясь в мыслях и эмоциях. Она может это режиссёрское словоблудие выстроить в стройный и лаконичный ряд.

Её Жюли уходила из жизни непобеждённой, потому что познала любовь — чувство, которое богаче всего золота в мире. И я ловил себя на том, что именно из-за ненашевского акцента в роли я и смотрю спектакль всякий раз, когда он объявлен в афише.

Тогда, в трудные девяностые Лена совершенно не умела жить, выживать, как выживали все мы... Не умела экономить, у неё всегда не хватало денег. «Ленкааа, ведь только что зарплату получили, а у тебя уже ни копейки!!! Куда ты их дела?» — орал я.

А она со свойственным только ей юмором спокойно пережидала всплеск эмоций и не менее спокойно взывала к моему разуму: «Ну как куда? Вот, помаду купила — губки красить, тушь вот французскую приобрела, чтобы глазки ярче были. Я же актриса, Гена. А актриса — что? Правильно — должна выглядеть!» Ничего не оставалось, как развести руками...

Когда мы взяли в работу «Вкус мёда» Делани, я втайне злорадствовал — спектакль задумывался так, чтобы ни грамма косметики не было на актрисах. Помню, когда сообщил ей об этом, она в полном недоумении, правда, с ненашевским лукавством спросила: «Совсем-совсем ни грамма? А если чуть-чуть?» — «Ленкааа!!!» — «Уговорил. Только зачем же орать? Я слышу».

Приходила на репетиции, снимала с себя всю косметику. Поначалу — без особого рвения, а затем это стало для неё необходимостью. Её героине было не до макияжа. Она поняла это своим актёрским чутьём...

Истерзанная и измученная одиночеством, Джо Ненашевой была самым естественным, самой жизнью — не приукрашенная, не замазанная. Её Джо как бы говорила — я такая, как есть, принимайте меня такой, я не верю, что такая вот я никому не нужна. И когда в её жизни нашёлся такой же Чудик, раненый этой самой жизнью, Джо Ненашевой буквально расцветала душой, настолько всеобъемлющей, что могла вместить в себя чужую боль...

Я ни одного спектакля не пропустил. Приходил в зал и смотрел, как целый час, а столько шёл второй акт, на моих глазах душа Джо-Ненашевой оживала и становилась способной, забыв о себе, зализывать раны другого. И это тоже её, ненашевское прочтение роли...

А были ещё и Жозефа, и Лолита... В каждой из этих ролей она опрокидывала меня как режиссёра. И я невольно отходил в тень, сознательно совершая этот шаг. Вот, говорят, что режиссёр должен умереть в актёре. Какое тут, к чёрту, умереть?! Жить хотелось всё больше и больше...

ВЕРА УЛИК

Она пришла к нам на втором курсе. Надо ли говорить, как мы были счастливы от того, что речь будет преподавать нам Вера Иосифовна Улик! Одно имя лично меня бросало в знобящую зудь.

Как только она распахнула дверь нашей аудитории и стремительно вошла, оглядев нас всех, я понял — буду любить этого человека столько, сколько она будет рядом. Я тогда и не подозревал, что мы будем с ней работать в одном театре, ездить в одном автобусе на выездные спектакли и что она будет волноваться за меня, начиная с моего первого выхода на сцену качаловского.

Она была примой, звездой нашего театра. Не забуду, когда я, играя первую танцевальную роль (это потом уже с возрастом я стал «именитым танцовщиком качаловского»), с дрожью в коленках проделывал сложнейшие танцевальные па Кирилла Ласкари, которые должна подхватывать она, выходя из-за кулис. Музыкальная фраза, на которой Вера Иосифовна должна была появиться, давно прошла, а она, стоя за кулисой и шевеля губами, и не думала выходить... Не помню, что я выделял ногами... Помню только, что меня обдало всего холодным потом. Она же через паузу, дождавшись следующей музыкальной фразы, легко и непринуждённо вписалась в музыкальный строй увертюры спектакля. А потом подошла в антракте и сказала: «Ты уж меня извини, я начала считать вместе с тобой такты (а что я известный „счётчик“, в театре ныне знают все) и увлеклась, гордясь тобой, что ты всё делаешь без сучка и задоринки!» Так я понял, что у меня появился в театре друг. А это очень важно, когда твой педагог становится твоим партнёром, краем глаза наблюдая за тобой, ненавязчиво поправляя тебя в твоих ошибках.

Как-то дали мне очень эмоциональную роль господина Пера в «Госпоже министерше» Нушича. Всё было замечательно — репетиции, премьеры, успех... Только чувствовал я, что-то не нравится ей. Она играла министершу, героиню спектакля. И вот где-то на третьем спектакле вылетаю я на сцену с длиннющим монологом, в котором сообщаю ей нечто очень важное. Говорю долго, эмоционально, купаюсь просто. И вдруг вижу её хулиганский взгляд и слышу: «Да что ж ты, поц, всю меня заплевал,

аж до глаза достал!» Я — лицом в зал, а она с партнёршей спиной. А меня ведь нельзя подкалывать — тут же начинаю ржать до рыданий и слёз. Вот и тогда я просто задохнулся в смехе — из меня вылетало только одно: аха-ха-ха-ха... Неизвестно, чем бы всё это закончилось, если бы я снова не услышал от неё: «Вооот, а теперь продолжай». И монолог мой пошёл просто, я бы даже сказал — забавно как-то... За кулисами она подозвала меня к себе: «Всё не знала, как тебя от этой паскудной ответственности отучить. Нет, Ген, ответственность — это хорошо, но в зрительном зале её никто не должен чувствовать...»

И так продолжалось до самого её ухода из качаловского театра...

ВИТАЛИЙ МИЛЛЕР

Нас пришло в театр много. Из горьковского, казанского, ташкентского театрального... Кого-то пригласили, кто-то приехал по распределению.

В том 1968-м мы все были молоды, полны сил, надежд, мечтаний... Неизвестно, что было бы с нами, не окажись в театре нашего ангела-хранителя, режиссёра театра — Виталия Михайловича Миллера. Человека европейской культуры, чрезвычайно образованного и сведущего в ней. Да и авторы, которых в основном брал для постановок режиссёр — говорят о многом: Ануй, Иорданов, Линдгрэн, Марк Твен. Бесчисленная литература об экзистенциализме напрочь увела нас в сторону от марксизма. Меня так — совершенно однозначно. Бесконечное вчитывание в Камю, Сартра и оригинальное его режиссёрское видение театра сделали своё дело. Я неминуемо встал на защиту Режиссёра, которому в театре жилось далеко не просто. Что значила моя защита, когда враги были чрезвычайно сильны? Я просто-напросто не позволял никому говорить о Режиссёре плохо, будь то народный-перенародный партийный лидер или же просто человечешко, примкнувший к травле. Находились среди нас и те, кто предавал. Последние выживали, а мы, миллеровцы, были биты. И Режиссёр ценил эту нашу преданность...

Были, конечно, и среди маститых актёров сторонники Режиссёра, но нам тогда казалось, что любить его так, как мы — больше никто не способен.

Далёкие семидесятые... Режиссёр ставит «Мы не верим в аистов» Недялко Иорданова... Автор неблагонадёжный, болгарский. Спектакль получался о том, что тяжело быть молодым в мире, в котором должно быть всё правильно. Естественно, что спектакль долго не принимали. Мы переделывали, показывали на республиканский худсовет, опять не принимали, опять переделывали... Жили все в подвешенном состоянии. Тревога была в каждом из нас, и каждый из нас по-своему от неё освобождался. Для меня было самым простым — уехать в Москву. Посмотреть Эфроса. Режиссёр приветствовал, и я уехал. Поздно ночью в Москве раздаётся звонок: «Немедленно возвращайся, завтра в 11 часов решается судьба спектакля...»

Паника. Как добраться до Казани? Билетов на самолёт нет. Еду с утра в аэропорт и отчаянно пытаюсь попасть на любой рейс. Не получается... Единственный выход — лететь на Казань через Набережные Челны, да и то рейсом 12.45... Звоню в Казань, Режиссёр пытается отложить сдачу, но максимум, что он может сделать — перенести на один час... Не успеваю. Позвонив в очередной раз, услышал от Режиссёра: «Сдачу перенесли. Вам необходимо появиться в театре до 15.00». И повесил трубку. Что было дальше, как летел через Челны, как добирался до театра — не помню. Помню, что ровно в 14.55 я шёл по сцене к рампе. Остановился и услышал тихий его голос: «Все свободны, репетиция закончилась». Режиссёр спас меня от неминуемого

увольнения... Потом были оргвыводы, комсомольские и партийные собрания, собирали худсоветы, но нигде во всём этом не участвовал Режиссёр, как, впрочем, и со мной эта тема им не обсуждалась... Спустя годы мы с ним встретились в Москве. «Не мог я иначе поступить тогда, я должен был вас спасти (а общался он с нами только на „вы“), как вы пытались все казанские мои годы спасти меня, нарываясь на драки...»

А я и не подозревал, что он об этом знает...

ЛИДА ОГАРЁВА

Впервые мы с ней встретились то ли в 75-м, то ли в 76-м прошлого века... Помню очень яркую, коротко постриженную, такую всю сочинскую девушку, чрезвычайно подвижную, бестию, одним словом. То было у Портнова, который во многом сформировал нас и человечески, и творчески.

Потом увидел в «Уроках музыки», в дипломном спектакле курса, а затем у дверей кабинета главного режиссёра... «Привет!» — «Привет!» — «Будешь работать у нас?» — «Да вот, вроде как приглашают...» — «Ну, давай!» И началось...

Тогда в моде были внеплановые спектакли — собрались молодые и начали работать. Первой работой с ней был спектакль по пьесе Жуховицкого «...о любви и печали», запомнившийся тем, что она стала первой обладательницей внутритеатральной премии имени Качалова за исполнение главной роли и внезапным обмороком на сцене во время спектакля... Её увезли в больницу после первого акта, а мы вышли перед занавесом, объяснили зрителю, что произошло, и предложили прийти на другой спектакль по этим же билетам или дослушать в нашем пересказе историю, которая так внезапно оборвалась... Никто не ушёл. Она волновалась потом, но когда узнала о нашем выходе на авансцену, успокоилась: спектакль состоялся!

Шли годы, она работала в театре, и мысль, что мы одной с ней портновской «за-кваски», придавала и силу, и уверенность.

Пришло другое время, которое диктовало, что актёр должен уметь всё — и петь, и танцевать. С первым как-то у меня не сложилось — слон на ухо наступил... А со вторым... Труднейшая хореография Сентябова в знаковом спектакле нашего театра «Пиковая дама» подчинилась мне благодаря ей. Месяц, а может быть, и больше она приходила за два часа до репетиций и терпеливо разучивала со мной сложнейшие движения танца под не менее сложнейшую музыку Пьяцоллы. Бывало и так, что работать отказывались и руки, и ноги... Она стояла в стороне, дожидаясь, когда закончится моя рефлексия... И всё начиналось заново. Сейчас я улыбаюсь, вспоминая то время нашего общего мучительного и прекрасного (для меня) поиска рук и ног в такт и ритм Пьяцоллы... То тоже была внеплановая работа, только руководителем её был уже не я, а она... Всё в нашей жизни делается не просто так. Спасибо, Лида Огарёва.

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ОЛЬГА

Давно уж это всё было, в прошлом веке. Чудес было мало... Это сейчас смотришь за работой художника по свету и изумляешься — какие чудеса творит, какая техника!

А тогда не было техники. Была Ольга. Звали мы её «электрической Ольгой», и работала она в регуляторной будке, крутила валы, переключала прожектора, вырубала свет до полной темноты и так далее. «Руки устают очень», — жаловалась...

Придумал я как-то, ставя спектакль, отобразить чувства героев свето-цветовыми переходами, залив сцену всеми цветами радуги. Сложно, конечно, но надо. Не может любовь существовать без яркого взрыва цветового. Придумал, решив, что художник поможет. А он взял да и отошёл в сторону...

Сижу в зале, слёзы от обиды.

Подходит «электрическая Ольга»:

— Ген, ты чё?! Ты мне скажи, чё ты хочешь-то...

Рассказал.

— Трудно, конечно, но попробую... Ты мне только выписку на переходы сделай. На другой день занялись мы с ней световой репетицией.

— Оль, здесь пусть свет нежно перейдёт из желтоватого в цвет лазури...

Оля, крутя валы, спрашивает:

— Зачем?

Объясняю.

— Смешной ты, Генка, когда это любовь была цвета лазури? Она, скорее, цвета всё испепеляющего солнца...

Это был безумно красивый спектакль... Безумно.

ФЕЛИКСУ ПАНТЮШИНУ

Ну, что сказать тебе? Прожили мы с тобой долгую жизнь, и нам так и не удалось поговорить. Сказать то хорошее, что почему-то мы не говорим друг другу... То ли это не принято в актёрской среде, то ли по каким другим причинам...

Но вот — это время пришло. В одной из книг о театре я прочёл, что мы с тобой являлись отражением перестроечных времён... Да, то было наше время. Играли много — ты больше, я меньше... Почему-то нас представляли соперниками. Смешные люди. Нам нечего было соперничать — уж больно мы разные.

Говорят, актёр в своей жизни должен сыграть одну роль. Одну. Единственную. Вот я и хочу тебе сказать об этой твоей *одной единственной* роли.

Аким во «Сне о белых горах» по Астафьеву...

Я был потрясён тем твоим одиночеством... Тихим, не кричащим... Одиночеством, которое сильнее всего зла на свете... Твоё одиночество противостояло всему миру. И страшно не было, потому что недюжинная сила пряталась за твоим тихим голосом, за неторопливостью твоего земного существования...

И я забыл, что передо мной актёр...

ВЛАДИМИР ПОРТНОВ

— Ты знаешь, что это такое? — спросил он у меня, старательно отводящего глаза от его лица. — Это рак. На солнце нельзя мне находиться.купаюсь только ранним утром под строгим наблюдением моего Ангела.

И показал рукой на подходящего к нашему столику красивого юношу, который встал за его спиной, старательно прикрывая отца от палящего ялтинского солнца.

— Теперь он мой поводырь. Вернее, теперь я ведомый. Он — ведущий.

Юноша молчал, и лишь улыбка слегка касалась его губ.

— Это Дима. Сын.

Мы поздоровались. Произнесли несколько фраз, подходящих моменту — как ты вырос, это же надо — вымахал. Дима улыбался, всё время поглядывая на солнце.

— Пора, — произнёс Дима. Он поднялся.

— Вы когда приехали? Сегодня? Ну, а мы через два дня уезжаем. Что ж, купайтесь, загорайте... Увидимся ещё, поговорим.

И посмотрел на море.

— Красота-то какая...

Перевёл взгляд на сына.

И они пошли. Красивый стройный юноша и за ним он, в непривычной для себя роли — ведомого.

Прошло несколько лет, и мы снова встретились. В Ярославле, на фестивале. Его было не остановить.

— Ты знаешь, я теперь «Мудреца» совершенно по-иному вижу...

И начал посвящать меня в своё видение — как он сейчас сместит акценты, какая музыка будет звучать, какое иное сценографическое решение пространства они нашли с художником, какие замечательные актёры у него заняты.

Это был прежний Парт, прежний Владимир Михайлович, прежний Портнов.

Димы рядом с ним не было.

Он вновь был — ведущий, а все остальные — ведомые.

ВАДИМ ОСТРОПОЛЬСКИЙ

Казань для Вадима Григорьевича Остропольского была роковым городом. Наряду с совершенно сумасшедшими успехами на сцене она приготовила ему массу козней, стоящих жизни... Актёр величайшей актёрской техники, интеллекта, сыгравший на качаловской сцене массу ролей от острохарактерных до звеняще драматических, сумел нажать себе недоброжелателей в высоких эшелонах власти только лишь благодаря своей национальности — еврей... Ему не могли простить, что вместо одного раза, написанного в тексте пьесы восклицания «я — еврей», он произнёс эти два слова по просьбе режиссёра дважды...

Власти не простили ему, а он не простил власти... Помнится та тяжёлая атмосфера в театре, когда все узнали, что Вадим Григорьевич и Людмила Евгеньевна написали заявление об уходе... Дверь в его гримёрную была всегда закрыта, и мы, кто любил его, старались пройти её на цыпочках, дабы не побеспокоить, в душе храня слабую надежду — может быть, передумают... Но...

Незадолго до этого обвинили в еврействе и меня. Фраза, брошенная режиссёром, — «что же не сказал, что ты еврей — я бы тебе никогда не дал играть Базарова, зная об этом» — отпечаталась в моём сознании на всю жизнь. И в тот момент, когда я почувствовал себя «прокажённым», топя по закулисию с затравленными глазами, Вадим Григорьевич вдруг пригласил нас с Ириной к себе домой. Людмила Евгеньевна была в отъезде. И мы втроём «раздавили» бутылку самогона, припасённого на всякий случай в доме Остропольских — водка была в дефиците... Я никогда больше не пил такого зелья, сдобренного щедрой душой его хозяина и бесценными для меня словами: «Главное, Геннадий, не опустить голову и не смотреть под ноги. Ты — человек не этого времени, но оно, твоё время, обязательно придёт. Верь мне».

Не знаю, пришло время или нет... Но дышалось легче...

СЕМЁНЫЧ

Был когда-то в нашем качаловском заслуженный России и народный Татарстана Пётр Семёнович Маслов, а по-простому — Семёныч. Артист невероятной органики. Это про него сказано: такой артист и собаку переиграет! И был у Семёныча любимый *штампик*. Как только в роли наступал драматический момент (а играл он очень много), у Семёныча начинала дрожать нижняя губа. Уж сколько улыбок он выдержал по этому поводу — ого-го! Его жутко любили режиссёры и почти всегда прощали ему эту слабость... И вот приехал в театр в конце 70-х Жора Соколов. И, конечно же, взял Семёныча на одну из главных ролей в «Самую счастливую» Володарского. Про *штампик* Семёныча он знал. И вот подошёл в роли тот самый момент... Семёныч приготовился к любимому делу — потрясти нижней губой (уж больно свирепо на него смотрела дочь), как Соколов из зала ласково спросил: «Семёныч, ты как чай любишь пить?» Семёныч доверчиво ответил: «С сахаром вприкуску». — «Из блюда?» — «Да, из блюда». — «Ну вот и пей чай с сахаром вприкуску... Наташ, возьми чуть повыше».

Семёныч сидит, пьёт самозабвенно чай с сахаром вприкуску. И вдруг дочь его как заорёт: «Сумасшедшая я! Тебе понятно? Такая вот я — су-ма-сшед-шая!!!»

У Семёныча от неожиданности вываливается прямо в блюде кусочек недоразгрызенного сахара. И он так и сидит с раскрытым ртом, уставившись на дочь.

Все, кто был на сцене, схватились за животы. Хохотали, обнимали Семёныча и опять хохотали, хохотали. И Семёныч вместе с нами тоже хохотал и твердил при этом:

— Это же надо! Обманул меня! Это же надо, аааааа!

И с восторгом влюблённо смотрел на Жору Соколова...

РАФИК

Был у меня любимый мною зритель-мальчишка — ходил на все спектакли. Узнав о том, что он тратит деньги на театр, я стал брать ему пропуска на спектакли. Потом долго, часа по два мы обсуждали их с ним в социальных сетях. Он просмотрел весь репертуар театра не один раз. Что поразительно, я всегда знал, что он в зале в те дни, когда не просил пропуск. Играя, представлял его глаза: вот он смотрит хмуро, вот улыбается, вот, опустив голову, слушает внимательно. И хорошо-хорошо становилось на душе — я знал, для кого играть...

Но вот мальчишка пропал — вырос.

А я всё жду, что вот-вот услышу его дыхание среди множества дышащих...

ВОЛОДЯ ФЕЙГИН

Впервые мы с ним встретились в 68-м минувшего века. Жили на гастролях в одном номере. С ним — уютно жилось. Только сейчас понимаешь, как это много — просто жить рядом...

Потом встретились с ним в сгоревшем ТЮЗе. Володя держал оборону — важно было сохранить творчество в труппе, почти сгоревшей... Предложил мне поставить спектакль. Выбрали пьесу Драгунской «Яблочный вор». Репетировали с Таней Угнивенко и Валерой Минаевым среди сожжённости. Он изредка заглядывал и спрашивал: всё путём? — Угу! — отвечал я. Опять же — уютно было с ним... Потом смотрели

премьеру-сдачу в ДК Ленина. Запомнилось одно: «Мда-а-а... *Это* надо будет защищать». Не знаю, что было. Спектакль игрался. Володя тщательно оберегал...

Потом предложил мне ещё одну постановку. Взяли «Стеклянную клетку» Пристли. Репетиции шли трудно: много новых актёров, которым нужно было привыкать к другому режиссёрскому языку. «Но ты же вот меня понимаешь...» — говорил я ему. «Так то я, Ген. А ты, кстати, много куришь... Честно, думал, сегодня репетиция не состоится после вчерашней. Три пепельницы после тебя вынесли. Поберёт бы себя». Уютно было с ним, как с очень близким родственником... Так и прожили с ним *в уютном дыму* до премьеры. Он тоже, кстати, много курил... Себя не уберёт...

КОЛЯ БЕЛЯЕВ

А началась наша не встречающаяся дружба в 1970-м на мальчишнике у Юры Федотова... Вот тогда как-то мы и прикипели друг к другу...

Думаю, что эту историю забыл даже сам Николай Николаевич. Я был молодой, колючий и жутко-жутко неприятен для минкульту. А тогда минкульт решал в театре всё — что и кому играть, что и кому ставить и, главное, как ставить и как играть. И как-то я всё не удовлетворял их... И тогда поэт пошёл к поэту-чиновнику (я ничего этого не знал, мне потом рассказали). Николай Николаевич отшутился в своё время — ну, сказал ему, чего парнишку-то грызёте?.. Но факт — жизнь моя круто изменилась. Я просто физически почувствовал, что запреты сняты с моей персоны. Мне с тех пор стало легче дышать. Нынешние, наверное, и не представляют, что это значит — набирать постепенно в лёгкие воздух и свободно выдыхать. А затем и вовсе свободно дышать. Николай Николаевич, скорее всего, забыл про это... Но я-то очень хорошо помню ощущение — отпустили... И никогда не забуду...

Память держит одну коротенькую встречу в Ворше. Мы тогда из Парижа ехали. Артём предложил заехать к «воршинскому отшельнику». Заехали... Коля всё шутил: «Надо же, аж из самого Парижа да в какую-то воршинскую глушь...» Это был всё тот же Коля, что в 70-м — с глазами, полными тепла и доброты. Я и не подозревал, что вижу его в последний раз. Привык к *невстречам*, но знал, что он *есть*... Он всё звал в гости после возвращения из Ворши. Не получилось... Проклятое «успеем»... А вот и не успел...

В доме хранятся и перечитываются все книги, подаренные им.

Сегодня они обжигают...

ЖЕНЯ, ЖЕНЕЧКА

Это сейчас он для меня Женя. А так всегда был Евгений Андрианович, и никак иначе. Хотя прожили вместе долгую жизнь и, казалось бы, пора уже и тыкать. Не позволял себе этого никогда.

— Женя — блестящий артист, душа у него гибкая. А тут вечная партсекретность вынуждает идти только по прямой. Но всё равно — лучше его в театре нет. Кто у меня сможет сыграть вечный разрыв между «надо» и «жить хочу, дышать»? Только он, — говорил Виталий Михайлович Миллер, репетируя с ним Ясона в «Медее» Аюя.

— Знаешь, почему тебе хреново живётся? Книжки не те читаешь. Надо Софронова читать, а не Солженицына. Набираешься всякой антисоветчины, вот башка-то у тебя

и набекрень... Сейчас вот что читаешь? А, «Архипелаг»! Где взял, не спрашиваю. Принёс бы почитать. В стол положишь, но чтобы никто не видел. И так же заберёшь...

Принёс, положил. Читал он долго. Забрал втихаря, после того, как он, проходя мимо, бросил — *забирай*.

Реакции не было. Через какое-то время, так же проходя мимо: «Серьёзно, серьёзно».

Прошло ещё время. Сидим вместе, выпиваем в кругу молодых, все свои.

— Теперь я понимаю, почему мозги-то в другую сторону направлены. Ты чё, диссидент, что ли? Да ты не один такой, вы тут все с мозгами набекрень. Антисоветчики. Не знаю я, где правда, а где нет, но знать это всё надо, чтобы думать... Дайте ещё что-нибудь. Копелева? Давайте Копелева...

Когда его не стало, театр был на гастролях в Македонии. Собрались перед репетицией.

— Грустная новость, — сказал Александр Яковлевич Славутский. — Умер Евгений Андрианович Кузин...

Плакали все.

Вот так вот и жили с ним те, у кого мозги набекрень. А он стоял над нами и пас нас...

ЕФИМ ДАВИДОВИЧ ТАБАЧНИКОВ

Давно... в Рузе... Было в этом доме творчества замечательное, очень дымное, очень шумное актёрское кафе «Уголёк». Ничего особенного — кофе и какие-то пачки печенья. Кофе лился рекой, дым стоял столбом. Иногда включалась очень громко музыка, на которую никто не обращал внимания — все были заняты Театром. И вот однажды раздался мощный голос: «Лёша, ты любишь громкую музыку?»

Музыка тут же стихла. Повернувшись, мы увидели сухонького, маленького человека, который не выпускал из рук сигарет — выкурив одну, тут же принимался за другую. Ефим Давидович Табачников. Легенда театра. Наши общие друзья представили нас ему — завязались тёплые отношения. По вечерам мы зарывались в их с Идой Феодосиевной номер и играли в карты — преферанс, кинг. Играли до раннего утра, а затем по пожарной лестнице — вход в корпус был закрыт — спускались с третьего этажа на землю и трусдой к своему корпусу. Не любил Ефим Давидович проигрывать жутко — орал, гневался, стучал кулаками по столу. Это буйство могла прекратить только его дочь Наташа. Сдержанно, но очень строго произносила: «Папа, возьми себя в руки...» И папа брал себя в руки мгновенно — становился тихим и покладистым до следующего проигрыша.

Мы тогда и не могли даже представить, что когда-нибудь Ефим Давидович появится в качаловском театре, да не просто появится, а будет им руководить. Руководство было не очень долгим, но наши отношения разладились — злые языки просто-напросто оклеветали нас. Пройдёт время, и Ефим Давидович скажет мне: «Ты уж прости меня, что в сплетни поверил». А через некоторое время уйдёт из театра и уедет из Казани в Нижний Новгород, оставив нам «Царя Фёдора Иоанновича» с гениальным прочтением заглавной роли Юрием Федотовым. Трагичность времени была во всём — от нежно мерцающего света на сцене до тихого неуверенного голоса исполнителя роли. Казалось, что в зале зритель боится дышать...

Затем Ефим Давидович ещё раз вернулся в Казань и приступил к работе над «Поминальной молитвой» Григория Горина, взяв меня к себе в ассистенты. Конечно же,

сделав это, Ефим Давидович попытался каким-то образом сгладить те конфликтные отношения между нами, не зная, что я о них даже не помню. Он для меня так и оставался Великим Режиссёром века двадцатого, перед которым я мог только лишь поклоняться.

Он не отпускал меня ни на шаг от себя. Далеко за полночь заканчивались его разговоры о Театре, о Режиссёре, об Актёре. Тогда он писал книгу о театре (не знаю, издана ли она сегодня).

В театре его звали почтительно — Старик!

Великий Старик. Во всём!

Скажите на милость, кто из великих, достигнув небывалых высот в своей профессии, может слезьми горькими обливаться после просмотра фильма Тинто Брасса «Калигула», приговаривая при этом: «Гениально! Жизнь прожил, но так и ничего не понял в своей профессии».

Мы молчали — это Он-то не понял.

В пьесе Горина умирает Голда, Тевье остаётся один. Шёл прогон спектакля. На сцене Тевье прощается с Голдой. Я вошёл в зал и не понял, где Ефим Давидович. Вглядываясь в темноту зала, увидел дымок от сигареты, пошёл на него... Ефим Давидович сидел, весь вжавшись в кресло... И плакал... Прощался с жизнью, Идой Феодосиевной... Актёры на сцене чувствовали эту его Слезу. Играли жёстко, заставляли себя и его преодолевать Неизбежность. Почувствовав, что я стою рядом, Ефим Давидович повернулся в мою сторону. Я понял, что сейчас начнёт орать. И мгновенно вспомнил Наташу: «Ефим Давидович, — произнёс я твёрдо, спокойно и тихо, — возьмите себя в руки. Это только лишь спектакль».

Моя кисть до сих пор помнит его железное пожатие...

ЮНОНА И СЕРГЕЙ

На следующий год после того как не стало сына Сергея, Юнона отмечала его рождение — 1 сентября. Людей было много. Говорила Юнона, говорили люди. Звучали его любимые песни, на экране мелькали фотографии Сергея. Юнона ходила от стола к столу, с кем-то разговаривала, редко улыбалась... И опять шла к другой группе людей... С кем бы она ни разговаривала, рука её обязательно ласково касалась человека. Иногда она гладила его, иногда держалась, как бы вцепившись... Она была сосредоточена на говорившем, смотрела ему в глаза, но движение руки не останавливалось... И до меня дошло — для неё каждый из пришедших был Сергеем...

— Гена, хочу, чтобы ты сделал вечер памяти Серёжи.

— Спасибо, Юнона...

Проходит время.

— Юнона, получается вечер о творчестве Сергея. О его кино и его книгах.

— И правильно. Только его кино и его книги говорят о нём...

Писалось долго, месяца два...

— Юнона, вечер получается часа на три с половиной. Не уложить мне его личность в короткие два часа.

— И не надо Серёжку в два часа укладывать. Он весь не поместится в 120 минут. Ему нужны месяцы, а не часы...

Вечер длился около четырёх часов. По окончании мы выпили с Юноной по рюмке...

— Я же тебе говорила, что Серёжка — планета. Ему четырёх часов мало...

ВСПОМИНАЯ БАСИНА

Натан Израилевич был противоречивой фигурой. И отношение к нему было весьма сложным. Возглавив театр в 1982 году и проработав в нём два года, он так и тянул за собой шлейф режиссёра, выкладывающего коммунистические звёзды из актёров. Хорошо помню момент, когда на одной из репетиций он начал устанавливать мизансцену. Мы покорно ложились на пол, ещё не понимая, что происходит. И вдруг как-то все затихли. Кто-то прошептал: ребята, мы лежим красной звездой... В это трудно было поверить, мы начали приподнимать головы, чтобы обозреть — во что он нас выложил. Да, мы лежали звездой...

Без этого, наверное, можно было обойтись в постановке пьесы Киришона «Город ветров», но в этом случае он бы не был Басиным. Он творил так, как понимал режиссёрское дело, основанное на идеях ясного и понятного ему марксизма-ленинизма...

Мы не сопротивлялись, а как-то все съжились. То ли почувствовав это, то ли устав от выкладываний, Натан Израилевич тихо произнёс: «Наверное, это лишнее...»

И отменил свою мизансцену. Спектакль имел оглушительный успех у партийной элиты и без звёзд из актёрских тел...

Натан Израилевич и его жена актриса Светлана Зима были совершенно некоммуникабельными людьми. В их жизни был только один Бог — Театр...

Кому ещё, как не Натану Израилевичу, доверить постановку пьесы о национальном герое Мусе Джалиле? Только человеку, свято верующему в идею.

Натан Израилевич выбирает пьесу Диаса Валеева «День Икс». Пьесу единственно татарского драматурга, пишущего на русском языке. Скорее всего, он и не подозревал, какое будущее его творению нарисует жизнь. Джалиль — герой, вокруг — фашиствующая сволочь. Он не боялся красок, символизирующих стойкость Джалиля и его окружения, как не боялся награждать ими и фашистов, яркими и сочными мазками рисуя всю животность этих нелюдей. В спектакле, например, надзиратели концлагеря танцуют танго с измождёнными узниками. По его замыслу этот момент должен вызвать жалость к узникам и ненависть к их насильникам. Но увы, этого не случилось. На приёме спектакля республиканским художественным советом именно эта сцена и вызвала самую резкую критику — ему приписали преклонение перед нацизмом. «Ваши фашисты, — говорили ему, — танцуют с узниками так, что невольно вызывают восхищение и любование ими. Яркая фашистская форма, сидящая ладно на актёрах, перебивает напрочь сочувствие к жертвам в каких-то серо-полосатых рубищах...»

И приговор был вынесен — переделать.

Он переделал.

Потом неожиданно для всех нас взял в работу пьесу опального болгарского драматурга Недялко Йорданова, в которой шёл разговор о совести коммуниста. И не доработал... Уехали они с женой из Казани... Надо понимать, что Натан Израилевич сильно засомневался в том, что будет услышан... Его не стало в 2004 году, а её в 2009...

АФОРИЗМЫ И МАКСИМЫ

АЛЕКСАНДР БАБАЕВ

ПОСОХ ИДУЩЕМУ

- ✓ Если в мире мудрых мыслей не найдено что-либо для практического применения, то следует читать лишь беллетристику.
- ✓ Народ российский всемирно признан сильным духом, в ком девиз: верой и правдой служить своему Отечеству.
- ✓ Платон (427–343 гг. до н.э.), ученик Сократа, воскликнул: «Бог в нас самих!». А мы до сей поры ещё в сомнениях: а нужно ли духовное совершенство, чтобы познать Бога в себе?
- ✓ Совершенство — это гармония души и тела.
- ✓ Мы обращаемся к древним мыслителям, чтобы сопоставить движение мысли одного направления в разную временную ипостась.
- ✓ Когда маскарадные демократические наряды срываются с лица мирового депотизма, взору общественного сознания открывается символ мирового зла — золотой телец.
- ✓ Быть оригинальным, значит находить ответы на вопросы отличные от общеизвестных ответов.
- ✓ Мудрость — это опыт жизни. Ум — путеводная звезда на небосклоне созвездий мудреца.
- ✓ Мудрые мысли — крылья времени.
- ✓ Политический авантюризм — метод присущий слабой фигуре, занимающей высокий пост.
- ✓ Власть в руках хитроумного властелина так же опасна, как и безвластие.
- ✓ Справедливым решение суда можно назвать тогда, когда над судьёй не висит дамоклов меч высокой инстанции.
- ✓ Не всякое исполнение закона есть справедливость.
- ✓ Честность можно обесчестить подлостью и коварством.
- ✓ Мудрость — это проявление Божественной истины.
- ✓ Предметы и явления лежат на поверхности, их сущность — в глубине.
- ✓ Человека подчиняют и силой оружия, и силой ума.
- ✓ Отточенная логика ума — успех предмета обсуждения.
- ✓ Страсти, если они управляемы — источник развития или разрушения.
- ✓ Ложь — это привлекательная маска, натянутая на лицо правды.

- ✓ Философия взбадривает в преодолении трудностей, ибо её софистическими положениями можно убеждать, что и трудностей-то нет.
- ✓ Достоинство – в совершенстве, благородство во благе дающего.
- ✓ Замутить чистый родник можно и чистыми руками, но грязными помыслами.
- ✓ Природа, как мать: кормит, поит, убажает. За что человек её изтязает?!
- ✓ Критика – лекарство, если вслед предлагается путь исправления оплошности, ошибок, недостатков.
- ✓ Возлюбить ближнего, допустившего тебе зло – высшая степень справедливости.
- ✓ Оруженосец великого политика – высокоответственное правительство.
- ✓ Лицо, наделённое высокими полномочиями, может несправедливость с выгодой для себя, подать как благотворительный дар общему делу.
- ✓ Сердце красавицы – неразгаданная тайна.
- ✓ Клятва Гиппократова тоже, что присяга воина Отечеству.
- ✓ Не всё читаемое полезно. Поэтому и детей следует учить выбирать книги, кои пригодны будут им на пользу и Отечеству не во вред.
- ✓ Устремление ума к духовному совершенству устраняет шелуху соблазнов.
- ✓ Я – тебе, ты – мне – бартер обмана, а не обмена.
- ✓ Терпение превозмогает тупую ярость.
- ✓ Природные дарования человека искажаются злонравным приобретением.
- ✓ Иногда сильные мира сего приближают отдалённого идейного противника в лагерь своего окружения, чтобы задушить того в своих объятиях.
- ✓ Слабость женщины в кошельке мужчины.
- ✓ Доброе слово пленяет слух, сближая отношения.
- ✓ Хамелеон, приспособляясь к окружающей среде, меняет окрас (цвет), а человек к выгоде своей лицо меняет на личину.
- ✓ Большие деньги проводят черту недоступности между вчерашними безденежными друзьями.
- ✓ «Дерзай быть мудрым» – призывал Гораций. Он знал, что в мудрости – отсутствие соблазнов.
- ✓ Пробуждение к пониманию истинного Бога – это защита души и тела, а при ненастье – это лечение.
- ✓ Судебный вердикт, в объёме применительных законов, несёт вкраплины субъективности судьи.
- ✓ Ещё Плиний Старший (23–79 гг.), государственный деятель, подметил, что «нет худа без добра». Вселяя надежду, скольких людей освободила эта формула от уныния и пессимизма. Поэтому строчки из-под пера пишущей братии тогда чего-нибудь стоят, когда они несут в сердца людей вечное, доброе.
- ✓ Совет держи с лицом, которому доверяешь.
- ✓ Процесс создания искусственного интеллекта превращает человека в бездуховного изгоя. Единственный путь защиты – в инструментарии духовного совершенства.
- ✓ Нарушил гармонию души и тела – разрушил райские кущи.
- ✓ Вера – определяющий стержень образа жизни.

- ✓ Детство вопрошает, юность проникает, зрелость утверждает, старость изрекает.
- ✓ Чтобы быть носителем идеи и верить ей, нужно хорошо знать глубину её содержания.
- ✓ Оптимизм — это когда плохо, но хорошо. Пессимизм — это когда хорошо, но плохо.
- ✓ Выявление негативных сторон человеческой природы — это оптимистическая надежда на преобразование негатива на будущий позитив.
- ✓ Человек никогда не остаётся один, с ним всегда Бог.
- ✓ Не дано знать: облагораживает ли труд человека, но точно, что труд ограждает человека от скотского подobia.
- ✓ Где смех искрится, там искренность струится.
- ✓ Прогресс — это развитие цивилизации и гибель общественных отношений.
- ✓ Революцию необходимо рассматривать как деспотизм над массами носителей революционной идеи, а не как дарственную свободы. Также и научно-технический прогресс, как регрессивный процесс над свободной природой.
- ✓ Если ты осознанно лукавил, то это не от лукавого, а от тебя.
- ✓ Новое в человеческих отношениях — от нового времени.
- ✓ Нравственность отличает человека от скота. Назвать безнравственного человека, что он хуже скота, — это оскорбить скот.
- ✓ Сомнение находит истину.
- ✓ Когда недра земли были не познаны, земля благоухала.
- ✓ Когда человек хочет изменить себя в лучшую сторону — это самосовершенствование. Когда группа людей стремится изменить мир — это дерзость, ведущая к революционному кровопролитию.
- ✓ О, человек, холодный ум и жар души направь на мир, он так прекрасен!
- ✓ Чувство юмора обходит стороной педанта и пессимиста.
- ✓ Любовь — это сердечное тепло, как солнца свет от Бога.
- ✓ Справедливость в политике — это крылья флюгера интересов экономики.
- ✓ Человека, свершившего злые промыслы, не спасают добрые помыслы; нужны реальные добродетели.
- ✓ Человека создал Бог, а человечество — природа. Вероятно поэтому Богу молимся индивидуально, а природу не чтим сообществом.
- ✓ Просвещение — это освещение тьмы невежества.
- ✓ Лесть, как туманность Андромеды, застилает истинность сущего.
- ✓ Созная последствия научных увлечений, эстафетно оставляем их последствия потомкам.
- ✓ Муравьёв, живущих колониями, тоже можно считать свободными — до первого пинка по муравейнику.
- ✓ Старость не в радость, когда цели исчерпаны.
- ✓ Нищий духом воспаряет к высоким идеалам.
- ✓ Открыть ящик Пандоры просто. Но в борьбе с выпущенными из него бедствиями остаётся лишь надежда.

- ✓ Судьба — это случай сокрушённого состояния человека в пути. Промысел Божий — это путь, сопровождаемый молитвой: «Господи, скажи путь в оньже пойду».
- ✓ Глупость бросается в глаза мудрости, мудрость отводит глаза от глупости.
- ✓ Слабый человек находит оправдание своим поступкам. Сильная личность делает выводы из чужих поступков.
- ✓ У кого «рыльце в пушку», скоро можно наблюдать «рыло в шоколаде».
- ✓ Провожая на ратный или трудовой подвиг родного сына, мать напутствует: «соберись с духом, сынок». И подвиг сына озаряется духовным светом.
- ✓ Статистика — это эквилибристика цифровых значений.
- ✓ Если истинную роль СССР в победе над фашистской Германией помнить не выгодно, то это победа по-американски.
- ✓ Лишь оптимисты в ненастье видят свет.
- ✓ Тщетна душа без содеяния добра.
- ✓ Инкрустированное кресло украшает место, а восседающий на нём ещё не факт достоинства.
- ✓ Афоризм — не забава словами, а истинность жизни людей.
- ✓ Чувство собственного достоинства — это достояние человека от силы духа.
- ✓ У женщин от природы превалируют ложе и семья.
- ✓ Игра словами — игра с огнём.
- ✓ Духовный человек от страдания более извлекается религией, чем больницей.
- ✓ Иерархия в человеческом общежитии, как на шахматной доске. Фигуры с разными позиционными возможностями, но все в готовности начать есть друг друга.
- ✓ Человеческая натура, как та дура: и хочется, и колется, и мамка не велит.
- ✓ Свобода без обруча ограничений — анархия.
- ✓ Каин убивает Авеля. Смертельного наказания не следует. Это начало торжества зла. Отсюда толстовщина — «непротивление злу насилием».
- ✓ Идея как женщина — флиртует. Но обладатель ею — смертельно заражён.
- ✓ Искусственный интеллект — протез головного мозга.
- ✓ Счастливые окунаются в оптимистическое время, несчастные — в пессимистическое время.
- ✓ Созерцание — это природный инстинкт, труд — это действительная реальность.
- ✓ Лучше дипломатическая гибкость, чем несокрушимое упрямство.
- ✓ Лавры в венке имеют свойство сбрасывать листья раньше, чем венок коснётся недостойной головы.
- ✓ Иногда символ — смысл наоборот.
- ✓ Доводы нужны несостоятельной точке зрения.
- ✓ Старые памятники разрушают для возведения на их месте памятников разрушителям.
- ✓ Верят или не верят только в трёхмерном пространстве.
- ✓ Длительная праздность — томление души.
- ✓ От жира — бесятся, от голода — тощат, между ними человек в теле.
- ✓ Ныне деловые люди живут, будто на почтовых лошадках мчатся. На перепутье — перекусить, дома — к жене щекой прижаться и дальше мчаться.

- ✓ Убрать из соли соль и горечь из горчицы, сладсть сахара зажать потуже. Следует вопрос. Кому ты нужен?
- ✓ Больше истинных познаний — меньше кочек на пути.
- ✓ Интуиция — это от Ангела хранителя.
- ✓ Женщины в отличие от мужчин умеют ждать своего часа.
- ✓ Истинная любовь к Родине, когда ей дают, а не когда от неё отрывают.
- ✓ Коль не допускать порока до своего порога, — тепло в сердце ощутишь, благодать в душе — от Бога.
- ✓ Душа человека как нежный бутон цветка. Улыбка, ласковое слово — и бутон раскроется.
- ✓ Не жалея об упущенных возможностях, а превращая возможности в реальность.
- ✓ Пьедестал — символ возможной замены памятника.
- ✓ Дурные примеры для неопытных, опытные сами их подают.
- ✓ Великие дела делаются простыми людьми, вершителям достаётся лишь слава.
- ✓ Мораль не на поверхности, она куётся в глубине.
- ✓ Когда говоришь об одном, а думаешь о другом, звучит не убедительно.
- ✓ Не лезут в карман за словом, когда в кармане дырка.
- ✓ Советы, что ветер, разносятся горстями, чтобы хоть щепотка достигла цели.
- ✓ Равенство у людей как у овец, когда их остригут.
- ✓ Если афоризм требует объяснения смысла, значит это словоблудие.
- ✓ Помыслы без Божьего промысла, как ветки дерева без сокогонки.
- ✓ Во время восхождения к власти человек ценится цинизмом.
- ✓ Конвертируется всё связанное с безнравственностью.
- ✓ Чтобы ощутить благодать, нужно знать источник благоухания.
- ✓ Талант, как денежная единица, ценен способностью её умножать.
- ✓ Великая нация — это щедрость души и сила духа. Поэтому «умом Россию не понять, ... в Россию можно только верить».
- ✓ Если интеллигенция без нравственной основы, то она лишь осадок интеллекта.
- ✓ Чем более жестокий человек, тем менее извилин в его голове, да и те прямые.
- ✓ Самый страшный враг — страх. Не бойся себя. Побеждая страх в себе — восходишь на ступень восхищения собой с благодарением Богу.
- ✓ Дурная слава к мудрости не липнет.
- ✓ В науке иллюзия — это реальность в миру.
- ✓ «У природы нет плохой погоды» А мы её, если жарко — браним, если холодно — ругаем.
- ✓ Не будь виновником чьего-то торжества.
- ✓ Люди делятся на категории: одни мыслят, другие думают, а третьи думают о чём помыслить.
- ✓ Принимая, что мы подобие Господа и призывая Его милосердие, часто ли мы сами милосердны.
- ✓ Как и всякому познанию, познанию истинного Бога предела нет.

- ✓ Щедрость — удел бедняка.
- ✓ Щели и существуют, чтобы в них можно было протиснуть своё протезе.
- ✓ Гневливость льва на арене цирка пресекается либо плетью, либо лаской дрессировщика. Не так ли у людей на арене жизни.
- ✓ Низкопоклонство — это грань, ниже которой — позволение вытирать о себя ноги.
- ✓ Не случайно молчаливый собеседник в обсуждении проблемы чаще находит золотую середину.
- ✓ Прочность интегрирования одного в другое проверяется эмпирическим путём.
- ✓ Когда причинно-следственные связи доводят до беззаконного тупика, бросайте связи, ищите причины, доведшие беззаконие до следствия.
- ✓ Ныне книги и гаджеты всё одно, что колбаса мясная и колбаса искусственная.
- ✓ Нищета в богатой стране — заслуга распределителей богатства, создающих законодательную основу распределения.
- ✓ Всякое красочно описываемое событие — это эквилибристика воображения словами.
- ✓ Человек очень понятливое существо, если его приручили как собаку.
- ✓ Чтобы случай превратить в афоризм нужно обладать детской внимательностью и взрослым чувством юмора.
- ✓ Общение даже на одном языке не всегда приводит к пониманию друг друга.
- ✓ Одно слово с разной интонацией несёт неоднозначный смысл. Так же отпечаток — это не то что есть, а то что отражает и искажает.
- ✓ Категоричность суждения не даёт развития мысли.
- ✓ Бесплезность своего труда угнетает, польза от труда — заряжает на творчество.
- ✓ Нравственные устои сердца от глубокой веры разума в Божественную истину.
- ✓ Если изучить исторический источник поклонения «золотому тельцу», то видно будет, где зародилась зараза революционных настроений.
- ✓ Этика не для толпы, а для избранных толпою.
- ✓ Любовь к свободе — это любовь к вседозволенности, к анархии, к революции.
- ✓ Искренность — это проявление дружеского расположения.
- ✓ Великие люди интересны любой гранью своей личности, потому что они неординарны.
- ✓ Одни на жизненном пути оставляют следы, другие клубы пыли.
- ✓ Золото ослепляет не глаза, а тёмную душу.
- ✓ Бедность — не порок, а стыд общественной формации.
- ✓ В социально неустроенной общественной формации народное правительство при Гайдаре такое же народное, как народное достояние «Газпром» при кучке собственников, да в том числе и иностранных.
- ✓ Злейшая критика В. Ленина, удостоившая философские социально-нравственные суждения Ф. Достоевского, прозрачно обнажает справедливую истину Достоевского.
- ✓ Когда много точек зрения их, интегрируя, сфокусировать можно только эмпирическим путём.

- ✓ Логика, — это как полноводная река, спокойно несущая свои воды по заданному маршруту. Так и логика должна нести свои умозаключения по руслу небесной истины.
- ✓ Истина — это не хвост жар-птицы, а вся она.
- ✓ Глупый умного перешеголяет лишь упрямством.
- ✓ К истине продираешься через частокол противоречий.
- ✓ Легенда — это отражение истины.
- ✓ Ложь вокруг правды колобродит, лишь сердце чистое до истины доводит.
- ✓ Ложь вокруг правды тонкою змейкою вьётся, злом как эхом она отзовется.
- ✓ Хитрость с выгодой рядом ходят, следы хитреца на лице обманутого простеца.
- ✓ Для самолюбивых властолюбцев лесть, как вода для жаждущего в пустыне.
- ✓ Сомнение по поводу существующей проблемы и есть повод найти ответ на свой вопрос: что делать?
- ✓ Бытующее мнение, что нынешнее образование, где ученье — тьма, а не ученье — свет, имеет место быть.
- ✓ Даже монах в глухой келье, отринувшийся от мира возносит Богу вопли души об отпущении грехов, дабы достигнуть горнего.
- ✓ Когда амбиции политического деятеля выше общественного мнения о его деяниях, то нужно менять поле деятельности.
- ✓ Творчество — это мука, но достигшее совершенства рождает шедевры благотворно очищающие душу от утомительного повседневного бытия.
- ✓ Речь, украшенная опытом жизни — убеждает.
- ✓ Счастье, как наливное яблоко, вокруг которого тьма вредителей, готовых надкусить.
- ✓ Смирение побеждает страсть гордыни.
- ✓ Тщеславие ума — ореол над больной головой.
- ✓ Скупость — не глупость, как и тщеславие — не порок.
- ✓ Заслуженную похвалу нужно различать как белый гриб от поганки.
- ✓ Дружить — друг другом в жизни дорожить.
- ✓ Жизненная истина — это истина, оплодотворённая Божией благодатью.
- ✓ Занять себя трудом, удовлетворяющим душу — залог непрекращающегося движения жизни.
- ✓ Достойный труд достоин славной людской молвы.
- ✓ Творческий труд — от высоты совершенства ума, физический — от разумной необходимости.
- ✓ Слава — в памяти людей. На пьедестале — лишь отблески.
- ✓ Для людей война — это кровь и слёзы. Для нелюдей кровь — это прибыль и сверх её. И это — явь, не грёзы.
- ✓ Любая идея без нравственной основы — это диктат и зачастую, поливаемый кровью.
- ✓ Наука — это бесконечность открытий ясности в неизведанном микро-макро пространстве.
- ✓ Деньги — разрушитель капитала общественных отношений.

- ✓ Бережливый — не скряга и скупой — не мешок худой.
- ✓ Зависть — страсть жадности.
- ✓ Если жизнь не побочное явление, то следует внимательно познать, что такое — жизнь.
- ✓ Начало гордыни от незнания Божественного назидания.
- ✓ Ныне человек с большой буквы такая же редкость, как жемчужина в естественной водной стихии.
- ✓ Благочестивому человеку легче пасть самому, чем уронить другого.
- ✓ Поговорка назидает: курочка по зёрнышку клюёт. С того и человеку предписано: от жадности можно и поперхнуться.
- ✓ Ищи книги содержание которых соответствует ритму твоего сердца и гармонии твоей души.
- ✓ Слово — это трепет сердца и мембрана души.
- ✓ Если человек не имеет гражданской позиции, он не имеет и своего суждения. В лучшем случае опирается на чужое.
- ✓ Преодоление инерции движения, заданного сложившейся формацией — условие самовыражения, лишь бы в направлении эволюционного развития.
- ✓ Совесть людей, покрытая жадой наживы — это распахнутая дверь зачатия преступления.
- ✓ Тот, кто соизмеряет с Божьими заповедями то, что на ум кладёт — не ошибается.
- ✓ Если в пространство органично влились ваши благотворительные идеи и труд, жизнь не напрасна. Памятью доброй о ваших благодеяниях люди живут и на них опираются.
- ✓ Афоризм — это жар-птица грядущему и посох идущему.

ДВЕ СКАЗКИ

УМНАЯ ГОЛОВА

Жил на свете парень Фёдор по прозвищу «Умная голова». Почему его так звали, вы скоро поймёте.

В один воскресный день, когда дома было нечего делать, Фёдор пошёл на ярмарку просто прогуляться, денег у него не было. Ярмарка всегда была праздником. Шутки, веселье, множество товаров, но взгляд нашего героя привлекла лошадь. Он подошёл и восхищённо сказал: «Какая красивая! Вот бы мне такую!»

— Лошадь-то красивая, но не для тебя! — ответил купец, продавец лошади.

— Это почему же? — возмутился Фёдор.

— Да потому, что ты сможешь купить её, когда рак на горе свистнет! — рассмеялся купец и все окружающие зевороты. — А, хотя подожди, я отдам тебе лошадь, если ты выполнишь три моих задания. Согласен?

— Согласен, — ответил Фёдор.

— Тогда слушай первое: обойди всю землю до завтрашнего дня, — не переставая хохотать, сказал купец.

Фёдор согласился, но призадумался. Он думал целый вечер и всю ночь, а под утро его осенила мысль: «Так у детей в школе есть же карта мира!» И он направился к своим маленьким друзьям...

Когда Фёдор на ярмарке прошёлся по карте, все окружающие ахнули, а купец почесал затылок, но возразить не смог — Фёдор действительно обошёл Землю.

— Ладно, — сказал купец. — Вот тебе второе задание. Сегодня я отдал старьёвщику старое дырявое корыто. Ты должен наполнить его водой до краёв, но, не заделывая дырки. Завтра утром встретимся у дома старьёвщика.

Фёдор всю ночь думал, как же выполнить задание. Наступило утро, но у него не было никаких идей. Фёдор брёл, опустив голову, к назначенному месту и представлял, как будут смеяться над ним купец и все окружающие. Наконец он пришёл к старьёвщику и увидел возле его дома пруд. И тут ему пришла идея. Он взял корыто, подошёл к берегу и опустил его в воду, наполнив тем самым до краёв водой, на удивление любопытных людей.

Купец не знал, куда деться. Он был уверен, что это задание никто не может выполнить. И тут купец услышал из толпы мужской голос. «Пусть хотя бы одним пальцем дотронется до луны! Это же невозможно!» Купец и решил задать именно это задание.

Фёдор опять призадумался. Он готов был уже сдать, но вдруг вспомнил слова матери, сказанные в детстве: «Никто не может достать до луны, но может дотронуться до её отражения в воде». Наступила ночь, снова все собрались на том же месте — у дома старьёвщика. Купец ликовал, уверенный, что выиграет и оставит простолюдина в дураках:

- Ну что, бедняк, сдаёшься?
- Это луна? — спросил Фёдор, указывая на отражение в воде.
- Луна, — ответили все в один голос.
- Тогда смотрите же!

И находчивый парень дотронулся до отражения.

Ничего не скажешь, хитёр и умён оказался Фёдор. А купцу пришлось распрощаться с лошастью. Но это послужило уроком богачу, дабы неповадно было смеяться над людьми.

С тех пор Фёдора и прозвали «Умной головой». Спустя время он уехал из города куда глаза глядят. Нашёл себе хорошую невесту, и поселились они в чудной деревушке. Жили долго и счастливо в окружении детей. Но это уже другая история.

УМКА И АК БАРС

Однажды Умка вернулся из детского сада грустным. Мама-медведица, конечно, сразу же заметила его настроение:

- Малыш, тебя кто-то обидел?

Медвежонок отрицательно помотал головой.

— А, что же ты, мой хороший, тогда совсем без настроения? Наверное, твоё настроение пришло раньше тебя из детсада и уже спит! — пошутила мама-медведица.

Но Умка всё равно продолжал грустить. Он подошёл к маме поближе и прильнул к ней. Мама Умки не на шутку забеспокоилась. Она нежно погладила медвежонка своей большой лапой, затем любящим голосом произнесла:

— Знаешь, малыш, что бы не произошло у тебя, я всегда тебе помогу. Расскажи, что случилось.

— Нам сегодня воспитательница дала задание: нарисовать и рассказать о каком-нибудь необычном звере, да ещё и белого цвета. И теперь я даже не знаю, кого можно нарисовать. Я же кроме нас, белых медведей, и песцов, других белых зверей не знаю, — грустно заявил медвежонок.

На заявление Умки медведица ласково сказала:

— Нет, сынок, на свете существует ещё несколько видов белых зверей. Например, заяц-беляк или полярный волк. А ещё бывают на земле альбиносы.

— Кто? Альбиносы? — удивлённо спросил Умка.

— Альбиносами называют тех, у кого белый окрас. У них от природы отсутствует меланин, именно он отвечает за пигментацию, то есть за окраску. В мире есть много разных альбиносов: крокодилы, тигры, жирафы, лоси, а ещё существует — единственный на планете — белый пингвин.

— Правда, мамочка? — продолжал удивляться Умка.

Медведица одобрительно кивнула.

— А, давай, мы с тобой, Умка, нарисуем этого самого пингвина, — предложила сыну медведица.

От вечерних лучей солнца белоснежные льдины отсвечивали всеми цветами радуги. А серебристой иней и ослепительно белый снег придавали краю белых медведей какую-то сказочную красоту.

— Но, мама, ты, что забыла, пингвин — это же птица! А нам воспитательница велела нарисовать белого зверя!

— Верно, сынок.

Медведица в очередной раз убедилась в том, каким смышлёным растёт её малыш.

Немного подумав, медведица сказала:

— А, знаешь, сынок, кого мы нарисуем?

— Нет, — ответил почти сонный медвежонок.

— Мы нарисуем с тобой Ак Барса.

— Какого, какого барса? — спросил любопытный сын.

— Белого, — сказала мама-медведица.

— Но, мама, барсы не бывают белыми. Они же пятнистые. Ты же сама мне читала, что у них чёрные пятна на серебристо-белом меху.

— Верно, сынок. Но животное, о котором я тебе сейчас расскажу, особенное. Слушай внимательно и запоминай. Ты же знаешь, что твоё имя «Умка», переводится с чукотского, как белый медведь, а «Ак барс» — переводится с татарского языка как белый барс. Он живёт на гербе республики Татарстан. Видишь, на нём изображён белый зверь с крыльями? — спросила у Умки медведица, продолжая рисовать на снегу Ак барса.

— Да. Как у Пегаса? — сказал малыш.

— Ну, почти как у Пегаса. Эти крылья говорят о том, что барс — священное животное. И перьев на крыльях у этого барса не пять, не шесть, а именно семь, а это означает, что он всесилен не только на земле, но и на небесах. А ещё его силу демонстрируют острые зубы и когти. Поднятый хвост говорит об уверенности, свободолюбии и независимости и означает его хорошее настроение и дружелюбие. Смотри, у барса приподнята передняя лапа. Это символизирует верховную власть в государстве и подчёркивает её величие.

— Какой интересный зве-е-ерь, — зевая, произнёс Умка.

Несмотря на то, что время уже было поздним, а ночные звезды на небе словно шептали: «Спа-а-а-ть», Умка еле сдерживая сонные глазки открытыми, продолжал слушать маму:

— Если тебе интересно, я расскажу тебе о самом гербе, на котором изображён этот удивительный и смелый зверь, Ак барс.

— Да, конечно, расскажи.

— Герб Татарстана круглой формы и выполнен в цветах флага республики, — продолжила свой рассказ медведица-мама. — Ак барс изображён на фоне диска красного цвета. Этот цвет восходящего солнца. Красное солнце обозначает доброе знамение, успех, счастье и жизнь. На левом боку нашего героя находится щит — он символ защиты и покровительства. А на этом щите изображена астра, она символизирует долголетие и процветание. Её восемь лепестков говорят о вечном продолжении жизни. На гербе есть ещё один цветок — тюльпан, у него три лепестка, и находится он на вершине.

На этих словах мама-медведица заметила, что её малыш, как ни старался побороть свой сон, уже сомкнул свои глазки и тихо пробормотал:

— Как интересно, мамочка...

На следующее утро, когда солнце высвечивало вершушки ледяных скал и айсбергов, Умка уже рассказывал воспитательнице и малышам о необычном белом барсе. Его рисунок и занимательный рассказ о татарском Ак барсе были самыми интересными.

* * *

Р.С. В июне нынешнего года Гульнара Миранова, живущая в Альметьевске, была принята в Союз российских писателей. Сердечно поздравляя её с этой значительной творческой победой, нельзя не сказать о жизненном подвиге писательницы. Она с младенчества привязана к инвалидной коляске по причине ДЦП, тексты на компьютере ей приходится набирать одним пальцем. И тем не менее Гульнара выпустила уже семь книг, которые востребованы. Не случайно в своей рекомендации по приёму в сообщество литераторов-профессионалов я написал, что её «дар — мудрость много испытавшего за 38 лет жизни человека — направлен прежде всего в сторону детей, нуждающихся в тех собеседниках, которые умеют говорить с ними на одном языке. Смеею полагать, что и я расслышал этот простой и ясный язык, поскольку стар и мал — одного поля ягоды».

Гульнара активно живёт, действует и побеждает. Она — лауреат нескольких республиканских и общероссийских литературных конкурсов, обладатель многих дипломов и наград. «Если вас вдруг настигла хандра, и вы стали искренне сомневаться в собственных силах, то прочитайте книги Гульнары», — так пишет в предисловии к одной из этих книг ещё один наш коллега, её альметьевский земляк Р. Ш. Шагеев. Я с ним полностью согласен. И не сомневаюсь, что сотрудничество журнала «Аргамак» с Гульнаррой Мирановой продолжится.

Николай АЛЕШКОВ

МАША ГУБАНОВА

В МАГАЗИН ПОСЛАЛИ ЗИНУ

ОЗОРНЫЕ ПОГРЕМУШКИ

Как у нашего Ванюшки
Озорные погремушки
Начинают дребезжать,
Не дают Ванюшке спать.
Ручки тянет к ним мальчонка,
Хочет зайчика, бельчонка.
Не дотянется рука:
Слишком мал малыш пока.
Но Ванюшка не сдаётся,
С боку на бок повернётся,
И, попивши молока,
Птичку чувствует рука.
Крепко пальчики поймали
Голосистого птенца,
Звонкой трелью заливая
Колыбельную юнца.

ПАПИНА ГОРДОСТЬ

Разноцветные штанишки
Есть у нашего Гавришки,
С дудочками, с бубенцами,
В них сейчас ползёт он к маме...
Встал на ножки наш пострел,
Три шага прошёл и сел.
Улыбается мальчонка,
Видно целых два резца.
Нету грусти у ребёнка:
Видит гордый взгляд отца.

ХОЗЯЮШКА

В магазин послали Зину
За продуктами сходить.
Попросила мама Зину
Молоко и хлеб купить.

Вот бежит она задорно
(Ничего бы не забыть)
И твердит под нос упорно:
«Молоко и хлеб купить»...

Торт, эклеры, джем, печенье,
Очень вкусное варенье,
Леденцы и шоколад ...
Ох, обрадуется брат!
Зайца я себе куплю
С серенькими ушками
И сегодня с ним посплю,
Усажу с подушками.
Положу ещё в тележку
Я машинку-самосвал
И порадую Олежку –

Он давно о ней мечтал.
 Маме с папой, тётё Свете –
 Им возьму я по конфете
 С мармеладками внутри;
 Получилось целых три.
 Ну а бабе Тоне с дедом
 Мёду можно прикупить,
 И тогда всем за обедом
 Будет с чаем что попить.
 Нашу Зину, нашу Зину
 Нелегко остановить.
 Как бы полную корзину
 Ей до дома докатить?

ПРОГУЛКА

Вышла на улицу я погулять.
 Только друзей на дворе не видеть.
 Светку отправили к бабушке Зине.
 Костик, скорее всего, в магазине.
 Тостик на поле играет в футбол.
 Крики оттуда – забил кто-то гол.
 Я же сижу на скамейке, скучаю
 И от безделья ногами качаю.
 Грусть и печали меня обуяли,
 Словно друзей моих всех разобрали.
 Я будто вечность на лавке сижу,
 То на собак, то на птичек гляжу.
 Так просидела минут эдак двадцать...
 Дверь распахнулась подъезда двенадцать,
 Вышли на улицу сестры-близняшки.
 Как ожидания были мне тяжки!
 Катя и Лена меня стали звать
 С ними побегать и поиграть.
 Красный с собой прихватила я мяч,
 И понеслась за близняшками вскачь.
 Вскоре и Костя со Светой вернулись,
 И футболисты потом подтянулись.
 В жмурки играли, играли в лапту...
 Бежала за Леной – поймала не ту.
 Катя смеётся, держась за живот.
 Они же близняшки, кто их поймёт?
 В мяч поиграли, ещё в чехарду.
 Я всё боялась, что упаду.
 Сели играть всем двором в «крокодила».
 Мимо соседка в очках проходила.
 Рядом с ней важно вышагивал пёс,
 Палку он в пасти заботливо нёс.
 Строго соседка на нас посмотрела,
 Всем по домам расходиться велела:

«Поздно и сыро уже во дворе.
 И по кроваткам пора детворе!»
 Нас друг за другом домой загоняли.
 Как же мы дружно сегодня играли!
 Катя и Лена собрали игрушки.
 Я красный мяч забрала у Андрюшки.
 Вот уже вечер, пора мне домой –
 С папой морской не доигран был бой...

МОЙ ПЕРВЫЙ ЭЛЕКТРОМОБИЛЬ

Мы с девочками решили
 Покататься на машине.
 Нинка села впереди,
 Накрутивши бигуди.
 Юбки, бантики, причёски,
 Маникюры, платья, блёстки.
 Куклы, чайник, паровоз,
 Что Андрюшка мне привёз,
 Затолкали их в багаж
 Чтоб отправиться в вояж...
 Всё не так, и всё не то –
 Кнопочки нажали –
 Не заводится в авто,
 Сколько мы не ждали!
 В пульте сели батарейки –
 Вот такие канарейки!

ЗАЙКА-МАЙКА

Зайка прыгал на лужайке
 В полосатой новой майке.
 Мимо котик проходил
 И обновку оценил.
 «Мне отдай её, дружок,
 Вот за этот пирожок!»
 Пирожок с колбаской зайка
 Быстро съел. На Ваське – майка.
 Васька в ней счастливый ходит –
 Заяц, плача, глаз не сводит.
 Тут навстречу волк идёт.
 В лапах он улов несёт.
 Предложил коту меняться,
 Вкусной рыбкой разговляться.
 Васька шуку увидал,
 Скинул майку и отдал.
 Носит волк теперь обновку.
 Грустный заяц ест морковьку.
 Кот усища намывает,
 Майку с грустью вспоминает...

Сели звери на опушке,
Опустили грустно ушки.
Вдруг увидели они:
Кто-то едет впереди.
Это ослик тянет воз –
Майки новые привёз!

ЛЮБИМОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЕ МАРИНЕ НИКОЛАЕВНЕ

Вместе мы шли по дороге одной,
Дружную, школьной, большою семьёй.
Вы научили нас правильно жить,
Что нам писать, как говорить.

Вот она правда, вот она ложь,
День ни один на другой не похож.
Вдруг остановка... А я все иду.
Вы улыбнулись, а я как в бреду.
Я вам кричу – вы молчите в ответ.
Сложно представить, что Вас больше нет.
Шепчут мне листья: «Дальше иди,
Жизнь твоя, детка, ещё впереди.
Если придётся в пути нелегко,
Буду я в памяти недалеко...»
Я продолжаю идти не спеша,
Листьями осени громко шурша...
Боль и утрату так сложно принять –
Вас никогда у меня не отнять!

В конце номера. Уважаемые читатели журнала «Аргатак. Татарстан»! Уведомляем вас о следующем. В предыдущем номере 1 (33) нашего журнала, в статье Николая Алешкова «На левом берегу», на стр. 36 было написано: «Большинство членов Татарстанского отделения Союза российских писателей на своём заседании, прошедшем из-за пандемии в режиме онлайн, согласились с просьбой освободить меня от должности председателя (эти общественные обязанности я исполнял более двадцати лет) и передать полномочия Вере Петровне Хамидуллиной».

Увы, передачи полномочий не случилось. В. П. Хамидуллина после своего принудительного согласия «принять пост» отказалась это сделать, сославшись на нездоровье и загруженность другими важными делами. После вынужденной паузы первый секретарь Правления Союза российских писателей Светлана Владимировна Василенко, извещённая о произошедшем, обратилась к Н. П. Алешкову с письмом, в котором просила его не оставлять пост председателя ТО СРП, ибо он зарекомендовал себя «человеком ярким, талантливым и ответственным», а впереди «открываются новые перспективы, связанные с созданием Ассоциации союзов писателей и издателей России во главе с заместителем председателя комитета по культуре Государственной Думы, писателем Сергеем Шаргуновым». Большинство членов ТО СРП вняли этой просьбе. Н. П. Алешков – тоже.

Наши авторы

стр. 237 БАБАЕВ Александр Николаевич родился в 1944 году. Член Союза российских писателей с 2000 года, автор более десяти книг разных жанров (философские размышления в стихах и прозе, басни, максимы, афоризмы). Его произведения пользуются неизменной популярностью и быстро находят своих читателей. Первостроители КамАЗа, Нижнекамской ГЭС, Нового города, пригородной сельскохозяйственной зоны чтят его как легендарного вожака молодёжи ПО «Камгэсэнергострой» в семидесятые годы минувшего века. Позднее Бабаев находился на партийной, административной и хозяйственной работе, занимая руководящие посты. Почётный гражданин города Набережные Челны, активно занимающийся творческой и общественной деятельностью, являясь председателем попечительского совета Русской Православной Церкви.

стр. 41 БЛИНОВ Лоренс Иванович родился в Казани в 1936 году. Окончил Казанскую консерваторию по классу композиции Альберта Лемана, преподавал теоретические предметы в специализированной музыкальной школе-десятилетке при Казанской консерватории. В семидесятые-восемидесятые руководил созданным им же андеграундным поэтическим объединением «ПоСо!» (Поэтическое Сообщество им. В. Хлебникова). Успел издать в Москве книги стихов «Наведение мостов» (2005), «Три мира» (2007), «Из ПО+. Стихостасис» (2015) и стать обладателем престижной награды: Международной отметины имени отца русского футуризма Давида Бурлюка. Ушёл из жизни 24 декабря 2020 года. В 2021 году в издательстве Ильи Чиркова «Плутон» вышла последняя подготовленная поэтом ещё при жизни книга «Зеркала музыки».

стр. 152 ГОРЮНОВА Нина Михайловна (Коробовкина) родилась в городе Казани. Получила образование в Ленинградском Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина на факультете теории и истории искусства. Работала художественной школе города Тетюши, став её организатором, позднее – в педагогическом училище. В 1979 году переехала с семьёй в город Ленингорск и связала свою судьбу с местным художественным училищем, преподавая в нём историю искусства, рисунок, композицию; заведует художественно-графическим отделением. Автор концепций и куратор многих городских, республиканских и региональных выставок. Отличник народного просвещения РСФСР, награждена нагрудным знаком «За развитие научно-исследовательской работы» (Москва), лауреат премии им. Ш. Бикчурина за вклад в развитие культуры и искусства Юго-восточного региона РТ (2010), член Ассоциации искусствоведов России (2010 г.), член Союза художников РТ (2014), кандидат в члены Союза художников России в Татарстане (2020)

стр. 249 ГУБАНОВА Мария Вадимовна, 16 лет, ученица 9В класса МБОУ «Гимназия № 10», г. Зеленодольск, республика Татарстан.

стр. 138 ГУСАЧЕНКО Геннадий Григорьевич родился в 1942 году в Новосибирске в семье офицера-фронтовика. Армейскую службу в армии проходил на Тихоокеанском флоте. Окончил факультет журналистики и востоковедения Дальневосточного государственного университета. Работал оперуполномоченным уголовного розыска, матросом на теплоходах морского пароходства, электромехаником на китобойных судах, егерем в уссурийской тайге, учителем в сельской школе, корреспондентом газет Приморья и Новосибирской области и т.д. Летал на планёрах в аэроклубе, прошёл в одиночку самославление на плоту по Оби от Новосибирска до Карского моря. Член Союза журналистов СССР и России. Печатался во многих журналах. Автор более 10 книг.

стр. 65 ГУСЕВ Владимир Владимирович родился в 1968 году в городе Балашове Саратовской области. С 1986 по 1988 годы проходил службу в войсках Дальневосточного пограничного округа. В 1991 году окончил Саратовский экономический институт. В 1996 году защитил диссертацию и стал кандидатом экономических наук. Работал старшим преподавателем и доцентом на кафедре экономики и управления на предприятии Саратовского государственного социально-экономического университета. Автор статей и работ в научных журналах. Увлекается историческими изысканиями. Литературным творчеством начал заниматься несколько лет назад. Первые публикации его произведений по истории Волжской Булгарии и Казанского ханства опубликованы в нашем журнале «Аргмак Татарстан».

стр. 127 ЕГОРОВ Николай Дмитриевич родился в 1960 году в Москве. По образованию историк-архивист, кандидат исторических наук. Большую часть жизни проработал в Центральном государственном архиве Советской Армии (ныне Российский государственный военный архив). В настоящее время старший научный сотрудник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына.

стр. 147 КАЛАШНИКОВА Елена Викторовна, родилась 17 декабря 1980 года в городе Буинске республики Татарстан. В школьные годы стихи и небольшие заметки публиковались на страницах газеты Буинского района «Знамя». Почти 17 лет живёт в городе Тетюши РТ. Работает корреспондентом в филиале АО «Татмедиа» «Редакция газеты „Авангард“». Автор двух книг стихов и прозы. Осенью 2019 года принята в Союз российских писателей.

стр. 155 КАН Диана Елисеевна – выдающаяся современная русская поэтесса, чьё имя внесено в библиографический словарь «Русская литература XX века». Автор книг стихотворений «Высокозная весна», «Междуречье», «Подданный русских захолустий», «Обречённые на славу», «Звёзды оклика», «Подорожная» и др., а также множества публикаций в российских и зарубежных литературных и общественно-политических изданиях. Лауреат литературных премий, в том числе премий журнала «Наш современник» (неоднократно). Член редколлегии ряда литературных журналов России, в том числе журнала «Аргмак. Татарстан». Член Союза писателей России. Живёт в Оренбурге.

стр. 96 КРУПИН Владимир Николаевич родился в 1941 году в селе Кильмезь Кировской области. Русский писатель, академик, член Президиума Академии Российской словесности. Автор многих книг и литературных наград, продолжатель классической традиции отечественной прозы в одном ряду с Василием Беловым, Василием Шукшиным, Валентином Распутиным. Лауреат Патриаршей премии имени равноапостольных Кирилла и Мефодия. Член издательского совета журнала «Аргмак. Татарстан». Живёт в Москве

стр. 206 МИЛОВАНОВ Владимир Николаевич родился в 1947 году в исправительно-трудовой колонии в Ютазинском районе ТАССР, куда была депортирована его мать по национальному признаку из Республики немцев Поволжья. Отец – участник финской войны, участник обороны Ленинграда, инвалид ВОВ. Детство и юность прошли в г. Бугульма. В 1965 г. окончил школу с золотой медалью, в 1970 г. – физический факультет Казанского государственного университета (отделение астрономии) с красным дипломом. Научной работой начал заниматься в студенческие годы. С 1970 по 1982гг работал в Астрофизическом институте АН Казахской ССР (г. Алма-Ата). Занимался исследованиями Солнца и солнечной активности на Высокоторной солнечной обсерватории в горах Заилийского Алатау. В 1979 году был признан лучшим молодым учёным Казахстана. В 1980 г. защитил кандидатскую диссертацию в Главной астрономической обсерватории АН СССР (Пулково, г. Ленинград). С 1982 года работал в г. Набережные Челны в политехническом институте на кафедре физики научных руководителей лаборатории волновой оптики и квантовых явлений. После присоединения института к Казанскому Федеральному университету продолжил работу в Набережночелнинском институте КФУ. Стаж научно-педагогической работы – 50 лет. Автор почти 100 научных работ и учебно-методических пособий. Кандидат физико-математических наук, доцент. Сфера научных интересов – от астрофизики и космологии до синергетики и философских проблем естествознания. Последние годы занимается концептуальными проблемами квантовой механики.

стр. 245 МИРАНОВА Гульнара Мирановна родилась в 1982 году в г. Альметьевске Республики Татарстан. Литературным творчеством занимается с детства. Автор семи изданных книг. В июне 2021 года принята в Союз российских писателей.

стр. 182 МУРАТОВ Пётр Юрьевич родился в Казани в 1962 году. После окончания биофака Казанского университета был распределён на НПО «Вектор» под Новосибирском. Кандидат биологических наук. Но-

стальгия по Татарстану способствовала началу писательской деятельности. Автор книги «Встретимся на «Сковородке» (воспоминания о Казанском университете). С начала 90-х годов и поныне – предприниматель. Лауреат премии журнала «Сибирские огни» (Новосибирск). Публиковался в журналах «Аргатак. Татарстан», «Сибирские огни», «Нева», «Сибирский парнас». В 2019 году удостоен почетной грамоты РП за помощь в развитии литературного процесса в Республике Татарстан.

стр. 225 ПРЫТКОВ Геннадий Николаевич – актёр театра и кино, театральным режиссёр, педагог, заслуженный артист России, народный артист России и Татарстана. Родился 25 января 1948 года в селе Левашёво Алексеевского района Татарстана. Окончил Казанское театральное училище. С 1968 года актёр Казанского академического русского Большого драматического театра им. В. И. Качалова. Лауреат Государственной премии Республики Татарстан им. Г. Тукая.

стр. 92 РАЧКОВ Николай Борисович – поэт, секретарь Союза писателей России. Родился 23 сентября 1941 года в селе Кирилловка Арзамасского района Горьковской области. Автор более 20 стихотворных сборников, лауреат всероссийских и международных литературных премий. Академик Петровской академии наук и искусств, Почётный гражданин Ленинградской области. Награждён государственной медалью Пушкина. Живёт в городе Тосно.

стр. 179 РОТОВ Иван родился в 1998 году в г. Волжский Волгоградской области. Закончил бакалавриат Казанского федерального университета по направлению «Отечественная история». Учится в магистратуре на религиоведа. Работает в университетском музее экскурсоводом. Лауреат республиканского молодёжного литературного конкурса «Душой рождённая строка» (2019), победитель поэтического конкурса Хади Такташа (2021). Публиковался в журнале «Идель», в коллективных сборниках.

стр. 110 САХИБЗАДИНОВ Айрат Файзрахманович родился в Казани в 1955 году, служил в армии, учился в Казанском университете, затем закончил Литературный институт имени А.М. Горького. В трудные 90-е годы кем только не работал, дабы прокормить семью, оставаясь при этом признанным мастером реалистической прозы. Автор нескольких книг, отмеченных печатью таланта. Публиковался в еженедельнике «Литературная Россия», в журналах «Топос», «Наш современник», «Казань», «Идель», «Литературная учёба», «Дон», «Флорида», «Московский вестник». Лауреат премии имени Гавриила Державина. Член редколлегии журнала «Аргатак. Татарстан».

стр. 176 СЕЙДАМЕТОВА Карина Константиновна родилась в Самарской области. Автор нескольких поэтических сборников. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Стихи публиковались во многих всероссийских бумажных и электронных общественно-патриотических изданиях: журнале «Наш современник», «Москва», «Роман-журнал XXI век», «Дон» (Ростов-на-Дону), «Родная Кубань» (Краснодар), «Подъём» (Воронеж), «Гостиный двор» (Оренбург), «День и ночь» (Красноярск), «Волга-XXI век» (Саратов), «Русское эхо» (Самара), «ВЕЛИКОРОСЬСЬ», «Простор» (Казахстан) и др. Лауреат поэтической премии им. Ю. Кузнецова. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

стр. 3 ФРОЛОВ Константин Юрьевич родился в 1956 году в городе Урджар Семипалатинской области СССР (ныне Казахстан). Окончил Воронежский государственный университет, пять лет работал директором восьмилетней школы. В 1983 году переехал в Крым, занимался артистической деятельностью, как вокалист, драматург и режиссёр. С 1998 года – основатель дуэтного театра «Улыбка Пьеро», где вторым участником является его жена Вера Петровская. Лауреат многих всероссийских конкурсов, автор книг стихотворений, прозы, путевых заметок, а также публикаций в журналах.

стр. 47 ХАЙРУЛЛИН Камилль Хасанович. Родился в 1946 году в Казани. Литературовед, философ, поэт. Окончил Казанский Государственный университет в 1969 году. Был заведующим и профессором кафедры Казанского педагогического университета. Академик Российской академии

космонавтики имени К.Э. Циолковского. Почётный работник Высшего профессионального образования Российской Федерации. Автор пяти книг, связанных с понятиями космизма и русского космизма, в том числе в отобрании этих понятий в творчестве поэтов и художников, таких, как Александр Блок, Константин Васильев, Виль Мустафина. Автор двух поэтических сборников, соавтор двух нотных сборников песен. Лауреат нескольких литературных премий. Член Союза писателей XXI века.

стр. 28 ХАРИСОВ Ренат Магсумович (Ренат Харис) – Народный поэт Татарстана, автор более сорока книг на татарском, русском, английском, башкирском и чувашском языках. Родился 6 мая 1941 года в семье сельских учителей. Окончил Казанский государственный педагогический университет. Работал учителем, журналистом, ответственным секретарём Союза писателей Татарстана, заместителем министра культуры, заместителем Председателя Госсовета (Парламента) Татарстана. Им написано около четырёх десятков поэм, часть из которых стала операми, балетами, ораториями, кантатами, теле- и радиоспектаклями. На стихи Хариса композиторами Казани, Москвы, Уфы, Саратова и других городов создано более ста пятидесяти произведений вокального жанра. За создание либретто балета «Сказание о Юсуфе», способствующего развитию традиций национального эпоса в современных условиях диалога культур, Ренату Харису присуждена Государственная премия Российской Федерации за 2005 год. Он также является лауреатом Государственной премии Республики Татарстан имени Габдуллы Тукая, Республиканской премии молодёжи Татарстана имени Мусы Джалиля, заслуженным деятелем искусств Татарстана, заслуженным работником культуры Чувашии и Каракалпакии. Ренат Харис – секретарь Правления Союза писателей России, член Геральдического совета при Президенте Татарстана, член редколлегии журналов «Наш современник» и «Казан улары», член Главной редколлегии Татарской Энциклопедии. В Татари издано собрание его сочинений в 7 томах.

стр. 163 ХАТЮШИН Валерий Васильевич – поэт, прозаик, критик, публицист. Родился в 1948 году в г. Ногинске (Богородске) Московской обл. Служил в ракетных войсках в Сибири. Работал на строительстве газопровода «Север – Центр», строил КамАЗ. Первая книга стихотворений «Быть человеком на Земле» вышла в 1982 году. С 1986 г. член Союза писателей СССР и России. Закончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького. Стихи, рассказы и статьи публиковались в журналах «Молодая гвардия», «Москва», «Наш современник», «Слово», «Аврора», «Дон», «Сибирь», «Подъём», «Аргатак», «Родная Ладога», «Берега», «Новая Немига литературная», в альманахе «Академия поэзии». Автор шеститомного собрания сочинений. Лауреат литературных премий им. Сергея Есенина, Марины Цветаевой и Афанасия Фета. А также – Международных литературных премий им. М.А. Шолохова и А.П. Платонова. Награждён Почётной грамотой Министерства культуры Российской Федерации. Более тридцати лет жизни Валерий Хатюшин отдал работе в журнале «Молодая гвардия», из которых последние одиннадцать лет является главным редактором этого русского национально-патриотического издания. Секретарь Союза писателей России.

стр. 18 ШАКИРЗЯНОВА Лена Галимзяновна (Лена Шагирзян) (4 июня 1945–16 января 2017) – татарский поэт, переводчик, публицист, общественный деятель. Заслуженный деятель искусств (2000), народный поэт Республики Татарстан (2016), лауреат литературной премии имени Х. Такташа (2007) и Государственной премии Республики Татарстан имени Г. Тукая (2011).

стр. 34 ШАРИФУЛЛИНА Эльмира Мухаметовна родилась в деревне Дузюково Муслимовского района ТАССР. Закончила педагогическое училище в Мензелинске. Работала директором Дома пионеров в Мамадыше. В 1970 году переехала в Казань. Продолжала трудовую деятельность редактором радиокомитета, позже зав. отделом в редакциях газет и журналов «Яш ленинчы», «Ялкын» и «Магариф». В 1985 году принята в Союз писателей Татарстана. Автор книг стихотворений, прозы и публицистики на родном татарском языке.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

КОНСТАНТИН ФРОЛОВ НЕ БУДИТЕ РУССКОГО МЕДВЕДЯ	3
НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ ГРАЖДАНСКИЕ МОТИВЫ	4

СОБЫТИЯ

ОСВЯЩЕНИЕ ВОССОЗДАННОГО СОБОРА	6
СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВ РИФМЫ РОДНОГО КРАЯ	10
НИКОЛАЙ МАРИШИН ТЕМ, КТО БРАЛ БЕРЛИН	15

ГОД РОДНЫХ ЯЗЫКОВ

ЛЕНА ШАГИРЗЯН ПУТЬ ЗЕРНА	18
РЕНАТ ХАРИС ТУРЕЦКИЙ ВАЛ	28
ЭЛЬМИРА ШАРИФУЛЛИНА КОЛОДЕЦ КАЮМА	34
ЛОРЕНС БЛИНОВ ФОРТЕПИАННАЯ МУЗЫКА	41
САД В ЭССЕНТУКАХ	44

ПОЭТЫ УХОДЯТ – СТИХИ ОСТАЮТСЯ

КАМИЛЬ ХАЙРУЛЛИН «ПРЕКРАСНА ЖИЗНЬ! – ПОКА ОНА В ЗАПАСЕ...»	47
--	----

БОЛДИНО – 2021

АЛЕКСАНДР ВОРОНИН «...ОПЯТЬ ГАРМОНИЕЙ УПЬЮСЬ»	60
---	----

ЛЕГЕНДЫ ЗЕМЛИ КАЗАНСКОЙ

ВЛАДИМИР ГУСЕВ ЗВЕЗДА ВЗОШЛА С ВОСТОКА	65
--	----

ЗВАНЬИЙ ГОСТЬ

НИКОЛАЙ РАЧКОВ ЕЩЁ РУМЯНИТСЯ ЗАРЯ	92
---	----

АНТОЛОГИЯ РАССКАЗА

ВЛАДИМИР КРУПИН СЕНО В СТОГУ	96
БУМАЖНЫЕ ЦЕПИ	98
ЗАСТОЙНЫЕ ВРЕМЕНА	101
АЙДАР САХИБЗАДИНОВ ВАСЯ-ПРЕДТЕЧА	110
ТАКАЯ ЖЕСТОКАЯ	114
И КАЖДЫЙ РАЗ	118
ЖДАНОВА-ЭСПЕРАНТО-НАЗАРБАЕВА	120
КАЗАНСКИЕ ОБЕДЫ	123
НИКОЛАЙ ЕГОРОВ СТАНЦИЯ БЕЛОКАМЕННАЯ	127
ГЕННАДИЙ ГУСАЧЕНКО НА ОСТРОВЕ ДИКОМ	138
ЕЛЕНА КАЛАШНИКОВА ДОРОГА ДОМОЙ	147

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ**НИНА ГОРЮНОВА**

ЧИСТОПОЛЬ – ВОЗРОЖДЕНИЕ 152

ПОЭЗИЯ**ИАНА КАИ**

СУДЬБЫ ЛИРИЧЕСКИЙ ПОДСТРОЧНИК 155

ВАЛЕРИЙ ХАТЮШИН

РОССИЯ ДЕРЖИТСЯ МОЛИТВАМИ 163

КАРИНА СЕЙДАМЕТОВА

ОГНИВО 176

ДЕБЮТ В «АРГАМАКЕ»**ИВАН РОТОВ**

ПО ТУ СТОРОНУ 179

ТЫ, ПОМНИШЬ, ТОВАРИЩ...**ПЁТР МУРАТОВ**

ПОГРЕБ 182

АКТУАЛЬНАЯ ФАНТАСТИКА**ВЛАДИМИР МИЛОВАНОВ**

«ПЯТОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО» АЛЕКСАНДРА ОЛЬШАИСКОВОГО 206

КНИГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫПУСКАЕМ**АЛЕКСАНДР ВОРОИИ.**

МЫ ЖИЛИ В СЧАСТЛИВОЕ ВРЕМЯ 221

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

ПОЗЫВНЫЕ С НЕБЕСНОЙ ЗАСТАВЫ 223

КАЗАИСКОВОЕ ЗАКУЛИСЬЕ**ГЕННАДИЙ ПРЫТКОВ**

АНГЕЛЫ МОИ, ХРАИИТЕЛИ 225

АФОРИЗМЫ И МАКСИМЫ**АЛЕКСАНДР БАБАЕВ**

ПОСОХ ИДУЩЕМУ 237

МАМА, ПОЧИТАЙ...**ГУЛЬНАРА МИРАИОВА**

ДВЕ СКАЗКИ 245

МАША ГУБАИОВА

В МАГАЗИИ ПОСЛАЛИ ЗИИУ 249

НАШИ АВТОРЫ

.....

ПЕРВАЯ СТРАИИЦА ОБЛОЖКИ: ИЗ БОЛДИИ В «АРГАМАК». Фото Ю. ТАБУИКИИ**ПЕРВАЯ ЦВЕТИИА ВКЛЕЙКА: БОЛДИИ – 2021. Фото А. ВОРОИИИ, Д. КАИ, Ю. ТАБУИКИИ****ВТОРАЯ ЦВЕТИИА ВКЛЕЙКА: ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ... ЧИСТОПОЛЬ – ВОЗРОЖДЕНИЕ...****Репродукции ЕЛЕНЬ ШИЛИИИИ**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Учредитель

АО «Татмедиа»

420016, г. Казань, ул. Декабристов,
д. 2. Тел.: (8-843) 222-09-84

Адрес редакции:

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Издатель:

**Татарстанское отделение
Союза российских писателей**

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Представительство в Москве:

8-966-380-04-00

Ларина Ксения Владимировна

Подписано в печать 15.07.2021 г.

Дата выхода в свет 20.08.2021 г.

Формат 70x100^{1/16};

Печать офсетная. Бумага ВХИ.

Усл. печ. л. 18,15. Тираж 1000 экз.

Заказ

Цена свободная

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии филиала

АО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс»

420066, Казань, ул. Декабристов, 2

Со всеми номерами литературного журнала «Аргамак. Татарстан» можно познакомиться на сайте Татарстанского отделения Союза российских писателей www.srpknz.ru, в соцсетях, в «Журнальном зале» и в Библиофонде НООБИБЛИОН (Эссе-клуб ОМ).

Рукописи принимаются по адресу: anp45@mail.ru. Желательны фотография и краткая биографическая справка.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Читательские письма и предложения могут быть опубликованы в альманахе. Ответственность за достоверность информации несут авторы материалов. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Аргамак. Татарстан» обязательна.

Для приобретения номера и размещения рекламы социальной направленности обращайтесь: e-mail: anp45@mail.ru, тел.: (8-8552) 58-13-71; 8-927-241-01-19.

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ

20 июня нынешнего года в Москве на 66-ом году завершила свой земной путь Инна Валерьевна Лимонова, член Союзов писателей СССР и республики Татарстан, поэтесса, прозаик, драматург, общественный деятель. Её талант проявлялся в умении даже о себе сказать всё в одном стихотворении:

*Льняная скатерть утреннего луга.
Туман окутал речки синеву.
Полувосторга крик, полуиспуга:
«Простудишься!» Но я уже плыву...
Меня речным течением относит.
Тебя не слышно. Голубеет высь.
И незнакомый голос тихо просит:
«Вернись ко мне! Вернись ко мне! Вернись...»*

Теперь уже не вернётся. Как бы мы не просили...

Мы — это друзья из Набережных Челнов, Елабуги, Казани, Челябинска (родного города Инны), Москвы, из других городов. У неё было и осталось много друзей...

В шестнадцатилетнем возрасте, по комсомольской путёвке Инна Лимонова приехала на левый берег Камы строить КамАЗ. Здесь училась в ПТУ, работала плиточницей-мозаичницей, вместе с единомышленниками создавала творческую атмосферу будущего города-полумиллионника. При её активном участии в Набережных Челнах возникли и работали легендарное литературное объединение «Орфей», театр-студия «Ника», городская писательская организация. В 1982 году она успешно окончила заочное отделение Литературного института имени А.М. Горького. В девяностые годы вместе с первым в городе коммерческим банком «Континент» (председатель правления Л.Г. Онушко) Инна Валерьевна создала и возглавила в Елабуге музей Марины Цветаевой, потом переехала в Москву, работала редактором в журналах «Российская провинция», «Дорожный патруль», в издательстве «Лимбус-Пресс».

В «Аргмаке» публиковались её стихи и автобиографическая повесть «Мой бешеный скоростной». Инна была членом редколлегии нашего журнала.

Упокой, Господи, душу рабы твоей...

Викентий ЛУКИЯНОВ. «ВЕЧЕР НА КАМЕ», х.м., 50×60